

ВЪВЕДЕНИЕ
КОНАН

КОНАН И СЛЕД ИСПОЛИНА

САГА О КОНАНЕ

КОНАН И ЧЕТЫРЕ СТИХИИ 1	КОНАН И БОГИ ТЬМЫ 2	КОНАН И МЕЧ КОЛДУНА 3	КОНАН БРОСАЕТ ВЫЗОВ 4	КОНАН И ПОВЕЛИТЕЛИ ПЕЩЕР 5	КОНАН И ПЕСНЯ СНЕГОВ 6	КОНАН И НЕБЕСНАЯ СЕКИРА 7
КОНАН НА ДОРОЖЕ КОРОЛЕЙ 8	КОНАН ПРИНИМАЕТ БОЙ 9	КОНАН И КАРУСЕЛЬ БОГОВ 10	КОНАН И ДАР МИТРЫ 11	КОНАН И НОЧНЫЕ КЛИНКИ 12	КОНАН И ГРОТ ДАЙОМЫ 13	КОНАН И ЗЕРКАЛО ГРИДУЩЕГО 14
КОНАН И ВРЕМЯ ЖАЛЯЩИХ СТРЕЛ 15	КОНАН И ПИСЬ ВОЙНЫ (НЕ ИЗДАНО) 16	КОНАН И ТАЛИСМАН ЗАА (НЕ ИЗДАНО) 17	КОНАН И БИЧ НЕРТАЛА 18	КОНАН И ГОРОД ПЛАЧЕННЫХ ДУШ 19	КОНАН И ИСТОЧНИК СУДЕБ 20	КОНАН И СЕРАЦИЯ АРИМАНА 21
КОНАН И БАГРОВОЕ ОКО 22	КОНАН И ПРИЗРАКИ ПРОШЛОГО 23	КОНАН И ВОИНСТВО МРАКА 24	КОНАН ВАРНАР ИЗ КИММЕРИИ 25	КОНАН И РЫЖИЙ ЯСТРЕБ 26	КОНАН И ПЛАЧНИКИ БЕЗДНЫ 27	КОНАН И ЗАГОВОР ТЕНЕЙ 28
КОНАН И КОПЬЕ КРОМА 29	КОНАН И ВРАТА ВЕЧНОСТИ 30	КОНАН И АЛМАЗНЫЙ ЛАБИРИНТ 31	КОНАН И РАСКОЛОТЫЙ ИДОЛ 32	КОНАН И ЧАША БЕССМЕРТИЯ 33	КОНАН И ЛЕДЯНОЙ СТРАЖ 34	КОНАН И ТОРГОВЦЫ ГРЕЗАМИ 35
КОНАН И АЛТАРЬ ПОБЕДЫ 36	КОНАН И БИТВА БЕССМЕРТНЫХ 37	КОНАН И ПОЖИРАТЕЛИ ПЛОТИ 38	КОНАН И БЕРЕГ ПРОКЛЯТЫХ 39	КОНАН И ОКОВЫ БЕЗМОЛВИЯ 40	КОНАН И ВЛАДЫЧИЦА НЕБЕС 41	КОНАН И ДРЕВО МИРОВ 42

«Реми»

КОНАН И СЛЕД ИСПОЛИНА

ИЗДАТЕЛЬСТВО «СЕВЕРО-ЗАПАД ПРЕСС»
Москва • Санкт-Петербург • 2001

УДК 820(73)
ББК 84(7США)
Н 45

Серия основана в 1993 году

Серийное оформление Дмитрия Вяземского

В оформлении обложки использована работа Frank Frazetta.

Авторские права защищены. Запрещается воспроизведение этой книги или любой ее части, в любой форме, в средствах массовой информации. Любые попытки нарушения закона будут преследоваться в судебном порядке.

Нейл П., О'Найт Н., Хьюз Н.

Н45 Конан и след исполина: Роман, повесть. — М.: ООО «Издательство АСТ»; СПб.: «Северо-Запад Пресс», 2001. — 480 с. — (Конан).

ISBN 5-17-003324-9 (ООО «Издательство АСТ»)

ISBN 5-93698-037-5 («Северо-Запад Пресс»)

В горах и в пустынях, среди смертельных опасностей джунглей и болот ищет свою судьбу бесстрашный воин-киммериец. Во имя священной мести, он преследует мага, выходя из Запредельной тьмы, в романе Питера Нейла «След исполина»...

В эту книгу «Саги о Конане» также вошла повесть «Сердце врага» Натали О'Найт и Нормана Хьюза, первая из цикла «Наемники Короны».

УДК 820(73)
ББК 84(7США)

© Д. Вяземский, серийное оформление, 1999
© «Северо-Запад Пресс», составление
и подготовка текста, 2000

Пролог

Колдун восседал на высоком троне, уперев локти в колени и придерживая подбородок вытянутыми пальцами. Его глаза, утопавшие в темных глазницах, вспыхивали и мерцали, точно молнии, наполовину скрытые мрачными грозовыми тучами.

Как обычно, на нем была черная мантия старинного покроя; по бокам от возвышения стояли медные светильники с курящимися благовониями, на стене висели массивные факелы, а на низких столиках горели небольшие масляные лампы. И все же зал казался погруженным во мрак, а воздух был наполнен запахом волшебства — ароматом клейкой смолы, ладана и рассыпавшихся от времени фолиантов.

Облаченный в черную мантию колдун молчал; и человек, который стоял перед ним в одиночестве и оттого чувствовал себя незащищенным, ощущал в этом тяжелом молчании ярость

надвигающейся бури. Вспышки желтых глаз были стократ выразительнее всяких слов.

Наконец тишина была нарушена.

— Ты предал меня.— Шипящий с посвистом голос мага, хотя и оставался сдержанным и спокойным, был наполнен злобой и гневом. Голос этот не создавал эха; казалось, он достигал лишь теней, отброшенных неверным огнем факелов.

— Ты предал меня, Дестан Болард,— продолжал колдун.— Несмотря на все твои напыщенные и хвастливые обещания, ты ничего не добился за три месяца службы.

Дестан Болард не смог бы возразить на такое обвинение. Но на него нахлынула волна ярости, ощущение гнева и обиды на этого проклятого некроманта, который пытается оклеветать его честь.

— Где то, ради чего я нанял тебя? — неумолимо продолжал маг.— Почему ты не нашел это, как обещал?

Болард покраснел. Разгневанный, он сделал шаг вперед, бросая вызов волшебнику и его теням.

— А ты, Усхор? — с жаром произнес он.— За эти три месяца, несмотря на свое дутое волшебство, ты так и не сумел определить, где же находится Кольцо, если не считать неясных знаков, судя по которым, его следует искать в южной части Кофа. Ха! Да знаешь ли ты, на сколько лиг простирается эта страна, и сколько в ней городишек, городов, деревней и крепостей, которые мне пришлось бы обшаривать?

— Молчать! — Голос Усхора, произнесшего всего одно слово, был подобен звону железного гонга. Он поднялся с трона — высокий, в черной мантии, он стоял на возвышении трона и взирал сверху вниз на Боларда с презрением и злобой. Его истонченные черты, тонкие, высохшие руки и шея — все указывало на его истинную силу — волшебную силу многовековой давности. Но, несмотря на свой нечеловеческий возраст, Усхор не принадлежал к тем, кто мог долго сдерживать гнев и не насладиться зрелищем мук, который испытывает наказуемый... а теперь он был готов наказывать.

— Я дал тебе достаточно времени, Болард — более, чем достаточно. Я платил тебе золотом не за то, чтобы твои воины бесцельно шатались по стране, грабя жителей и предаваясь разврату. Если бы ты почаще напоминал им о цели поисков, они, возможно, достигли бы успеха. Ты слишком долго водил меня за нос, Болард. Но больше я не намерен терпеть твою беспомощность.

Гнев наемника внезапно сменился тревогой, он почувствовал близость опасных сил, встающих против него.

— Но... возможно, Кольца вообще не существует! — воскликнул он.— Ведь если бы это было не так, другие маги наверняка бы уже нашли его.

— Кольцо существует, глупец... в этом нет никаких сомнений. Кольцо намного реальнее, чем ты или я — чем все это племя копошащихся червей, которое называет себя человечеством.

Кольцо пережило Ахерон, и даже королевство атлантов. Оно гораздо древнее этого трона из оникса, древнее этой крепости, оно древнее снов, которые видели эти горы! Волшебники завладели Кольцом еще до меня, но они потеряли его, потому что их мудрость не могла постичь тайн Кольца, а воля его темного духа оказалась гораздо сильнее их воли. Неужели ты, Болард, простой смертный, думаешь, что сумеешь найти его, просто галопируя по деревням, позволяя своим людям грабить и время от времени запутывая какую-нибудь старую каргу или древнего грамотея? Да, Болард, мне известны твои методы, если их вообще можно так назвать — я наблюдал за тобой, хотя был далеко!

Болард побледнел. Им овладел страх, а затем чувство стыда, и, наконец все эти эмоции снова сменились гневом. Усхор усмехнулся.

— Ты предал своего повелителя в Коринфии, — произнес волшебник. — С тех пор ты безуспешно пытаешься доказать всем, что ты благородный воин. А теперь ты предал меня. Тебя могут выслать из Коринфии, а воины других стран будут против того, чтобы ты служил вместе с ними — но сейчас ты предал меня, Дестан Болард. А мне требуется более аккуратная служба, чем любым королям и военачальникам.

Болард бессознательно тронул правой рукой рукоятку меча.

Усхор засмеялся — и его пугающий смех был бездушным, злобным и мощным — смех гиганта, стоящего рядом с блохой.

— Твой меч здесь обладает такой же силой, как вода, Дестан Болард. Достань его и увидишь!

Болард был бы совсем не против опробовать свой меч на этом насмешнике, однако он боялся, что тогда Усхор тут же ударит по нему силой своей магии, и он, Болард, будет навечно проклят. Он не хотел дразнить колдуна. Вернее сказать, не осмеливался. Сейчас он хотел жить, может быть, для того, чтобы выиграть один день и загладить ссору.

Усхор захохотал и отвернулся от Боларда, снова усаживаясь на трон из черного оникса.

— Какой же ты трус, — прошипел маг. — Не понимаю, как это ты вообще носил в Коринфии оружие и доспехи.

Болард стиснул зубы.

— Ты пытаешься довести меня, Усхор, — проворчал Болард.

— Я? Какая ерунда. Увы, я слишком стар и слишком мудр для таких вещей.

Болард сделал глубокий вдох. Кажется, можно расслабиться. Опасность как будто миновала, противостояние — битва умов — завершилась.

— Раз тебе больше не нужны мои услуги, я ухожу, Усхор.

И воин быстро развернулся на пятках и направился к массивной двери.

Усхор окликнул его:

— И ты не попросишь у меня золота?

Болард повернулся; глаза его сузились.

— Или ты настолько напуган, Дестан? Ты боишься, что, если ты спросишь меня о расчете за

твои услуги, я могу разъяриться и отправить тебя в ад? Ты этого боишься, Болард?

Внезапно наемника поглотила волна стыда. Он почувствовал смятение; гордость и гнев боролись в нем со страхом; он не знал — уйти ему или броситься на мага с обнаженным мечом.

— Да ты просто ребенок, Болард,— прошипел Усхор злорадным голосом.— Ты просто ребенок... ребенок, который заслуживает наказания.

Болард замер, внимательно следя за волшебником. Тот приподнял одну руку, слегка пошевелил пальцем. В тот же миг пламя в медных светильниках как будто потухло, а затем на короткое мгновение, за которое сердце стукнуло всего лишь раз, пол в зале закачался и затрясся. Дестан стоял на ногах твердо, хотя и почувствовал, как к горлу подступила тошнота.

Затем это ощущение прошло, и Болард уже едва осознавал, было ли вообще что-то необычное. И все-таки...

— Что ты сделал? Усхор, что ты сделал?

Волшебник больше не смеялся и не злорадствовал; его жгучие желтые глаза, полные ненависти, вспыхнули снова.

Болард покрылся холодным потом, он был готов умолять — или убивать.

— Что ты сделал, колдун?

Усхор втянул губами пропитанный ладаном воздух, словно смакуя, и произнес:

— Посмотри в зеркало, непокорный. Посмотри — и увидишь, что ты получил за свое предательство.

— Что ты сделал? — спотыкаясь, Болард закружил по комнате — он был настолько встревожен, что ноги не могли найти на каменных плитах твердой опоры. Он взглянул в одну сторону, затем в другую, но все расплывалось у него перед глазами. Его ноздри почувствовали странный запах; как будто что-то произошло и со слухом; во рту стало неприятно сухо, а в глазах то мутнело, то прояснялось...

В какой-то миг он заметил свое отражение в отполированном серебряном зеркале. Оттуда, с другого конца комнаты, на него смотрел Болард — другой Болард, который показался ему вдруг ужасным. Болард, у которого было человеческое туловище, облаченное в коринфийские доспехи, и уродливое... нечеловеческое лицо...

— Что ты со мной сделал? Усхор!

Усхор усмехнулся — он наблюдал за Болардом горящими глазами, положив руки на подлокотники трона.

— Что ты...

Болард задохнулся от гнева. Он отвернулся от зеркала и своими мощными руками схватился за рукоять меча. Стальной меч затрепетал и загудел, когда его извлекли из ножен — и Болард, крича от ужаса, бросился вперед, чтобы громить и убивать.

Атака была настолько быстрой, что даже Усхор оказался не готов к ней. Волшебник успел лишь пробормотать защитное заклинание и выбросить вперед тощую руку. Меч Боларда вонзился прямо в предплечье волшебника и зазвенел,

ударившись о кость — а маг зарычал, сплюнул и отдернул руку.

Крови не было. Кость даже не треснула. Единственным результатом нападения был тонкий разрез на рукаве черной мантии мага.

— Болван! — Усхор схватил за лезвие и принялся выкручивать его. Меч, который стал мягким, как виноградная лоза, закрутился и вскоре был превращен в никчемный моток стали.

Болард со страхом отступил — его гнев и ярость улетучились. Он попытался к двери; раскусок его по-прежнему был помутнен — все плыло у него перед глазами, в том числе и Усхор, поднявшийся с трона... неожиданно у главного входа что-то прогремело и от этого звука какая-то часть сознания вернулась к Боларду. Он вдруг отбросил бесполезный меч, толкнул тяжелую дверь и криком позвал своих солдат.

Усхор не двинулся с места. Он знал о шести воинах, которых Болард привел с собой в качестве охраны. И в то же мгновение они ворвались в зал, шесть вооруженных, облаченных в доспехи негодяев, стремительных и жаждущих крови.

В полумраке зала никто из них не заметил, что Болард стал другим — настолько они привыкли к его голосу и готовы были слепо выполнять его приказы.

Усхор рассмеялся.

— Остерегайтесь дыма! — крикнул он воинам. — Он уничтожит вас!

Воины успели добежать до середины зала, когда их остановил жирный дым, выползающий из

медных светильников. Солдатам вдруг стало казаться, что серо-голубые струи дымки искажаются и принимают формы ужасных существ. Один солдат пронзительно закричал — огромная змея длиной в два человеческих роста сползла с треножника и вонзила зубы ему в грудь. Он ударил змею мечом, но не причинил ей никакого вреда — как будто меч проходил сквозь воздух. Второй и третий солдат вступили в схватку с огромной когтистой лапой, но он обвилась вокруг их голов и задушила на месте. Еще двое воинов отважно выступили против огромной головы, но, не успели они взмахнуть мечами, как изголодавшаяся пасть монстра поглотила их. Последний наемник был убит растущим на глазах цветком, который обхватил солдата и своими лепестками, утыканными иглами, похожими на зубы, высосал из него все жизненные соки.

Через мгновение все было кончено. Болард, объятый ужасом, стоял, прислонившись спиной к дверному косяку — только что на его глазах в считанные секунды были убиты шесть сильных и отважных воинов — да, с тех пор, как они столкнулись с клубами дыма, поднимающимися из светильников, прошло лишь несколько мгновений. Лица воинов застыли в предсмертной маске ужаса, их мышцы безмерно напряглись в попытке противостоять нападающим существам. И, тем не менее ни на одном теле не было следов ран. Болард, на мгновение забыв о собственной беде, задрожал и покрылся холодным потом.

Усхор вытянул руку.

— Поди прочь, Болард. Ты все равно не сможешь натравить на меня своих солдат. Твоя жалкая армия бросит тебя еще до заката солнца. Ни один из них, глянув на тебя, не справится с ужасом, потому что ты выглядишь хуже самых отвратительных представителей человечества. Убейся — или я медленно убью тебя, а затем снова и снова буду опускать твою душу в самое чрево преисподней!

Пошатываясь, Болард вышел за дверь, но затем обернулся, и, вскинув кулак в сторону Усхора, взревел с бешенством и ненавистью:

— Я найду Кольцо, волшебник — клянусь, я найду его!

Усхор не шевельнулся и не ответил.

— Я найду его! — слова оборвались в вопле страдания; неверными шагами Болард вышел из зала, всхлиывая и сыпя проклятиями.

Темной, одинокой фигурой Усхор недвижно продолжал стоять на возвышении трона; вокруг клубился дым, а его тень темным пятном лежала на телах, вытянутых на каменных плитах.

Волшебник молча поднял правую руку; в зале стало темнее, и из глубоких теней поползли приземистые, черные как сажа фигуры, похожие на горбатых карликов с остроконечными ушами и сверкающими зелеными глазами. Не издавая ни звука, они схватили мертвые тела и утащили их прочь, в темное царство теней.

Факела ярко вспыхнули, и в зале стало светлее. Ничто не указывало на недавнее присутствие мертвых тел и сгорбленных карликов.

Усхор спустился с возвышения и подошел к серебряному зеркалу. Пристально глядя на его поверхность, он злобно прошипел:

— Кольцо. Покажи мне Кольцо. Где Кольцо?

Все без толку. Древние служители Энкату спрятали Кольцо слишком хорошо, слишком тщательно в течение многих лет скрывали его с помощью защитных заклинаний. И Усхор, который лишь недавно пробудился от многовекового сна, пока еще обрел слишком мало волшебной силы, чтобы сломить эту магическую защиту.

— Покажи мне Кольцо!

Он ухватился когтистыми пальцами за края зеркала. Его глаза горели яростней, чем в те мгновения, когда он убивал солдат Боларда. Тело сотряслось в ужасной судороге — он сконцентрировал усилия и попытался еще раз разрушить древние чары, прячущие кольцо Энкату.

— Покажи... мне... Кольцо!

И вдруг — хотя от напряжения у Усхора все плыло перед глазами, хотя его ноги дрожали, мышцы на худых руках вспучились, а вены вздулись, точно готовы были взорваться — благодаря столь мощной концентрации в зеркале мелькнуло изображение. В блестящей, затуманенной глубине зеркала показалось неясное, мерцающее изображение города — города, обнесенной стеной и темнеющего на зеленой равнине.

Усхор попытался сосредоточить внимание еще сильнее, но было поздно — картинка исчезла. Пропала. Но там был город. Да, город — и Усхор узнал его.

Он расслабился, тяжело облокотился о стол, едва не падая в обморок от недавнего напряжения, затем медленно двинулся по голым каменным плитам пола к своему трону. Он знал, что этот город находился всего в нескольких днях пути от его крепости.

Скоро Кольцо будет у него.

Глава 1. Поход

Внаружи, за стенами таверны свирепствовала неистовая буря. Дождь лил уже три дня, а сегодня он превратился в ливень. Огромные серые облака заслоняли ночное небо; молнии сверкали в бешеной пляске, освещая затененные земли, куда не мог добраться свет луны и звезд. Множество мелких речушек, берущих начало с южных земель Кофа, вздулись так сильно, что готовы были выйти из своих берегов; на дорогах, пересекавших равнины, в грязи увязали повозки, а лошадям и людям приходилось пробираться в жидкой грязи, которая доходила им до лодыжек.

А тем временем в таверне, которая располагалась на отшибе у дороги между городом и лугом, собрались мужчины и женщины — они пили, сытно ели и на все лады ругали грозу. Таверна была заполонена путешественниками, нашедшими здесь приют за эти три дня. Но, несмотря

на то, что народу набилось здесь многовато, это были в основном удачливые путники, ради которых хозяин гостиницы в течение всего года пополнял запасы выпивки и продовольствия. Так и в эту ночь — хотя снаружи неистовал весенний паводок, пестрая толпа, собравшаяся в таверне Ассара, шумно пировала и веселилась.

В этой толпе все смешалось: испещренные шрамами наемники, завербованные в разных странах, пили вместе с кофийскими солдатами, облаченными в доспехи. Горожан здесь было мало: пара торговцев, а также незадачливая знатная дама со служанками, которым приходилось сидеть за одним столом вместе с неряшливыми крестьянскими девушками, которые вели себя чересчур раскованно. Всем, кто был в таверне, волей-неволей, приходилось слушать унылое заывание брэнчащего на лютне песенника в обносках — молодого немедийца, не сумевшего найти приют ни в одном замке — и это неудивительно, учитывая, что даже собаки, выпрашивающие у очага объедки, лаяли и скулили гораздо мелодичнее.

Кто-то из мужчин грубым, хриплым голосом потребовал еще пива; другой звал служанку поразвлечься; в это время третий орал на брэнчащего на лютне немедийца и наставлял — грубовато, но весьма добродушно — как тому получить больше выгоды от своего инструмента.

— А коли ты так сделаешь, тут тебе и денюжки — пойдешь да подлечи свой голос кружкой вина! — Путник взглянул на толпу, грубо ухмыль-

нулся, затем повернулся к высокому молодому человеку, который стоял возле большого очага.

— Эй... ты тоже, парень — выпил бы да поселился, а то больно кислая у тебя физиономия.

Молодой человек — его звали Иллес — пропустил это замечание мимо ушей. Это был симпатичный парень, облаченный в неплохую кольчугу и украшенный вышивкой плащ. Все это время он безуспешно старался привлечь внимание постояльцев. Он появился в таверне недавно — его волосы и одежда были еще влажными, но и такой сильный дождь, как тот, что лил снаружи, не смог умерить пыл речей этого юноши. Иллес набирал наемников; он упрашивал этих горячих, добродушных и пьяных людей — в основном солдат — отставить кружки в сторону и поднять мечи, чтобы сразиться за некоего барона Орина, которого незаконно лишили владений.

— Иллес! — крикнул ему кто-то. — Ты сказал свое слово, я мы тебя терпеливо выслушали. А теперь последуй-ка доброму совету — успокойся да выпей-ка с нами кружку вина. Никто не пойдет с тобой на войну в такую ночь, как эта!

— Да вы все трусы, что ли? — резко произнес Иллес; он надеялся разозлить их, но в ответ услышал лишь насмешливые крики. — Неужели... неужели вы думаете, что Орин не сможет заплатить вам? Вы же солдаты, и разве настолько богаты, чтобы отказываться от денег из-за плохой погоды?

— Ты сам себе портишь настроение, Иллес. Сядь лучше да выпей!

Юноша сделал раздраженный жест рукой.

— Вы мне отвратительны — вы сидите здесь, как свиньи, лакающие пойло, в то время как могли бы заслужить золото и богатства. Лагерь Орина находится всего в двух днях пути, и он уже готов платить всем подряд, лишь бы только пополнить ряды своих воинов. Неужели вы не поможете ему вернуть свои владения и прогнать грязного колдуна, который ограбил его город?

— Колдуна, говоришь? — откликнулся из дальнего угла воин с худощавым лицом. — Парень, кажется, ты просишь нас выступить с мечами против волшебства?

В сторону молодого человека повернулось множество лиц, и царивший в таверне беспорядочный гул стал тише. Иллес тяжело вздохнул и воздел руки, словно благодаря за то, что впервые за этот вечер ему удалось привлечь к себе хоть немного внимания.

— Что ж, согласен, — проговорил он. — Подождите... выслушайте меня. Этот маг действительно разбил армию Орина...

Его голос потонул в шуме толпы — люди кричали, свистели и вели ему либо заткнуться и сесть за стол, либо убираться вон.

Иллес закипел от злости.

— Я предлагаю вам золото! — закричал он. — Неужели вы так испугались, что...

Но все было бесполезно. Мимо пробежала служанка, и Иллес схватил с ее подноса кружку с вином, чувствуя, что ему просто необходимо охладить свое пересохшее горло.

— С тебя монета, парень, — сказал из-за своей стойки Ассар.

Иллес вытащил из своего кошелька монету и гневно швырнул ее на стойку.

Таверна снова наполнилась шумом и выкриками, даже более громкими, чем раньше. Песеннику-немедийцу велели прекратить свои песнопения под страхом смерти, и он принялся за ножку птицы; толстая служанка перестала противиться уговорам бродяги и уселась к нему на колени.

Иллес, так и не присев, допил свое вино. Ему стало тепло и комфортно, и, хотя глоток спиртного притупил его гнев, он все еще чувствовал возбуждение. Наконец он оставил кружку и с новыми силами принялся за свое дело.

— Парни... парни! Неужели ни один из вас не поможет Орину в его беде? Путь не так далек, а вас ждет награда...

Его голос вновь был заглушен, но на этот раз шумом, который донесся из-за открывшейся двери таверны.

В зал ворвались ветер и дождь, а вместе с ними — холод и промозглая сырость.

Раздались сердитые голоса людей, требующих, чтобы пришедший поскорее вошел внутрь и прикрыл за собой дверь. Посетитель, одетый в насквозь промокший серый плащ, с шумом закрыл дверь и принялся стряхивать с сапог воду.

— Проходи, проходи, прошу тебя, — закричал из-за своей стойки Ассар. — Садись у огня, я принесу вина. Будешь говядину или дичь?

Половина посетителей разом обернулись и уставились на посетителя, прицениваясь и решая, достоин ли он присоединиться к их бравой компании.

— Ну и здоровяк,— заметил остроносый парень.

— Не говори, откуда только взялся такой...— с набитым ртом высказался его тучный приятель.

Новоприбывший ответил Ассару:

— Да, мяса и вина, да побыстрее.

Мужчина, скинув насквозь промокший плащ, опустился на скамью, и она натужно скрипнула под тяжестью мощного тела. Он выжал воду из связанных в хвост длинных черных волос и настороженным взглядом бывшего воина обвел притихшую таверну.

Хриплые голоса стали тише и наконец, в таверне воцарилось полное молчание. Иллес, воспользовавшись моментом, вновь принялся за свое:

— И вновь я призываю вас...

Но тут к юноше подошел Ассар и сердито покачал головой.

— Хватит,— угрожающе прошептал он.— Прекрати испытывать их терпение.

Затем хозяин повернулся к гостю и поставил перед ним тарелку дымящегося мяса и кружку холодного вина. Мужчина поднял на него глаза.

— Сколько?

— Ммм... пять медяков, за все. Долго ли длилось твое путешествие?

— Седмицу по дороге, а последние три дня — в этом аду бесконечного дождя. Спасибо за огонь, а то я продрог до костей! У тебя есть свободная комната?

— Увы, нет. Только конюшня...

— Пускай конюшня. Кто-нибудь позаботится о моей лошади? Она устала не меньше моего, кроме того, споткнулась в колее.

— Надеюсь, она не пострадала?

— Ничего серьезного, но ей нужно отдохнуть и поесть.

— Мой сын позаботится о твоей лошади. Гинкар! — крикнул хозяин и из задней комнаты вышел юноша.— Там, снаружи, лошадь...

— Чалая в яблоках,— сказал черноволосый.

— Чалая в яблоках. Живей, живей!

Гинкар шепотом выругался, накинул плащ и исчез за дверью.

— Еще что-нибудь угодно?

— Все в порядке. Впрочем, можете принести еще вина.

— Конечно...

Тем временем неугомонный Иллес, несмотря на предупреждение Ассара, вновь призывно закричал:

— Воины, я вновь обращаюсь к вам! Барон Орин даст вам золото и приведет к несметным сокровищам. Неужели вам этого мало?

Черноволосый гигант, который, ловко орудуя ножом, отрезал от своего мяса куски, прервал вдруг свое занятие и взглянул на Иллеса.

— О чем это ты говоришь, парень?

Иллес замолк, обернулся к нему и принялся объяснять:

— Барон Орин пытается вернуть себе свое владение — Сафад. Он лишился большей части своих воинов и поэтому послал меня и других набрать как можно больше наемников. А все эти бродяги... — Иллес повысил голос, — всего лишь хвастуны и пустозвоны, а не солдаты, какими они себя считают.

— Я докажу, что это не так, если тебе так хочется — на мечах или без них! — прорычал один из постояльцев, однако Иллес и ухом не повел.

— Как же так случилось, — проговорил черноволосый, — что твой Орин потерял свой город? Разве в Южном Кофе идут сражения? Я ничего не слышал...

— Расскажи ему о колдуне, Иллес! — раздался хриплый голос из другого угла комнаты. — Ему это понравится!

Остальные засмеялись грубым смехом. Но эти слова как будто совсем не взволновали гиганта.

— Колдовство?

— Да, господин. — Иллес нервно глотнул. — Я как раз собирался сказать, что Сафад захватил маг по имени Усхор. Барон Орин оборонялся очень стойко, но ему и уцелевшим воинам все равно пришлось оставить город. Это произошло всего восемь дней назад. И теперь нам нужны воины...

— Точнее, вам нужны наемники. Что ж, удачи. Кажется, их тут предостаточно. — Его глаза насмешливо сверкнули.

В сердце Иллеса затеплилась надежда.

— Я вижу, ты носишь меч, — произнес он. — Значит, ты воин?

— Да, мне приходилось воевать.

— Могу я узнать твое имя? — спросил Иллес.

— Конан, — ответил черноволосый, запивая мясо добрым глотком вина. — Еще меня называют киммерийцем, ибо я родом из тех краев.

— Так ты присоединишься к армии Орина, Конан-киммериец?

Северянин помолчал, обдумывая предложение, а Иллес напряженно ждал ответа, надеясь, что если ему удастся заполучить хотя бы одного наемника, другим станет стыдно и они последуют его примеру.

— Твой господин платит хорошо?

— Да, и очень щедро. Золото у него в лагере, и в самом Сафаде, во дворце нас ждут несметные сокровища.

— У него сильное войско?

— По количеству оно весьма далеко от совершенства. Но если говорить об отваге, то думаю, что каждый из наших воинов стоит троих бродяг, которые собрались в этой таверне.

Конан усмехнулся; Иллес явно не остановится до тех пор, пока не пристыдит этих парней.

— И все-таки я хочу напомнить, — продолжал он, — что мы выступаем против сильного колдовства. Наша армия была разбита демоническими воинами, вызванными магией этого колдуна.

Конан пожал мощными плечами и допил вино.

— С врагом всегда можно сразиться, и неважно, какое у него оружие. Мне приходилось иметь дело с колдунами, я ненавижу эту гнилую породу!..

Он с грохотом опустил пустую кружку на стол и потребовал еще вина.

— Так ты присоединишься к нам?

— Ради золота... да, Иллес. Мой кошелёк сейчас пуст... И еще — ради того чтобы попробовать отправить в преисподню еще одно отродье мрака!

Иллес услышал наконец то, чего так ждал: у него появился новобранец! Он тут же повернулся к остальным.

— Эй вы, псы! — громко крикнул он. — Я нашел себе настоящего воина! Вам, трусам, должно быть стыдно слышать это. Конан из Киммерии сразится за Орина! Ну, кто из вас встанет и докажет, что он не трус?

Иллес замолк; он горел энтузиазмом и был очень горд собой. Мельком он взглянул на Конана и увидел, что тот снова усмехнулся, словно подшучивая над ним. И никто в таверне по-прежнему не изъявлял страстного желания обнажить меч за его господина. Иллес нахмурился, оглядывая безучастные и ухмыляющиеся физиономии.

— Вы, тупые болваны! Что это с вами? Неужели вы настолько отупели, что никому больше не нужно золото?! И у вас в жилах не кровь, а болотная жижа, если вас не радует возможность опробовать меч в доброй схватке?..

В первый миг показалось, что эту его речь ждет тот же результат, что и все предыдущие, и он заработает лишь презрение и насмешки, но неожиданно вперед вышел крупный мужчина — плотный, но мускулистый, с густой светлой бородой и взглядом, больше подходящим деревенскому старосте, чем воину.

Он радостно улыбнулся и посмотрел на Конана — в глазах его сверкала обезоруживающая искорка.

— Сдается мне, я слышал твое имя, воин! — произнес он. — Клянусь Митрой, никогда не думал, что своими глазами увижу того самого киммерийца, о котором мне столько рассказывали приятели...

— Да? — Конан внимательно посмотрела на солдата. — И кто же говорил тебе обо мне?

— Туранец по имени Айгарам. Он служил под твоим началом в войске Илдиза... Он говорил, что никогда прежде не встречал бойца, подобного тебе. И лучшего командира у него тоже не было... Я направлялся в Аргос и не думал ни о какой войне, но теперь мне кажется, что куда веселее будет сражаться бок о бок с таким воином, как ты.

Иллес с воодушевлением схватил бородача за руку.

— Ты хочешь сказать, что присоединяешься к Орину?

— Почему бы и нет? Меня зовут Варган, и я могу драться на двух мечах. Это поможет расправиться с демонами и колдунами?

— Конечно! — Иллес повернулся к толпе и выкрикнул: — Ну, кто еще пойдет с нами? Давайте — выходите вперед!

Но оказалось, что ему больше незачем умолять этих солдат. Прозвучавшее в зале таверны имя киммерийского воина стало последней каплей, которая убедила этих головорезов вступить в ряды армии Орина. В ту ночь Иллес завербовал две дюжины солдат — в основном это были люди, нашедшие приют на постоялом дворе за последние три дождливых дня.

Он не переставал благодарить Конана. А после того, как последний доброволец назвал свое имя, Иллес записал его, свернул свой пергамент, достал кошелек и вытряхнул из него последние деньги на прилавок Ассара.

— Вина на всех! — смеясь, крикнул он. — Выпьем за грядущую победу!

Он повернулся к столу, где сидел киммериец в окружении свежеиспеченных наемников.

— Во имя Митры, — произнес он взволнованно. — Тебя послали мне боги, северянин!

Конан молча кивнул головой и отпил вина, раздумывая над тем, как и почему с его помощью судьба убедила этих неотесанных парней принять участие в войне на стороне барона Орина.

К утру буря утихла. Наемники один за другим расплачивались с Ассаром и служанками и направлялись в конюшни, чтобы привести в по-

рядок своих лошадей. В воздухе все еще висела туманная дымка, а поля за размокшей дорогой блестели от луж. Но солнечные лучи уже начали пробиваться сквозь туман; деревья и травы были покрыты капельками росы, которые висели на невидимых нитях и сверкали как бриллианты. Из редколесья доносилось щебетание птиц, а на дворе таверны играли и шлепали по лужам собаки Ассара. Воины, зевая и потягиваясь, взбирались на лошадей и неровной линией выстраивались возле гостиницы.

Последними сели на лошадей Иллес и Конан. Они поблагодарили Ассара за терпение и щедрость, но тому, казалось, больше всего хотелось наконец спроводить своих беспокойных гостей.

Иллес встал во главе своего отряда, а киммериец расположился рядом с ним; остальные воины шутили, смеялись и обменивались впечатлениями о служанках. Когда они тронулись в путь по грязной дороге, туман рассеялся окончательно и все оказалось залито солнечным светом.

Маленький отряд продвигался на восток, навстречу новым битвам.

После полудня отряд остановился в узкой долине, где солдаты могли отдохнуть в тени, а лошади — напиться воды. Солдаты разбились на небольшие группки — кто сидел на камнях, а кто на траве, прислонившись спиной к деревьям — и доставали припасы, купленные в таверне. Конан стоял рядом со своей лошадью, которая

пила из мелкого ручья; он осмотрел ноги животного и с удовольствием отметил, что они в полном порядке, если не считать небольших царапин. Иллес стоял рядом, жуя кусок черного хлеба.

Закончив заниматься лошадью, киммериец также принялся за еду и, насытившись, обернулся к парнишке, который по-прежнему торчал неподалеку. Похоже, тот был просто зачарован гигантом-северянином. Конан видел, как юноша о чем-то с жаром расспрашивал бородача Варгана — и не сомневался, что речь шла о нем. Похоже, слава о подвигах северянина уже достигла и здешних пределов...

— Расскажи мне о колдуне, который занял ваш город, — велел киммериец Иллесу.

— Его имя Усхор. А больше я ничего не знаю. Он появился десять дней назад, с многотысячной армией призраков.

— Призраков?

— Да... они проникли в город так, как будто его вообще никто не защищал. — Голос юноши задрожал — он вспомнил это зрелище, казавшееся таким же нереальным, как оживший ночной кошмар, когда в одно мгновение с городом произошло что-то невообразимое — словно огромная волна обрушилась на оставленный людьми город. — У нас не было ни единого шанса, — продолжал Иллес. — Раньше мы всегда держали в страхе чужие войска и могли драться с кем угодно. Но сейчас наша оборона была бесполезной. Бесполезной! Мы заперли ворота, забрались на

стены и построились в шесть рядов. Но эти призраки... духи... проходили сквозь стены! Они просачивались сквозь кирпичи, как будто тех не существовало вовсе!

Он заговорил горячо, встревоженный собственными воспоминаниями. Прохладная свежесть тенистой рощи, солнечные лучи, пробивающиеся сквозь листву — все это казалось сейчас Иллесу менее реальным, чем его воспоминания. И все же он взял себя в руки и успокоился — он не хотел, чтобы его слышали другие солдаты.

— Если бы они знали, против чего мы собираемся выступить, — признался он, понизив голос, — вряд ли они согласились бы сражаться.

— Возможно. Но если мы сражаемся против призраков, — спокойно произнес Конан, — то каким образом ты, Орин и твои люди выдержали их нападение?

— Может, они и не настоящие призраки, — ответил Иллес, с трудом подбирая нужные слова, чтобы описать происходившее. — Это создания, сделанные из какого-то непонятного вещества, которое можно разрубить мечом, но... они проходили сквозь стены, как будто их не было вовсе, а когда мы разрубили одного из призраков, вместо него появилось трое новых. И все-таки, хоть не до конца, но они материальны, потому что многие воины умерли от ран, нанесенных ими — но еще больше, а особенно мирные жители, погибли словно ни от чего — на их телах не было никаких следов. Что же они такое? Мог ли Усхор колдовством создать их из воздуха?

— Может быть,— задумчиво ответил киммериец, заворачивая остатки еды,— вы бились не с призраками, а со своими же людьми? Усхор мог создать такое заклинание, что каждому из вас казалось бы, что его окружают враги.

Иллес недоверчиво взглянул на северянина.

— Но разве такое бывает?

Коана повел плечами

— Мне приходилось сталкиваться со странным волшебством. Один хорайский мудрец однажды сказал мне: «Сила мага в том, что он создает иллюзию страха, и если он заставит врагов открыть свои души,— поддела сделано.»

Иллес покачал головой.

— Никогда о таком не слышал. Но что это означает? Не скажешь же ты, что там вообще не было никакого колдовства?

Конан покачал головой.

— Нет. Это колдовство, без всяких сомнений. Но магия — это обоюдоострый меч: одно лезвие разит врага, но другое может поразить тебя самого. Может, нам лучше двинуться в путь?

— Да, ты прав. Да.— Иллес поднялся; на лице его была написана глубокая задумчивость.— Сегодня вечером мы станем лагерем, и я думаю, что завтра мы достигнем лагеря Орина.

Он подошел к деревьям, где сидели солдаты, и велел им собираться.

* * *

День по-прежнему был солнечным; ничто не предвещало дождь. Иллес и его спутники двига-

лись быстро, и солдаты не выказывали ни тени беспокойства или страха, как днем раньше в таверне. Несмотря на то, что все были совершенно разными людьми, между ними сложились хорошие товарищеские отношения, и какой-нибудь воин с востока весело перешучивался с выходцем из западной части, а северянин добродушно хвалился своей отвагой перед южанином. Это были бродяги-наемники, и, как большинство из них, они быстро выходили из себя и так же быстро забывали об обидах, никогда не теряя чувства собственного достоинства.

Вечером погода оставалась теплой и приятной. Когда солнечный круг начал опускаться за горизонт, Иллес предложил солдатам спешиться и разбить лагерь на высоком, подсохшем за день холме. Люди спешились, накормили и почистили лошадей (это были многоопытные путешественники), а затем разожгли костры и принялись жарить мясо.

Конан уселся возле костра, созерцая сумеречное небо, на котором зажигались первые звезды, и тут к нему подошел один из солдат. Это был Варган.

— Мне показалось, у тебя закончилось вино в бурдюке, киммериец? Позволь мне поделиться с тобой...

Северянин жестом пригласил его к костру.

— Садись, Варган, спасибо за твой дар. Хотя я, честно говоря, предпочитаю заботиться о себе, а не о других.

Со вздохом бородач уселся рядом.

— Да, да,— закивал он.— Себе доверять намного легче, чем другим. Пей.

Конан отпил немного и, утерев губы, вернул бурдюк.

— Неплохое вино,— заметил он с удивлением.— Кто бы мог подумать, что этот крысолов хранит в своих подвалах такое хорошее вино?

Варган усмехнулся, обнажив белоснежные зубы.

— Я бываю здесь три-четыре раза в году, и поэтому Ассар частенько делится со мной своими лучшими припасами. Лучшего товарища, чем это, во время долгого, тяжелого путешествия не найти.

Конан со смехом поднялся, чтобы подбросить сучьев в костер.

— Ты тоже служил в Туране, Варган?

— Совсем недолго. Платят мало — Илдиэ скуп, как ростовщик. И порядки в его войске мне пришлись не по душе. Сказать по правде, жизнь вольного искателя приключений мне больше подходит. Гуляешь, как ветер, нигде не задерживаешься надолго... Никто не командует, не указывает, что делать...

Киммериец кивнул, глотнув еще вина из похудевшего бурдюка.

— Согласен. Я и сам не люблю подолгу торчать на одном месте. Чтобы с утра не знать, где очутишься к вечеру...

— И все же ты нанялся в войско Орина?

— Почему бы и нет? Я сейчас не при деньгах, а разжиться золотишком никогда не помешает. К

тому же, если честно, жалко мне стало этого беднягу в таверне. Видно же, парень честный, глаза горят... Представил себе, как он возвращается к своему барону с пустыми руками, в одиночку... А-а, думаю, была не была!..

Варган одобрительно хмыкнул.

— Ты точь-в-точь такой, как о тебе рассказывал мой приятель. Я рад, что не ошибся. И рад, что нам предстоит сражаться бок о бок. Давненько я не бывал в доброй драке...— Он с хрустом потянулся, разминая затекшие мышцы.

— И то верно,— согласился северянин.— Негоже мечу ржаветь в ножнах! Верно, Иллес? — окликнул он проходившего мимо юношу. Тот с готовностью присоединился к двоим наемникам, и те разделили с ним остатки вина.

— Славная будет драка, да? — спросил в предвкушении бородач.

— Да,— кивнул молодой человек.— И добрая награда нас ждет, когда мы отвоюем город! Завтра к полудню мы будем в Сафаде.

Варган допил вино и поднялся на ноги.

— Ладно, тогда пора, пожалуй, и на боковую. Доброй ночи вам обоим!

— Да... и тебе.

— Тогда до утра,— и Варган направился к своему костру. Иллес молча последовал за ним.

* * *

В лагере Орина оказалось около трех тысяч воинов — не так уж много. Все-таки Сафад — маленький город. С удивлением Конан узнал, какое

огромное количество воинов погибло, сражаясь с призраками. Он заметил, что палатки воинов регулярной армии располагаются вокруг палаток военачальников, которые были разбиты на холме с крутыми склонами — а вокруг этого ядра, точно спицы колеса, размещались лагеря наемников. И здесь буря сделала свое дело — воины поднимали палатки и восстанавливали укрытия, рыли рвы, чтобы отвести лишнюю воду и тем самым избежать распространения болезней.

Когда небольшой отряд приблизился к лагерю, Иллес поприветствовал знакомого сотника. Тот отдал честь и что-то сказал своему помощнику, после чего солдат тут же вскочил на коня и поскакал в лагерь — очевидно, предупредить барона Орина о прибытии новобранцев. Далеко, к востоку от лагеря, показался конный отряд — отряд очередных наемников.

Иллес повел отряд в сторону палаток, стоящих на холме; его приветствовали воины, занятые работой. Некоторые из солдат отрывались от дел, чтобы поглазеть на новобранцев — прикрывали глаза рукой, чтобы не мешало солнце, и мгновение всматривались, а затем, узнав старых друзей или соперников, с которыми встречались в таверне Ассара, разражались громкими радостными криками.

Когда Иллес достиг палатки Орина, рядом с ним были только Конан и Варган — остальные по одному, по двое отставали от отряда и присоединялись к своим старым друзьям по оружию.

— Сколько человек ты привел? — спросил у Иллеса Орин, поприветствовав молодого воина. — Я видел с тобой лишь горстку солдат.

— Да, — ответил Иллес извиняющимся тоном. — Двадцать шесть человек, мой господин.

Орин взглянул на Конана.

— Что ж, добро пожаловать. Как твое имя, воин?

— Конан из Киммерии.

Орин одобрительно кивнул.

— Киммерия — страна воинов. А о тебе мне доводилось слышать немало добрых слов. Я рад, что ты с нами, северянин!

Конану барон пришелся по душе. Ему и прежде доводилось сталкиваться с воинами, занимавшими высокие посты, воинами-принцами, которые бежали с поля боя, оставляя свои владения врагу, но Орин показался ему совсем другим — это был сильный, умный человек, прирожденный лидер, который не ставит себя выше простых солдат. Он был высок и мускулист — под легкими доспехами угадывались мощные мышцы. А смуглое, приятное лицо украшали густые усы и аккуратно подстриженная борода. Его глаза, глубокие, черные, смотрели угрюмо, но светились живым умом.

Конан вдруг почувствовал, что этот человек чем-то близок ему — варвару, который оценивал незнакомцев быстро и точно. У него было безошибочное чутье на честных, прямых людей; северянин почти всегда мог заглянуть человеку в душу и понять его сущность — негодяй он или

герой, и можно ли ему доверять или лучше держать на расстоянии. Так случилось и на этот раз — когда Конан впервые взглянул Орину в глаза.

Они пожали друг другу руки.

— А это кто? — спросил Орин, обернувшись к бородачу.

— Меня зовут Варган, мой господин.

Барон снова повернулся к Иллесу.

— Думаю, ты собрал хорошую команду, но их слишком мало. Я надеялся на большее.

— Знаю, месьор. Я чуть не утонул во время этой грозы, а когда наконец попал в безопасное место, в таверну, то приложил все усилия, чтобы завербовать наемников, которые там были. Все, чего я достиг — это двадцать шесть человек, но это только благодаря Конану.

Орин не смотрел на Иллеса — он наблюдал за работой группы солдат; тем не менее он внимательно выслушал его, а затем переменял тему.

— Иллес,— обратился он к юноше,— я собираюсь выждать еще день — может быть, другие вербовщики приведут еще людей. Но больше откладывать нельзя. Один Митра знает, что Усхор задумал сделать с Сафадом, пока мы тут выжидаем.— Он вздохнул и сцепил за спиной руки.— Это адская мука — ждать здесь и не знать...— Лицо его вдруг просветлело, и он указал на склон холма.— А вон идет твоя юная госпожа, Иллес.

Иллес обернулся и увидел молодую женщину, одетую в грубую солдатскую одежду — она поднималась вверх по холму, выкрикивая его имя.

— Тайс! — воскликнул он, затем извинился перед Орином и поспешил вниз.

— Его женщина? — спросил Конан.

— Когда нам пришлось оставить Сафад,— произнес Орин голосом, полным боли и сожаления,— несколько женщин и солдатских жен успели в последний момент покинуть город вместе с нами. Среди них была и Тайс. В общем, эти женщины работают в лагере не меньше мужчин. Некоторые учатся держать в руках оружие...

Конан внимательно наблюдал за стройной, темноволосой девушкой, повисшей у Иллеса на руке. Не было никаких сомнений в том, что она не привыкла к тяжелому физическому труду и войне, и вообще выглядела как девочка.

— Иллес сказал вам, что ждет нас в Сафаде? — спросил Орин.

Конан и Варган кивнули.

— Он рассказал то, что знал,— объяснил Конан.— Про призраки, проходящие сквозь стены и убивающие людей. Но скажи, Орин, зачем Усхору ваш город?

— Не знаю.— Барон озадаченно нахмурился и сжал кулаки.— Не знаю! Тот день начался так же, как всегда. И вдруг словно какая-то чума обрушилась на город — этот колдун. Но зачем ему город, я не представляю.

В этот момент, держась за руки, к ним подошли Иллес и Тайс.

— Чем вы там занимаетесь, Тайс? — спросил девушку Орин, разговаривая с ней ласково, как с младшей дочерью.

— Помогаем солдатам рыть отводные каналы,— ответила та, указывая рукой вниз, на равнину.— Мы оттаскиваем землю... Если позволите, мой господин, мы с Иллесом пойдем — я хотела кое-что показать ему...

— Конечно, дитя мое,— с ласковой улыбкой согласился барон.

— Как будто холодает,— объявил Варган, когда молодые люди скрылись из виду, и поднял глаза на небо.

— Да,— согласился Орин. Ветер задувал с севера и двигался огромными невидимыми волнами с далеких полей, колыхая травы на полях точно волны.— Если опять пойдут дожди, нас затопит. Может, это Усхор насылает на нас бури.

Орин оглядел лагерь и заметил конный отряд, приближающийся с востока.

— Еще солдаты,— вздохнул он. Затем указал рукой на большую палатку, которая стояла за его шатром.— Конан и Варган, там вы можете перекусить, если хотите. Думаю, ваше путешествие было долгим и тяжелым.

Варган пожал плечами и, играя мускулами, с силой потер руки.

— Пойду помогу парням оттаскивать землю.

Конан спросил у Орина:

— А далеко находится Сафад?

— Полтора суток верхом. Отсюда город не виден — он лежит к северу, за полосой леса вон там, на горизонте.

Небо над лесом, куда указывал Орин, было темным.

Конан собирался задать еще какой-то вопрос, но тут за его спиной откинулся полог палатки, и из нее вышел человек в доспехах и темном плаще. Орин посмотрел в его сторону и приветственно кивнул. Конан и Варган повернулись к шатру.

Человек был высок и на вид суров, а голову его полностью скрывал тяжелый черный шлем. Лица не было видно, только в смотровых щелях сверкали белки глаз. Под щелями располагался выдающийся вперед фальшивый нос — для дыхания, а ниже сквозь горизонтальную щель виднелся бесстрастный рот. Словом, шлем был сделан точно в насмешку над человеческим лицом.

Воин в шлеме слегка поклонился, какое-то время постоял, изучая двух новых людей рядом с Орином, а затем стал спускаться вниз по склону в направлении палатки-столовой.

Конан взглянул на Орина, озадаченный.

— Кто это такой?

— Его зовут Болард — Дестан Болард. Он родился в Коринфии, но, судя по тому, что он рассказал, его изгнали из страны. Он был офицером наемных войск, разбойником и военачальником, но несколько месяцев назад нанялся на службу к Усхору, а тот по неизвестной мне причине проклял его. Болард утверждает, что Усхор так обезобразил его лицо, что любой, кто взглянет на него, сойдет с ума или умрет.

Варган недоверчиво усмехнулся, а Конан снова посмотрел в ту сторону, куда ушел Болард. Он уже скрылся в палатке.

— Так он был союзником Усхора? — спросил Конан у Орина. — И вы позволили ему находиться здесь?

— Он появился в Сафаде всего за день до атаки. Он хотел предупредить меня о том, что Усхор собирается захватить город. Да... он появился перед моим тронем, изгнанник, вне закона, странный человек в маске, и настойчиво требовал, чтобы я готовился к войне. Я решил, что он сумасшедший и пригрозил ему тюрьмой... ну, а на следующий день его предсказание сбылось. — барон горестно вздохнул. — Он преследует те же цели, что и я, Конан — хочет отомстить проклятому некроманту и убить его. Поэтому я ему доверяю. Мне думается, он не станет работать на две стороны. Сильная ненависть к Усхору лишила его всех прочих мыслей и чувств.

— Не стоит доверять фанатикам.

— Согласен. Но пока что Дестан Болард не давал повода сомневаться в нем, и, кроме того, он предоставил мне весьма ценные сведения.

Конан испытывал сомнения, однако у него не было никаких фактов, и потому он предпочел хранить молчание.

Внезапно задул холодный ветер — более сильный, чем раньше; с севера величественно плыли тяжелые черные облака — но они прибывали и сбивались в кучи гораздо быстрее обычных облаков.

Орин проследил за его взглядом.

— Как я и опасался, — прошептал он и сплунул на землю. — Новая буря. Уверен, это Усхор

вызывает непогоду — в последние четыре дня гроза приходила с севера.

Но Конану казалось, что в воздухе, помимо облаков и порывов ветра, носится что-то еще. Что же?..

Он хлопнул Орину по плечу и указал рукой на небо.

— Посмотри туда — видишь вон те тучи? Они не могут быть такими... Что-то там неладно!

Орин всмотрелся в облака...

— Вон там, барон, там, за...

И тут Орин увидел. На фоне грозowych туч, наполовину скрытое огромными массами, темнело нечто — маленькие пятнышки, которые двигались независимо от облаков. Они кружились и взлетали — крохотные черные точки...

— Это не облака, — проговорил Орин, не в силах оторвать взгляд от неба; прищурившись, чтобы лучше видеть, он все смотрел и смотрел, пытаясь понять, что же это такое. Но они пришли с севера...

Вдруг Орин повернулся и закричал человеку, стоящему на вершине холма:

— Труби тревогу! К бою!

И тут же тишину разорвали резкие звуки горна. Все солдаты, занятые внизу работой, на мгновение застыли, а затем отбросили мотыги, жерди и бадьи с водой и землей, и посмотрели сначала на Орину, а затем на бегущие с севера тучи.

Маленькие пятна, снующие на фоне облаков, немного увеличились и теперь двигались вместе с тучами. Далекие поля потемнели — тучи заго-

родили собой солнце и накрыли луга словно покрывалом; в последних отблесках света, прежде, чем неестественная тьма поглотила лагерь, летающие пятна стали различимы — на них случайно упали солнечные лучи.

— Это люди,— прошептал Орин в предчувствии боя.— Летающие люди, вооруженные мечами.— Затем повернулся к трубачу и прокричал: — К оружию! Усхор наслал на нас новое колдовство!

Глава 2. Мстители

Врагов были тысячи, много тысяч, они падали с неба точно смертельный дождь — в бронзовых доспехах, с мечами наперевес — они неслись мощным потоком, и их черные крылья сверкали точно смазанная жиром кожа. Они летели, планируя в потоках воздуха, которые тянули за собой тучи, и кружились вместе со своими тенями, заслоняющими дневной свет.

Не было дождя, не было ни молний, ни зловещего грома. Их появление предвещали лишь яростные порывы ветра — которые и были самой бурей. Крылатые люди накатывались волнами — они кричали, их доспехи клацали, а оружие сверкало; солдаты Орина мгновенно оказались оттеснены мощными потоками атакующих.

Орин крикнул:

— Уничтожьте их! — и сам бросился в бой. И тут же многие солдаты последовали его приме-

ру, и бросились на врага, выкрикивая боевые кличи.

Конан сохранил спокойствие и обнажил меч, чувствуя в руке его приятную, уверенную тяжесть. Варган, стоящий рядом с ним, что-то прорычал, пристально наблюдая за теньями, падающими с небес — клубящиеся облака изрыгали их бесконечным потоком — а они падали и падали, так быстро, что за ними не угнались бы капли обычного дождя. Теперь стало видно, что они не летели по-настоящему, как птицы, а скорее планировали — быстро, влекомые ветром.

Кроме того, стало заметно, что это не совсем люди — больше они напоминали жутких, порожденных ночным кошмаром летучих мышей: широкие черные крылья, похожие на кожаные складки или на перепонки летающих ящериц, нелепым образом прицеплялись к телам недочеловеков, изрыгающих проклятия на неизвестном языке; у них были острые, как иглы, зубы и пупырчатая черно-серая кожа, которая светилась неестественно радужным сиянием гнилого мяса.

Два десятка летающих уродцев с мечами и топорами наперевес бросились на Орина, и порыв ветра, пришедшего вместе с ними, был настолько силен, что едва не сбил человека с ног.

Барон стремительно пригнулся — и в тот же миг над его головой просвистели лезвия мечей — затем вскочил и бросился в сторону, а крылатые существа рванулись следом, да так неосторожно, что рассекли мечом своего же собрата от шеи до живота.

Нападавший дико заорал; меч выпал из его руки. В один миг, точно молния, он с силой полетел на землю. И вдруг его огромные черные крылья сморщились, точно горящая бумага, и он, сверкая бронзовыми доспехами, полетел вверх тормашками. Из грязи поднялся дымок — и крылья исчезли.

Когда легион летающих тварей опустился на склон холма, Конан и Орин припали к земле. Теперь эта куча, упустившая барона, переключилась на них. Киммериец уворачивался; рядом с ним промелькнуло лезвие меча, и он вскочил на ноги, размахнулся и выбил меч из рук одной твари. Тут же вокруг него замелькал десяток мечей. Конан припал к земле, увидел нависшую над ним тварь — и что есть силы рубанул клинком...

Существо пронзительно заголосило, когда Конан вспорол ему бок. Струя крови брызнула ему прямо в глаза. Он инстинктивно пригнулся и упал на колени — в тот же момент над ним пронеслась черная тень; порыв ветра всколыхнул волосы...

Варган радостно взревел; атакующие переключились на него, и он бросился им навстречу, а меч в его руке выписывал огромные круги. Одна из тварей нацелила на шею Варгана свой топор, но тот пролетел мимо, вместе с рукой своего владельца, в то время, как голова другой задела от крови — Варган настиг ее своим мечом. Сзади на него прыгнул еще один летун, и Варган, у которого не было времени на раздумья,

левой рукой схватил тварь за доспехи; он был ранен в спину, и его ноги пропахали в земле две борозды, но он всем телом навалился на летуна, и оба очутились на земле. Огромные крылья неистово колотили в воздухе, и Варган вдруг поймал себя на том, что вглядывается в рычащее, почти человеческое лицо твари. Она яростно вопила, ее глаза сверкнули неестественным красным светом, а затем она сделала выпад головой, нацелив свои белые зубы на горло Варгана — но в то же мгновение меч нашел свою жертву, и голова с перекошенным от ненависти лицом слетела со своих плеч.

Голова твари покатилась по склону, и Варган схватил ее меч, с удивлением глядя на крылья, которые с хрустом съежились, испустив струйку темного дыма. Варган поднялся на ноги и яростно взмахнул мечами, а затем с ревом бросился в атаку на двух созданий, которые кинулись в его сторону.

Конан, у которого на время не оказалось противников, глянул вниз и увидела, что твари заполонили всю равнину и бесконечным потоком продолжали вылетать из темных облаков — вначале они казались мелкими, как булавки, но затем, по мере приближения к земле, становились все больше и больше, и там они плотными массами падали на дерущихся солдат, рассеянных по плоскогорью и холмам. Воздух потрясали истощенные крики летучих тварей и воинов; со всех сторон доносилось лязганье металла о металл. Люди прыгали и с лету рубили своих крылатых врагов,

и те закрывали воинов своими крыльями, после чего враги, сцепившись, падали на землю и боролись в грязи и на влажной траве.

И тут Конан увидел Иллеса — он стоял у подножия холма, у его ног, съежившись, сидела Тайс — их окружили семь тварей, чьи мечи вострились, точно клыки. Конан пробормотал проклятие, спрыгнул вниз, побежал и заскользил по склону холма, а когда увидел, что не успевает, схватил огромный валун и швырнул его.

Одна из тварей завопила и повалилась набок, яростно, но без пользы махая крыльями. Другие твари кинулись на Иллеса. Молодой воин бросился вперед, взмахнул мечом и рубанул одну из мерзких тварей. Та отлетела в сторону, и кишки вывалились у нее из живота — существо скрючилось, и за ним потянулся темно-красный след. На Тайс замахнулись еще две твари; Иллес обернулся и отрубил руку одной и тут же парировал выпад другой. Тайс сжалась в комок и закричала, но она была цела и невредима. Конан пронзительно крикнул, подбегая к Иллесу — но отвратительное существо отлетело в сторону. Иллес поднялся на ноги и усмехнулся; он был весь в крови, а в его руке трепетал меч.

— Сколько... их... здесь, Конан? — задыхаясь, спросил он.

Тот покачал головой и посмотрел на небо.

— Кажется, их становится меньше...

— Берегись, Конан!

Миг — и он упал на колени, а над головой просвистел меч. Конан вскочил на ноги, взмах-

нул клинком, и тот вонзился во что-то твердое; раздался глухой стук и рев.

Конан с громовым кличем бросился в атаку — со всех сторон их неожиданно окружила орда тварей. Варвар двигался очень быстро, и потому представлял собой почти недостижимую цель для крылатых существ, которые обладали явно замедленной реакцией по сравнению с человеком. Вокруг него взметались мечи и топоры, но он инстинктивно выбирал нужное направление — прыгая или пригибаясь к земле — и метался то туда то сюда, время от времени поглядывая вверх и взмахивая мечом, если чувствовал порыв ветра, нагнетаемый крыльями, или краем глаза замечал блеск доспехов. Это было чистым безумием — сражаться с такими врагами; хотя они казались медлительными созданиями и плохо управляли полетом, они с умом использовали свое умение быстро перемещаться в воздухе — стоило человеку поднять голову, чтобы определить местонахождение очередной твари, и он мог получить мечом между глаз.

Киммериец отступал вверх по склону холма, наблюдая за тем, что творится внизу на поле, и его меч так и метался во все стороны. Орда летучих созданий заметно поредела, и теперь стало совершенно ясно, что, опустившись на землю, они уже не могут с толком использовать крылья, и их легко сразить. Казалось, у них не было сил даже на то, чтобы удерживаться на ногах. Все их преимущество состояло в способности быстро опуститься — тогда они пролетали точно над го-

ловами людей и убивали их, пользуясь тем, что намеченная жертва не успевала среагировать.

Конана поразило и то, что эти твари действовали весьма глупо; когда они повисали в воздухе, единственное, на что их хватало — это изо всех сил молотить крыльями, удерживаясь сверху, а в это время любой воин мог разнести их на кусочки или свалить на землю.

Однако, хотя тварей становилось все меньше и люди Орина продолжали отчаянно сражаться, летучие тени по-прежнему окружали и накрывали своей массой отдельные группы. Случалось и так, что даже получив мощный удар по доспехам, тварь взлетала и утаскивала с собой человека.

Вскоре воины отыскивали новый, куда более действенный способ борьбы, и с неба дождем начали падать летучие создания — это лучники Орина натягивали тетиву своих луков и выпускали стрелы. Вокруг слышались нечеловеческие предсмертные крики — многие существа, подстреленные, сталкивались друг с другом на большой высоте и летели вниз, оставляя дымчатый след, и падали на деревья или траву, или в лужи со стоячей водой.

Но оставшиеся в живых твари продолжали поднимать в воздух незадачливых воинов. И даже когда солдаты наносили своим врагам смертельные раны, те поднимали их высоко вверх и сбрасывали, и несчастные с криками падали на землю, усеянную телами, или в толпу людей, которые нечаянно убивали своих товарищей.

И все же самое страшное было позади. Конан, убивавший любую тварь, которая только к нему приближалась, начал подниматься вверх по холму. Один из последних монстров бросился на него, оскалив клыки и махая мечом; Конан прыгнул и перевернулся, а затем ударил мечом и почувствовал, как тот вонзился в плоть и наткнулся на кость. Тварь, махая крыльями и дико вопя, понеслась по склону и врезалась в кучку из шести человек, которые изрубили ее на куски.

За спиной Конана раздался громкий крик. Это ликовал Варган — на него налетело крылатое создание, и он ловко разрубил его сверху донизу. Тварь громко зашипела, а ее меч полетел в сторону. Затем Конан увидел Дестана Боларда — его шлем и плащ были забрызганы кровью — он прыгнул навстречу другому существу и с силой прошелся по нему мечом. Тварь дико завопила, кровь хлынула у нее из раны, крылья бесцельно молотили в воздухе и уже начали дымиться, но тут существо метнулось в сторону киммерийца. Конан же, поразившись упорству твари, развернулся и рассек ее. Искалеченная тварь упала на землю и покатилась по склону холма, оставляя за собой на траве кровавый след.

Битва закончилась.

Орин, опустив окровавленный меч и тяжело дыша, стоял на холме, осматривая поле боя. Варган только что обезглавил раненого, но не перестававшего вопить монстра. Неожиданно последний из нападающих с криком пронесся в возду-

хе, и его меч был направлен прямо на Варгана. Тот вовремя заметил летуна и пригнулся, нечаянно насадив на меч только что снесенную им голову, затем повернулся и бросил ее, точно пращей, прямо в лицо летящему навстречу монстру. Две головы с хрустом столкнулись, и существо со свернутой шеей повалилось на землю, выронив меч. Варган захохотал.

— Это была последняя тварь, во имя Митры! — закричал он.

Орин отсалютовал своим мечом, а затем поднял глаза на небо. Оно было чистым, незапятнанным. Не произнес ни слова, Орин запагал по траве, перешагивая через тела, закованные в бронзовые доспехи. Конан увидел, что Болард спешит ему навстречу, а с другой стороны — Варган, который, смеясь, пинал ногой тела, падающие ему на пути. Его доспехи были покрыты красными пятнами, а оба меча потемнели от запекшейся крови. Конан поспешил к ним.

Все, кто уцелел в битве, вскинули окровавленные мечи и радостно закричали. Грозовые тучи, ретируясь, проплыли мимо; солнечный свет озарил траву и деревья. Повсюду клубился дым — темные струйки поднимались с земли и, извиваясь, исчезали под порывами свежего ветра — это таяли и испарялись тысячи и тысячи крыльев. И этот дым поднимался везде, где лежали тела в бронзовых доспехах, золотом сверкавших на солнце — их было так много, что казалось, это какой-то бог на небе нечаянно расплескал целую лохань расплавленного золота.

Тяжело дыша, Конан задумчиво смотрел на груды закованных в доспехи тел.

— Никаких сомнений, Орин,— проговорил Болард.

Тот кивнул. Конан переводил взгляд с одного на другого; тут подошел Варган.

— Никаких сомнений в чем? — спросил северянин, стряхивая с меча капли крови.— Что это колдовство Усхора?

Орин посмотрел на него своими пронзительными серыми глазами.

— Да,— ответил он мрачно. Его голос дрожал — не от страха, а от боли, которая словно тисками сжимала сердце.— Они появились с севера — оттуда, где расположен Сафад. И нельзя сказать, что они совсем лишены человеческого.

Конан уже понял это; но сейчас ему в голову пришла странная мысль.

— Вы хотите сказать... что когда-то они были людьми?

Болард едва заметно кивнул. Орин указал мечом на выпачканный кровью бронзовый панцирь, точнее, на выгравированную на панцире эмблему.

— Все эти люди из моей дворцовой охраны. Они защищали дворец и оказались в западне.

— И Усхор..

— Да, он превратил их в эти существа,— замогильным голосом договорил Болард из-под своей маски.— И создал иллюзию, что их гораздо больше, чем было на самом деле. Это колдовство, киммериец...

Конан, понимая, в чем дело, посмотрел на трупы, а Орин прошел мимо, глядя вперед с тоской и ненавистью.

* * *

Еще несколько отрядов наемных солдат появились после захода солнца, когда солдаты Орина выносили за пределы лагеря последние трупы закованных в бронзовые доспехи созданий. Орин приветствовал новых людей и поблагодарил своих вербовщиков за то, что им удалось пополнить ряды воинов. Он рассказал им, что произошло днем, а затем, когда совсем стемнело и люди зажгли костры, чтобы приготовить пищу, Орин созвал в свою палатку командиров и объявил им о том, что завтра они отправляются в Сафад, чтобы открыто выступить против Усхора.

Пока Орин с командирами совещались на вершине холма, солдаты и новобранцы жарили мясо, опустошали мехи с вином и кувшины с пивом, держа свой собственный военный совет. Многие наемники были не прочь оставить лагерь; в тот день они поняли, что им предстоит сразиться с настоящим колдовством, и не испытывали никакого желания выступать против сверхъестественной силы.

Воины, состоящие в регулярной армии барона, смеялись над ними и напоминали, что один человек без труда мог справиться с четырьмя-пятью летучими тварями. Неужели они должны бояться каких-то бурь и нескольких крылатых уродцев? И если колдовство Усхора на самом де-

ле имело силу, почему он просто не обрушит землю под их лагерем и не убьет их разом, пока они безмятежно сидят здесь и едят мясо?

Наемники — те несколько сот всадников, которые появились вечером — испытывали беспокойство, но не решались что-либо предпринять. Они все время спрашивали о битве.

— Неизвестно еще, что я от этого получу, — проворчал седобородый воин в гирканских доспехах. — Я сражался за деньги много раз, но мне совсем не хочется умереть с колдовским проклятием на душе.

— Да ты просто трус, — ответил ему человек из армии Орина. — Если ты действительно стоящий боец, ты сможешь сражаться против колдовства так же хорошо, как против плоти. Ты же не сбежал сегодня с поля боя. И на самом деле тебя пугают не твари, а мысли о них. Но теперь, когда нас так много и мы знаем, что выиграли первое сражение, мы смело можем выступить против этого колдовства и уничтожить его!

Мнения новоприбывших разделились. Одни, мало сведущие в том, что такое война против магии, были готовы выступить в поход хоть сейчас; другие, приняв близко к сердцу разговоры паникеров о крови и проклятиях, испытывали страх и нежелание вступать в схватку с колдовством.

Орин не имел подобных сомнений, а потому был тверд. Когда вокруг зажглись костры и вместо солнца на небе зажглись звезды, он обратился к своим командирам и подробно рассказал,

что их может ждать в Сафаде. Вокруг него собралось около двадцати человек — все закаленные ветераны; был здесь и Дестан Боларда в своем шлеме. Позади всех стоял Конан — ему было интересно, не всплывут ли какие-нибудь новые подробности — и Орин не возражал против его присутствия.

— Усхор будет ждать нас, — сообщил он командирам. — Он уже выслал против нас свои колдовские силы. Но мы отразили их атаку, и его попытки оказались бесплодными, а сейчас нас стало даже больше! Наши отряды насчитывают теперь около пяти тысяч воинов. У нас смелые, горячие солдаты, воспитанные в нашей армии, и много временных, но опытных наемников, которые сразятся вместе с нами за золото.

— Мы разобьем Усхора, я уверен. У нас у всех в Сафаде остались семьи и друзья; я видел, как моя собственная сестра погибла от этого грязного колдовства, и я знаю, что многих, кого вы любили, постигла та же участь. Усхор владеет колдовством и действует неожиданно; у нас есть мечи, и мы жаждем мести. Да поможет нам Митра, мы отправим Усхора обратно в преисподнюю, из которой он явился!

Воины захлопали в ладоши и закричали. Орину удалось пробудить в них боевой дух, напомнив им о праведном гневе и жажде мщения. Но Конан, который стоял позади толпы, время от времени поглядывал на Дестана Боларда.

Тот стоял в стороне, прислонившись к дереву и праздно скрестив на груди руки. На его желез-

ной маске плясали отблески огня. Казалось, он бесконечно далек от всего происходившего в лагере и отнюдь не разделяет возбуждения соратников барона Орина.

Конан неслышным шагом приблизился к нему.

— А ты что думаешь, Болард? Удастся им все это?

Тот пожал широкими плечами:

— Не думаю, что Орин на самом деле настолько недооценивает Усхора. Но он знает, что должен разжечь в своих людях жажду битвы.

— А такого количества людей хватит, чтобы разбить его?

— Вполне, киммериец. Вполне.

Почему-то Конану не понравились его уклончивые ответы.

— Ты хотел бы убить колдуна собственными руками, верно, Болард?

В щелях зловещей маски сверкнули глаза.

— Да,— ответил Болард глухим голосом, в котором слышались металлические нотки.— Я убью его.

— Что он с тобой сделал?

— Разве Орин не рассказывал?

— И поэтому ты носишь маску, Болард?

Тот повернулся и пристально посмотрел на Конана. Его черный шлем, тяжелый, неровный, странно искрился и отражал отблески костра.

— Если бы я не носил этот шлем, приятель, то вид моего лица испепелил бы твой ум и душу,— сказал он прямо, чуть ли не грубо, и бла-

годаря этому слова его прозвучали еще более убедительно.

— Усхор наложил на тебя проклятие?

— Да. Но я знаю, как уничтожить его.

Конан ждал. Правду ли говорит Болард? И почему он испытывает к нему необъяснимое недоверие? Варвар привык доверять своему чутью, оно никогда еще не подводило его,— однако, как ни старался, он не мог отыскать в поведении Дестана ничего, что свидетельствовало бы против бывшего наймита мага.

— И как же ты намерен уничтожить его?

Но тот не ответил, словно не слышал вопрос. Киммериец почувствовал, что начинает закипать — такое намеренное пренебрежение выводило его из себя. Он решил сделать еще одну попытку.

— Скажи, Болард, а почему Усхор напал именно на Сафад? Неужто в Кофе не нашлось городов побогаче?

— Орину я рассказал все, что знал,— произнес Болард вместо ответа, и его голос прозвучал гораздо жестче.— Больше никто не вправе задавать мне вопросы. Твое дело — махать мечом, ты ведь завербовался простым наемником, а не сотником!

С этими словами Болард вновь прислонился к дубу и своим видом словно воздвиг вокруг себя невидимую стену.

Конан почувствовал неудержимое желание выхватить меч и снести голову наглецу. Рука его уже потянулась к ножнам... Будь он моложе лет

на пять — он ни на миг бы не задумался!.. Но сейчас, после службы в войске Илдиза Туранского и многих других приключений, неукротимый варвар стал мудрее, научился спокойствию.

Вокруг было слишком много людей, Орин со своими военачальниками, простые наемники... Убить товарища по оружию просто так, даже не в поединке, без веской причины, это было бы чревато: барон поддерживал в лагере строгую дисциплину.

— Рано или поздно, ты ответишь мне на все вопросы, человек-маска! — ледяным тоном пообещал киммериец и, презрительно сплюнув к ногам Боларда, решительным шагом двинулся прочь.

Теперь он доверял этому парню еще меньше, чем раньше. Интересно, подумала он, честен ли Болард с Орином, и не использует ли его армию для мести Усхору? А если так — насколько они могут доверять тому, что Дестан рассказал им про колдуна?..

Совещание закончилось, и командиры, спускаясь вниз по склону, расходились по своим отрядам. Конан увидел, что Орин дружески машет ему рукой..

— Пойдем, Конан, выпьем вместе. А то мое горло уже пересохло от речей.

Киммериец принял приглашение и последовал за ним в палатку — там барон наполнил вином два кубка и один протянул своему гостю.

— Будет ли толк от твоих речей? — напрямик спросил тот.

Орин вздохнул.

— Это мои люди. И они пойдут за мной. Они по праву заинтересованы в том, чтобы вернуть Сафад. Но они также... боятся, что ли? Может быть, и не боятся, а лишь осторожничают. Они видят Тьму, это как туннель, как стена чего-то страшного, черного, и они не уверены... — Орин оставил кубок. — Выступать против одного колдовства в пять раз страшнее, чем против целой страны.

Конан отпил вина, затем неожиданно поднялся и, откинув полог шатра, выглянул наружу. Их недавний разговор с Болардом продолжал тревожить его. Почему-то ему казалось — опять это звериное предчувствие опасности! — что если барон недооценивает своего таинственного союзника, это может быть чревато для них для всех... Но поверит ли ему Орин? Почему, в конце концов, он должен принимать на веру слова какого-то наемника — пусть даже он и слышал о нем много хорошего... но ведь его подозрения не опираются ни на какие реальные доказательства!

Конан вернулся на место и отхлебнул вина.

— Что там, снаружи? — спросил его Орин, наполняя свой кубок.

— Болард...

— Он что, где-то поблизости?

— Нет... но я не доверяю ему.

— Вот как?! — Орин поднял свой кубок и снова взглянул на Конана, а затем уселся в кресло.

— Почему, могу ли я узнать?

— А ты ему веришь?

Орин пожал плечами и отхлебнул вина.

— Я верю ему до тех пор, пока могу уследить за ним, Конан. Это тебя успокаивает? Мы оба знаем, что он изгнанник.

— Но он хотя бы объяснил, почему Усхор напал на Сафад?

— Нет. А ты думаешь, он знает?

— Если он столько времени провел с этим кодуном...

Орин махнул рукой.

— Болард — гордый человек. Может быть, он знает больше, чем говорит, но я думаю, что его молчание связано в основном с его гордостью. Его честь сильно задета, и сейчас ему совсем не хочется делиться своими знаниями и соображениями.

— Так ты оправдываешь его — даже если подозреваешь, что он может вести двойную игру?! Как давно ты с ним знаком?

Орин вздохнул, и киммерийцу почему-то показалось, что не он первый приходит к барону со своими вопросами и сомнениями. Однако тот стойко защищал Дестана Боларда... странно все это!

— У меня есть свое мнение насчет него. Я никому не верю до конца; ни один правитель не может себе это позволить. Но я не думаю, что Болард — негодяй или предатель.

— Думаю, если бы у него была возможность, он принес бы нам немало вреда.

Орин снова пожал плечами.

— Возможно. В любом случае, я сомневаюсь, что Болард надолго задержится в моем войске. Он хочет отомстить Усхору. А как только мы снова появимся в Сафаде, уверен, что Боларду больше не будут нужны ни я, ни моя армия. Но и это говорит о том, насколько я ему доверяю.

— Ты когда-нибудь видел его лицо?

— Нет,— ответил Орин.— Но сомневаюсь, что он гордится своей наружностью.— Барон улыбнулся.

Конан усмехнулся в ответ и принял предложение Орина выпить еще вина.

— Меня волнует не только Болард, есть немало других поводов для беспокойства,— доверительно сообщил Орин, наливая вино и передавая Конану кубок.— Однако я слышал о тебе, киммериец, все говорят, что как воину тебе нет равных, и я готов поверить, что ты не станешь зря болтать и возводить напраслину на человека. Только объясни мне — что так тревожит тебя?

— Чутье меня редко подводит, Орин. Я чувствую, что в нем есть что-то странное.

— Без сомнения... Но я позвал тебя не за этим. Мне хотелось знать твое мнение о тех планах, что мои военачальники предлагают для будущего похода. Вот, к примеру...— Однако ему не удалось договорить. Не успел барон поставить кубок, как в шатер вошел его помощник.

— Что там такое? — встревоженно спросил его Орин.

— Наемники, мой господин. Их вожди просят аудиенции.

Барон нахмурился.

— Очень хорошо.— Когда охранник вышел, он быстро взглянул на Конана.— Боюсь, что они решили... глупцы!

Орин поднялся и вышел наружу, Конан последовал за ним. Возле костра стояло несколько наемников — четверо крупных мужчин, облаченных в разношерстные доспехи и вооруженные самым разным оружием. Орин миновал охранника и направился к ожидавшим его воинам.

— Что все это значит?

— Орин,— произнес один из вожаков,— наши люди решили не сражаться за тебя. Мы уходим.

Орин не удостоил его ответа — он посмотрел на вожака суровым, твердым взглядом, от которого тот разошелся еще больше.

— Мы не хотим сражаться против магов и колдовства, барон. Все очень просто.

Орин пристально взгляделся в эти грубые бородатые лица, на которых плясали отблески костров.

— Когда вы нанимались, вы все были согласны выступить за меня. Вы знаете условия службы. Я согласен заплатить вам сразу, как только мы достигнем города...

— Да, и есть еще другое,— перебил его другой вождь.— Мы хотим, чтобы нам заплатили и за сегодняшний день сражения.

Орин подтянулся и словно стал выше ростом, его темные глаза засверкали от гнева.

— Вам заплатят, когда мы достигнем Сафада и вы будете сражаться, как мы договорились!

— Ты не смеешь помыкать нами! — воскликнул третий вождь.— Мы согласились сражаться — за вознаграждение. После того, что мы видели сегодня, наши люди больше не хотят идти войной против колдовства, но мы хотим, чтобы нам по справедливости заплатили за этот бой. Мы знаем, что в этой палатке есть золото!

Орин презрительно скривил губы; из его горла вырвалось глухое рычание.

— Вы, собаки! — взревел он.— За то, что вы нарушили свое слово, вы заслужили смерть — так что можете считать, вам повезло, что остались в живых. Предатели не получают никакого золота!

Один из вожаков сделал шаг вперед; к нему приблизились охранники Орина, отгораживая их от своего командира.

— Мы сражались и хотим получить наши деньги! — воскликнул тот злобно.

— Я заплачу вам сталью! — произнес в ответ барон, тоже делая шаг вперед. Он напрягся так сильно, что на спине и руках выступили бугры мышц.— Я заплачу вам золотом, если вы дойдете со мной до Сафада. Или вы хотите, чтобы я заплатил вам смертью — что ж, тогда попробуйте сразиться со мной — сейчас!

Глаза наемника яростно сверкали, но он молчал.

— Очень хорошо,— проговорил Орин.— У вас есть и третья возможность. Можете уносить из моего лагеря свою шкуру. Сколько трусливых свиней находится под твоим командованием?

Лицо наемника исказилось от гнева, но он попятился назад и тихо проговорил:

— Пятьсот...

— Так забирай свои пять сотен и проваливай вместе с ними!

Но тут, положив руку на меч, вперед выступил другой вожак.

— Золото — вот что мы...

Губы Орина скривились в зловещей ухмылке.

— Ну, обнажи клинок, если хватит смелости!

Наемник не шевелился.

— Ну, давай же! Мое лицо станет последним, что ты увидишь в своей жизни. Доставай свой меч, и я заплачу тебе сталью, проклятый ублюдок!

Наемник убрал руку с меча.

— Тогда убирайтесь, — прошипел Орин. — Забирайте своих псов и убирайтесь. А если вы задумаете ограбить нас, вам придется по-настоящему сразиться с моими людьми! — И он обвел рукой долину, которая лежала внизу, усеянная тысячами горящих точек-костров, — они казались глазами ночного зверя. — Убирайтесь!

Наемники ушли. Злые и угрюмые, они попятлись вниз по склону, не решаясь повернуться спиной к Орину. вскоре внизу раздались возмущенные крики — это наемники узнали, что не получают ожидаемой награды.

Орин крикнул трубачу:

— Играй готовность к бою!

Раздался рев трубы, и тут же солдаты Орина вскочили со своих мест, и с равнины донеслось

лязганье тысяч мечей и топот тысяч сапог. А наемники, чувствуя, что сила не на их стороне, перестали шуметь и вскочили на коней. Вскоре они покинули лагерь и растворились в темноте.

Орин подождал, пока топот копыт не стал еле слышен, а затем еще немного — когда в лагере снова стало тихо. Только после этого он направился к своей палатке.

— Те наемники, что прибыли сегодня вечером, пока еще с нами, — приглушенным голосом сказал Орину Болард, который незаметно приблизился во время спора с жожаками, — но они взволнованы происходящим.

— Да, — согласился Орин. — Именно этого я и боялся. Я нисколько не сомневаюсь в том, что многие сбегут, поджав хвост, как только почувствуют запах настоящего боя. Какие же трусы мне служат!

Он развернулся и вошел в палатку.

Конан стоял все на том же месте. Он смотрел, как уходит Болард — видимо, он тоже пошел спать. Шум в лагере постепенно утихал, и Конан стал думать, где ему устроиться на ночлег. Его лошадь была привязана ниже по склону, рядом с высоким деревом, окруженным чащей, а сам Конан, если рядом были деревья, предпочитал ночевать возле них.

Оставив за спиной палатки Орина и его командиров, Конан почувствовал умиротворяющее дыхание сумерек. Был ласковый вечер. Дул легкий ветерок, вокруг негромко щебетали ночные птицы и тренькали сверчки. Внизу, в долине,

люди собирались плотными кучками вокруг костров, и звуки их голосов и пения поднимались до самых звезд, сверкавших в темном небе. Конан остановился, глядя на звезды вкушая необъятность неба как нечто осязаемое, осязаемое. И когда он смотрел на небо, а затем на усеянную огнями долину, его взгляд скользнул к югу. И там, на открытых равнинах, так далеко, что почти сливались с горизонтом, мелькали желтые огни. Огни костров.

Наемники?..

— Конан.

Он обернулся быстро и настороженно, как кошка. Это был Иллес; под руку его держала Тайс.

Улыбаясь, Иллес направился к Конану.

— Чудесная ночь, не правда ли?

— Да.

— И что ты думаешь об этих дезертирах?

Вместо ответа Конан указал рукой на юг.

— Взгляни вон туда, Иллес. Видишь огни?

По привычке Иллес приложил руку ко лбу — словно заслоняя глаза от полуденного солнца.

— Да,— произнес он медленно.— Костры.

— Кто бы это мог быть?

— Может быть, наемники. Или караван путешественников.

Но этот ответ не удовлетворил Конана.

— Нет. У меня есть причины думать, что...

Но, услышав чьи-то шаги, не договорил. Конан обернулся и увидел шлем Боларда, который на фоне усыпанного звездами неба казался чер-

ной дырой, непонятным образом насаженной на фигуру в темном плаще.

— Наслаждаетесь ночью? — спросил Болард глухо.— Или разрабатываете стратегию? — Он как будто смеялся; из-за шлема его голос странным образом искажался.

— Посмотри туда, Дестан,— сказал ему Иллес.— Там, на южном горизонте, огни.

Болард быстро глянул в ту сторону.

— И что это значит? — спросил он кратко.

— Конан считает, что это не просто огни.

— И что же, по его мнению, это такое?

Конан взглянул на Боларда, но не ответил. Тот медленно побрел прочь. Качая головой, Иллес посмотрел ему вслед.

— Странный человек,— тихо проговорил он.— Вот бы посмотреть, что он прячет под своей маской. Неужели он настолько ужасен? Единственное, что может скрыть маска — это лицо.

— Да, это верно,— ответил Конан, отметив про себя, что Иллес подобрал верные слова.— Я согласен с тобой. И думаю, все, что ему удастся скрыть от нас — это свое лицо. Все остальное выйдет наружу.

Он снова посмотрел на юг, затем пожелал Иллесу и Тайс спокойной ночи и направился к шатру, где его ждали лошадь и ночной отдых.

* * *

Армия Орина вышла в путь на рассвете следующего дня — четыре с половиной тысяч человек, включая солдат и наемников, держали путь

на север, в Сафад. Утро было ясным и чистым — и таким же тихим и свежим, как утро предыдущего дня, когда ничто не предвещало грозовых облаков и нашествия колдовских сил.

Войска шествовали тесными шеренгами; командиры Орина возглавляли колонны солдат, а вожак наемников — те, что не сбежали — шли во главе своих разношерстных отрядов. Варган, на боку которого болталось теперь два меча, легким галопом ехал рядом с Иллесом и Тайс. Дестан Болард шествовал во главе всего строя — слева от Орина; а справа, по настоянию барона, ехал Конан.

Как-то само собой получилось, что киммериец, ничего особенного не сделав для этого и даже не слишком того желая, занял в войске барона особое положение. Он не был назначен даже десятником, оставаясь обычным наемником, однако сам Орин обращался с ним уважительно и спрашивал его совета, да и остальные воины, многие из которых оказались понаслышке знакомы с репутацией варвара, относились к нему с большим почтением.

Варвар, которому по натуре отнюдь не была свойственна заносчивость, воспринимал все это совершенно спокойно, с горделивой невозмутимостью и достоинством, что еще более привлекали к нему сердца солдат.

..Орин ехал, прищурившись от яркого утреннего солнца, и, слыша позади себя шум, издаваемый его войском, чувствовал успокоение. Он часто оглядывался, и сердце его переполняла

гордость, когда он видел стройные, уходящие вдаль колонны — они тянулись по полям, поднимались по склонам и спускались в лощины. Армия... сильная армия. Армия, которая вознамерилась вернуть свой город и разрушить колдовство.

Орин посмотрел на дорогу, поднял руку и указал на северо-запад.

— Сафад,— сообщил он Конану,— лежит вон за тем лесом.

— А мы сможем дойти до леса хотя бы к вечеру?

— Легко. Мы станем там лагерем. А к утру завтрашнего дня мы увидим и сам Сафад,— произнес он голосом, наполненным и пылом, и горечью.

Конан удовлетворенно кивнул. Болард ехал рядом с ними, такой же неразговорчивый, как всегда. Его можно было принять за статую, посаженную на коня — все утро он безмолвно просидел в седле, погруженный, как подумалось киммерийцу, в свои тягостные мысли.

— Конан, а почему ты пустился в странствия? — спросил его Орин.— Что заставило тебя оставить свой родной дом и взять в руки меч, чтобы сражаться на чужой стороне?

— Ты считаешь, я слишком далеко забрался от гор родной Киммерии? — варвар усмехнулся. Что за странный вопрос...

— Нет конечно.— Орин улыбнулся.— Но... мне никогда прежде не доводилось встречать твоих соотечественников, они редкие гости в

наших краях. Мне просто интересно. Каждому путешественнику есть что рассказать, и каждый странник имеет богатый опыт. А его можно приобрести только по прошествии времени и пройдя долгий путь.

Конан нахмурился — а затем встряхнул головой, так, что его густые черные волосы, непослушные, развевающиеся на ветру, упали ему на спину.

— Когда я был совсем молод, все мои родные погибли, — сказал он Орину. — Убили всех, а меня взяли в плен. Я стал гладиатором в Халогге, затем бежал. С тех пор... много где побывал и нигде не задерживался надолго. Как будто ветер странствий подталкивает меня в спину, не давая усидеть на месте. Но мне нравится такая жизнь!

Они спустились с холмов и теперь ехали по долине.

Монотонно покачиваясь в седле, Конан смотрел на дорогу, и вспоминал многие другие, по которым он странствовал, будучи воином, точь-в-точь похожие на те, по которым он, конечно, будет следовать завтра, и через день, и...

Кромки леса они достигли уже в сумерках, и там разбили лагерь. Ночное небо было чистым и безоблачным, а воздух — очень теплым; на небе сверкали звезды, сияние которых серебристым узором отражалось на ветвях, покрытых мхом. И страх, рожденный под влиянием колдовства и неизвестности, который сопровождал воинов в пути, теперь, казалось, неведомым образом исчез, испарился.

Это трудно было объяснить, но Конан чувствовал, как страх, владевший всем войском, исчезает — это ощущение испытывали и Орин, и другие из его свиты. Пока воины ставили палатки, разжигали костры и выставляли часовых, барон беспокойно вышагивал по поляне, словно пытаясь учуять, уловить нечто, царившее в атмосфере.

— Ты это чувствуешь? — спросил он у Дестана Боларда; Конан стоял поодаль и прислушалась к их разговору.

— Занавес поднялся, — ответил тот своим глухим, металлическим голосом, — и дверь открылась.

Орин всмотрелся вдаль, пытаясь сквозь редкие деревья увидеть ночной Сафад.

— Он там, — произнес барон, — хотя мы его и не видим. Ни огней, никаких признаков жизни... — Он повернулся к Боларду и строгим, неожиданно гневным голосом спросил: — Что он сделал, Дестан? Что он сделал?

Болард не отвечал.

— Я не вижу Сафад. Неужели он полностью его разрушил? — Голос Орина дрожал от гнева; мускулы на руках вздулись, а руки сжались в кулаки.

— Он не исчез, — ответил Дестан угрюмо.

— Это ловушка...

Болард пожал плечами.

— Не знаю. Я знаю, что это ощущение идет оттуда. Усхор все еще там. Он словно накрыл город покрывалом. Его присутствие на земле мо-

жет быть незаметным, но сам он и его колдовство остаются.— Его слова — жесткие, зловещие — звучали убедительно, они принадлежали человеку, прошедшему все круги преисподней.

Орин отошел в сторону, чтобы прийти в себя после слов Боларда — обдумать их как следует и молча излить свою ярость. Но Конан, проводив взглядом Орина, повернулся к Дестану.

— Такое чувство, будто облака наконец рассеиваются,— сказала он.— Ты действительно уверен, что Усхор там?

Болард усмехнулся.

— Усхор может управлять даже чувствами. Если даже вокруг покой, знай, что за ним прячется назревающая буря.

Он развернулся на пятках и ушел. Конан, глубоко задумавшись, смотрел ему вслед. Ночь была ясной, звезды сверкали и казались такими же яркими, как капельки росы, освещенные солнцем.

Такими же яркими, как капли росы, которые — вспомнилось ему — сияли в лучах солнца два дня назад, до того, как налетела буря...

* * *

Они увидели Сафад утром следующего дня.

Город стоял на вершине высокого холма, окруженного жидкими рощами и плодородными полями и пастбищами. Обнесенный высокой стеной, безмолвный и одинокий, город не подавал признаков жизни.

— Он выглядел так же, когда мы оставили его,— сказал Орин.— Такой же заброшенный...

Конан чувствовал, что человек, который, вытянув шею, сидел в седле рядом с ним, напряжен и взволнован; его руки крепко сжимали поводья, а глаза были устремлены на город — барон пытался отыскать признаки вероломного колдовства. Утро было безмятежным. Небеса сияли лазурью, но птиц в воздухе не было. Все вокруг выглядело заброшенным — тут и там в бороздах валялись плуги, а мотыги и колышки для саженцев остались лежать там, где их бросили.

— Мы уходили именно этой дорогой,— сообщил Орин Конану,— и все время, пока не достигли леса, сражались с призраками.

И вдруг далеко на западе раздался низкий, раскатистый грохот — словно дракон проснулся после долгой спячки. Иллес, который ехал позади Орина и Боларда, произнес отсутствующим тоном:

— Гроза...

Орин покачал головой, а Болард, которого почему-то взволновало сказанное Иллесом, повернулся к нему и глухо засмеялся.

Гром прогремел снова, все там же, на западе — словно подсказывая Иллесу, что это не гроза. Молодой воин повернулся к Тайс, но та смотрела мимо него; затем легонько коснулась пальцами его руки.

Усхор...

Было ясно, что его легионы ждали неприятеля. Но где они находились — в городе или дале-

ко на западе? Орин прищипорил лошадь и помчался вперед, обогнав Боларда, Конана и Иллеса. Правитель Сафада бросался во все стороны, осматривая холм, поле и пашню в поисках хоть какого-нибудь намека на засаду, устроенную Усхором.

Но маг по-прежнему скрывался и выжидал.

По мере приближения к городским стенам, Конан чувствовал все возрастающее напряжение; кожа под доспехами взмокла от пота. До Сафада было уже недалеко, и теперь город был виден весь — безликий, безмолвный; на стене не было ни одного человека, а со стороны ворот не доносилось ни единого звука. Сафад лежал оскверненный, мертвый. Конан в любой момент ожидал нападения и представлял себе землю, дрожащую под ногами, неистовую бурю в небе, странный ветер и горящие глаза призраков...

Но никакие призраки не вышли им навстречу; на городской стене не стоял и не размахивал руками Усхор в развевающейся мантии; из-за стены не вылетали и не метали молний никакие колдовские создания. Никаких монстров. Никаких призраков. Никаких долгих и скучных обращений к силам Тьмы. Никаких демонов в темных одеждах.

Только город, стоящий с открытыми южными воротами — точно такой же, каким много дней назад оставил его Орин со своим войском во время отступления.

Когда первые воины достигли стены, Орин приказал остановиться. Извлекая на ходу меч, он

погнал коня вперед. Болард и Конан остались позади; лошадь киммерийца фыркнула, словно учуяв неладное. Конан пристально посмотрел на черный шлем, но Болард сидел не шелохнувшись, вперив глаза в Орина.

Конану казалось, что с каждой секундой Орин испытывает все больший страх. Но он упрямо ехал вперед, бдительно поглядывая по сторонам; затем, достигнув ворот, въехал в город и исчез за каменной стеной, а через несколько секунд вернулся, подавая руками сигнал, чтобы армия двигалась вперед. Взревели горны; тысячи лошадей затопали копытами, неторопливо и совсем не воинственно продвигаясь к городу.

— Усхора там нет, — сообщил Боларду Орин.

— Не будь так самоуверен.

— Нет, Болард. Он бы дал нам знать о своем присутствии.

— А если ловушка? — предположил Конан.

Орин пожал плечами.

— Я так не думаю. Может быть, он нашел то, за чем явился сюда. Может быть, мы и сражались зря, и нанимали воинов тоже напрасно...

Тысячи солдат и наемников проследовали за ним в пустой город. Всюду, куда хватало глаз, виднелись следы грабежа, разрухи. Город, однако, оказался не таким пустым, как предполагал Орин — здесь осталось много стариков, детей, раненых солдат — в их взглядах сквозило безумие, а в жестах — смерть. Они сидели, эти когда-то преуспевающие граждане Сафада, на кирпичиках, из которых складывали стены, на камнях

и деревянных скамьях во дворах и скверах. Старики собирались вместе беспорядочными серыми толпами и гудели точно рой потревоженных пчел. Одна старуха ковыляла по мостовой, опустив руку к земле, квохча и цокая языком — она пыталась подозвать к себе несуществующих цыплят, горстями разбрасывая по земле воображаемые зерна. Дети попрятались по углам или сидели, забравшись на ветки мелких садовых деревьев, и кричали, ругались и плевали на проезжающих мимо солдат — они явно были близки к сумасшествию. Уцелевшие воины, точно зомби, расхаживали по улицам со сломанным оружием.

— И это все... кто выжил? — прошептал Орин, задыхаясь от нахлынувших на него чувств. — Он слотнула, а по рукам, держащим поводья, пробежала дрожь. — Чтобы увидеть Сафад таким...

Внезапно он повернул лошадь и поскакал к центральной площади. К нему приблизился один из командиров, отдал честь и проговорил:

— Боюсь, что наемники начнут жаловаться, мой господин. Они ждали битвы, а здесь ничего такого не предстоит. А теперь они хотят знать, заплатят ли им за все это.

— Проследи за ними, — угрюмо велел Орин. — Они будут мародерствовать. Они вправе обшаривать брошенные, разрушенные строения, но не должны причинять вреда людям.

— Хорошо, мой господин.

Иллес, который ехал рядом с Конаном, указал на высокую ротонду отполированного купола, возвышающегося впереди.

— Смотри, вон там — наш дворец.

Купол был почти полностью разрушен.

— А сколько людей жило раньше в Сафаде?

— спросил северянин.

— Двести тысяч. — Иллес отер рукой лоб. — Двести тысяч. И Усхор уничтожил их меньше чем за день.

— Он убил двести тысяч человек?

Иллес с грустью покачал головой.

— Нет. Большая часть их бежала. Пока мы бились с призраками, жители с криками убежали через ворота. И боюсь, они никогда не вернуться. Эта земля теперь проклята.

Главная площадь перед дворцом была усеяна мертвыми телами, источавшими тяжелый запах. Вокруг них носились стаи одичавших собак. Сотни мертвых тел в потускневших доспехах лежали в странных скрюченных позах. Тучи насекомых роились в воздухе, отбрасывая на землю мощные тени. Из окон выглянуло несколько серых, исхудалых лиц — секунду они смотрели на прибывших воинов, а затем снова скрылись в тени.

Орин подъехал к парадной лестницы и спешил. Остановили лошадей и люди из его свиты, и солдаты; наемники же неспеша начали разбредаться по полуразрушенным улицам и аллеям. Военачальники Орина велели своим людям внимательно следить за ними.

Хотя опасность как будто миновала, Орин поднимался по парадной лестнице медленным шагом, обнажив меч. За ним последовали Болард

и Конан, а следом Иллес, Тайс, Варган и остальные. Орин с напряжением всматривался и вслушивался. Несмотря на то, что они не встретили ни одного призрака, Усхор мог неожиданно напасть на него здесь и отрезать от остальных. Или во дворце его могла ждать ловушка. Орин поднялся на самую верхнюю ступеньку, пересек галерею, толкнул приоткрытые двери...

Внутри было пыльно, темно и мрачно — но никаких колдовских сил.

Орин медленно двинулся по главной галерее; звуки его шагов отдавались эхом. Остальные проследовали за ним. Здесь также было много трупов, но дворец, выстроенный из мрамора и золота, стоял брошенный, никем не тронутый — безмолвный и мрачный, как могила. Орин прошел под высокой аркой, а затем спустился по коридору, который вдоль стен которого располагались гигантские колонны, украшенными резными картинами и узорами. Он миновал открытые вестибюли, залы для аудиенций, и наконец достиг тронного зала.

Именно в этом зале он вершил правосудие, объявлял войны, встречался с иноземными послами. Этот зал был сердцем города, сердцем его существа — его людей, его королевства, его армии.

А теперь он был разрушен. Его трон был раздроблен на куски — каменные обломки и щепки дерева усыпали помост и выложенный плитками пол. Тяжелые столы и стулья его советников также были разбиты в щепки и разбросаны

по всему залу. Колонны были испещрены трещинами и надрезами — то ли следами драки, то ли результатами колдовства; у одной из колонн полностью была снесена верхняя часть.

И везде лежали мертвые тела воинов в доспехах, которые пали во время боя и так и остались здесь — серые, размякшие, источающие ужасный запах, с гниющей плотью, по которой ползали черви. Гобелены и портреты были сорваны со стен и сожжены. Медные светильники и посуда — все это также было сломано или исковеркано. В центре зала на полу чернел огромный круг — как будто здесь сожгли что-то круглое. А может быть, что-то просачивалось сквозь пол — что-то магическое, нематериальное. Может быть, здесь Усхор держал со своими монстрами военный совет или пытал кого-то из жителей Сафада, или же превратил тронный зал в загон для адских тварей...

Орин молча подошел к обломкам трона. Он крепко сжал рукоять меча, мускулы его напряглись, а на лбу и на шее выступили жилы. Остальные за его спиной стояли, затаив дыхание.

Орин встал у основания пьедестала, с волнением глядя на обломки. Пот заливал его лицо. У его ног на полу лежало потускневшее бронзовое блюдо. Орин с яростью пнул его ногой. Блюдо с глухим звоном покатилося по полу, клеща и противно дребезжа.

— Где он?

Голос его был не громче шепота, но в большом зале прозвучал как удар грома.

— Куда он исчез?

Орин глубоко вздохнул, повернулся и посмотрел на Боларда и остальных. Меч под его рукой дрожал, словно от желания найти и пронзить сердце Усхора.

Тайс прижалась к Иллесу, напуганная вулканическим гневом барона, и тем, что он мог бы навлечь на себя гнев самой преисподней.

— Куда он исчез, Болард? Где Усхор?!

И это имя эхом отозвалось в зале. Болард покачал головой, закованной в шлем.

С яростным криком Орин развернулся и взмахнул мечом. Дубовое кресло, крепкое, тяжелое, отлетело в сторону под натиском этого порыва...

— Где ты, где ты, мерзавец!..

Потом он взял себя в руки. Благодаря железной воле, Орин умел управлять собой и в гневе.

— Орать, бушевать, злиться... — тяжело дыша проговорил он, — в этом нет ничего хорошего. Что же я еще мог ожидать? Разве мы не думали, что Усхор оставит Сафад в руинах?

Успокоившись, Орин подошел к своей свите и посмотрел на Боларда.

— Ты ошибся — его здесь нет. Он исчез. Он нашел то, что искал?

— Не знаю.

— Ты знаешь его лучше, чем кто-либо.

— Сейчас это не имеет значения. Но вы можете быть уверены, что он не успокоится.

— Нет. Нет. — Орин поглядел вокруг себя, как затравленный зверь, дрожа от желания распра-

виться с врагом, готовый на клочки разодрать того, кто признает себя виновным во всех его мучениях. — Нет, его здесь нет. Мой меч обязательно бы учуял его.

— Ничем не могу помочь, — сказал Болард.

В ответ на это замечание в глазах Орина вновь вспыхнула ярость; но он вовремя овладел собой, и что-то заворчал, оглядывая тронный зал.

— Найдите его, — объявил Орин. — Опросите каждого, кто остался в живых, осмотрите каждое здание. Я уверен, что хоть кто-нибудь видел его. Но куда же он мог пропасть, Дестан? — Он снова взглянул на Боларда. — Вернулся в свою крепость?

Тот пожал плечами.

А не мог ли Болард нарочно разыгрывать из себя дурачка, подумал Конан. Почему-то он был уверен, что тот знает гораздо больше, чем говорит. Он испытывал все возрастающее раздражение; спорами и разглагольствованиями все равно ничего не добиться.

Северянин незаметно выскользнул из тронного зала, в то время как Орин, несколько успокоившись, решал, что необходимо сделать в первую очередь.

Киммериец прошел по коридору и оказался у дворцовой галереи. Все солдаты разбрелись кто куда — наемники, конечно, рыскали по городу в поисках наживы, а солдаты регулярной армии следили за тем, чтобы они не очень усердствовали. Казалось, ситуация неуловимым образом изменилась, и это Конану очень не нравилось.

Он посмотрела вниз, на Сафад. Никогда прежде он не видел такого. Казалось, будто стены и дома — всего лишь миражи, созданные посреди кофийских полей — без людей, без толп — лишенный души.

Вдалеке слышались голоса наемников — люди ехали верхом и что-то пронзительно кричали. На площади было тихо и безмолвно — ни одного признака жизни, лишь мертвые тела. Ветер колыхал оконные ставни и они глухо стучали. По переулку неуверенно шла дворняжка — Конан увидела ее длинную тень, упавшую на мостовую...

Но... это не собака!

Конан напряженно наблюдала за тенью — та завернула за угол. Затем из-за угла появился серая фигура и, прижимаясь к стене, миновала северянина.

Конан шагнул вперед.

Человек был небольшого роста — судя по всему, мужчина. На нем была серая поношенная накидка, такие обычно носили жрецы, отшельники и колдуны. Он мало смотрел по сторонам и все-таки двигался крадучись, словно пытался убежать, словно чего-то боялся.

Конан сбежал по ступеням дворцовой лестницы.

— Эй, постой!

Человек продолжал красться, не обращая внимания на его крик, а может, не слыша. Конан пересек двор. Человек миновал здание и направился к следующему переулку.

— Стой!

Человек в сером скрылся в переулке, и его тень последовала за ним.

Конан вынул меч и перешел на бег. Он добежал до переулка, заглянул за угол и увидел силуэт человека на фоне прямоугольника света у другого конца переулка.

— Стой! Да ты глухой или просто трус? — И киммериец направился к нему, осторожно, держа меч наизготовку.

Человек в сером повернул к Конану лицо. Он смотрел на него из темноты переулка и ждал; глаза его сверкали желтым.

— Кто ты? — спросил его Конан.

В ответ человек уставился на него глазами, сверкающими точно угли.

— Мое имя Сундар. Я вендиец

— Что ты здесь делаешь?

Человек не ответил, просто тихо стоял, спрятав руки в рукава своей серой накидки.

Вендиец словно излучал какое-то неприятное сияние, и киммерийцу казалось, что он смотрел с видом молчаливого, но враждебного неповиновения — словно за бесстрастным лицом притаилась непонятная угроза.

Конан шагнул к человеку и грубо приказал:

— Следуй за мной, Сундар.

— Могу я узнать, почему? — почти без интонаций спросил тот.

— Потому что у меня в руках меч!

— А! — его слова как будто позабавили Сундара. Тем не менее он кивнул и пошел вперед;

Конан дал ему пройти и направился следом, велел ему свернуть с переулка и идти к дворцовой лестнице. Человек шел медленно, короткими, как у кошки, шажками; он молчал, и казалось, вовсе не беспокоился из-за присутствия Конана, но двигался точно так же, как в тот момент, когда киммериец впервые увидел его.

— Теперь навстречу, — велел Конан, указывая на ступени, ведущие к галерее.

Сундар медленно произнес:

— Так значит, барон Орин вернулся?

— Да, ты должен был видеть его воинов. И что с того?

Пока они не достигли галереи, Сундар не произнес ни слова. Затем он повернулся к Конану.

— Боишься меня, северянин?

— Я не боюсь никого и ничего — но я не доверяю тебе. Одно неосторожное движение — и я разрублю тебя на куски.

Сундар слабо улыбнулся.

— Мы не делаем неосторожных движений.

Они пересекли галерею; Конан по-прежнему напряженно сжимал рукоять меча. Спокойная уверенность этого человека действовала ему на нервы; тот вел себя так, словно шел по собственной воле, а не в качестве пленника.

— Теперь туда, — приказал Конан.

Они вошли внутрь, и Сундар направился по коридору, северянин, не вкладывая меч в ножны, провел его в тронный зал. У входа вендиец откинул капюшон, и Конан увидел, что у него налысо выбрита голова.

Пока Конан отсутствовал, Орин и его помощники заняли два стола и несколько кресел. Все они сидели, уперев локти о стол и положив подбородки на кулаки, и беседовали, спорили. И только когда Сундар проскользнул в зал, они подняли глаза и замолкли.

— Что это? — спросил Орин, вставая и направляясь к вошедшим. — Где ты его нашел?

Болард тоже поднялся с места, а за ним и остальные.

— Я увидел, как он крадется через площадь. И мне это не очень понравилось.

— Проходи, — скомандовал Орин. — По виду ты похож на вендийца. Как твое имя?

— Меня зовут Сундар! — И он поклонился, выказывая несколько насмешливое уважение к вопрошавшему. — Верно, я вендиец.

Орин внимательно оглядел его, а затем бросил взгляд на Конана, который стоял за спиной Сундара, держа в руке обнаженный меч.

— И что ты здесь делаешь?

— Я вошел в город, когда исчезла твоя армия, барон, — ответил вендиец.

— Зачем? — резкий голос Орина прозвучал угрожающе. — Ты из войска Усхора?

— Из войска Усхора? — загадочно улыбнулся Сундар. — Нет, Усхор — наш смертельный враг.

— Ваш? — Орин приблизился к Сундару, не отрывая взгляда от его глаз. Болард также подошел ближе.

— Я не один в нашем ордене. Усхор — наш враг, он ввязался в события, о важности которых

даже не подозревал. Вот почему меня послали за ним.

— А где же твои товарищи?

Сундар промолчал, буравя своим взглядом Орина.

— Куда делся Усхор? Говори!

Но вендиец по-прежнему молчал.

— Ты скажешь мне то, что я хочу знать,— пригрозил барон,— или я найду способ заставить тебя говорить!

Сундар покачал головой.

— Будете пытаться меня? Это не приличествует человеку, который славится своей справедливостью и снисходительностью.

— Усхор разрушил мой город и убил моих людей,— суровым тоном произнес Орин.— И если ты хоть что-нибудь знаешь об этом, то расскажешь мне сейчас же.

Но Сундар молчал. Он просто стоял — перед Орином и Болардом, пряча руки в рукавах, с выражением кроткого неповиновения на лице.

Низким стальным голосом Боларда проскрежетал:

— Нужно подвергнуть его пытке, Орин. Он должен знать хоть что-нибудь.

Конан обратил внимание на тон, каким Болард произнес свои слова — в нем звучали нотки явного беспокойства. Может, он боится Сундара? Северянин доверял Боларду не больше, чем этому человеку в серой накидке...

Неожиданно снаружи донеслись шум и беспокойные крики. Орин повернулся к Иллесу.

— Что там такое творится?

В зал вбежал один из воинов барона.

— Мой господин! — закричал он.— Это наемники — они подняли мечи на наших солдат!

— Что?

— Точно,— подтвердил Иллес, который подбежал к окну и выглянул наружу.— Они подняли мятеж.

Орин быстрыми шагами подошел к окну и с силой ухватился рукой за подоконник. На площади и всюду, куда простирался взгляд, шли бои между вооруженными отрядами Сафада и конными наемниками. Лошадей пускали галопом, толпы насакивали друг на друга, и всюду слышалось лязганье металла о металл. Крики раненых солдат постепенно переросли в тревожный, несмолкаемый гул.

Орин яростно выругался и вышел из тронного зала, призвав своих помощников следовать за ним. Тайс подбежала к Иллесу, и они стали смотреть наружу; остальные также прилипли к окнам. Варган, поглядев на происходящее, крепко выругался, обнажил два своих меча, и побежал вслед за Орином.

Конан не спускал глаз с Сундара. Вендиец, по-прежнему оставаясь спокойным, в свою очередь, смотрел на северянина, и в глазах его явно читалось насмешливое удивление. Затем он подошел к одному из столов и налил себе вина. Конан пристально наблюдал за вендийцем, и одновременно раздумывал, что ему делать — продолжать следить за этим типом или присоединиться

к солдатам и вступить в бой с наемниками. Он бросил короткий взгляд в окно, а затем снова повернулся к столу.

Сундар исчез.

Конан выругался и быстрыми шагами пересек тронный зал. Вендиец не мог покинуть комнату всего за какое-то мгновение... Нет, напомнил себе он — ни один обычный человек не смог бы покинуть комнату за это время; Сундар же сумел. Здесь явно какое-то колдовство. Конан выбежал из тронной залы, бросился по коридору сначала в одну сторону, потом в другую, но вендийца нигде не было.

Повинуясь какому-то толчку, он прошел по коридору направо, миновал еще одну комнату и вестибюль, расположенные в глубине дворца. Здесь звуки битвы были почти не слышны. В конце коридор раздваивался на два новых — один вел к восточному крылу двора, другой — к западному.

Конану показалось, что в конце западного коридора метнулась тень. Конан посмотрел в другую сторону, но решил послушаться инстинкта. Вышагивая по выложенному мрамором полу и бряцая кольчугой, Конан понимал, что с каждым шагом ему все труднее скрыть свое присутствие.

Он завернул за угол и увидел Сундара, который спокойно шел — хотя, очевидно, должен был лететь — в дальнем конце коридора. Конан велел ему остановиться. Но как и там, во дворе, вендиец снова не обратил на него никакого внимания. Конан, разъяренный, бросился в погоню.

Он настиг вендийца в тот момент, когда тот открывал тяжелую дверь, расположенную в конце короткого бокового коридора.

— Куда ты направляешься, Сундар?

— Это не твое дело.

— Ты пойдешь обратно вместе со мной!

— Мы так не думаем.

— Разрази тебя гром! — воскликнул Конан, хватая вендийца за руку.

Тот остановился, плавно развернулся и, хотя Конан держал его крепко, он мгновенно и без усилий освободил свою руку.

— Кто это — вы и что вы здесь делаете? — спросил Конан, чувствуя, что его терпение лопается. — Говори, вендиец, или... — Он поднял меч и уперся им в горло Сундара.

— Очень хорошо, — проговорил вендиец, по-прежнему не выказывая ни малейших признаков беспокойства. — Я скажу тебе — хотя, по правде говоря, это вовсе не твое дело, Конан.

Разве он говорил ему свое имя? Или он подслушал разговоры в тронном зале?

— Мы здесь затем, чтобы помешать Усхору, — произнес Сундар спокойным, бесстрастным голосом. — А теперь дай мне пройти.

— Так Усхор здесь?

Но Сундар не ответил.

Конан ткнул кончиком меча в его шею, оцарапав его; глаза вендийца сверкнули желтым огнем. Затем он взмахнул рукой, отводя от себя меч, — странная дрожь пробежал по лезвию и рукояти и достигла руки киммерийца.

Конан смотрел на него, нервы его были натянуты точно струны...

Внезапно снаружи донесся грохот, явно не имевший отношения к бою. Конан бросил быстрый взгляд на окно рядом с лестницей, выходящее на запад; грохот раздался снова — точно такой же они слышали, когда приближались к Сафаду.

Сундар как будто не обратил на него внимания; лишь тень беспокойства промелькнула на его бесстрастном лице.

— Если хочешь, то пойдем со мной,— сказал он,— но я не в ответе за все, что может случиться.

Конан уловил в его голосе еле заметную угрозу. Он кивнул вендийцу.

— Веди. Но я предупреждаю, что...

— Не надо предупреждать, северянин. Дело это очень важное.

Они проследовали вверх по лестнице — Конан, точно тень, шел почти вплотную к Сундару. Снаружи продолжал греметь гром; но в этом коридоре было тихо и влажно, как в подземелье. Наверху Сундар открыл железную дверь, и за ней обнаружился новая лестница.

— Куда ты идешь? — спросил Конан.

— Свое главное колдовство Усхор творит в западной башне.

— Откуда ты знаешь?

— Чувствую.

Он открыл позолоченную дверь, в которую упирался второй пролет. За ней оказался тесная

комнатка; здесь были книжные полки, стол и целая куча предметов для занятий магией — подставки для курений, жертвенники, призмы, пергаменты и старые книги. Пол, стены и потолок были украшены самыми резными узорами — невероятными, таинственными, которые могли бы свести с ума любого, кто бы на них взглянул.

В первый момент Конану подумалось, что это ловушка. Комната имел искаженные формы и очевидно, была нарочно так выстроена. Пол шел косо, с наклоном в один из углов, потолок странным образом изгибался в другом направлении. Стены тоже имели наклон. Вся геометрия комнаты была нарушена. Каким-то образом Конан чувствовал, что эти стены могут удерживать людей... вещи... силы... с такой же легкостью, с какой ребенок сажает навозного жука в кувшин изпод вина.

Сундар подошел к столу, на котором лежали открытый пергамент и несколько свернутых в трубочку бумаг, большой хрустальный шар и чаша для курений, наполненная пеплом.

— Усхор уходил в спешке,— объявил вендиец, внимательно изучая пергамент.

— Когда?

— Вчера вечером.

— Почему он ушел, Сундар?

Вендиец пропустил его вопрос мимо ушей и погрузился в изучение пергамента. Бумага была покрыта рунами, относящимися к древнему, уже не существующему языку; и все же Сундар как будто без труда разбирался в них. Конану пока-

залось, что по мере того, как он погружался в текст, его лицо постепенно бледнело. Он читал, водя по иероглифам костлявым, чуть дрожащим пальцем.

Конан подошел к вендийцу и нагнулся, глядя через его плечо на странный документ.

— Почему он ушел, Сундар? — повторил он. — Он нашел то, что за чем явился?

— Нет.

Рассерженный его равнодушием, он уже была готов выругаться — но тут вдруг вендиец зашипел и быстро поднял вверх палец, словно обжегся. Конан увидела, что его широко открытые глаза полны страха.

— Сундар... о чем там говорится?

— Усхор в спешке оставил город, потому что...

— О чем говорит пергамент?

Сундар выпрямился и отвел взгляд от листа. Затем посмотрел на киммерийца, и в глазах его явно читался угроза. Где-то вдалеке снова бухнуло; но на этот раз Конану показалось, что грохот доносится вовсе не с неба.

Дверь комнаты захлопнулась. Конан посмотрел на дверь — не закрылась же она сама? Затем перевел взгляд на Сундара. В его желтых глазах по-прежнему светился недобрый огонек.

Конан почувствовал, как по спине у него пробегают неприятный холодок. Он крепче сжал рукоять меча, готовый обрушиться на вендийца, если почувствует хоть малейшую угрозу...

— Мы скажем тебе, почему мы здесь. Мы поклоняемся божеству, которое намного древнее

любого из богов этой эпохи. Мы поклоняемся Энкату и относимся к секте, которая предана Ему; мы те, чей долг — защитить Его от богохульства.

И снова раздался гром — низкий, резонирующий, теперь уже где-то совсем близко. Или это содрогнулись стены высокой башни? Конан с тревогой наблюдал за Сундаром и думал, не заговаривает ли тот ему зубы, чтобы затем неожиданно напасть?

— Усхора нет в живых, — продолжал Сундар, сверкая глазами, которые отбрасывали неприятный желтый свет на лоб и щеки. — Но он и не мертв. Усхор покинул этот мир много тысяч лет назад. Хотя он был рожден смертным, он сумел стать легендарным колдуном, настолько могущественным, что, казалось, никто и ничто не сможет встать у него на пути. Но его убили, уничтожили магией его враги. Много веков он пролежал в могиле, его волшебство было уничтожено, и, если бы не ошибка, допущенная одним из членов нашего ордена, он по-прежнему был бы мертв.

Конан слушал Сундара, продолжая внимательно наблюдать за ним. И с каждым мигом в душе его росла уверенность, что вендиец никогда бы не рассказал ему это, если бы не вознамерился убить его. С другой стороны, колдун говорил так холодно и бесстрастно, что можно было подумать, он излагает эту историю самому себе, как будто для того, чтобы напомнить о долге, который на него возложен.

— Не так давно один волшебник нашего ордена совершил обряд темной магии, в котором сам мало что понимал. За свою дерзость он был проклят и предан забвению. Хотя мы и пытались усмирить вышедшие на свободу силы, мы не преуспели до конца — благодаря потокам и вихрям, управляющим всеми колдовскими силами, Усхор пробудился и выполз на этот свет. И мы в ответе за то, чтобы он снова был уничтожен.

Конан покрылся холодным потом. Он из всех сил старался не поддаваться страху, который внушал ему вендиец. Но под влиянием, которое оказывали и эта странная комната сумасшедшей планировки, и запертая дверь, и непонятный грохот, раздающийся за стенами башни, Конан испытывал жуткую смесь чувств — неуверенность, страх и ощущение нависшей угрозы.

— Но как ты собираешься убить Усхора? — спросил киммериец.

Сундар поднял вверх правую руку; рукав сполз вниз и на среднем пальце обнаружилось кольцо. Это было очень странное кольцо — крупное, выплавленное из какого-то золотистого металла, который сверкал намного ярче, чем золото. Кольцо украшали мелкие драгоценные камни — они искрились и, отражая свет, вспыхивали ярким блеском — таким переливчатым, неприятным, что у Конана чуть не закружилась голова. Он понял, что это было кольцо силы — оружие волшебства.

— Это Кольцо Энкату, — объяснил Сундар. — Оно было спрятано здесь, в этом городе, много

веков назад — ведь Сафад город намного более древний, чем подозревали хайборийские правители. В действительности Сафад — кхарийское название, и основан он был еще до падения Ахерона. И поэтому именно здесь было заложено первое святилище Энкату... Сегодня мы — те, кто поклоняется Энкату, не имея ни храмов, ни городов, ни домов; мы путешествуем по всему миру и служим божеству где угодно — в руинах, на полях сражений, в пещерах и на кладбищах. Следы нашего поклонения спрятаны во многих местах, известных только посвященным. Усхор узнал, что Кольцо было здесь, в Сафаде; поэтому он и захватил город. И поэтому мы пришли сюда — чтобы вырвать Кольцо от его рук.

Конан огляделся вокруг себя, посмотрел на запертую дверь и кривые углы комнаты. Ни одного окна. Сквозь каменные стены доносился все более мощный грохот.

— А где Усхор сейчас? — спросил он. — Он все еще в Сафаде?

Сундар взглянул на лист пергамента.

— Нет, здесь его нет — без сомнения, он скрылся в своей крепости. Он не смог найти Кольцо, и теперь затеял новое колдовство, которым встретит армию Орина. Его магия не может причинить нам вред, поскольку теперь Кольцо у нас. Цель нашей жизни — уничтожить Усхора...

Внезапно где-то совсем рядом раздался ужасный грохот. Сундар глухо засмеялся и взмахнул рукой с кольцом — так, словно это было не украшение, а оружие.

— Они идут! — пропел вендиец, и его глаза снова загорелись желтым. — Они идут — во главе с Усхором. Но они не смогут навредить мне!

Конан почувствовал, как стучит его сердце; он нахмурился и угрожающе поднял меч.

Кто это — они?

Сундар хихикнул.

Конан посмотрел на вендийца. У того был злорадствующий вид, Конану нестерпимо захотелось прикончить колдуна. Снаружи в очередной раз прогрохотало, прогремел молния; башня задрожала, и из стен начали выпадать камни.

— Усхор устроил западню! — закричал Сундар. — Орин и все его воины обречены! Ты тоже умрешь — здесь!

Он взмахнул рукой. Кольцо зловеще сверкнуло...

Конан прыгнул, взмахнув мечом; Сундар ловко увернулся, не переставая хохотать. В тот же миг комната сотряслась от жуткого грохота; все закачалось у Конана перед глазами, и мощная волна сбила его с ног.

На какой-то миг Конан подумал, что это результат колдовских действий Сундара. Затем на него полетели пыль и камни, и он почувствовал, что куда-то скользит. Он прижался к полу, вокруг сыпались камни и с треском разлетались на осколки; неожиданно налетевший смерч оторвал его от пола. Конан с трудом встал на колени, по-прежнему сжимая в руке меч. Он обернулся и увидел, что стена башни у него за спиной полностью разрушена, и сквозь пелену пыли и из-

вестки разглядел здания, западную стену Сафада, желто-зеленое небо... как вдруг что-то темное, влажно блестящее быстро пронеслось мимо обвалившейся башенной стены.

Поднявшись на ноги, Конан увидел, что Сундар, пошатываясь и тяжело дыша, стоит возле внутренней стены, и его лоб залит кровью — видимо, в колдуна угодил камень или осколок кирпича. Дверь слетела с петель.

Конан уже слышал новые раскаты грома и чувствовал, что пол начинает ходить у него под ногами; он выскочил из комнаты и помчался вниз по лестнице.

И снова от мощного толчка он упал на колени. Снова посыпалась пыль и полетели камни. Стоя наверху лестницы, Конан услышал грохот рушащейся башни.

Но были и другие звуки. Кто-то скребясь, карабкался следом за ним.

Сундар.

Варвар не стал ждать его. Он вскочил на ноги и бросился вниз по лестнице, стараясь не обращать внимания на то, что ступени трясутся и трещат у него под ногами.

Киммериец достиг второго пролета, открыл дверь и побежал по узкому коридору западного крыла. И он все время слышал, как кашляет и ругается Сундар, продираясь вслед за ним.

— Конан!

Но он не останавливался, пока не достиг конца коридора; дальний вестибюль как будто пока не пострадал от толчков.

— Конан!

Он обернулся. Вендийцу явно пришлось худо — он стоял, шатаясь и уперевшись рукой в стену, и постепенно сползал на пол.

— Сундар! — крикнул ему северянин. — Кольцо — используй его!

Очередной толчок потряс пол под ногами. Сундар упал ничком. И закричал — по его волосам заструилась кровь.

— Сундар, сделай же что-нибудь...

Пол посередине коридора вдруг вспучился и обвалился. Конана отбросило назад, и ему показалось, что он мельком увидел что-то огромное, змеевидное, скользящее вверх. И тут обвалился потолок, обрушивая потоки камней и пыли.

Вендиец закричал снова.

Конан ухватился за угол стены — в том месте, где сливались два коридора. Воздух потемнел от пелены песка и пыли. Задыхаясь, Конан помахал перед собой рукой, чтобы разогнать пыль и увидеть, что творится в на другом конце коридора.

Сундара он не видел — слышал лишь его крик. Или его зажало на другой стороне обломками, или придавило обрушившимся потолком.

— Сундар!

В коридоре было темнее, чем ночью. Конан вслепую двинулся вперед, наступая на осколки и мечом прощупывая путь.

— Сундар!

Он подошел к завалу из камней, преграждавшему коридор от одной стены до другой, и по-

нял, что пробраться через него не сможет. Он слышал затрудненное дыхание Сундара — булькающее и свистящее. Конан отвалил в сторону булыжник, затем принялся откидывать камни.

— Сундар! Призови же на помощь свою магию и останови все это!

— Мы... Они... — Конан почти не слышал, что говорит колдун. Он снова закашлялся.

— Сундар! Слушай меня!

Пол снова задрожал под ногами, но ему показалось, что самые сильные толчки уже позади. Пытаясь расчистить завал, он вдруг наткнулся на что-то теплое, мягкое и влажное.

— Кром! — он отпрянул. Это была рука вендийца, вся залитая кровью; на среднем пальце тускло мерцало кольцо Энкату.

— Сундар, ты можешь...

— Они... они здесь!

Хотя пыль осела и глаза Конана привыкли к темноте, он мало что мог разглядеть. Но он слышал звуки, которые доносились из-под горы камней.

— Сундар...

— Они здесь!

Конан вдруг услышал то ли шепот, то ли тихое бормотание — как будто пытались говорить какие-то существа, не имеющие языков. Кто-то двигался — недалеко раздались хлопки, шелест... словно лохмотья влажной плоти волочились по камням; кто-то подползал все ближе...

Хотя Конан все слышал, он почти ничего не видел. В темноте он едва различал окровавлен-

ную, вздрагивающую руку Сундара, которая торчала из-под обломков. Конан закашлялся и утер слезящиеся глаза, полные песка. Сундар кричал все громче и истощнее.

— Они здесь! Айя нагал ка нокомис кулум..!

Конан почувствовал, как по коже поползли мурашки. Вендиец, похоже, решил прибегнуть к какому-то защитному заклинанию. Значит, Кольцо ничем не могло ему помочь! Сундар в отчаянии молотил ногой по камням. Неторопливое шуршание раздавалось все ближе и отдавалось гулким эхом — сквозь бормотания Сундара можно было слышать, как гремят камни, отлетающие в стороны.

— Най харайят милак, айя нагал — Эйя-а-а!

Конан изо всех сил старался пытаться расчислить завал. Почему он старался спасти жизнь этому вендийцу, в то время как его собственная была в опасности? Потому, наверное, что тот был человеком, а эти — кто бы они ни были, твари вылезшие из-под земли — они оставались гнусными порождениями зловонного мрака.

— Помогите! На помощь! Конан!

Он ухватил руку вендийца — бьющуюся, дрожащую — и рванул в бесплодной попытке высвободить его.

— На промо-о-ощь!

Крик перешел в рыдающее завывание. С того конца завала раздавались хлопки, перемежающиеся трещащими и хрустящими звуками. Вопли вендийца переросли в дикие крики и вой, наполненный ужасом, а затем неожиданно стихли.

Трещали хрящи, раскалывались кости, а мягкая плоть разрывалась на влажные клочья...

Камень выпал из онемевших рук Конана.. Его лоб был мокрым, пот заливал глаза. На пальце Сундара тускло светилось Кольцо Энкату.

Конан схватил кольцо и попытался стащить его с пальца. Возможно, оно защитит его не лучше, чем Сундара, но хотя бы поможет справиться с Усхором. Как-нибудь...

И вдруг залитая кровью рука высвободилась из-под камней, из обрывков влажной плоти торчал обглоданная кость...

Конан стащил с пальца кольцо, бросил его в маленький мешочек, висящий на поясе, взял меч и стал пробираться обратно по коридору. С той стороны завала по-прежнему слышался треск и хлопающие звуки.

Запыхавшись, Конан выбежал наконец из этого коридора, выбрался из-за пылевой завесы и проклятой темноты и оказался в еле освещенном, длинном и узком зале, который вел к центру дворца. Где-то вдали еще грохотало, но не сильно. И пол под ногами больше не дрожал. Может быть, это означало, что они вернулись под землю? Нет, сейчас они были на поверхности — и возможно, расплозились уже по всему городу, убивая воинов Орина и наемников.

Наконец Конан оказался в главном коридоре. Где-то впереди, за широко открытыми воротами виднелись люди, целая толпа, заполонившая площадь. Проходя мимо тронного зала, Конан заглянул туда и обнаружил там лишь Тайс, которая,

съжившись, сидела под столом... Нет, там была не только Тайс, но и свежие трупы.

Конан подбежал к девушке.

— Что случилось?

— Твари... они появились здесь и... они... — бедняжка скорчилась под столом, глядя перед собой и зажимая пальцами рот.

— Тайс!

Девушка подняла глаза; в них ясно читался безумный ужас.

— Что это было?! — закричала она. — Эти... создания!

Конан схватил ее за руку и вытащил из-под стола.

— Во имя Крома, девочка! Приди в себя! — Он ударил Тайс по щеке — та вскрикнула, потеряла равновесие и упала на пол, корчась в рыданиях.

— Кто они такие? — кричала она.

Конан оставил ее. Теперь в глазах Тайс не было огня безумия, только страх. Она сама придет в себя от плача, но уже не сойдет с ума.

У окна лежало тело одного из слуг Орина. Голова его была повернута под неестественным углом, рот зиял чернотой, на щеках виднелись засохшая кровь, вытекшая из-под век. Судя по глубокой вмятине на доспехах, солдат был на смерть раздавлен объятиями гигантского змея.

Конан отвернулся от тел и выглянул в окно. Со стороны центральной площади доносились взволнованные голоса, крики, и киммериец увидел, что каждый клочок земли там был занят

толпами солдат — сбившись в тесные группы, они размахивали мечами и бились с жуткими созданиями.

Улицы и переулки зияли огромными дырами, проломанными в плиточном покрытии. В восточном направлении были обрушены целые здания; Конан понял, что под обломками погибло много людей; а за стенами обрушившихся зданий воинов поджидали огромные, черные, покрытые бородавками и узлами щупальца — липкие щупальца, которые обвивались вокруг людей и поднимали их в воздух. В западной стороне солдаты сражались против целой стены подергивающихся, сочащихся гноем конечностей — отвратительных щупалец с огромными присосками и роговыми выступами...

И все же с демоническим отродьем можно было справиться даже без помощи магических сил.

Прикованный к окну, Конан смотрел, как от мощных ударов мелькающих в воздухе мечей щупальца разлетаются на куски. Но площадь усеивало все больше мертвых тел; каждый миг твари вышвыривали в воздух несколько человек — те с криками летели в сторону и разбивались о плиты или падали в огромные дыры, пробитые в земле.

Неожиданно раздался крик. Один из воинов, взлетевший в воздух, пронесся в сторону киммерийца. Он описал дугу, нелепо махая руками и ногами, и разбился о стену замка — прямо под окном, возле которого стоял Конан. Северянин увидел, как кровь брызнула во все стороны, и

тело сползло по стене, упав среди садовых растений.

Охваченный ужасом и яростью, Конан развернулся, схватил меч и выбежал из тронного зала.

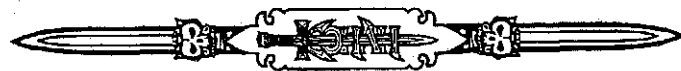
Передняя галерея дворца была заполонена вооруженными солдатами. Они дрались с двумя огромными жирными щупальцами — отрубали кусок за куском, забрызгивая все вокруг оранжевой вонючей жидкостью, сочащейся из мягкой, податливой плоти.

Конан прорвался сквозь толпу, взбешенно закричал и, схватив меч двумя руками, вступил в схватку с одним из щупалец, нанося ему удар за ударом.

На него хлынули потоки гнусной жижи — они залили ему лицо и волосы, и Конан едва не задохнулся от вони; но вот наконец щупальце, иссеченное мечами, шлепнулось на плиты и покатилося вниз по ступеням.

Воины радостно закричали и дружно набросились на второе щупальце. Конан выскочил из толпы, в несколько прыжков спустился по лестнице и побежал по площади. Он увидел Орина — размахивая мечом, он вместе со своими людьми дрался против липкой розовой конечности, которая, сворачиваясь в кольца, выползала из дыры в земле. Издав отчаянный боевой клич, Конан присоединился к товарищам.

Земля затряслась, и вдруг что-то крепко схватило его за ногу и подняло в воздух. Он едва не задохнулся, когда склизкая, мягкая плоть с силой обвилась вокруг груди. Киммерийца замути-

ло — он почувствовал, как его кружит и кружит, чувствовал, как над его головой мечи рубили воздух, увидел промелькнувшие лица, красные от натуги. Слышал, как Орин в неистовстве выкрикивает его имя... Конана снова закружило, и в какой-то момент он понял, что смотрит сверху вниз на площадь, где мелькают люди, мечи, лошади — все смешалось в схватке с серыми щупальцами.

Конан почти не мог дышать. Он отчаянно рубил сжимавшую его плоть, чувствуя, как клинок пронзает плотные, вздувшиеся щупальца, ощущал зловоние, источаемое густой кровью. Но тварь обхватывал его все сильнее, и вот уже третье кольцо обвилось вокруг его бедер и принялась сдавливать все сильнее...

Внезапно щупальце дернулось, словно в судорогах, и объятия его немного ослабли. Внизу раздавались голоса и звон доспехов. Затем рядом, едва не задевая его, замелькали мечи, и Конана залило такой мощной струей вонючей слизи, что он испугалась, как бы не захлебнуться.

Поблизости раздался голос Орина:

— Конан!

Кто-то схватил его под мышки и начал тянуть, стараясь освободить от цепкого щупальца. северянин ощутил, что хватка твари ослабла, но все же еще не настолько, чтобы можно было свободно дышать, не опасаясь захлебнуться желтой слизью.

Киммериец попытался взмахнуть рукой, держащей меч, но у него ничего не получилось, и

со всех сторон доносились лишь лязганье мечей, пронзающих розовую плоть. Конан почувствовал, что падает куда-то назад, но ничего не мог с этим поделать — а затем перед его глазами всё померкло...

Глава 3. Кольцо Энкату

Конан пришел в себя очень быстро — он стоял, пошатываясь, и жадно хватал ртом воздух. Кровь стучал в голове; онемелость в руках и ногах уступила место боли; грудь и ноги ныли так нестерпимо, словно кто-то пытался свить из них веревки.

— Он жив,— произнес чей-то голос.

Конан почувствовал, что его со всех сторон окружают люди. В ушах больше не шумело, и теперь он слышал затихающие вдалеке голоса и лязганье мечей.

Конан поднял глаза и увидел Орина — барон улыбался, хотя глаза его смотрели по-прежнему мрачно.

Неожиданно, подстегнутый неусыпной жадой боя, северянин выпрямился и вскинул меч, который все еще сжимал в руке. Орин стоял не шевелясь, и с беспокойством смотрел на Конана.

— Эта тварь мертва,— сказал он.

И тут он увидел — длинное, мягкое мускулистое щупальце, в два раза толще человека — оно лежало, порубленное и заляпанное желтой слизью.

И вокруг Конана — вся площадь, окружающая дворец, была усеяна десятком изрубленных, сочащихся кусков, перемежающихся с горами закованных в доспехи тел. На улицах толпились воины Орина — море красных, потных лиц и сверкающие от крови мечи.

— И это все, кто остались в живых? — спросил Конан.

Орин кивнул, а затем указал рукой на запад. Последние из тварей отступали перед мощным натиском целой колонны воинов. Конан увидел, как несколько групп солдат дрались с полудюжиной щупалец, а в это время оставшиеся обрубки, забрызгивая все вокруг своей слизью, ползли по мостовым и исчезали в огромных дырах, проделанных ими в камне и кирпичных стенах.

Вскоре на поверхности не осталось ни одного живого монстра.

Теперь, по окончании очередного боя с демоническими силами, площадь представляла собой ужасное зрелище.

Повсюду, куда хватало глаз, высились горы трупов. Солдаты и наемники, едва держащиеся на ногах, тяжело дыша, разбредались во все стороны — отдохнуть, поговорить и попытаться хоть как-нибудь объяснить происходящее. Земля вокруг была изрыта и зияла огромными дырами, которые уходили вниз и неизвестно где конча-

лись — и только слабый грохот доносился из-под земли — это служители преисподней возвращались в породившую их бездну.

Конан, который полностью пришел в себя, с отвращением смотрел на поле боя. Затем он взглянул на Орина и окружавших его суровых, но уставших людей.

— Ты был прав, Орин, это ловушка. Усхора в городе нет, но прежде чем уйти, он собрал здесь этих тварей — он знал, что ты вернешься.

Орин слегка приподнял брови.

— Ты уверен? Полагаю, ты узнал это от вендийца — от него так и несло колдовством. А где он сейчас?

— Мертв, — коротко ответил Конан. — Он повел меня в западное крыло дворца. Мы нашли место, где Усхор занимался магией.

— Мертв?

— Там обрушился потолок, а потом на него напали эти... — Он покачал головой и ткнул мечом в сторону кровавых обрубков, усеивающих площадь. Северянин собрался рассказать Орину о Кольце, но передумал — только не здесь, когда барона окружает столько посторонних. Но Конан вдруг забеспокоился — не потерял ли он кольцо в этой свалке, и незаметно пощупал мешочек, висевший на пояском ремне.

Кольцо было на месте.

В этот момент кто-то позвал его с другого конца площади. Это был Варган — заляпанный зеленовато-желтой слизью, но улыбающийся и по-прежнему держащий в каждой руке по мечу.

— Надеюсь, наш колдун поохотился получше, чем эти твари,— пророкотал он.— Стоило как следует помахать мечом — и все они сдохли.

Его попытка ободрить людей Орина провалилась. Те стояли с мрачными, угрюмыми лицами — казалось, они окончательно пали духом.

— Думаю, Варган, когда мы двинемся дальше, у тебя появится работка потяжелее,— произнес Орин. Он развернулся и начал было подниматься по парадной лестнице, усеянной трупами, но тут Конан спросил:

— А где Болард?

— Я видел его там,— ответил Варган, указывая рукой направление.— С другой стороны вон того здания.

— Он сражался? — поинтересовался Орин.

Варган покачал головой.

— У него был меч, но с монстрами он не дрался.

— Так он бежал? — Голос Орина звучал гневно.

Бородач выразительно повел плечами вместо ответа. Орин яростно ударил кулаком в раскрытую ладонь.

— Найдите его! — резко бросил он всем, кто был рядом. Затем повернулся и направился в сторону здания, о котором говорил Варган.

Остальные, в том числе и Конан, последовали за Орином. Миновав здание, барон спросил у солдат, не видели ли они Дестана Боларда. Да, видели. Он прошел вон по той улице, а затем пересек широкий бульвар и направился к глав-

ному храму Сафада. Орин двинулся в указанном направлении.

— А ты видел Дестана Боларда? — спросил он у хмурого наемника с обожженными руками.

— Да, мой господин. Совсем недавно он вошел вон в тот храм.

Барон кивнул и направился к храму.

— Мой господин!

Орин остановился.

— Куда мы отправимся потом? — В голосе воина звучала тревога. Похоже, ему, как и большинству его товарищей, отнюдь не улыбалось принять новый бой, подобный тому, что им только что довелось пережить.

— Мы отыщем Усхора,— жестко объявил Орин,— и отправим его обратно в преисподнюю.

Солдат улыбнулся устало, но недоверчиво.

Орин подошел к храму, а затем в сопровождении Варгана и Конана вошел внутрь.

Храм был заброшен, очевидно, еще за много столетий до того, как Усхор впервые появился здесь. Никто из жителей Сафада не ходил сюда, и никто не помнил, в честь какого божества было воздвигнуто это святилище.

Храм оказался не таким уж большим. Он был выстроен в форме прямоугольника, вдоль стен стояли колонны, вокруг них — скамьи, а у дальней стены высились каменный алтарь и статуя какого-то жуткого существа.

А за алтарем в полумраке неясным силуэтом вырисовывался спина Боларда, который сосредоточенно рылся в алтарных принадлежностях.

— Болард! — прогремел голос Орина, эхом отразившись от каменной кровли.

Тот медленно повернулся к вошедшим. Он оставался на месте — его голову по-прежнему прикрывал тяжелый шлем — и ждал, когда Орин подойдет к нему сам.

Барон поднял к алтарю и встал напротив Дестана.

— Что ты здесь делаешь, Болард? — спросил он жестким, но спокойным, почти вкрадчивым голосом.

— Ищу, — ответил тот глухо.

— Что же ты ищешь, Болард?

Воин молчал, как бы в размышлении.

— Говори. Это имеет отношение к Усхору?

Болард ответил, с горечью в голосе, но горделиво и спокойно:

— Пожалуй, вам пора узнать, зачем Усхор напал на Сафад.

Орин не сводил глаз с человека в шлеме.

— Я пришел в Сафад, чтобы предупредить вас о нападении Усхора. Он ищет колдовское орудие, с помощью которого сможет управлять самыми мощными магическими силами.

— И что же это такое?

— Кольцо. Кольцо Энкату.

Конан, стоявший у подножия алтаря, изо всех сил старался выглядеть спокойным, даже равнодушным. События развивались своим чередом. И Боларду, стало быть, тоже нужно это Кольцо. И снова Конан тронул свой мешочек и убедился, что Кольцо никуда не исчезло.

Варган повернулся к нему и прошептал:

— Может, наш Болард тоже колдун?

— Нет, мне так не кажется... у меня такое чувство, что он пытается защитить себя...

Орин обошел вокруг алтаря.

— Расскажи мне об этом кольце, Дестан.

Хриплый вздох раздался из-под маски. Болард повернулся спиной к Орину, погруженный в тягостные раздумья, затем с силой ударил ладонью по алтарю.

— Кольцо это очень старое, — произнес он наконец. — Энкату — бог Древних — черный бог. И Кольцо это обладает чудовищной силой, с помощью которой можно наслать за земли столько бед, столько смерти, что...

Он вдруг замолчал и повернулся к Орину, который смотрел на его железную маску сурово и строго.

— Моя жизнь — это сплошные битвы, — признался Болард горделиво. — Изгнанный из своей страны, неспособный воспротивиться судьбе, я нашел пристанище у Усхора. Не знаю, насколько он стар и какой силой обладает; иногда мне кажется, что он — демон, обретший плоть, и что он бессмертен. Не знаю, откуда он явился и как долго живет на земле. Но я ответил «да» чужаку, который позвал меня однажды ночью, и проделал долгий путь, пока не достиг его башни, которая расположена среди болот западного Кофа. Там Усхор пообещал дать мне войско, если я стану искать для него Кольцо; он знал, что я влачу жалкое существование, что я потерял ти-

тул и звание и вообще пришел в полное отчаяние. Я поддался искушению вновь обрести богатство и власть и согласился. С бандой наемников я рыскал по деревням, пытаюсь отыскать Кольцо — хотя Усхор, несмотря на свою магию, не мог определить, где оно.

В конце концов, мои поиски оказались еще более бесплодными, чем его магические изыскания. Усхор начал терять терпение и злиться. И в ярости он сделал со мной вот это. — Болард дотронулся до шлема. — Я поклялся отомстить ему. Он надругался надо мной. Я узнал — Усхор думает, что Кольцо в Сафаде, и направился сюда, чтобы предупредить вас.

Конану стало интересно, как же Болард мог узнать об этом, но промолчал и продолжал слушать.

— Пока ты, Орин, разговаривал со своими советниками, в поисках Кольца я начал обыскивать каждый заброшенный храм в этом городе. Но я нигде не нашел его. А потом Усхор напал на город. Только теперь я смог продолжить поиски — но боюсь, Кольца уже нет в Сафаде.

Орин стоял молча, погруженный в мрачные размышления. Варган кашлянул, и Болард резко вскинул в его сторону голову, словно почуяв угрозу.

— Когда ты найдешь кольцо, Болард, — спросил барон, — что ты собираешься делать с ним?

— Уничтожить Усхора!

— Помни, Болард, не один ты желаешь смерти этому магу! И даже если это кольцо действи-

тельно обладает такой силой, как ты говоришь, почему ты думаешь, что сможешь направить его мощь в нужное русло? Или ты сам чернокнижник?

— Я должен добыть Кольцо! — упрямо повторил Болард. — С его помощью я смогу уничтожить проклятого мага.

Конан, молча слушавший весь этот разговор, нахмурил брови. Дестан явно что-то скрывал от них!

Орин сделал нетерпеливый жест рукой.

— Пойдем, Болард. Я возвращаюсь во дворец. Нам нужно все обговорить. И позволь мне еще раз напомнить, что это мы вместе уничтожим Усхора, а не ты один. Я намерен выступить в поход на его крепость, и уверен, что мы победим его — с кольцом или без кольца.

Болард решительно покачал головой.

— Вы не понимаете...

Барон пожал плечами.

— Довольно. Идемте. — И вдруг спросил: — А тот вендиец, Дестан, ты что-нибудь знаешь о нем?

Болард резко дернул головой.

— Вендиец? Где он? Он нашел Кольцо?

Конан спокойно ответил:

— Сундар мертв. Вы действовали заодно?

Болард иронически засмеялся.

— Разве я такой дурак? Уверен, это шпион — возможно, он подозревал, что Кольцо где-то здесь. А где же его труп?

Орин вопросительно взглянул на Конана.

— Он мертв,— повторил тот.— Я следил за ним, думая, что он служит Усхору. Но он погиб, когда эти твари... напали на него.

— Как он погиб? — быстро спросил Болард.

— На него обрушился потолок в западном крыле.

— У него на руке было Кольцо?

— Нет,— не колеблясь, ответил Конан.

— А ты сказал мне правду киммериец? — и Болард пристально посмотрел на северянина.

Тот уверенно вернул взгляд, ни жестом, ни выражением глаз не выдав своих мыслей. Разочарованный, коринфиец отвернулся.

— Пойдем,— повторил Орин.— Я вижу, ты по-прежнему не рассказываешь мне всего. Может быть, в моих покоях мы сядем и обсудим все по-лучше. А затем, Болард, ты расскажешь мне, как добраться до крепости Усхора.

Дестан кивнул. Теперь он казался не таким высокомерным и упрямым — возможно потому, что рассказал историю своего падения, а может быть, просто понял, что не сможет найти Кольцо.

Конан по-прежнему чувствовал, что этот человек опасен — и, возможно, он станет еще более опасным, если последует за Орином в его намерении атаковать крепость Усхора. Прямой, мстительный фанатик, готовый использовать каждого, чтобы только исполнить свое желание и убить мага собственными руками.

Надо обязательно рассказать Орину о Кольце...

Вернувшись во дворец, Конан вновь почувствовал неладное. На этот раз причина была в наемниках. Они расхаживали вокруг дворца и совещались между собой — судя по всему, настроены они были воинственно. По всей вероятности, они не желали больше участвовать в походе против колдовства.

Минуя площадь и поднимаясь по дворцовым ступеням, Орин сделал вид, что не замечает ничего необычного. Солдаты его армии — те, кто остался невредим после битвы — выстроились вокруг дворца, готовые к обороне. Несколько человек отошли в сторону, чтобы пропустить барона и его спутников.

А в тронном зале Орина уже ждали слуги и солдаты. Среди них был и Иллес; он сидел на скамье в углу — возле него была Тайс. Она выглядела спокойной, только немного бледной.

— Наемники хотят уйти,— сообщили Орину сразу, как только он сел на трон.

— Наемники могут и подождать,— сердито ответил барон.

— Они снова требуют золота, господин,— развел руками слуга,— плату за службу. И грозят напасть на нас, если не получают денег.

Орин упер подбородок в кулаки и сердито посмотрел перед собой.

— И ничего нельзя поделать? Мы могли бы пообещать им сокровища Усхора...

— Возможно,— проговорил Иллес.— Но что бы мы ни делали, мой господин, нельзя допустить резни. Если сейчас нас оставит тысяча че...

ловек, можем считать, что нам повезло. В последнем сражении с демонами погибло множество людей, и теперь наемники превосходят численностью наши войска, в чем нетрудно убедиться. Что бы то ни было за твари, вылезшие из-под земли, они почти разбили нас.

Орин сердито взглянул на Иллеса — ему не по душе пришлось, что юноша в открытую говорит о том, в чем сам барон не решался себе признать. Наконец он вздохнул.

— С Тайс все в порядке?

— Да, он только слегка напугана, — ответил Иллес.

Тайс пытался улыбнуться Орину, но у нее был такой вид, словно она опять собирается заплакать.

Барон негромко заметил:

— Думаю, мы все испугались, Тайс. Иллес, почему бы тебе и кому-нибудь из слуг не принести нам еды?

Юноша поднялся и вместе с несколькими слугами отправился на поиски съестного.

— А теперь, — произнес Орин, наливая себе вина и глядя на Боларда, который сидел напротив, — Дестан Болард, ты должен говорить со мной начистоту. Я собираюсь уничтожить Усхора, и для меня важны любые сведения. Ты должен сказать мне... — Он поднял глаза; в зал вошел один из стражей. — Что на этот раз?

— Наемники, мой господин.

— Наемники, наемники! Будь они прокляты, предатели!

— Ругайте нас, если хотите, — произнес чей-то громкий голос, — но мы не будем больше сражаться на твоей стороне!

Придерживая рукоятки мечей, в зал вошли четверо вожаков из отрядов наемников.

— Мы не в настроении спорить, — произнес один из них. — Заплатите нам золотом, чтобы мы могли покинуть это проклятое место прежде, чем нас прикончат колдовские силы.

Орин поднялся, встретил их мрачные взгляды с не менее мрачным выражением лица, позвал к себе одного из своих людей и передал ему связку ключей.

— Возьми с собой дюжину солдат и спускайся в подземелье.

— Слушаюсь, мой господин.

— Нет, вы оставайтесь здесь, — выразительно произнес Орин, когда один из наемников собрался идти вместе с солдатами. — Вам и вашим людям будет заплачено, как мы и обещали. Мы договорились о цене, и я вас не обману ни на медную монету. Но предупреждаю вас — всех вас — даже и не думайте о том, чтобы ограбить этот дворец. — Его поза и меч, который он держал наготове, подтверждали эти слова.

Вожак обнажил зубы в глумливой улыбке.

— Тысяча проклятий, Орин, в этом городе уже нечего брать. Что ты пытаешься защищать? А? Ты дурак, если думаешь, что за это дерьмо стоит сражаться!

Орин не ответил; его лицо налилось краской, мышцы на руке слегка подергивались.

Капитан наемников правильно его понял. Барон был измучен до предела. Битвы против колдовства — построение планов — поиски наемников — руководство армией, бои с натиском колдовских сил, летающих созданий и тварей, вылезших из-под земли — а теперь еще наемники превосходят численностью его войска, и город лежит в руинах...

— Зачем сидеть среди этих развалин, Орин, когда Сафад...

— Вы уже ограбили все, что только можно, Гедлар. Сделали свое дело!

— Да, не так уж много тут всего. Вот что я скажу тебе... Давай делиться поровну. Если ты разделишь все свое золото между своими и нашими...

— Довольно!

Все, кто находился в зале, осознали, что гнев Орина достиг, наконец своих пределов. Прежде, чем отвратительная улыбка слетел с лица Гедлара, Орин перепрыгнул через стол, одновременно извлекая меч из ножен. Другие наемники закричали от неожиданности и попятились.

Гедлар успел лишь наполовину обнажить свой меч, когда на него обрушился клинок Орина. Со свистом меч рассек голову наемника до самых плеч; кровь, мозг и осколки костей темно-красными брызгами разлетелись во все стороны.

Тело Гедлара рухнуло на пол, а его изувеченная голова с противным чмоканьем шмякнулась на плиты. Товарищи Гедлара яростно завопили. Орин пригнулся и зарычал — в ярости он был

похож на разъяренного зверя — зубы обнажены в грозном рыке, глаза сверкают алым огнем, а тело напряжено, как у пантеры...

— Ну давайте, вперед, собаки! — прохрипел Орин, рассекая мечом воздух и забрызгивая все вокруг каплями крови, слетающими с клинка.— И вы узнаете, что этого меча следует бояться больше, чем колдовства!

Наемники не решались выступить, опасаясь этого безумца. Их воины, конечно, справились бы с его солдатами, но здесь, в одиночку, что они могли сделать против этого разъяренного демона с мечом в руке?

Стражники, стоявшие снаружи, слышав шум, вбежали в тронный зал. Выкрикивая проклятия и угрозы, они схватились за мечи, готовые защищать Орина и дворец, если только наемники посмеют напасть. К счастью, в этот момент появился воин, посланный за золотом, и начал пробираться сквозь толпу. Солдаты, шедшие следом, остановились и выложили на полу в коридоре кожаные мешки.

— Забирайте свое проклятое золото! — закричал Орин.— Вы ничего больше не получите, если не считать трупа этой свиньи!

Трое вожakov попятились, желая унести с собой не только золото, но и спасти свою жизнь. Солдаты помогли им отнести мешки во двор; Конан слышал, как всю дорогу они ворчали и спорили, кому сколько причитается...

С кухни вернулись Иллес и слуги. На стол были выставлены блюда, и никто — из уважения

к у Орину и его душевному состоянию — не сказал ни слова по поводу отвратительного трупа, лежащего на полу. Барон уселся на свой трон — он был уже кое-как сколочен и, хотя у него не доставало одного подлокотника, все-таки это был трон.

Правитель отказался от еды и питья — сказал, что поест позже — и, пока его соратники и слуги ели, он предавался тягостным думам, все еще сжимая в руке свой огромный меч, на котором блестела кровь убитого наемника.

* * *

Конан не был голоден, но ему очень хотелось вымыться. Он был весь в дорожной грязи, вспотел во время боя, испачкался пылью, кровью и слизью тварей. Он спросил у Иллеса, есть ли во дворце купальня; тот показал ему, куда идти, а затем вновь принялся за еду.

В каком бы состоянии не находились другие помещения дворца, но купальни выглядели просто божественно. Конан нашел одну из них; в полу было устроено два бассейна, и из кранов, сделанных в форме слонов, била тепловатая вода. Здесь чувствовался слабый запах благовоний.

Конан исследовал соседние помещения и вскоре и обнаружил комнатку, где хранились полотенца и масла для мытья. Оставив масло и полотенце возле бортика бассейна, северянин с удовольствием скинул с себя испачканные дорожной грязью сапоги, затем кольчугу. Снимая поясной ремень, он еще раз убедился, что Кольцо Энка-

ту по-прежнему лежит в мешочке. Он подумала, не спрятать ли его в сапоге... но сначала нужно выкупаться, так что...

Он забрался в воду и тут же ощутил приятное тепло и комфорт. Он немного поплавал — благо, бассейн был достаточно велик — в блаженстве полежал на спине, затем вернулся к бортику, где стояли масла, вылил немного жидкости на ладонь и принялся мыть тело и волосы. Не хватало только услужливых рабынь, которые сейчас помогли бы ему... сперва вымыться, а затем и расслабиться, сбросить напряжение последних дней. Но, похоже, в этом городе женщин почти не осталось. Если не считать крошки Тайс, конечно, но она была невестой Иллеса, а киммериец никогда не отбивал подружек у товарищей по оружию!

...Ну вот, теперь можно и поесть. Конан внезапно ощутил зверский голод.

Но едва он, облачившись в свои доспехи, направился к выходу, дверь купальни внезапно распахнулась.

Болард!

Киммериец поднял брови.

— Пришел освежиться, приятель?

Тот помотал головой в тяжелом шлеме.

— Нет, поговорить с тобой наедине. Я пытался вытащить тело вендийца...

Конан пристально поглядел на Боларда.

— Оно погребено под завалом. Ты не сможешь откопать его, да и в этом нет никакой нужды.

— Я нашел лишь его руку...

— Это все, что от него осталось. Остальное сожрали монстры Усхора.

— А на этой руке было кольцо? — спросил Болард бесстрастно.

— Я уже говорил тебе, что нет.

Конан видел, как во мраке шлема вспыхнули его глаза. Возможно, коринфиец пытался решить, верить ему или нет.

— Ты думаешь, Кольцо у меня? — спросил варвар насмешливо.

— Нет, — решительно ответил Болард. — Если бы я так думал, то убил бы тебя, когда ты, беззащитный, нежился в воде. Но, видишь, я дождался, чтобы ты мог одеться...

— Благодарю. — Конан не скрывал презрения. — Но не стоило беспокоиться. Я и голыми руками справился бы с десятком таких, как ты!

— Не хорохорься, северянин. Думаю, вендиец сказал тебе что-то перед тем, как умереть.

— Единственное, что я слышал от него — это заклинания и безумный бред. Вероятно, даже Сундар не знал, где Кольцо.

— Это Кольцо перенесло его сюда. Он хотел сразиться с Усхором и потому знал, где оно находится.

— А ты откуда это знаешь, Болард? Вспомнил — точно также, как ты помнил о том, что Усхор собирается напасть на Сафад? А может быть, сам Сундар сказал тебе об этом? Я прав?

Болард разразился грубым смехом.

— Вендиец появился в моей палатке в ту ночь, когда меня проклинал Усхор. Он сказал, что

состоит в секте, которая поклоняется Энкату, что он и его братья знают о моей службе колдуну и о поисках Кольца. Используя магию, он также узнал, что я у Усхора в немилости.

— Так это он сказал тебе, что Кольцо спрятано в Сафаде и что Усхор скоро атакует город?

— Он и его собратья обнаружили, что защитный кокон, окружавший Кольцо, готов прорваться, и поняли, что колдун узнал, где оно находится. Сундар велел мне предупредить Орина; очевидно, служители Энкату хотели, чтобы у Усхора было как можно больше врагов.

— Будем надеяться, что ты не лжешь, — усмехнулся Конан. — А ты не боишься, что они просто используют тебя — как и всех нас — в качестве разменной монеты?

— Только Кольцо сможет защитить нас от колдовских сил Усхора. Без него Орин обрекает себя на смерть, намереваясь напасть на Усхора, и гибель ждет всех, кто будет рядом с ним!

Конан подумал, что Кольцо не очень-то защитило Сундара; но тут он вспомнил, как тварь, которая напала на него на площади, ослабила хватку, как только щупальце коснулось мешочка, где лежало Кольцо. Может быть, Кольцо спасает от колдовства, но не от воздействия каких-то материальных предметов?

— Что Сундар сказал тебе?

— Если бы он мне что-нибудь сказал, Болард, можешь быть уверен, что я тут же отправился бы за Кольцом, а не стал бы спрашивать у тебя совета.

— Мне кажется, ты что-то скрываешь, северянин...

Конан, выведенный из себя этим разговором, гневно сжал кулаки и угрожающе надвинулся на коринфийца.

— Послушай, парень, я был вежлив с тобой и отвечал на все твои вопросы — но с меня довольно. Я устал, голоден и хочу отдохнуть! Если хочешь сказать что-то еще — говори. Если нет — проваливай к Нергалу! Твоя физиономия портит мне аппетит!

Не смущаясь ни угрозами, ни оскорблениями, Болард упрямо повторил:

— Я должен найти Кольцо.

— Откуда ты знаешь, что оно не у Усхора?

Болард глухо хмыкнул, затем развернулся и пошел прочь, но у двери вдруг остановился.

— Если бы Кольцо было у него, киммериец, мы все сейчас были бы мертвы...

И вышел, прикрыв за собой дверь.

* * *

Вернувшись в тронный зал, Конан обнаружил, что он пуст — там был только Орин. Он тоже умылся и переоделся в чистую одежду. Комната освещалась несколькими масляными лампами и факелами. Орин стоял у окна — там, снаружи, было темно, тепло и тихо.

Конан заметил, что труп вожака наемников наконец вынесли из зала.

— Куда все делись? — спросил он у Орина.

Продолжая смотреть в окно, барона произнес усталым голосом:

— Отправились помыться и отдохнуть. Мы выступаем на рассвете.

— На крепость Усхора?

— Да, Конан. Ты идешь с нами?

Киммериец остановился у одного из столов, налил себе бокал вина.

— Что за вопрос, Орин? Разве я дал тебе повод усомниться в моей верности?

— Извини.— Орин отвернулся от окна и сжал руки за спиной.— Я сам не знаю, что говорю... Все меня бросили. Наемники ушли с кошельками, полными золота. Даже мои солдаты не верят в успех этого похода. Но я, если придется, сражусь с Усхором и в одиночку. Он должен умереть!

— Сколько человек осталось после ухода наемников?

— Боюсь, недостаточно. Мои слуги и приближенные. Варган собирается идти с нами — не знаю уж, зачем ему это, он ведь пришел как наемник. Несколько сотен солдат из войска Сафада, жаждущих мести и готовых пойти на смертельный риск ради этого.

По голосу Орина Конан понял, что тот почти пал духом.

— Могло быть и хуже,— ободряюще произнес он.— Разгневанные воины обладают большей решимостью и отвагой. Наемники с их страхами в долгом походе могут плохо влиять на остальных.

— Дестан Болард сказал, что без Кольца мы обречены.

— Ага! Судя по всему, он говорил и с тобой. Мне он сказал то же самое. И что, ты веришь ему?

— Нет.— Орин пожал плечами.— Я верю себе. Я верю, что никакое колдовство не окажется сильнее моей руки, сжимающей меч.

Конан поднял свой бокал и одобрительно кивнул Орину, после чего сделал глоток.

— Я не уверен, что хотел бы иметь это Кольцо, даже если бы смог найти его,— продолжал барон.— В том, что рассказал мне Болард о Кольце, о его природе, много неясного... Этот бог, Энкату — бог крови и войны, как сказал Болард. Черные войска Древних поклонялись ему и приносили в жертву тысячи людей, и даже до этого о нем говорили как об одном из Старейших — одном из тех существ, которые создали человека и все остальные формы жизни, чтобы поддерживать свои силы страданием и смертью. Некоторые предметы были созданы специально для того, чтобы направлять людей на путь безумия и гибели — и тогда энергия павших пойдет прямо к Старейшим — и Кольцо, как говорят, было одним из таких творений. Кольцо силы, Кольцо безумия! — Орин взмахнул рукой, словно отбрасывая от себя паутину.— Я мало что понимаю в этих вещах. Я воин, и в свой меч верю больше, чем в любое колдовство. И даже если бы нам удалось заполучить Кольцо — не верю, что оно помогло бы нам в битве с Усхором!

Конана нахмурил брови. Ему хотелось рассказать Орину о Кольце, но почему-то он испыты-

вал странное нежелание сделать это. Ему нужно было подуматься...

— Я проголодался. Осталось здесь что-нибудь из еды?

Орин осмотрел стол с остатками обеда.

— Боюсь, не так уж тут много. Но я могу послать...

— Того, что есть, вполне хватит.— Конан взял лепешку и ломоть холодного мяса, с наслаждением запивая простую пищу вином..

Орин встал и снова выглянул в окно. Бледный лунный свет заливал тронный зал, отбрасывал светящийся прямоугольник на истоптанные плиты пола.

— Куда пропали все мои люди? — произнес он печально.— Наверное, ушли на край света. Я не могу осуждать их. Да и стоит ли мне биться с Усхором?

Если бы Орин не был таким сильным человеком, подумал Конан, он бы не выдержал и сломался — а может быть, еще раньше сошел бы с ума. Но все было наоборот — чем больше он предавался своим думам, тем тверже становилось его решение.

— Сейчас ты борешься сам с собой, Орин.

— Точно.— Барон кивнул и посмотрел на Конана.— Я пытаюсь убедить себя, что мною движут самые благие побуждения, что я хочу избавить мир от векового зла... но на самом деле я просто хочу отомстить — я хочу убить Усхора вот этими руками! — Он поднял перед собой ладони; его лицо, которое в полумраке казалось

серым, искажилось от гнева.— Но прав ли я, что из жажды мести рискую столькими людьми? Они верят мне, идут за мной! Что если в конце пути всех нас ждет ужасная, бесславная гибель?..

— Не говори так,— твердо возразил ему Конан.— Даже если нас ждет смерть — она не будет бесславной! Мы примем бой и умрем, как подобает настоящим мужчинам. У меня на родине говорят, что нет для воина лучшей доли, чем пасть в бою, сжимая меч в руках и постаравшись унести с собой как можно больше врагов! Только ради этого стоит жить, Орин, только ради этого! И будь уверен, все твои люди, кто завтра пойдут за тобой в поход, думают точно также!

— Ты прав! — Глаза барона вспыхнули мрачной решимостью.— Спасибо тебе, северянин, ты вдохнул в меня новые силы и уверенность — в мое сердце! Прости мне этот миг малодушия... Завтра мы двинемся войной на Усхора. И клянусь всеми богами, новыми и древними,— мы победим!

Глава 4. Воинство

Влюбленные, Иллес и Тайс, заняли маленькую комнату на верхнем этаже восточного крыла; Тайс спала, а Иллес в задумчивости стоял возле одного из окон. Упершись руками в подоконник, он смотрел на серые, затененные руины города, и временами поглядывал на ночное небо. Вдоль одной из улиц, вымощенной брусчаткой, чернели ровные ряды деревьев, а за ними — крытые мрамором здания, стены которых мягко светились под луной — он выглядывал через восточные ворота, стоявшие нараспашку.

Иллеса оведал легкий ветерок, словно пытавшийся облегчить тяжесть, лежащую на сердце юноши, но тот был слишком взволнован и огорчен, чтобы поддаться самообману. Произошло так много ужасных событий — и впереди по-прежнему ждал неизвестность. Где-то пели ночные птицы, Иллес подумал, почему он не слышал их раньше. Может быть, они только что вернулись

— теперь, когда покров колдовства не окутывал Сафад точно невидимой пеленой. В небе сияли чистые, яркие звезды, и Иллес с удивлением смотрел на них — точно также, как в детстве.

Тайс зашевелилась в постели.

— Иллес? — позвала она сонным голосом. — Ты где?

— Здесь. — Его голос в тишине прозвучал чересчур громко и отчетливо.

Тайс выбралась из-под одеяла и тихонько подошла к возлюбленному.

— Я думала, ты спишь...

— Мне не спится.

— Ты думаешь о том, что я сказала тебе, Иллес? О том, что я не хочу, чтобы ты шел в этот поход... — Они говорили об этом весь вечер. Девушка плакала, умоляла... Ей было так страшно... В конце концов, они занялись любовью — чтобы не тратить времени на бесплодные споры. Но он так и не ответил ей! — Что ты решил, мой любимый? — Тайс взглянула на него своими ласковыми, блестящими глазами, прижалась поплотнее, затем взяла его руку и обвила вокруг своей талии. Тайс легонько дернула Иллеса за длинные волосы. Но юноша по-прежнему молчал; казалось, его внимание привлекло что-то, расположенное вдалеке.

— Я не оставляю моего господина, — произнес он наконец. — Не проси больше. Это невозможно!

По телу Тайс пробежала дрожь, с трудом удерживаясь от рыданий, она бросилась в объятия Иллеса.

— Я люблю тебя, — воскликнула она с жаром, — и у меня впереди вся жизнь. Проклятье, милый, Сафад разрушен!.. Орин, Конан и остальные собираются в этот безумный поход против колдуна, которого они никогда не видели, а ты столько раз оказывался на краю смерти только за последние несколько дней!.. Это тебе ни о чем не говорит?

— Но Орин...

— Орин дурак! Его город превращен в руины. Вся его семья, все друзья... — она на миг замаялась, а затем продолжила: — И что все это означает? Наемники были правы, Иллес! Неужели ты этого не понимаешь? Нет?

— Я воин! — возразил он с угрозой в голосе.

— Воины погибают, Иллес! Тебе незачем больше быть воином, ведь армии больше нет. И нашего города тоже. А те, кто вышел живым из всего этого — те сбежали. Они оставили Сафад, Иллес, чтобы начать новую жизнь.

— Я не смогу забыть того, что случилось.

— Тогда ты погибнешь, не забывая! — воскликнула Тайс и разразилась рыданиями. — Неужели тебе больше хочется остаться честным воином и погибнуть в какой-то колдовской крепости, чем жениться на мне и завести семью? О, ты дурак! Ты бы хотел, чтобы твои сыновья стали солдатами и ты бы отправил их на войну, верно? Верно?!

— Замолчи, Тайс!

— Не буду молчать! Мы жили здесь, Иллес. Всего месяц назад двести тысяч человек жили

спокойно в своем городе. И где они теперь? От Сафада ничего не осталось, а все почему?

— И почему же?! — закричал вдруг Иллес. — Почему же, Тайс? Из-за Усхора! Повтори это, Нергал тебя возьми! Повторяй, снова и снова. Усхор! Усхор! Усхор! Месяц назад у тебя была семья и у меня была семья, и здесь не было ни Конана, ни наемников, ни колдовских монстров. Усхор все перевернул!

— Иллес...

— Усхор! А теперь ты говоришь, что раз колдун пришел и ушел, мы должны взять те осколки и грязь, что он нам оставил, и попытаться снова соединить ими наши жизни? Тайс! Мы не можем делать вид, что ничего не произошло!

— А я могу!

— Ты эгоистка! Ты думаешь, достаточно замуриться, и ты увидишь все так, как было прежде, до уничтожения Сафада. Но Сафад погублен, и я не могу закрывать на это глаза. Я сражался с колдовством — и доказал себе, что я мужчина, и что я могу пережить и резню, и кровопролитие, и всеобщее безумство, если необходимо. И теперь барон Орин верит мне. Теперь у нас есть шанс отомстить за Сафад и убить Усхора. Только звери трясутся от страха при виде грозы, а потом восстанавливают все, что было разрушено, и забывают о буйстве стихии...

— И разве это так плохо?

— Да! — взбешенно ответил Иллес, сверкая глазами. — Мы — люди! Мы — человеческие существа! И если нас застала гроза, то мы ничем

не лучше животных, если убегаем и прячемся, и только пытаемся забиться как можно дальше. А Усхор — не гроза, он настоящее бедствие. Усхор — это порождение преисподней, это... чума; и те ни в чем неповинные люди, которых он убил — это наши родные и наши друзья, Тайс, и наши родные и друзья — вернее, их души, умоляют нас отомстить за них. Я слышу, как эти души кричат: «Останови Усхора, прежде чем мы отправимся на вечный покой!» И в наших силах отомстить. Вот почему я не животное — вот почему я верю Митре и другим богам, которые правят на небе и на земле! Если Митра спасет нас от смерти, то мы вернемся назад и начнем новую жизнь, а если Митра позволит мне пасть в этом поединке, то я тогда умру человеком!

— Ты глупец! — запричитала Тайс, понимая, что все ее слова и уговоры остались втуне, что Иллес предпочитает умереть и разбить на мелкие осколки все ее надежды, все мечты о том, чтобы любить его и жить с ним в спокойствии и безопасности. — Ты хочешь умереть!

— Нет! — ответил он уверенным, и в то же время гневным, жестким голосом — точно медный храмовый колокол прозвенел. — Нет — я не хочу умирать, Тайс. Но я воин, и единственное, чего мне хочется — это умереть, как те несчастные на площади — да, даже так, если моя смерть поможет добиться, чтобы произошедшее никогда не повторилось.

Тайс принялась плакать, ругать Иллеса и топтать ногами, как рассерженная маленькая девоч-

ка. Затем она развернулась, бросилась прочь и, рыдая, выскочила из комнаты.

Но Иллес уже сделал свой выбор. И внутреннее спокойствие, снизошедшее на его душу, было истинным даром богов, подтверждавшим, что выбор его — верный!

* * *

Тайс — расстроенная, униженная — пробежала по коридору до самого конца, затем, запыхавшись, остановилась и чуть не вскрикнул от неожиданности, увидев Дестана Боларда, который в одиночестве стоял возле оконного проема.

— Не можешь заснуть? — спросил тот своим глухим, металлическим голосом и при этом даже не повернул головы.

Тайс молча смотрела на него, слишком испуганная, чтобы вразумительно ответить. Она всегда боялась Боларда; он казался ей детищем ожившей ночи, нечеловеческим существом, лишенным глаз и эмоций, твердым, жестким. Он никогда не ел и не пил в чьем-либо присутствии; его голос никогда не выдавал бурных эмоций, не был ни теплым, ни заботливым. Тайс обнаружила, что не может смотреть на него прямо, и стала осматривать темный коридор, который лишь был освещен редкими факелами, укрепленными на стенах. Тайс мгновенно забыла о споре с Иллесом; сейчас ей хотелось только одного — быть рядом с ним, ощущать прикосновение его надежных, заботливых рук и слышать его смех.

— Тайс.

— А-да?

Болард повернулся и посмотрел на нее — холодная маска, неподвижная, жуткая.

— Ты меня боишься?

Тайс не знала, что ответить. Тогда он продолжил:

— Все мы сегодня слегка не в себе. Мы подошли к перекрестку дорог. Мы теперь как одна семья; боги унесли с собой многих людей — тех, на чью долю не выпало путешествие к колдовству. — Он снова посмотрел в окно, словно советуясь с кем-то или чем-то, что находилось снаружи.

Сердце Тайс колотилось, как сумасшедшее. Она вдруг заговорила:

— Я... я только не хочу, чтобы Иллес умер...

— Верь самой себе, — ответил Болард, не отрываясь от окна. — Любовь — это всего лишь слова, которые значат не более, чем крылья для курицы, если у вас нет сил помогать друг другу. А силы эти появляются только в том случае, если человек ни от кого не зависит.

Тайс смотрел на Боларда с удивлением. Неужели это говорит Дестан — человек в черной маске, проклятый колдовскими силами, у которого на сердце горечь, а в душе — тьма?

— Ты так смотришь на меня, — проговорил он, снова поворачиваясь к Тайс, — думаешь, я никогда не любил и ничему в жизни не научился, пока не получил — это? — И он тронул рукой шлем.

Тайс молчала. Что он такое говорит? И зачем он говорит ей это?!

— Я много думал сегодня, накануне великого похода,— сказал Болард.— И удержать Иллеса, сдвинуть с его пути тебе будет не легче, чем удержать бурю. Тебе придется перетерпеть это. Будь выше этого. И верь в себя.

— Я... я не понимаю.

Она слышала тяжелое дыхание Боларда под маской.

— Мы все сейчас должны быть вместе,— сказал он наконец.— У каждого свои причины и свои кривые тропы, приведшие в Сафад. Одним из нас можно верить, а другим — нет. У каждого свои тайны, страхи, и сердце каждого горит от жажды мести или чего-то еще, и это выше нас. Возможно, боги затеяли игру, и мы всего лишь пешки. Возьми вот это.

И Болард снял со своего пояса длинный, тяжелый кинжал и вместе с ножнами протянул его Тайс.

— Научись обращаться с ним,— произнес он холодно.— Носи с собой. Повесь его прямо сейчас и носи на боку. Прежде, чем наше путешествие закончится, он должен стать с тобой единым целым.

— Я... я не хочу,— Тайс оттолкнула кинжал рукой.

Но Болард настаивал на своем.

— Пока что тебе удавалось оставаться в живых, не имея оружия,— сказал он угрюмо.— А теперь я предлагаю тебе оружие — в один пре-

красный день оно поможет тебе выжить. Попроси кого-нибудь научить тебя пользоваться им. Думаешь, если сейчас ты откажешься от него, то потом ни разу не пожалеешь об этом?

— Болард, я...

— Бери кинжал. Это и жест, и символ, Тайс. Может быть, потом у меня никогда не будет такого настроения. За всю твою жизнь у тебя еще никогда не возникало необходимости иметь оружие, но все впереди.

Тайс нервно сглотнула. Ей вдруг подумалось, что, если она примет этот дар, то пересечет какую-то невидимую границу, или свернет с одной дороги на другую. Один путь лежал в Сафад, возможно, он в Сафаде и кончался, другой вел к новым горизонтам. Она должна взять кинжал и пойти по новому пути, потому что старого больше не существует. Это чувство было столь сильно, что даже напугало ее.

— Не хочу, мне это не нужно,— повторила Тайс.— Мне кажется, тут какое-то колдовство...

Болард вздохнул.

— Никакого колдовства здесь нет. Это просто кинжал, изготовленный из хорошей стали, не больше. И я предлагаю тебе его только для самозащиты. Хочешь, можешь взять. Нет — так нет...

— Я возьму, но...— Она неуверенно тронула кинжал, и вдруг странное чувство охватило ее, точно дрожь пробежала по телу. Тайс подняла глаза на Боларда, но он, как только отдал ей оружие, отвернулся, сложил за спиной руки и продолжил смотреть в окно.

Дрожа, Тайс медленно попятилась, затем повернулась и со всех ног бросилась обратно в комнату.

* * *

Маленькое войско Орина тронулось в путь на следующее утро — в поход против черной магии, дабы наконец лицом к лицу встретиться с монстром, которого прежде видел лишь один человек.

Иллес дивился на Тайс — она уже не возмущалась и не ругала его. С утра она быстро позавтракала, не сказав почти ни слова, затем легко и быстро взобралась на лошадь и вместе с Иллесом выехала через западные ворота. Юноша заметил, что на поясе у нее висит кинжал — который раньше принадлежал Боларду — но не осмелился спрашивать, почему Тайс стала носить его... сейчас такие вопросы были бы неуместны.

Орин возглавлял войско; слева от него ехал Болард, справа — Конан.

Когда тысяча всадников проезжал через город, в окнах иногда появлялись серые лица. Но никто не остановил и не окликнул воинов; когда войско прогарцевало по улицам и скрылось из глаз, люди прикрыли окна ставнями и вернулись в свои темные комнаты — чтобы снова погрузиться в полную апатию.

К западу от Сафада холмистые равнины и поросшие травой луга постепенно сменялись все более густыми лесами. Эти территории еще не были освоены кофийцами, и к западу леса пере-

ходили в болотистые равнины. Между Аргосом и Кофом протянулся невысокая горная цепь — именно здесь брал начало ручей, который в конце концов рекой впадал в Море Запада; но эта безымянная река лишь вначале имела извилистое русло, ближе к западу, где начинался полоса болот, она текла вяло. Болотистые равнины не отличались большими размерами — караваны и вооруженные войска пересекали их за несколько дней; тем не менее эти места пользовались дурной славой и считались пристанищем смерти, чумы и всего нечистого. И именно здесь, как сообщил Болард Орину, Усхор воздвиг свою крепость, которая стояла на вершине небольшого утеса, выдающегося из скалы — на другом конце этой реки, еле текущей среди мрачных, смертельно опасных трясин.

Через день Орин со своим войском достигли границы лугов. Они разбили лагерь и с удобством устроились под прикрытием деревьев, у самой кромки леса.

Настроение войска не было подавленным — скорее, людьми владела сосредоточенность перед битвой, но вокруг костров не было слышно ни шуток, ни песен, ни даже обычных дружеских разговоров. Жизнелюбивый киммериец, на которого подобная атмосфера действовала угнетающе, вскоре понял, что не сможет так просто заснуть, и решил немного прогуляться в окрестностях лагеря. Оседлав коня, он предупредил часового о том, что скоро вернется, и галопом полетел в ночь.

Он гнал лошадь до тех пор, пока не достигла небольшого леса, покрывавшего склон холма. Спешившись, он повел лошадь к ручейку, затем привязал его к кусту, а сам уселся под высоким деревом.

Сквозь чернеющую листву и сучья виднелись звезды, сиявшие в ночном небе. Из-за серого облачка выплыла луна и залил серебряным светом обширные луга, поросшие травой, и сложил странный, трепещущий узор на мягкой траве, у самых ног.

Какой-то шум внезапно заставил северянина насторожиться. Придерживая рукоять меча, Конан вгляделся и увидел, как в его сторону со стороны лагеря скачет всадник. Насторожившись, он встал спиной к дереву — чтобы оно защищало его, если придется драться — и принялся ждать.

Вскоре всадник оказался совсем рядом. Узнав ночного гостя, киммериец выступил ему навстречу. Барону Орину, похоже, также не спалось в этот вечер...

— Ищешь уединения? — спросил он правителя Сафада. Если тот хотел побыть в одиночестве перед завтрашней битвой — киммериец не стал бы ему мешать. Но Орин покачал головой в ответ:

— Благодарю тебя, но нет, дружеский разговор и совет мне сейчас нужнее. Часовой показал, куда ты направился... я нарочно поехал за тобой.

С этими словами барон спешил, привязал лошадь и уселся спиной к дереву, у которого

стоял Конан. Киммериец молча опустил голову в близости, недоумевая, что могло понадобиться от него кофийцу.

Тот, похоже, все чаще искал общества северянина. Неужели ему мало своих советников и военачальников?

Словно прочитав его мысли, Орин вздохнул:

— Очень многое изменилось для меня за последнее время. Те люди, что раньше были мне близки, ныне как будто отдалились... Они преданы мне по-прежнему и готовы идти за мной, но — мне кажется, никто из них не понимает по-настоящему, что движет мною. Они считают меня едва ли не безумцем, обуянным одной лишь жадой мести. Может, они и правы, но...

Киммериец пожал могучими плечами.

— Я — варвар, Орин, и я не вижу ничего дурного в мести! Ничего достойного осуждения. Если кто-то причинил зло тебе или тем, кто тебе дорог — долг мужчины расквитаться с обидчиком. Это святое чувство, так я скажу тебе.

— Но ты, Конан? Тебе лично Усхор не сделал ничего... и все же ты идешь с нами.

— Ты ведь платишь мне как наемнику, забыл? — Северянин засмеялся. — Но дело не только в этом. Видишь ли, мне нередко приходилось сталкиваться с магами — я уже говорил тебе об этом. И колдовство я ненавижу до глубины души! А этот Усхор... судя по тому, что я видел в Сафаде, он — худший из них из всех. Сердце мое не будет знать покоя, пока мы не уничтожим эту гадину, чтобы его смердящее дыхание не погани-

ло больше воздух, которым мы дышим! Мы должны разделаться с ним, чего бы это ни стоило!

Какое-то время оба молчали. Орин взял камешек и бросил его вниз, вдоль склона. Затем произнес:

— Сегодня вечером у меня было странное видение...

— Видение? Ты хочешь сказать, сон?

— Нет, нет. Я сидел у себя в шатре, думал о той битве, что нам предстоит... Во мне бурлила ярость и гнев. Мне казалось, что я вот-вот разорвусь, настолько меня переполняла жажда мести. Мне хотелось только одного — громить и убивать, знать бы только, где мой враг... Я не выпил ни капли вина — и несмотря на это, я вдруг почувствовал себя так, словно пьян до невозможности. Мне не стало хватать воздуха, и я подумал, что у меня остановилось сердце. В голове вспыхнул мысль — как будто Усхор пытается уничтожить меня, отправив куда-то далеко-далеко. Никто вокруг не заметил, что со мной происходит — как будто меня отгородил туман или стена густого дыма.

Конан внимательно слушал Орина, замечая, что на лбу барона выступил пот, глаза его лихорадочно заблестели.

— А затем перед моим внутренним взором возникло видение. Вот сейчас мои друзья и слуги сидят за столом, пьют и едят, а следующий миг всех их накрыла странная пелена и я увидел изображение комнаты — древней комнаты, сложенной из каменных кирпичей, высокой, за-

темненной. В дальнем углу стоял волшебник или маг — возможно, Усхор — я видел его также смутно, как и комнату, если не считать его глаз — желтые, они светились точно две лампы. Затем его лицо стало видно отчетливее — белое, подсвеченное желтым сиянием его глаз. Я смотрел на него и чувствовал, что достаю из ножен свой меч. И рядом со мной стоят остальные — ты, Болард, юный Иллес и еще кто-то. И Усхор — или другой какой-то волшебник — что-то быстро говорит на языке, которого я не понимаю. Я поднимаю меч и, хотя поначалу это лицо было далеко, в одно мгновение оно возникает прямо передо мной, так близко, что я вижу только его глаза. Они были лишены зрачков — в этих глазах не было ничего, кроме желтого света, как будто у него вообще не было глаз, а только две впадины, из которых струится свет самой преисподней. Я... я поднял меч, и вдруг в этом видении возникло нечто новое — воспоминание о Сафаде. Я услышал, как застонал Болард, и, хотя я не смотрел на него, я видел, как он гневно кричит, а его маска была уже не маской, а его истинным лицом, искаженным от боли и ужаса — как будто оживший черный шлем. Затем он исчез, и юный Иллес тоже, и вся толпа за моей спиной. Я взмахнул мечом, но когда я опускал его, лезвие прошло перед желтыми глазами колдуна и на миг заслонило их от меня. И тут видение пропало; исчезло — как будто я обрубил некую нить, соединяющую нас. Я вернулся в свой шатер, и мои люди сидели как прежде. Я

почувствовал, что снова дышу, и понял вдруг, что видел эту картину — живую, реальную, как в жизни — за то время, пока делал один-единственный вдох...

Закончив рассказ, Орин поднес руку к влажному от пота лицу и устало потер лоб и глаза. Конан глубоко вздохнул, приводя в порядок спутанные мысли. Он услышал тихое ржание своей лошади прямо за деревом — как будто рассказ Орина распространил по всему холму ауру беспокойства.

— Думаешь, это знамение?

— Не знаю...

— Ты считаешь, это своего рода послание от Усхора — предупреждение о том, что лучше бы тебе не лезть к нему?

— Не знаю.— Орин взглянул на Конана; его лицо было ясным и словно светилось в лунном сиянии.— Мне никогда прежде не доводилось испытывать нечто подобное, хотя знаю, что на войне во время лихорадки в голову приходят всякие странности, которые исчезают, когда человек выздоравливает. А предсказатели и провидцы часто сами доводят себя до припадков, чтобы видения пришли к ним... Я не знаю.

— Но ты не откажешься от намерения сразиться с Усхором?

Орин твердо покачал головой.

— Ни за что. Хотя гибель, судя по всему, неминуема, я погибну в сражении с колдуном, если так уж захотели боги. И все же многие воины против этого похода; даже те, кто поклялся мне

в верности, и те сомневаются в благополучном исходе.

— Жизнь полна сомнений,— отозвался Конан.— Но лишь трусы могут предпочесть убогое прозябание славной гибели за правое дело!

— Ты прав,— горячо поддержал его барон.— Для меня отрада слышать твои речи. Ты — простой человек, северянин, но ты владеешь мудростью, недоступной многим из нас. Клянусь Небом, эта мудрость приведет тебя к величию!..

Конан хотел что-то сказать... но внезапно услышал ржание лошадей. Он обернулся. Там, на вершине холма, горели желтые огни — маленькие желтые огни, принадлежащие темным фигурам. Глаза...

— Кром! — воскликнул Конан.— Что это еще такое?!

Он вскочил, выхватывая меч и принимая боевую стойку. Рядом с ним, в оружии в руках встал барон Орин.

— Проклятье...— прошептал правитель Сафад.— Неужто колдовство Усхора настигло нас и здесь?..

Фигуры плыли вдоль склона прямо к ним — шесть человек в темных накидках с длинными рукавами, прикрывавшими руки; желтые глаза их мерцали, точно угли, подвешенные на невидимых нитях. Лошади почему-то затихли и лишь беспокойно всхрапывали.

— Отдай нам Кольцо,— прошептала одна из желтоглазых фигур. Слова прозвучали почти без акцента, но голос выдавал вендийца.

Конан посмотрел на Орина.

— Жрецы Энкату! — выдохнул он.

— Да, — раздался голос с другой стороны. — Мы знаем, что Кольцо здесь. Оно у одного из вас. Вы отдадите нам Кольцо. Сейчас.

— Кольцо? — удивленно воскликнул Орин. — Конан...

— Оно у меня, — подтвердил тот. — Мне нужно было раньше сказать об этом. Я солгал Боларду, Орин! Кольцо было на руке Сундара, и я взял его, когда жрец погиб.

Мертвенно-бледная рука протянулся к Конану.

— Отдай мне Кольцо, человек...

— Ты получишь меч под ребра, собака!

Глаза вендийца, что протянул ему руку, вспыхнули, и их желтый свет стал настолько ярким, что без труда можно было разглядеть черты — тонкие, острые, во рту белеют отвратительные острые зубы. Конан чувствовал, что его разум начинает мутиться...

— Осторожно, Орин! — крикнул он.

Барон сделал легкое движение, вскинул меч и повернулся к Конану спиной.

— К бою!

И хотя огонь этих желтых глаз пытался лишить его ума и силы, Конан прыгнул вперед, чтобы уничтожить врага одним взмахом своего меча.

Глава 5. Лики колдовства

Вендиец, который стоял с воздетыми руками, не успел не только завершить колдовской жест, но даже закрыть, когда меч Конана обрушился на его голову. Горящие глаза вспыхнули в темноте точно драгоценные камни, неожиданно упавшие в темный ручей. Конана обдало брызгами крови. Он быстро повернулся; за спиной раздался глухой звук меча, входящего в плоть, а затем гневный голос Орина — он с криком бросился на другого жреца.

Один из вендийцев — тот, что был ближе к Конану, извлек нож и метнул его; киммериец вовремя успел заметить блеск лезвия и, резко взмахнув мечом, отбросил нож в сторону. Он бросился на вендийца и сделал выпад. Меч вонзился в плоть — жрец со стонами повалился на землю и забормотал заклинания, а затем пополз — непонятно как, но жизнь еще теплилась в его

теле, несмотря на смертельную рану... Конан ухватил меч двумя руками и со всей силы рубанул по голове противника. Выдернув меч, он резко развернулся и услышал, как Орин застонал от боли.

Барона окружили трое жрецов, и Конан увидел лучистое сияние, которое распространялось из центра их круга во все стороны. Орин стоял на коленях, изо всех сил пытаясь подняться, а его руки и лицо жутко светились красным пульсирующим сиянием.

Выругавшись, северянин бросился на помощь. Один из жрецов повернулся, услышав приближение Конана.

Тот успел увидеть лишь его тощее ухмыляющееся лицо и большой темно-красный камень, который вендиец держал на ладони, — а затем его меч опустился и рассек врага сверху донизу.

Жрец с криком упал на спину; из жуткой раны хлынул кровь. Красный камень взлетел в воздух, оставляя за собой светящийся след. К нему кинулся второй вендиец; третий отбежал в сторону, затем повернулся к Конану, зловеще бормоча что-то на неизвестном языке.

Конан кинулся к нему. Глаза жреца вдруг загорелись так ярко, словно два факела вынырнули из темноты. Конан, почти ослепленный их сиянием, неожиданно остановился под влиянием какой-то таинственной силы. Ничего перед собой не видя, размахивая мечом, он бросился вперед, надеясь, что не промахнется и окажется достаточно близко от своего врага...

Его меч вонзился в плоть с омерзительным хрустом. Стало темно. Теперь, когда свечение исчезло — а Конану казалось, что в глазах у него по-прежнему все ослеплено этим светом — он глянул вниз и увидел лежащего на земле вендийца с отрубленной головой.

И тут Орин закричал снова. Варвар резко обернулся и увидел, что барон уже стоит на ногах. Последний жрец поднял камень и стоял перед Орином, держа кристалл над его головой. От камня исходило пульсирующее красное свечение — его волны были видны так же отчетливо, как круги, расходящиеся по воде... Конан видел, как эти волны достигли Орина, и в тот же миг барон выронил меч и застыл недвижимо.

Конан вскрикнул и рванулся вперед.

Жрец заметил северянина и повернул руку с камнем так, чтобы светящиеся волны шли теперь к Конану.

Как только его окружили красные кольца, он не смог даже пошевелинуться, чувствуя головокружение и усталость. Меч стал тяжелым до невозможности; тело и ноги, и даже голова налились такой тяжестью, что, казалось, поддерживать их больше нет сил. Конан хотел выкрикнуть проклятие, но смог лишь глотнуть воздуха. Мир вокруг закачался, красные звезды и красная трава поплыли куда-то, покачнулись, а затем поменялись местами...

Он слышал, как Орин кричит что-то; красное свечение внезапно пропало — и вендиец завопил громким, пронзительным голосом.

Конан поднялся и, пошатываясь, пошел вперед, чувствуя как с каждым шагом и вдохом к нему возвращается сила и энергия. Когда он подошел к Орину, голова его по-прежнему кружилась; барон сидел на корточках возле тела последнего вендийца и вытирал свой меч. Жрец был убит точным, прицельным ударом.

— Ты в порядке? — спросил кофиец Конана.

Тот кивнул; последние признаки вялости исчезли бесследно.

— Поищи камень, Орин.

Барон принялся за поиски, обшаривая траву ногой. Наконец он фыркнул, поковырял каблуком в земле и покачал головой.

— Одна пыль, — выдохнул он устало. — Должно быть, кристала разлетелся на мелкие осколки, как только упал на землю. Или когда погиб последний из этих ублюдков. — Он пнул носком сапога тело вендийца. — С тобой все в порядке?

Конан кивнул.

— Славная драка — как раз то, чего мне так не хватало, чтобы разогреть кровь! Но я хотел бы знать, нет ли поблизости и других тварей?!

Орин покачал головой.

— Кто может знать? Но, боюсь, они не оставят нас в покое. Взгляни, вон там, вдали, эти странные огни. Не то костры, не то еще что-то. Похоже, наши друзья явились именно оттуда!

— Да, похоже. И я уверен, мы еще с ними столкнемся. Они придут за... этим... — Конан развязал поясной мешочек, раскрыл его и извлек кольцо.

Орин внимательно наблюдал за его действиями, и киммериец протянул кольцо ему. Довольно крупное, но не настолько; чтобы сильно выделяться среди обычных колец. Однако никто не мог бы сказать, что это кольцо обычное. Тысячи крошечных драгоценных камней отражали свет звезд и разбивали его на тысячи разноцветных бликов, которые переливались почти как живые.

— Кольцо Энкату!..

— Болард не должен знать о нем, — сказал Конан.

— О, конечно. Но это то самое оружие, которое нам так необходимо!

— Ты уверен? Прежде мне казалось, ты в этом сомневаешься...

— Да. Болард рассказал мне, что это — Кольцо гибели и безумия, созданное черным богом. И он тоже разыскивает кольцо. Но я не собираюсь просто выкинуть его — теперь, когда боги сами дали его нам в руки. Я буду использовать все, что способно помочь мне одолеть Усхора, и неважно, опасно ли это для меня самого, или нет. И все-таки это Кольцо, Конан, принадлежит тебе — и ты можешь делать с ним все, что считаешь нужным. У кого оно будет храниться — у тебя или у меня?

Конан протянул руку.

— Я доверяю тебе, Орин, ты знаешь об этом. Но до сих пор оно было у меня...

— Разумеется. — Барон вернул ему кольцо.

— Болард и не подозревает, что я храню эту безделушку, — усмехнулся Конан, вытирая пот со

лба.— Но он думает, что я знаю, где оно. Он пытался раскопать завал и вытащить тело Сундара...

— Хм. Что ж, пусть гадает дальше — пока мы не повернем все иначе. Пойдем.— Орин указал рукой на вершину холма.— Пора возвращаться. Спрячь это кольцо как следует.

Конан завязал свой поясной кошель и вслед за бароном направился к лошадям. Пора было возвращаться в лагерь...

* * *

На следующий день отряд вступил в полосу лесов, а еще через день достиг, наконец, владений мага.

— Чувствуешь? — принюхиваясь, спрашивали солдаты друг у друга.

— Да — пахнет как-то по-другому.

Дело было не только в их воображении. Это место, казалось, излучало энергию, с которой они впервые столкнулись в Сафаде — здесь тоже возникали странные ощущения, предвестники надвигающейся бури, от которых по коже бежал холод и обострялись все чувства...

Воины разжигали костры и начинали готовить ужин — Орин в это время стоял возле своей палатки и смотрел на юг. Солнце постепенно скрывалось за западным горизонтом, и тени становились все длиннее.

Холмы превращались в сереющие силуэты, долина наполнялась мраком, и наконец черный горизонт окончательно растворился в ночи. Звез-

ды усыпали небесный свод, а на земле, в южной стороне зажглись совсем другие огни.

Рядом с Орином встал Конан.

— Они уже ближе к нам, чем прошлой ночью,— заметил он.

— Да, и сегодня ночью, я думаю, они подойдут еще ближе. Им нужно...— Орин оборвал себя на полуслове. Рядом послышался хруст травы под сапогами. Это был Болард — он увидел огни и покачал головой.

— Еще эти,— негромко произнес он своим странным голосом. Коринфиец больше не делал вид, что не знает об этих огнях.— Впереди Усхор в своей крепости, наблюдающий за нами с помощью магии, а сзади — поджидают жрецы Энкату, которые хотят добраться и до Усхора, и до нас.

— До нас? — спросил Орин.

— Кольцо,— равнодушно ответил Болард.

— Мы, возможно, и зажаты между ними,— пробормотал Конан,— но пока не загнаны в угол!

— Да, но только в том случае, если бы у нас было Кольцо,— ответил тот.

Конан не удостоил его ответом. Словно задумавшись, он снова стал смотреть на юг. Никто не проронил больше ни слова, и Болард скрылся в палатке Орина.

Севрянин повернулся. Через несколько мгновений он услышал странные звуки, доносящиеся из палатки — чавкающие, хлюпающие — жуткие звуки, которые вряд ли могли издаваться человеком.

— Что это такое? — Киммериец насторожился.

— Я никогда не видел его лица, — пояснил барон, — и не хочу. Я разрешил ему принимать пищу отдельно от всех.

— Из уважения к нему?

Орин пожал плечами.

— Может быть, и из уважения к себе. — Он снова посмотрел на далекие огни костров и добавил: — Кроме того, его мучают тяжелые сны. Мне почти жаль его... — Орин вздохнул. — Я ощущаю что-то такое... как и тогда, когда мы вошли в Сафад. А ты чувствуешь — как будто какое-то зло повисло в воздухе?

— Вообще-то да, но не сегодня.

— И я тоже. Болард утверждает, что воздух станет еще хуже, когда мы доберемся до цитадели Усхора. Это — колдовство... — Орин в резком порыве хлопнул рукой об руку, словно не желая подчиняться этому ощущению присутствия чего-то злого. — Я не...

Внезапно его прервали чьи-то крики, доносящиеся со стороны лагеря. В вечернем, тихом воздухе крики солдат звучали особенно громко и отчетливо — тревожные крики.

— Стой! Держи его!

— Эмрос, нет! Нет!

— Прочь! Прочь!!

— Возьми меч! Возьми меч...

— О, Митра! — воскликнул Орин и бегом направился в ту сторону, где возникло смятение; Конан бросился за ним.

На краю лагеря человек тридцать солдат образовали круг, в центре которого стоял единственный воин с обнаженным мечом — он рычал и огрызался, глаза его светились безумием. Орин узнал этого воина — это был сильный, крепкий парень, которого нельзя было подговорить ни на какой бунт.

Солдаты, увидев барона, расступились перед ним.

— Мы не знаем, что произошло, — сказал один. — В какой-то момент он вдруг стал говорить, что в воздухе пахнет чем-то гнусным, и что он очень не хочет идти на бой с колдовством. А потом он схватил меч и попытался убить солдата, который был рядом.

Орин сделал несколько шагов к парню.

— Эмрос! — произнес он, показывая, что в руках у него ничего нет, чтобы тот доверился ему. — Отдай мне свой меч.

Эмрос отступил и уперся спиной в дерево.

— Я тебя вижу! — прорычал он; по его бороде поползла сдюна. — Колдун! Тебе не удастся взять меня! Я проткну этим мечом твое черное сердце еще до того, как ты...

И он резко бросился вперед, бормоча ругательства и размахивая мечом. Орин и те, кто был рядом, поспешно отступили.

— Мы должны убить его! — закричал один из солдат. — Бешеный пес! Он не только нас не узнает, но и себя самого!

Конан рванулся вперед, отталкивая солдат и извлекая меч из ножен.

— Если я смогу разоружить его...

— Он — демон! — заорал Эмрос, сверкая глазами и клацая зубами. — Ты послан Усхором, так ведь? Я вижу в твоей руке магический жезл — но тебе все равно не удастся взять меня!

И он снова бросился вперед, описывая мечом широкий круг. Конан присел и отбил его удар, затем отступил, ловко уводя Эмроса подальше от толпы зевак. Эмрос яростно завопил.

— Ты не сможешь убить меня этим жезлом! — хрипел он, делая бешеные выпады.

Конан выругался. Против его мастерства выступила неистовая сила безумца, и с каждым ударом его рука немела все больше и больше. Этот взбесившийся человек слишком широко размахивает мечом! Конан искусно пригнулся, затем отразил удар, пытаясь попасть по руке, в которой Эмрос держал оружие. Тот попытался ответить на выпад, но поскользнулся на влажной траве.

Его падение было настолько резким, что Конан нечаянно задел мечом по взметнувшейся вверх руке.

— Й-а-а-а! Убит проклятым жезлом! — завопил Эмрос. — Отравлен черным колдовством! Я умру от этого колдовства! Он демон — колдун!.. Митра, забери мою душу!

И он развернул меч острием к себе — и рухнул на него.

Тут же со всех сторон раздались крики — вокруг толпились солдаты, которые, вытянув шеи, широко раскрытыми глазами наблюдали за этим

безумцем. Эмрос покачнулся и упал лицом на траву; меч, вонзившийся в спину по самую рукоять, серебристо-красным языком торчал между лопаток.

Орина била дрожь; он закричал на солдат:

— Идите в свои палатки, остолопы!

Конан долгое время стоял не шевелясь и глядел на труп; наконец кто-то тронул его за руку и окликнул по имени. Он поднял глаза. Это был Варган.

— Пойдем, — сказал бородач негромко. — Все равно ему уже ничем нельзя было помочь. Может быть, самоубийство — это самое мудрое, что он мог сделать. Мне кажется, на нем лежало какое-то заклятье.

Конан покачал головой и медленно двинулся обратно, к своей палатке. Вскоре рядом оказался Орин, и вместе они принялись подниматься по склону, поросшему травой; солдаты же сбивались в группы и о чем-то шептались. Несколько человек оттащили тело Эмроса в сторону, чтобы захоронить его за пределами лагеря.

Орин был в ярости; желваки вздулись у него на скулах, сквозь стиснутые зубы он бормотал проклятия.

— Что на этот раз? — спросил он, обращаясь скорее не к Конану, а к самому себе. — Неужели Усхор перебьет нас всех, насылая свои чары, как на беднягу Эмроса? Или мы просто начнем сходиться с ума и перебьем себя сами?!

— Может, это как раз то, что он хочет сделать с нами, — предположил Конан, — накачивать нас

страхом до тех пор, пока мы начнем убивать друг друга? Не выйдет! Подлый чернокожник не на тех напал! Что до Эмроса, то может, это даже лучше, что он умер от своей руки, чем стал бы рабом волшебства.

Орин покачал головой.

Вскоре они увидели Боларда, который, не шевелясь, смотрел вниз на лагерь. Когда Орин и Конан оказались на вершине холма, Болард повернулся к ним и уселся возле палатки.

— Это не первый,— пробормотал он мрачно, скрешивая на груди руки,— но и не последний.

* * *

По мере продвижения войска, леса становились все гуще, а воздух — влажнее. Вскоре им пришлось переходить вброд мелкие ручьи и продираться сквозь невысокий кустарник и камыши, росшие вдоль берега.

Деревья здесь росли ближе друг к другу и были выше, а оттого казались более зловещими — у них были толстые мощные стволы и тяжелые ветви, которые простирались во все стороны, уходили вверх и скрывались где-то в небесных просторах. Все утро землю покрывал дымка; она поглощала лучи солнечного света и местами образовывала серые, мрачные воронки тумана, из-за которых отдельные группы солдат то и дело теряли друг друга из виду. Откуда-то издали доносились звуки, издаваемые обитателями леса, какие-то крупные звери рычали и щелкали зубами, а неизвестные птицы жутко кричали и пе-

репархивали среди листвы, словно шпиона за войском.

Но пока что все оставались в своем уме. Единственное, что испытывали люди, путешествуя по этим зловещим местам, это чувство уныния и тоски. Солдаты выглядели необычно угрюмыми и сердитыми, из-за чего то и дело по пустякам вспыхивали ссоры.

Тайс тоже нервничала и часто жаловалась, и хотя Иллес старался сдерживать ее, он и сам испытывал постоянное напряжение и беспокойство. Их сопровождал Варган, который безостановочно шутил или рассказывал истории о своих прежних подвигах, пытаясь рассмешить Тайс, заставить ее не думать о трудной дороге и не обращать внимания на то, что, что их окружало. Правда, его усилия казались затраченными впустую.

Орин внимательно следил за дорогой, пытаясь как следует разглядеть тени и смутные фигуры, по крайней мере, в те моменты, когда дымка немного расступался и сквозь нее проглядывали косые лучи солнца. Разбитая дорога превращалась в мокрую, заросшую мхом тропу, которая пошла вниз и повела путников мимо тихих ручьев, а затем по сухому участку, окаймленному деревьями, мимо луж со стоячей водой — над ними в теплом воздухе вились комары и москиты.

— Долго еще? — все чаще спрашивал Орин у Боларда; барону уже начало казаться, что пути их не будет конца.

— Сначала мы должны достичь болот.
— А мы сможем пересечь их за один день?
— Если поднажмем. Трясины эти очень опасны. Возможно, лучше было бы обойти их...

— И сколько времени это займет?

— Два-три дня.

Орин решительно покачал головой.

— Я хочу увидеть Усхора мертвым как можно скорее.

— Но мы должны очень осторожно передвигаться по этим болотам. Там живут твари...

— Какие еще твари? — раздражительно спросил Орин.

— Усхор знает о нашем приближении, и его слуги ждут нас.

— Со мной мое войско, — напомнил Орин, — и каждый мой солдат стоит двоих из тех, кто отказался участвовать в походе.

В ту ночь они разбили лагерь на небольшом, более или менее сухом возвышении, в самой глуши дремучего леса. Вокруг пахло болотами; воздух стал гораздо тяжелее, и все по-прежнему покрывала туманная дымка, насыщенная тенями и сыростью.

Сквозь переплетение толстых сучьев и листвы не было видно звезд; и хотя воины тут же принялись разжигать костры — чтобы согреться, приготовить пищу, наконец, осветить погруженный в сумерки лагерь — над ними то и дело проносились порывы ветра, словно с целью загасить огонь. Люди почти не разговаривали и испытывали все нарастающее раздражение.

Конан жарил на костре дичь; возле него уселся Орин. Он тоже стал более вспыльчивым, сердитым и раздражительным.

— Будь проклят Усхор! — то и дело восклицал он, кипя от злости. — Я наколю его голову на копье, принесу в Сафад и выставлю на западной стене!

— Не поддавайся. Похоже, на тебя действует магия этих мест!

— И что это значит? — резко спросил Орин.

Конан холодно улыбнулся.

— Только одно — я когда-то говорил это Ил-лесу, и считаю, что в этом есть смысл. Один мудрец как-то сказал мне, что сила мага в том, что он создает иллюзию страха, и если он сумеет заставить своих врагов открыть свои души, полдела сделано.

— Ты считаешь, это и случилось вчера с Эмросом?

— Вполне возможно. Но не только — это случилось со всем нашим войском, Орин. Посмотри на них — угнетенные, уставшие, раздражительные. В этом виноваты и здешние места, и непрерывное ожидание, что что-то может произойти. В любой момент может налететь буря, выйти воинство демонов, или сам Усхор появится вдруг перед нами. И эти мысли в голове — они как черви в трупе; они разлагают ум и копошатся в душах, словом, не приводят ни к чему хорошему. В этом и состоит преимущество Усхора.

— Да. — Теперь, когда Орин осознал справедливость слов Конана, он почувствовал, как его

собственное раздражение постепенно уходит.— Да, Конан, ты прав. Мой ум настолько забит мыслями о зле, что я сам становлюсь слабее и беззащитнее.

— Мы должны стараться не думать о поражении, о чем-то плохом,— проговорил Конан.— Мы сильны, у нас есть мечи, доспехи и воля к победе!

Услышав это, Орин почувствовал настоящую радость. Он встал и похлопал Конана по плечу.

— Наверное, мне стоит обойти лагерь и поговорить с людьми, взбодрить их и поднять настроение.

— Да, пожалуй.

Орин ушел, с трудом пробираясь через заросли мха к соседнему костру.

Конан принялся за мясо, запивая его хорошим вином. Он знал, что будет спокойно спать этой ночью, даже несмотря на этот странный лес вокруг. В памяти всплыла вчерашняя ночь, он вспомнил о жрецах Энкату, и о Кольце, которое по-прежнему хранилось у него на поясе.

Он встал и осторожно огляделся, подтянулся и отошел в тень. После жаркого огня приятно было ощутить дыхание свежего, прохладного воздуха, правда вокруг тут же загудели тучи moskitov и комаров. Здесь, вдали от света костров, Конан мог спокойно вытащить Кольцо и разглядеть его в полутьме. Кольцо сверкало и загадочно переливалось — будто по собственной воле.

Вдруг сзади послышались чьи-то шаги; думая, что это Орин, Конан быстро сунул кольцо на

место и с улыбкой повернулся, чтобы спросить, удалось ли тому поднять боевой дух войска...

Звуки шагов стихли. Перед киммерийцем стоял Дестан Болард — чернолицый, в черных доспехах, и пламя костра отбрасывало на его маску жуткие, зловещие блики.

* * *

В голове у Конана бешено пронеслась мысль — видел ли Болард Кольцо? Может быть, он заметил его блеск, волнами отражающийся на темных стволах? Целую вечность вглядывался он в маску, в чернеющие щели для глаз, за которыми совсем не ощущалось присутствия живого, разумного существа. Киммериец стиснул зубы.

Если Болард сделает хоть одно движение в его сторону, если хотя бы раз упомянет о Кольце, усмехнется или примется угрожать,— он тут же обнажит меч, и коринфиец навеки останется в этом лесу вместе со своими загадками!

Болард же сам долго смотрел на Конана — словно пытаясь прочесть его мысли и тщательно обдумывая, что делать и говорить. Затем он прервал это безмолвное столкновение, кивнув в сторону леса:

— Те огни на юге стали ярче.

Конан не повернул головы.

— Что тебе нужно, Болард?

Коринфиец не пошевелился.

— Орин говорит с солдатами,— произнес он тихо,— убеждает их в благополучном исходе битвы.

— И что же? — Конан напряженно придерживал рукой меч, и знал — Болард чувствует, что он готов к нападению.

— Глупо думать, что с Усхором могут справиться даже тысяча человек, — пожал плечами Дестан. — Против нас, вооруженных лишь стальными мечами, могут выступить безумие и тяга к самоубийству.

Конан смотрел на Боларда; синие глаза его сверкали.

— Нам нужно Кольцо, северянин — иначе нас ждет гибель!

— Я уже устал от твоих вопросов и намеков, Дестан.

— А я устал играть в кошки-мышки. Мне нужно Кольцо.

— Усхору оно тоже нужно.

— Ты знаешь, где оно. Вендиец сказал тебе об этом перед смертью.

— Он ничего не сказал.

— Ты лжешь. — Голос Боларда все больше становился похожим на рычание загнанного в угол зверя.

Но Конан был неумолим.

— Еще один шаг — и ты никогда не увидишь крепость Усхора, обещаю.

Из-под маски доносилось хриплое дыхание.

— Это ты отправляешь всех этих людей на смерть! — прошептал Болард. — Они верят тебе, а ты их палач. Эти люди умрут в страшных мучениях, и проклятие будет лежать на них, а все из-за тебя, демон-северянин!

— Ну, хватит, Болард! — взорвался Конан. — Довольно!

Но его противник был неумолим:

— ...да, из-за тебя, если не скажешь, где спрятано Кольцо...

— Ни слова больше, Болард, или я отрежу тебе язык!

Коринфиец глухо засмеялся.

— Ты не сделаешь этого, — произнес он хриплым шепотом. — Я тебе нужен. Я нужен Орину. Твой меч не причинит мне вреда, киммериец — ведь на мне чары Усхора. Ты знаешь, где Кольцо, и скажешь об этом, прежде чем мы достигнем крепости!

Сузив глаза, Конан покачал головой.

Болард, убедившись, что сейчас он ничего не добьется, собрался было уйти. Он развернулся, затем остановился и бросил последний взгляд на Конана, после чего произнес:

— Я расскажу тебе о своих подозрениях, северянин. И по твоим глазам пойму, правда ли то, что я скажу. Я убежден, что жрец сказал тебе, где Кольцо, и что ты нашел его еще до отъезда из Сафада.

Конан смотрел на него, не шевелясь.

— И Кольцо сейчас у кого-то в лагере. У Усхора его нет, это точно. Сундар явился в Сафад; он знал, где оно было спрятано и к тому времени, как вы встретились, Кольцо было у него. И он мог спрятать его перед смертью, или же...

— А может, что Кольцо у одного из жрецов. Энкату?

— Нет,— с уверенностью ответил тот.— Они подбираются к нам, точно также, как мы к Усхору. Они ничего смогут сделать с колднуном без Кольца — точно так же, как и мы. Нет. Сундар сказал тебе, где Кольцо или ты каким-то образом нашел его сам. Неважно. Орин не настолько глуп, чтобы идти против демонов с голыми руками! Он видел, на что способен Усхор, и повел бы своих солдат на бой, только если бы знал, что сможет защитить их. Значит, Кольцо здесь.

Конан стиснул рукоять меча так, что заняли пальцы. Больше всего сейчас ему хотелось бы прикончить коринфийца, он мечтал об этом... и все же что-то удерживало его. Были ли то чары, наложенные на Дестана чернокнижником, или собственные инстинкты подсказывали северянину не торопиться, он не знал. Но он не мог убить Боларда...

— Ты безумец, парень. Даже если ты прав, какая нам польза от этого Кольца, если мы не знаем, как управлять его силой? Мы не маги.

— Я тоже.

— Тогда зачем тебе Кольцо?

— Ты знаешь ответ,— надменно произнес Болард.— Заклинание, которое защищает само Кольцо от колдовских чар, защитит и того, кто его носит. Только служители Энкату знают, каким образом оно способно сделать это. Как только я получу Кольцо, я смогу войти в крепость, не боясь, что Усхор обнаружит меня с помощью магии или наложит свои колдовские чары. А затем я справлюсь с ним без всякого волшебства.

— Может быть, и так — но почему ты говоришь только о себе, Болард? Здесь ведь есть и другие, пострадавшие от его колдовства и жаждущие мести.

— Нет! — выкрикнул, точно пролаял Болард. Затем более спокойно произнес: — Даже Орин, который потерял целый город, пострадал меньше меня — ведь я утратил не только человеческий облик, но, возможно, и душу. Только я достоин убить Усхора, а для этого мне нужна сила Кольца.

— Твое место в преисподней, Болард,— жестко проговорил Конан.— Ты здесь вовсе не для того, чтобы помочь Орину и всем нам; ты просто используешь нас всеми доступными способами, чтобы отомстить Усхору. А теперь убирайся — или я отправлю тебя во Тьму быстрее, чем это сделал бы Усхор!

Болард невесело усмехнулся и, вместо того чтобы уйти, двинулся на Конана, потирая ладони.

— Я не использую Орина и остальных, киммериец, просто потому что вы мне не нужны; все, чего я хочу — это Кольцо.— Его голос вдруг стал резким и задрожал от ненависти.— Да знаешь ли ты, почему я так хочу отомстить?

— Убирайся прочь! Я не желаю больше спорить с тобой! — гневно отрезал Конан.

— Нет,— ответил Болард, понизив голос до шепота.— Что же, пеняй на себя.

Конан затаил дыхание. Болард поднял руки, сунул пальцы под обод шлема и отстегнул его.

Сердце Конана застыло. Два щелчка будто гром прозвучали в тихом, напоенном влагой вечернем воздухе.

Неужели он собирается показать ему свое лицо? Конан сдвинул брови. Может, это очередной трюк? И правда ли то, что каждый, кто посмотрит на его лицо, сойдет с ума?..

Боларда повернул маску и снял ее со странным хлюпающим звуком. Конан смотрел на Боларда искоса, повернув голову — стараясь не упустить того из виду и в то же время не всматриваться слишком пристально в то, что открывалось ему.

— Ты видишь? — спросил его коринфиец.

Его голос звучал странно искаженно — словно человек с трудом шевелил разбитыми, распухшими губами. Боларда стоял спиной к свету костров, поэтому Конан нечетко видел его обезображенное лицо. Внезапно подул ветерок, и огонь заплясал, а вместе с ним неистово заплясали и тени на лице Боларда.

Его глаза выглядели вполне нормальными, но это, пожалуй, было единственным сходством с человеческим лицом, и то — белки, глубоко сидевшие в темных провалах, были почти прозрачны; и один глаз, казалось, расположен ниже другого... Голову обрамляли неряшливые спутанные волосы; отдельные пряди, обдуваемые ветром, переливались красными бликами.

Но лицо... лицо было таким жутким, безобразным, что вызвало у Конана невыносимое отвращение — словно именно это лицо явилось отра-

жением всего того ужаса и страха, что таились в самых глубинах его сердца.

Как будто черное лицо Боларда, искаженное, испещренное язвами, переплетениями вен и прожилок, ошметками полуразложившихся мышц, разъеденной кожи и совершенно нечеловеческими припухлостями и бородавками, было зеркалом, в котором Конан увидел все свои мучительные страхи детства, ужас и отвращение, вызываемые разными тварями, с которыми ему приходилось сражаться на чужой стороне, ледяная хватка чужого мира, которую Конан ощущал иногда во время своих путешествий — когда глубокими ночами он скакал один среди гор, в пустыне или в дремучем лесу.

Конан представил себе кусок мягкой смолы, принявший причудливые формы под пальцами сумасшедшего ремесленника и окрашенный по воле некоего волшебника — пугающими, бездушными узорами вселенского ужаса... поэтому каждый, кто представлял себе этот образ, видел неприкрытые страхи собственной души. Неожиданно в голову Конану пришла та фраза, которую он нередко повторял: сила мага в способности создавать иллюзию страха. И он вдруг понял, что Усхор — кем бы и чем бы он ни был — превратил Боларда в оживший сосуд, полный демонических иллюзий, и подивился, какие же жуткие кошмары, должны быть, мучили несчастного коринфийца.

Какие ужасные видения, видимо, приходили к нему, при том, что он сам является ходящим,

дышащим, переродившимся орудием этой безумной магии!..

Конан отвел взгляд, не в силах смотреть на Боларда даже искоса.

— Довольно,— хрипло произнес он.— Не пытайся меня разжалобить!

— Да нет,— произнес в ответ тот своим свистящим голосом,— мне нужна вовсе не жалость, северянин. Скорее, понимание новых высот, которых могут достичь ужас, ненависть и жажда мести. Увидел ли ты себя в моем лице? Говорят, оно сводит людей с ума...

— Не меня. Для этого нужно что-то покрепче! — Киммериец зло хохотнул.— Я не девка в таверне, чтобы хлопаться без чувств от страха. Я — воин, Болард, и советую тебе запомнить это...

Вместо ответа, коринфиец неспешно принялся водружать шлем на место и, закончив наконец, угрожающе произнес:

— Я все время слежу за тобой, северянин. Ты знаешь, где Кольцо. Оно у Орина? У юного Иллеса? У тебя? А может, вы носите его по очереди, чтобы отвлечь мое внимание и отвести подозрения?

— Похоже на то, Болард, что твоя физиономия свела с ума тебя самого. Пореже смотришь в зеркало — мой тебе совет!

Коринфиец мрачно усмехнулся.

— Благодарю, и я им непременно воспользуюсь. А пока... Почему-то мне кажется, что сейчас Кольцо у этого бородатого недоумка, Варгана. Посмотрим...

Конан небрежно пожал плечами. Он не был бы тем, кем он стал, если бы позволял страхам и угрозам надолго выбивать его из колеи. Более того, теперь, когда Дестан открыл ему свою сокровенную тайну, киммериец почти перестал тревожиться на его счет. Ведь трепет внушает лишь неведомое...

— Я буду следить за тобой,— еще раз напомнил Болард и пошел прочь — осторожно, бесшумно, словно рассчитывал каждый шаг.

Варвар проводил его взглядом. Не совсем враг, конечно, но опасен... очень опасен. Пылающий местью одиночка с искаленной душой — такой не бережет ни собственную жизнь, ни тем более тех, кто рядом. Надо рассказать обо всем барону — пусть тот примет решение. Разумнее всего изгнать Боларда и продолжить поход без него. Иначе коринфиец в своем кровожадном безумии способен всех их загнать в ловушку!

Приняв решение, Конан отправился на поиски Орина, но едва лишь нашел того и не успел даже поприветствовать, как к барону подбежал один из его воинов.

— Мой господин, не могли ли вы пойти с нами? — чуть слышно произнес он; голос его был натянут, как тетива лука.

— Почему ты говоришь шепотом? — насторожился Орин, жестом подзывая Конана поближе.

— Не хочу будить людей...

— Что у вас случилось?

Тот на миг задумался, подбирая слова, затем просто сказал:

— Четыре человека умерли, мой господин.

— Что?! — Орин, а следом и Конан, схватились за оружие, готовые броситься на неведомого врага.

— Мой господин, они умерли очень тихо. Я поначалу ничего не заметил — пока не задал Морсу какой-то вопрос. Он не ответил, и я подумал, что он уже спит, но потом, когда я потряс его и он упал на бок... Я увидел, в его глазах застыл такой страх, что я... — Солдат замолчал, задрожал, затем рукой смахнул со лба капли пота, и закончил: — Я... я подумал, наверное, лучше предупредить тебя.

— Остальные тоже сидели возле вашего костра?

— Да, господин.

— Веди меня.

Стараясь идти как можно тише, воин повел Орина и Конана извилистым путем через весь лагерь, осторожно перешагивая через спящих и проходя мимо погасших костров.

— Четверо, — тихо произнес солдат, вышедший им навстречу. — Четыре человека, барон.

— И все умерли во сне?

— Да, мой господин. Они умерли совершенно тихо.

Орин присел рядом с одним из солдат и попытался нащупать пульс — безрезультатно. Затем склонился к его лицу — на нем застыло такое выражение чудовищного, невыразимого ужаса, что у барона холодок пробежал по спине. Орин поднялся.

— Попробуем разбудить еще несколько человек, — сказал он. — Если все они окажутся мертвыми... — Мысль о сотнях людей, которые уже никогда не проснутся, показался Орину настолько жуткой, что голос его задрожал.

В этот момент один из солдат вдруг проснулся, уселся и прохрипел:

— Что тут, к Нергалу, происходит? Дадут нам наконец поспать, или... О, барон... простите!

— Ничего, парень. Ты в порядке?

— Вполне, и готов голыми руками разорвать пару-тройку колдунов! — решительно произнес тот: попытки Орина подбодрить своих людей не прошли впустую.

Тут начали просыпаться и остальные, ворча и призывая Митру уговорить товарищей и дать им отдохнуть. Орин немного успокоился, похлопал Конана по плечу и направился обратно к своему костру. Тот солдат, который сообщил о случившемся, пошел следом за ними и по пути признался барону:

— Я боюсь за остальных, мой господин.

— Думаю, тебе нечего опасаться, парень. Если это колдовство Усхора, то дело, скорее всего, уже сделано. — Орин взглянул в лицо солдата и увидел, что тот очень молод — слишком молод для таких походов и событий. Но парень понравился Орину. — Как тебя зовут?

— Сэринф.

— Возвращайся к костру, Сэринф. Думаю, сегодня ночью никаких бед больше не приключится.

Орин постарался, чтобы в голосе его прозвучала убежденность, которой, правда, в душе он не ощущал... да и сам Сэринф не был уверен в том, что его самого — тихо и быстро — не застанет во сне смерть. Воин мрачно кивнул своему господину, а затем повернул назад.

Пробираясь обратно к костру, Орин тяжело вздыхал.

— Вот так он с нами и расправится мало-помалу,— произнес он горько,— одни сходят с ума, другие умирают во сне — один за другим.. Сколько это еще будет продолжаться? И когда мы достигнем крепости, останется ли с нами хотя бы десять человек?

— Если маг сумеет заставить врагов открыть ему свои души,— шепотом повторил Конан,— то полдела сделано.

— А во сне,— произнес Орин задумчиво,— души людей свободнее птиц, и способны испытывать как наслаждение, так и ужас — верно?

— Да, полагаю, что так.

— Ладно, пора спать. Приятных сновидений тебе, киммериец.

— И тебе тоже.

Они, и вправду, желали друг другу приятных снов...

* * *

...Вокруг было темно — темно и сыро, как в шахте. Конан стоял один, и тьма казалась чем-то материальным, осязаемым — когда он вытянул руку, то почувствовал, будто опускает паль-

цы в мягкую смолу — это было прикосновение темноты. И варвар, стоя на чем-то твердом, знал — хотя и не видел — что его подошвы упираются в эту же черноту. В руке он держал меч, и, сделав им несколько взмахов, он понял, что у него предостаточно места для маневрирования; однако Конан по-прежнему ничего не видел.

Он осторожно двинулся вперед, выставив перед собой меч, и вдруг вся кожа покрылась холодным потом. Он почувствовал все возрастающий страх — когда понял, что, сколько бы он ни прошел, вокруг не станет светлее, и он никогда не увидит солнца.

Сердце его забилось сильнее. Не прикасаясь к нему, темнота словно бы начала душить Конана. Он направился вперед, но тьма была везде, и тогда он повернулся, уверенный, что под его ногами твердь, и пошел в противоположную сторону. Но действительно ли в противоположную? Он не знал. Тьма была кромешной. Конан не видел ни собственной руки, ни мерцания бляшек кольчуги, ни блеска стали своего меча. Его вдруг охватила паника, и удушающая близость тьмы стала еще более отчетливой. Липкий ужас опустился на него и начал давить — как будто имел вес.

Конан шел с трудом. Теперь он почувствовал, как его начал обдувать ветер — взболтал темноту и начал превращаться в настоящую бурю. Ветер гнал варвара обратно, но ноги пока еще чувствовали твердь темноты. Внезапно Конан упал — и тьма принялся швырять его во все стороны;

но северянин не мог произнести ни слова, он ничего не видел и ничего не ощущал...

Он вдруг почувствовал, как ветер срывает с его ног сапоги и рвет их в клочья. Доспехи также разлетаются на кусочки, ржавеют и превращаются в ничто — изъеденные бляшки отваливаются и уносятся прочь, испаряются, и вот он стоит один — обнаженный, ощущая мощные порывы ветра, который усиливается с каждым мгновением...

И даже меч его исчез — превратился в хрупкую палочку, в соломинку и рассыпался в пыль. Его пальцы обволокла липкая, холодная смола тьмы.

Страх охватил Конана — ледяной, беспросветный — и он почувствовал, что в мире нет больше ничего, кроме мрака — бесконечного мрака, который был не только вне его, но теперь и внутри. В голове стало темно, глаза, казалось, заволокло чернотой. Не на что было смотреть, и некуда идти...

Конан упал на колени. Его волосы, вздымаемые ветром, тоже стали вдруг клейкими и начали слетать с головы и растворяться в воздухе. Конан пытался закричать, но не смог; десны и зубы стали мягкими, как смола; руки, ноги и грудь растворялись в черной, вязкой жиже, и он уже не мог ни двигаться, ни сражаться — в мире существовал лишь одна темнота, разлагающая все, что попадалось на ее пути. Конан чувствовал, как лицо его начало таять, превращаясь в липкую смолу; он хотел кричать, но не мог, по-

тому что у него больше не было ни голоса, ни мыслей. Он стал струящимся потоком тьмы...

— Конан!

...струящимся, всеразрушающим, и он не мог...

— Конан!

Свет! Ветер принес свет. Свет падал на него, а ветер стихал, умирал...

— Конан! — Что-то схватило его — что-то теплое и жесткое, не смола. Конан дернулся, рванулся наружу — он существовал, он был...

Что-то окружило его, и свет стал желтым. Он вдруг понял, что лежит на чем-то холодном и влажном и перед глазами пляшут красновато-желтые огни. Костер, понял он. Начали возвращаться мысли, слова. Затем пробудилась память. В человеке, склонившемся над ним, он узнал барона Орина.

— Ну, киммериец, ох, и напугал же ты меня!

— Кром! — Конан проснулся окончательно — руки упираются в траву, доспехи на месте, а меч в ножнах лежит тут же, рядом. — Что это было?!

— Похоже, то же самое, что и с теми четырьмя беднягами... — В голосе барона сквозила бесконечная усталость. — Подумать только, если бы я не подоспел вовремя...

— Но как ты узнал, что со мной неладно? Мы же вроде распрощались до утра?

— Я почти заснул, — поведал ему Орин; голос его был полон ужаса. — Меня разбудил Болард...

— Болард? — и тут только северянин услышал стоны коринфийца, доносящиеся из палатки.

— Он умирает во сне,— торопливо отозвался барон.— Я хотел взять Кольцо, чтобы спасти его, но обнаружил, что ты...

— Кольцо? — Конан встал на колени, и прицепил к поясному ремню ножны; Орин поднялся на ноги и направился к палатке. Варвар двинулся за ним.

— Мы не можем дать ему умереть. Я знаю, дружище, ты ему не доверяешь. Я тоже не слишком к нему расположен, но без него нам не справиться. Он должен выступить против Усхора вместе с нами...

— И ты думаешь, что...

— Может быть, Кольцо спасет его — это наш последний шанс. С тех пор, как он вступил в мое войско, кошмары мучают его каждую ночь, но сегодня — когда люди стали умирать во сне...

Конан развязал кошель и вынул сверкающий талисман.

— Но я не знаю, как его использовать...

— Думаю, это неважно. Может быть, хватит одной лишь силы Кольца. Надо сделать это быстрее, но Боларда не должен ни о чем знать.

Они подбежали к палатке. Орин откинул полог и вошел внутрь, Конан — за ним.

Болард лежал на своей койке; шлем его сбился набок; напряженное тело била судорожная дрожь. Он хрипло стонал, и северянин мгновенно понял, что тот корчится в агонии.

— Кольцо, Конан! — Орин почти кричал.

Киммериец положил Кольцо на ладонь и стал приближаться к Боларду. Тот вдруг заметался в

очередном припадке, забился на своей койке, издавая хриплые предсмертные стоны.

— Дотронься до него Кольцом!

Конан осторожно, не спуская глаз с извивающегося тела, положил талисман на грудь коринфийцу. По поверхности шлема и кольчуги Боларда пробежали волны света, испускаемые Кольцом.

Его тело перестало сотрясаться. Руки бессильно упали, а ноги выпрямились. Из-под маски послышался низкий стон, и сквозь щели Конан увидел, что его веки затрепетали, а затем глаза открылись.

Он тут же схватил Кольцо, отступил назад и, стоя возле Орина, спрятал Кольцо обратно в поясной мешочек.

Болард неуверенно, точно пьяный, приподнялся и оперся на локоть. Затем повернул голову и посмотрел на двух мужчин, стоящих рядом с его койкой.

— Что...— произнес он хриплым голосом.

— Тебя снова мучили дурные сны,— сказал Орин,— причем сильнее, чем раньше. Сегодня ночью несколько человек уже умерли от кошмаров, насылаемых Усхором.

— Вы...— Болард сел на койке, и, пошатываясь, пытался удержаться в таком положении.— Как же вы спасли меня? — спросил он.— Усхор увлек мою душу за пределы...— Он вдруг замолчал и сверкнул глазами; несмотря на маску, скрывавшую лицо, Конан и Орин увидели, что в его глазах мелькнул догадка.— Кольцо!

— Нет, Дестан...

Коринфиец поднялся на ноги и в гневе сжал кулаки — так сильно, что его мускулы вздулись под одеждой.

— Кольцо у вас. Дайте его сюда!

— Нет! — выкрикнул Конан. — Ты, глупец, мы спасли тебе жизнь! Ты уже надоел нам с этим кольцом!

— Я получу его! — взревел Болард, протягивая руку к мечу. Едва не упав, он вытащил оружие, не отрывая глаз от Орина и Конана. — У кого из вас Кольцо? Отдайте его, или вы умрете, клянусь вам!

Орин сердито выступил вперед.

— Убери меч, Болард!

Тот начал пятиться, угрожающе выставив клинок. Орин отступил, по-прежнему не желая обнажать оружие и начинать драку.

Но Конан с готовностью вытащил меч.

— Будь ты проклят, Болард! Если ты и в самом деле желаешь заполучить Кольцо, тебе придется убить меня!

В полумраке палатки, освещенной только маленькой масляной лампой, грозно сверкнула сталь, и Конан прыгнул вперед, замахиваясь мечом на Дестана.

Тот присел и спас себе жизнь, сделав довольно неуклюжий выпад. Орин закричал, но Конан, выведенный из себя требованиями Боларда, нападал на того снова и снова, не давая ни секунды передышки. Коринфиец яростно рычал, затем уперся в свою койку: отступить было некуда —

Конан загнал его в угол, заставляя отражать каждый из его выпадов и не давая самому перейти в нападение.

— Довольно! — выкрикнул Орин, обнажая меч.

Болард сделал выпад. Конан отразил его, но не до конца, и их мечи сцепились, а затем начали медленно опускаться остриями вниз — в этот момент Орин с силой ударил между ними, отчего клинки воткнулись в землю.

— Хватит! — стальным голосом велел Орин. — Дестан — убери меч! Конан — выйди из палатки и охлади свой пыл!

На какой-то миг оба противника, не обращая внимания на приказ барона, еще были настроены продолжить бой. Затем, опомнившись, оба медленно отставили мечи, и каждый поклялся про себя, что днем завершит поединок.

Северянин попятился, затем развернулся и вышел из палатки; очутившись на воздухе, он сунул меч в ножны. Вокруг толпились люди, но киммериец молча стал протискиваться к костру, не отвечая на замечания и вопросы.

Возле него оказался Иллес.

— Что случилось, Конан? — спросил он.

— Он хочет получить Кольцо... — начал тот, но вовремя осекся.

— Кольцо? — переспросил юноша. — Так оно у тебя?

Конан резко повернулся и взглянул на Иллеса; его раздражение еще не улеглось.

— Не говори никому, ты понял?

Ошеломленный резкостью его тона, молодой человек кивнул.

— Я понимаю...

— Никто не должен знать! Это останется между нами — знаем только мы с Орином... а теперь еще и Болард.

— Я понимаю, Конан.

— Тогда отправляйся спать. Скоро уже рассвет.

Иллес еще немного постоял, озадаченный этой внезапной вспышкой, затем повернулся и пошел прочь. Он увидел барона, выходящего из палатки, но ничего не сказал ему.

— Эй, вы все, расходитесь, — резко скомандовал тот. — Живо!

Воины молча повиновались и, сумрачно переглядываясь, полные самых дурных предчувствий, отправились к своим кострам. Лишь один остался и нерешительно приблизился к Орину.

— Что еще такое? — рявкнул тот.

— Мой господин, я... боюсь, но, кажется, еще около десяти человек умерли во сне.

Орин ничего не ответил. Он устало уронил голову, выдавив из себя вздох бессилия, и со злостью загасил костер перед шатром, топча и расшвыривая догорающие угли. Затем он с вызовом посмотрел в темноту — широко расставив ноги, уперев в бока сжатые кулаки. Молча — ибо слова не имели никакого смысла...

А где-то далеко в густом лесу и на болоте птицы завели свои утренние песни, встречая новый восход.

* * *

Когда наступил рассвет — бледный, серый из-за тумана, окутывающего лес, — оказалось, что семьдесят семь человек не примут участия в переходе через западные топи. Все погибшие застыли в своих одеялах; лица их были искажены гримасой сильного испуга, конечности были странно вывернуты, словно в агонии. Среди умерших был и Сэринф.

Хотя многие шепотом говорили о том, что хорошо бы вернуться и отказаться от этого похода, никто не сказал об этом Орину в лицо. Солдаты седлали лошадей. Барон ехал впереди своего медленно тающего отряда, справа от него держался Конан.

Дестан Болард не пожелал занять свое обычное место слева от Орина и ехал позади Иллеса, Тайс и Варгана. Его черная маска то и дело поворачивалась в сторону киммерийца, который ничем не показывал, что чувствует на себе его взгляд; Варган понял, что дело неладно, и, поскольку Боларду он доверял не больше, чем болотной гадюке, старался держаться к нему поближе и постоянно краем глаза наблюдал за ним.

Ближе к полудню местность вдруг резко изменилась; поросшая мхом, влажная земля вдруг начала проминаться под тяжестью копыт, и казалась ненадежной.

— Идите колонной, — приказал Орин. — По трое в ряд.

Всадники начали перестраиваться, понукая пошатывающихся лошадей, и вскоре войско пре-

вратилось в длинный, извивающийся караван, спускаясь в низины и пробираясь через трясины и предательский валежник, под которым колыбалась земля.

Не успело войско продвинуться на достаточное расстояние, как лошадь одного из солдат сошла с тропы и застряла в болоте. Она жалобно ржала и рвалась; человек десять спешили и, пройдя по ненадежной земле, пытались помочь товарищу.

Всадник, чувствуя, что дело плохо, ухватился за нависающий сук. Его лошадь испугалась, но погрузилась еще глубже; не прошло и нескольких минут, как ее ноздри скрылись под мшистой жижей.

Солдат держался за ветку. Его приятель полез на дерево, чтобы помочь ему, но поскользнулся на скользком мху и сам едва не утонул. Кто-то достал кинжал и начал обрубать ветки, чтобы можно было ухватиться за них. Но прежде, чем он добрался до своего друга, тот сделал отчаянный рывок, пытаясь закинуть ногу на более высокий сук и уцепиться за него...

И сук не выдержал.

Солдаты вскрикнули, увидев, что их товарищ упал в самую трясины. Несчастный замолчал сразу после падения — он погрузился в трясины до отворотов сапог, а через несколько мгновений на поверхности жижи не осталось ничего, кроме пузырей, которые лопались, источая зловоние.

После этого случая впали в еще большее отчаяние и уныние.

Орин осторожно вел свое войско, часто останавливался, чтобы проверить, насколько безопасны те или иные участки пути. Сначала он пытался пройти одной дорогой, и, если копыта его лошади уходили под воду, приказывал остановиться; затем поворачивал в другую сторону — таким образом его отряд обходил все опасные места.

Их окружали деревья, но что это были за деревья — иссохшие, мертвые, поросшие мхом — лес, полный ядовитых запахов и загадочных звуков: то и дело слышалось карканье воронья, плеск прыгающих лягушек и водяных ящериц, треск и хруст, издаваемый каким-то крупным зверем, ломящимся через кустарник. Иногда сами воины вскрикивали от страха, замечая странную рябь, мелькание чьих-то глаз и зубов, щелкающих где-то рядом в темных топях.

Болота были погружены в вечные сумерки, воздух казался густым и темным, а свет — ненадежным, нереальным.

К полудню — а когда именно он наступил, ни Орин, ни Конан не могли сказать точно, потому что солнечный свет не проникал сквозь толщу мха и ползущих растений, которыми были увиты деревья — по крайней мере десять человек сошли с тропы и утонули в трясине, или погибли, укушенные гадюками и крупными ядовитыми пауками и змеями.

Ближе к вечеру Орин вдруг заметил впереди какие-то темные очертания, на поверхности заводи со стоячей водой.

— Что это? — спросил он Конана, когда они подошли ближе.

Варвар долго всматривался, пытаясь понять, что же там такое, затем понял.

— Трупы.

Это были тела воинов — наемников. Сотни трупов — распухших, изувеченных, серых — усеивали берег; Орин по некоторым деталям одежды узнал людей, которые ушли из отряда после битвы в Сафаде!

— Почему они оказались здесь? — спрашивал он вслух. — Это просто безумие какое-то. Что они могли...

Он резко замолк, услышав за спиной кашель Дестана Боларда. Затем взглянул на Конана и также прочел в его глазах недоумение; однако ни один из них не знал ответа на этот вопрос.

Глава 6. Смерть

А люди продолжали погибать — одни сворачивали с тропы и вместе с лошадьми тонули в трясине, другие спешили там, где не надо, думая, что пешком им будет легче пройти, и погибали от укусов змей и болотных пауков, третьи умирали от внезапных приступов лихорадки — человека бил сильный озноб, он чувствовал головокружение, а через какое-то время замертво падал с седла.

И всюду на болотах виднелись обезображенные, полусгнившие, вздувшиеся трупы наемников.

Неужели они оказались настолько глупы, что пытались добраться домой через эти болотистые места? А может, Усхор как-то повлиял на их разум и заставил прийти сюда, на верную гибель — за то, что они помогали Орину? Или они надеялись уничтожить Усхора сами, очевидно, решив, что крепость мага набита сокровищами?

Эти вопросы вертелись в голове у Орина, когда он смотрел на мертвецов, лежавших повсюду на болотистых берегах и на мелководье.

А его люди уже начали переоценивать ситуацию, и с каждой новой находкой и чьей-нибудь смертью все больше подумывали о бунте — хотя пока никто не высказывался об этом вслух. К тому же было слишком поздно; те, кому этот переход через трясины и топи — а их окаймляли густые, мрачные леса, и только Митра знал, какие ужасы там таятся — казался бесконечным, создавали, что даже если они повернут назад, легкого пути им не будет.

Они слишком далеко углубились в болота, и теперь словно какая-то завеса отрезал их от внешнего мира. Здесь они не могли ни повернуть назад, ни поднять бунт. Многие теперь испытывали не просто уныние и отчаяние, а настоящий ужас; они не выпускали из рук оружия, стискивая его до боли в пальцах, и лишь так чувствовали себя в относительной безопасности.

Иллес испытывал все большее беспокойство. Он держался впереди — ехал рядом с Варганом и Тайс; след в след ступая за Дестаном Болардом. И все чаще и чаще поглядывал на Варгана, как будто поведение этого сурового воина служило ему эталоном для оценки собственных эмоций и сомнений. Бородач и вида не подавал, что думает о каких-то опасностях — реальных или вымышленных.

Он держался в седле уверенно и гордо, одной рукой правя лошадью, другой придерживая ру-

коять меча. Однажды Варган заметил крупную змею, со злобным шипением свисавшую с дерева с явным намерением напасть — и лишь хмыкнул, пробормотал проклятие и велел твари убираться — иначе той придется отведать доброй стали! В другой раз, когда его лошадь нечаянно оступилась и угодила в трясины, воин мягко заговорил с ней и похлопал по шее — напомнил о прошедших днях, когда они с честью выбирались и не из таких переделок, не то что какое-то там болото... и сумел-таки вывести ее на безопасную тропу.

Заметив, что Иллес наблюдает за ним, Варган наклонился к юноше и заговорщицким тоном — так, словно делился секретом, который могли разболтать боги, если бы подслушали, — принялся рассказывать веселые и не очень приличные истории из своей жизни, о пережитых опасностях, когда ему приходилось в тысячу раз хуже, чем сейчас...

Подобные разговоры закаляли сердце Иллеса. Он никогда прежде не принимал участия в войне, никогда не сталкивался с колдовством и никогда не убивал. Ему нужно было взаймы немножко смелости Варгана — и уверенности в том, что Орин точно знает, что делает и куда их ведет. Бородач рад был помочь ему, насколько возможно. Он еще помнил, как и сам был таким же перепуганным юнцом — но видел, что Иллесу не занимать мужества, и если он сумеет пережить все это, то рано или поздно из него получится отличный воин!

Варган говорил ему:

— Все те люди умерли лишь потому, что не управляли своими мыслями. У тебя в голове все должно быть в порядке. А то — что обычно бывает, когда один человек должен сразиться с троими? Большинство пугаются: «Их трое, а я один»! А я обычно говорю себе — их всего лишь трое, значит, я могу с ними драться.

Иллес улыбался. Слушая хвастливые истории Варгана, ему всегда хотелось смеяться.

— То же и с трясиной, — продолжал бородач. — Те бедняги, которые погибли там — они увидели болото и тут же потеряли голову. Они относятся к тому сорту дураков, которые в мирное время жаждут войны. Эти люди думают, что им нравится сражаться. Поэтому они лезут в бой, а затем ударяются в панику и хотят выйти из игры. В драке обычно такие погибают первыми. Они не управляют собой, вот и все... И здесь, в этих болотах — можно, конечно, с самого начала перетрусить, впасть в отчаяние. А ты остановись и подумай — болота же не бесконечные, верно? Взгляни на карту — оставшуюся часть мира занимают вовсе не болота. Чтобы пересечь эти гиблые места, нужен всего день, ну, от силы полтора. А это не так уж плохо. Не паникуй, думай над тем, что делаешь, и с тобой ничего не случится. Точно так же, как если бы тебе пришлось драться с тремя ублюдками.

Иллес задумывался словами приятеля, которые пробуждали в его сердце надежду, — ведь Варган был прав. Но когда он смотрел на Тайс,

его настроение снова портилось. Тайс изменилась; эта была уже не та девочка, которую прежде знал Иллес. Он редко разговаривала со своим возлюбленным с тех пор, как они оставили Сафад. Она носила кинжал, который подарил ей Болард, и это почему-то тревожило Иллеса. Почему Тайс приняла подарок от коринфийца? А может, между ними что-нибудь было?

Девушка внимательно следила за дорогой, но Иллес не спускал с нее глаз и замечал, что в мыслях она где-то совсем в других местах. Всякий раз, когда им на пути попадался труп, или от солдат поступало очередное сообщение о том, что кто-то оступился и утонул, Тайс начинала бить дрожь. Но она не смотрела на Иллеса, не поворачивалась к нему и не искала его взгляда в надежде услышать слова утешения; нет, она ровно сидела в седле и только плечи ее содрогались, как будто страх казался ей чем-то постыдным или неприличным, и его нельзя было показывать. Иной раз на лице Тайс появлялось выражение отрешенности, она явно уходила в себя. В такие мгновения Иллес приближалась к возлюбленной и спрашивал, все ли в порядке, улыбался, стараясь ободрить ее, но та лишь пожимала плечами и что-то бормотала, даже не глядя на юношу.

— Со мной все в порядке, Иллес, — сказала она ему однажды. — Во всяком случае, у меня все равно нет выбора, так ведь?

— Все будет хорошо, — заверил ее молодой человек. — Эти болота, они же не бесконечные!

— Да, но каков будет их конец?..

— Не теряй надежды, Тайс. Мы скоро отсюда выберемся!

— Я никогда не считала, что мы обязательно должны ехать вместе со всеми,— напомнила Тайс.— Но теперь, раз уж так все вышло, Иллес, я ни за что не останавлиюсь.— Она произнесла эти слова с горечью и гневом, словно это Иллес во всем виноват, а она согласилась на эти страдания лишь из любви к нему. Затем возмущенно продолжила: — Может быть, погибнут и другие, может быть, даже ты умрешь где-нибудь на этих болотах, но я останусь в живых. Я никогда не считала, что важнее всего — оказаться здесь, поэтому я не собираюсь умирать.

Иллес чувствовал себя задетым; он смотрел на девушку, и в глазах его читалась боль. Она была так непохожа на прежнюю Тайс... Иллесу казалось, что Тайс потом всегда раскаивается в своей грубости и резкости, однако она ни разу не извинилась и не взяла свои слова обратно. Подобными разговорами девушка, видимо, поддерживал собственные силы — она сильнее сжимала в руках поводья, смотрела на идущих впереди лошадей и старалась не обращать внимания на жуткие звуки, которые раздавались со всех сторон.

Иллес вздыхал и ехал почти вплотную к Тайс. Впереди двигались Конан и Орин, следом за ними — Дестан Болард. При виде этого загадочного человека Иллес всегда усмеялся... отчасти затем, чтобы отогнать страх — ведь коринфиец яв-

лялся прямым напоминанием об Усхоре и таинственных опасностях, которые их поджидали. И еще Иллес думал о Кольце. Он знал, что Болард очень хочет заполучить его, и много времени размышлял над тем, не посмеет ли Дестан, и если да — то когда — выкрасть у Конана Кольцо. Теперь же он ломал голову над тем, почему, если Кольцо считалось столь могущественным, оно не защищало весь отряд от превратностей и опасностей этого похода? А может быть, только колдун мог управлять этим Кольцом? И был ли еще кто-нибудь на этих болотах, кто желал заполучить талисман?

Он внимательно наблюдал за Болардом и за киммерийцем.

Где-то сзади раздался крик — видно, кто-то снова оступился и провалился в топь. Звуки разносились по лесу и дрожащим эхом отражались в тумане, но Иллес уверенно ехал вперед. Варган и Болард, Конан и Орин также упрямо продолжали путь и никогда не оборачивались. А что можно было поделать? Затем раздавался другой крик о помощи — может, это кричал человек, который пытался вытащить первого? И все же колонна двигалась только вперед, и никто не оглядывался. Чем они могли помочь? Разве это не колдовские болота? Может, этим людям суждено было погибнуть здесь, умереть в тот миг, когда их крики достигали купола листвы...

Воины Орина смотрели на все со странной обреченностью — растущее, охватывающее всех ощущение неизбежности, которым, казалось, был

пропитан даже воздух.. Несмотря на то, что изначально целью похода была колдовская крепость, сейчас перед людьми стояла другая задача.

Они думали не об осаде цитадели, но лишь о том, как выбраться из этих болот живыми. Фактически они держались вместе лишь потому, что вместе начали путешествие в этом аду и вместе двигались вперед; и все-таки каждый был сам по себе. Каждый думал только о своей судьбе, о собственном решении участвовать в битве.

Орин чувствовал тревогу и смятение, которые царили в душах его воинов — впрочем, это замечал не только он.

— Боюсь, это заклятие, посланное Усхором, — сказал он как-то своим военачальникам. — Вы заметили, что теперь люди даже не пытаются помогать друг другу? Возможно, скоро они начнут убивать своих товарищей. Мы должны бороться с этим. Поезжайте назад вдоль колонны и поговорите с солдатами — скажите им, что подобное настроение — всего лишь плод колдовских чар, мерзкая иллюзия. Нам ни в коем случае нельзя утратить боевой дух!..

Войско упрямо ползло вперед, но солдат не покидали мысли о неизбежном и мрачном конце. Только одна вещь могла вывести человека из апатии — это мысль о близкой смерти. Если кто-то вдруг обнаруживал, что барахтается в грязи, а его донельзя испуганную лошадь засасывает все сильнее и сильнее, он начинал кричать и убеждать богов, что они совершили ошибку, что

умереть должен кто-то другой, но только не он, и эти крики и мольбы стихали, только когда человек полностью исчезал в пузырящейся жиже.

Но живым ничего не было известно о чувствах умирающих, и поэтому каждый в колонне про себя думал о том, что, вот, еще одна душа отправилась на Серые Равнины, и потому его собственные шансы остаться в живых несомненно увеличились...

* * *

Наконец путники ступили на твердую землю. Болотистые ядовитые топи остались позади, тропа поднималась вверх, и Конан с Орином вдруг обнаружили, что их лошади ступают по твердой, сухой земле. Они стояли на небольшом холмике; впереди снова темнели лес и болото, а островок со всех сторон окружала мутная стоячая вода. Какое-то время они двигались спокойно, не опасаясь каждый миг, что лошадь может оступиться и вместе со всадником полететь в болотную жижу — навстречу смерти.

— Посмотрите! — Болард указал вперед. — Вон там листва достаточно редкая, и сквозь нее можно увидеть скалу. Видите — вон там, внизу?

Орин и Конан кивнули. Иллес проехал немного вперед, чтобы тоже посмотреть на утес.

— Вон то черное возвышение на вершине, — продолжал Болард, — и есть крепость Усхора.

Иллес увидел цитадель — теперь она была видна совсем четко.

Орин повернулся к коринфийцу.

— Сколько до нее ехать? Мы не останавливались ни чтобы перекусить, ни на отдых, а уже близится вечер. Сможем ли мы перейти эту топь до сумерек?

Болард пожал плечами.

— Ничего не могу сказать.

— То есть как это — «не могу сказать»? — закричал Орин — казалось постоянное напряжение, усталость и беспокойство. — Ты же знаешь эти земли! — Поймав молчаливый взгляд Конана, Орин резко замолчал, затем проворчал что-то недовольно и повел свое войско вперед.

Болард держался сзади. Конан воспользовался передышкой и как бы невзначай обернулся, бросив взгляд на коринфийца. Дестан смотрел на него в упор, и Конан понял, что он только и ждет удобного момента, чтобы забрать Кольцо... И вдруг за его спиной раздался чей-то крик.

Ни Конан, ни Орин не обращали внимания на подобные крики. Еще одна смерть — еще одна капля в чашу этого всепоглощающего ада. Но затем раздался новый крик, и еще, и еще. Барон быстро повернулся. Люди кричали, не в силах сдержать невыносимый ужас!

— Они возвращаются!

Орин выругался, взглянул на Конана, развернул лошадь. Колонна солдат шла вниз по склону холма и, извиваясь, скрывалась в туманной дали леса, а потому была видна лишь частично. Барон видел, как солдаты привставали в седлах и смотрели назад. И снова с конца колонны доносились полные ужаса крики.

— Они возвращаются!

Холодный пот прошиб Орина.

— О боги! — воскликнул он и погнал лошадь вниз по склону холма, вдоль колонны, то и дело сворачивая с тропы, словно забыв об опасной топи. С дальнего конца колонны раздавались все новые и новые крики.

Конан развернул свою лошадь и помчался следом за Орином.

Иллес повернулся к Варгану; лицо бородача вспыхнуло, глаза горели огнем. Он тихо, почти неслышно прошептал:

— Наемники.

Сердце юноши похолодело.

— Так они... живы?

— Да, и убивают наших солдат, — раздался низкий металлический голос Боларда.

Тайс всхлипнула.

Орин галопом несся сквозь кустарник и заросли, едва не слетел с лошади, пробираясь через переплетения корней, пускал лошадь по зловонным лужам. Приблизившись к концу колонны, он придержал поводья — дорогу преграждала толпа солдат. Конан, который скакал след в след за Орином, чтобы не врезаться в него, осадил свою лошадь так резко, что чуть не вылетел из седла.

— Что это? — выкрикнул он, обнажая меч.

На этот вопрос было нетрудно ответить — прямо перед ними шел бой. Человек двести всадников сражались с каким-то темным войском, явно превосходящим по численности. Часть сол-

дат Орина спешились или были выбиты из седел. Некоторые настолько испугались, что сходили с безопасных участков и проваливались в трясину; они бесцельно размахивали мечами, кричали, пытались выбраться, но от этого их засасывало еще глубже.

Но войско, с которым сражались солдаты... Орин почувствовал в горле холодный ком.

Они сражались с мертвыми наемниками, поднявшимися из болот — исковерканными, раздувшимися мертвецами, чьи клинки были черны от застывшей грязи, а лица изъедены гнилью. Они шли странной, неверной поступью и держали мечи негнущимися руками. Шаткой походкой они выступали из глубокой тени и клочковатого тумана — неумолимая, бездушная нежить, которая набрасывалась на воинов Орина со слепой и немой злобой. Лошади ржали от страха; люди прыгивали на ненадежные участки, вздымали щиты и мечи, сражались с мертвой плотью и тут же гибли. Отдельным группам удавалось уничтожить безжалостных мертвецов, оттесняя их к трясине, где те проваливались в болотную жижу.

— К бою! — крикнул Орин трубачу.

И сам ринулся вперед. За ним последовали его воины — перепуганные, озадаченные, встревоженные, — они развернули лошадей и осторожно рассыпались по смертоносным топям.

Мертвецы шагали по грязи, методично размахивая мечами, точно косами, — и это несмотря на то, что от врагов их отделяло значительное расстояние. Вокруг не смолкали дикие крики и вой.

Конан проскакал немного вперед, чуть не увяз в болоте, повернул назад и тут же сразил одного мертвеца. Его лошадь вдруг споткнулся, и Конан вышвырнуло из седла — он упал на мягкую землю, но к счастью, не угодил в трясину. Лошадь понеслась прочь и вскоре скрылась в темной дымке. Воздев меч, Конан поднялся на ноги.

Прямо на него шел один из мертвецов, и Конан отразил удар, пораженный его невидящим взглядом и той слепой яростью, с которой тот кинулся на него. Конан легко ушел в сторону и избежал грубого выпада, взмахнул своим мечом и снес мертвецу голову. Наемник рухнул в тину и больше не шевелился.

Но остальным воинам, казалось, везло меньше; их удары не могли повредить ожившим мертвецам. На глазах у Конана один из солдат точно так же отрубил мертвецу голову — голова отлетела в сторону и шлепнулась в лужу, но труп продолжал идти, орудуя клинком... Вскрикнув от страха, воин отпрыгнул в сторону, со всех сил толкнул покойника и сбил его с ног; тот свалился в трясину, и его начало засасывать, и все же он продолжал размахивать мечом столь неистово, что грязь превращалась в пену.

За спиной Конана раздались крики. Он повернулся и увидел, что на помощь пришли воины из головной части колонны — некоторые ехали на лошадях, другие пробирались пешком. Однако и орда покойников не стояла на месте.

Орин с яростью набросился на мертвецов, все еще восседая на лошади, которая так перепуга-

лась, что была почти неуправляема. Его окружила целая толпа. Орин отрубал руки, ноги, головы, протыкал тела. Лишенные конечностей и голов, трупы падали на землю и корчились, извиваясь, точно черви, и по-прежнему пытались убивать. Лошадь Орина была вся в крови — она получила не меньше дюжины ран.

В конце концов барон отпустил бедное животное, прыгнув на землю, и тут же лицом к лицу столкнулся с тремя мертвецами. Он сделал шаг в сторону, обезглавил одного, второго пронзил мечом в спину. Третий же сделал выпад и едва не рассек Орину горло, но тот увернулся, проткнул грудь мертвеца, вытащил меч и снова рубанул им. Однако покойника это не остановило.

Орин отпрыгнул, ухватил меч обеими руками, а затем, мощно размахнувшись, отрубил мертвяку руку у самого основания. Рука отлетела на землю и забарахталась, все еще жаждающая крови, а покойник продолжал идти на Орина, пытаясь ухватить его уцелевшей рукой. Орин отрубил и эту конечность, затем ноги, и наконец мертвец рухнул в грязь и вскоре утонул в трясине.

Войско Орина несло большие потери. Со всех сторон из тумана слышался лязг мечей, всплеск тел, падающих в болотную жижу, крики раненых и умирающих людей. Орин увидел, как от рук мертвяков погибли двое его солдат, видел, как их товарищи отрубали ходячим трупам руки, ноги и головы — а те, лишенные конечностей, продолжали отбиваться — одним окровавленным телом извиваясь в грязи.

Какой-то воин дико закричал — обезрученный мертвец вцепился зубами ему в ногу. Парень яростно прошелся мечом по его шее, но челюсти все еще крепко держали его. Солдат выронил меч и, шатаясь, завертелся на месте, пытаясь оторвать голову мертвеца, в какой-то момент оступился и с криком начал погружаться в трясину.

Орин видел, как трое мертвецов напали на одного из его солдат. Того охватил дикая ярость; он с ревом кинулся на мертвяков и тут же искрошил двоих на куски. Третий поднял оружие, но тут за его спиной прошла темная тень, и меч выпал из его руки. Еще удар — и голова мертвяка полетела прямо в болотную жижу.

Труп зашатался, и Орин увидел Боларда, клинок и шлем которого были заляпаны отвратительной сизой кровью. Затем коринфиец повернулся и прикончил еще одного зомби, а Орин бросился на двух других.

Конан ни на миг не переставал махать мечом; его доспехи, кожа и волосы были заляпаны кровью и болотной грязью. Он без устали вздымал и опускал клинок, одним взмахом убивая одного, а то двух мертвяков. Сейчас ему отнюдь не требовалось отменное владение мечом. Покойники словно вообще были лишены зрения; по всей вероятности, они ориентировались исключительно на слух.

Киммериец обнаружил также, что для них смертельным оказывается простое касание его меча — если же мертвяки дрались с другими во-

инами, они проявляли нечеловеческую жизнестойкость. Не отличаясь мастерством, они просто нападали, делали простые выпады, и рубили напрапалую. Эта бездумная жестокость многих лишала присутствия духа — ведь люди привыкли сражаться с противником, который не только нападает, но и защищается.

Орин быстро понял, как следует сражаться с ожившими трупами — нужно просто увернуться, а затем пообрубать им руки. Если удавалось, он старался обезглавить их — это лишало мертвяков оставшихся органов чувств (если они вообще, конечно, у них были) — а затем сбивал с ног и сваливал в заросли или в топь. Другие воины тоже быстро осознали, как вести бой; и все же многих погубили клинки наемников или жадная пасть трясины. Краем глаза Орин увидел, как один молодой воин с криком барахтался в луже вместе с обезглавленным трупом, пытаясь влезть на него, как на бревно. Но у него ничего не вышло — мертвое тело начало погружаться, и парень провалился вместе с ним...

Орин вступил в драку с очередным мертвецом, и тут за его спиной раздались звуки ударов. Барон пытался уворачиваться, но мертвяк неуклюже наносил удары налево и направо, не давая маневрировать.

Затем послышался чей-то голос:

— Добей его, мой господин — а я возьму этого!

Это был Иллес. Орин взревел и бросился вперед, одним ударом выбивая из рук зомби меч,

другим отрубая твари голову. Затем резко развернулся и бросился на помощь своему юному другу. Орин отрубилходячему трупу руку, которой тот держал оружие, а Иллес добил его. Они кивнули друг другу, а затем бросились на новых врагов.

Бой подходил к концу. У Конана рука ныла от усталости — ведь он прикончил бесчисленное множество мертвецов; но вот наконец киммериец заметил, что большая часть вражеского войска пала: повсюду валялись куски полустгнивших тел и дергающиеся руки, в бурлящих лужах катались головы, клацающие зубами; в болотной жиже дергались изувеченные тела. Но поле боя усеивали и тела воинов — захлебнувшихся в воде и павшие от рук безмозглых ходячих трупов. Раненые лошади были почти втоптаны в грязь — они лежали, судорожно и часто дыша, раздувая побелевшие от пены ноздри. Пахло ужасно — отвратительный запах гниющей плоти, крови и грязного пота смешался со зловонием болотных газов и вонью луж с тухлой водой.

Орин стоял в одиночестве — уставший, залитый грязью с ног до головы. К нему подошел Конан, который тоже едва держался на ногах, и так друзья стояли рядом, тяжело дыша и расслабляя утомленные до боли мышцы, пользуясь кратковременным перерывом, чтобы немного отдышаться.

— Будем считать, нам повезло, если до крепости доберется хотя бы горстка людей, — с трудом проговорил барон. — Мы разбиты. Ни лошадей.

Ни людей.— Это был конец. Орина настолько потрясла эта мысль, что он не слышал даже криков и стонов раненых.— Кольцо все еще у тебя? — шепотом спросил он.

Конан кивнул.

— Проклятое Кольцо,— пробурчал Орин, качая головой.— Кольцо, несущее безумие и смерть. Мне кажется, что именно это — наше проклятие, а не Усхор. Сколько времени оно находилось в Сафаде и плело свою дьявольскую сеть? Кольцо принесло моих людей в жертву Энкату — завлекло нас в этот бесконечный кошмар, безумный ужас, чтобы наши страдания утолили аппетит злобного божества. А Энкату — умерил ли он свой голод, насытился ли смертью моих людей — или крики тысяч душ, показались ему лишь скромной закуской?! О Митра — что же еще нужно этому проклятому богу? Наверное, мне стоит привязать кольцо к стреле и пустить его прямо в руки Усхора. Пусть у него будет сила Кольца — в конце концов его гнилую душу также проглотит Энкату.

— Орин! — воскликнул Конан.— Не давай ход таким мыслям — может быть, это очередная уловка колдуна. Кольцо — наш последний шанс!

Орин покачал головой.

— Нет, это — наша погибель.

Конан вдруг обернулся и увидел, как мертвяк бросился на старого воина, который почти по пояс завяз в тине. Содрогаюсь от отвращения, соверянин кинулся на этот ходячий кусок мяса и отрубил ему половину руки, державшей меч —

мертвец тут же хлопнулся в воду. Конан протянул солдату руку, чтобы помочь ему выбраться — и вдруг что-то показалось из воды. Тонкий влажный стебелек с луковицей глаза на вершухе...

Солдат почувствовал движение воды, повернул голову и побелел. Затем открыл рот, дико закричал и тут же начал биться и хвататься за тростник и корни, пытаясь вылезти из трясины. Конан прыгнул вперед — один из древесных корней, извиваясь словно змея, обхватил солдата вокруг груди и потащил вниз. По колено утопая в грязи, киммериец принялся кромсать тварь — щепки полетели во все стороны и брызнул сок. Неожиданно огромный корень, жирный, как питон, резко выпростался вперед, и Конан едва успел выскочить на берег и избежать удара. Растительная тварь обкрутила солдата так плотно, что тот не мог шевельнуть ни рукой ни ногой, а затем утащила под воду... какое-то время на поверхности булькали пузыри, а затем стало тихо.

В это мгновение уцелевшие трупы вдруг остановились, упали на землю, снова превратившись в мертвые, неподвижные тела; люди удивленно оглядывались — на землю опустился полная, сверхъестественная тишина. Стихли не только стоны раненых и умирающих — весь мир как будто застыл. Ни одно животное в лесу не издавало ни звука, замолкли птицы, прекратили жужжать москиты. И что самое ужасное — не шуршали даже травы и листья, и не падало ни одной росинки.

И вдруг бесшумно, медленно, но со все нарастающей силой болото начало приходить в странное пульсирующее движение. Все почувствовали мощное мерное биение — словно билось сердце какого-то бога. Воины Орина, сжимая в руках мечи, оглядывались по сторонам, испытывая неопишущий ужас, по сравнению с которым кошмары недавних дней казались сущим пустяком.

Что-то мощное пульсировало, возрождаясь... Что-то, что несло с собой изуродованные растения и безобразные существа, рожденные из болотной грязи и все порочное, грязное, что только может быть. Что-то огромное, всеведущее, всепоглощающее. Что-то, несущее в себе черные, злобные чувства и мысли. Оно пульсировало, расплзалось, росло... И ненавидело.

Оно стало самой трясинной; оно стало каждым растением, каждым комком земли, каждой пушинкой и водорослью; оно проникло в каждое насекомое, в каждую ящерицу и каждого зверя. Оно стало каждой частичкой этого отвратительного пейзажа: проникло в жидкую грязь, лишайник, мох; в паразитов и блох; в пиявок, пауков и змей; в орлов, крыс и ласок. Оно расплзалось, оно ненавидело, оно становилось всем.

А затем оно перешло в наступление.

Ни одному безумцу-художнику не изобразить на холсте это сумасшествие; ни одному поэту не схватить и не выразить ритм этого яростного апокалипсиса; ни одному музыканту не напеть сумятицу, какофонию этой последней смертельной схватки. Жуткие травы и корни связали од-

ного из воинов, а кипящая, жгущая болотная слизь волнами захлестнул его ноги; влажные ивовые ветви обхватили другого со всех сторон и швырнули в шипящий клубок болотных гадюк; мох плотным покрывалом набрасывался на людей и душил, а тяжелые древесные корни хлестали и молотили по ногам и телу; орды жаб и лягушек гнали людей прямо в ухмыляющиеся пасти крокодилов, другие были убиты кабанами и хорьками.

Нельзя сказать «кто-то закричал» — все кричали от дикого страха, во всю силу своих глоток и легких. Нельзя сказать «кто-то испугался» — все слепо бежали прочь от неизбежного, неотвратимого кошмара. Все живое двигалось, а все, что двигалось, уничтожалось.

Из тех, кто остался в живых, лишь несколько человек не впали в панику, а с яростным отчаянием пытались выжить. Сила Кольца Энкату защищала уроженца Киммерии от нападения самых отвратительных и свирепых тварей; а его меч, который уложил несметное количество врагов, снова кружился сверкающим смерчем, убивающим все на своем пути. До ушей Конана долетали хлещающие звуки сапог, скользящих по грязи; звуки ударов, с которыми мечи яростно пронзали влажную плоть жутких молчаливых врагов; жалобные причитания и хрипы задыхающихся людей; истерические крики насмерть перепуганных воинов.

Среди беспорядочных звуков ударов и борьбы Конан услышал звериный рык и повернулся к

Орину. Его глаза горели безумным огнем. Все тело сотрясало в жуткой, слишком неистовой для человека ярости. Уловив взгляд Конана, Орин замер с напускной храбростью перед шквалом ужаса. На его губах заиграл усмешка; он поднял меч в приветствии — сверкнула окровавленная сталь, дрожащая в его мощных руках; им владел страх за своих людей и безмерная ненависть к порождению Мрака, пожиравшему души несчастных воинов. Теперь Орин сам был больше похож на демона — он наконец дал волю своей жажде крови и неистовому гневу. И в следующий миг правитель Сафада с криком бросился в самое пекло битвы.

С замиранием сердца северянин следил, как Орин, издав невнятный, безумный крик, с неимоверной жестокостью набросился на адское отродье. Мимо пронесся Болард — черные доспехи заляпаны кровью. Из жуткого переплетения ветвей выбрался огромный, как медведь, человек — Варган. Гигант, не пытаясь удрать и спасти свою жизнь, яростно рубил по стволу; затем раздался громкий треск — это бородач разрубил дерево-людоеда пополам, швырнул его точно копье, а затем вырвал все еще живой пенек из земли, обрубив толстые, извивающиеся корни. Размахивая стволом как булавой, Варган одним махом смел десяток колючих ветвей, которые начали было опутывать его, пытаясь насмерть исколоть своими острыми шипами.

И все же Варгана можно было считать счастливым — он, по крайней мере, сражался про-

тив чего-то осязаемого, материального. Другим повезло меньше — тем, кому приходилось иметь дело с наползающими студенистыми массами грязи; кого окружила огромная туча кровососущих moskitov; или того, кто катался по земле, тщетно пытаясь сбросить с себя тысячи разбухших пиявок и паразитов. Некоторые из солдат даже отдаленно уже не походили на людей, до такой степени их тела были покрыты копошащейся массой черных пауков и червей. Многие отказались от борьбы и пытались покончить с собой, прыгая прямо в трясину — но и там их ждала нелегкая смерть, ибо из луж лезли десятки извивающихся щупалец, которые находили своих жертв по наводке глаз, сидящих на колышающихся мясистых стебельках. Где-то внизу, в трясине прятались отвратительные голодные существа...

Киммериец, неистово размахивая мечом, который он удерживал двумя руками, ринулся вслед за Орином, в самый хаос. И вдруг кто-то выкрикнул его имя.

— Конан!

Он обернулся и увидел Тайс с Иллесом, стоящих на берегу лужи. Толстое щупальце, опутав ногу юноши, тащило его в трясину. Иллес воткнул меч в землю и отчаянно цеплялся за рукоять. Тайс пыталась удержать его, но неумолимые серые, покрытые присосками щупальца тянули несчастного вниз, вырывая клинок из слишком мягкой земли.

Конан бросился на выручку.

— Спаси его! — завопила Тайс.

Иллес ранил тварь; розовая жидкость сочилась из глубоких разрезов на извивающемся щупальце. Конан резким ударом расширил рану. Щупальце отделилось, обрубок скрылся в болотной жиже; во все стороны брызнула розовая сукровица, а остальные щупальца отпали сами собой. Варвар схватил Иллеса под мышки и вытащил на берег. Кусок щупальца, все еще обвивавший ногу юноши, судорожно задержался. Конан отшвырнул его в воду.

— Ты в порядке? — тяжело дыша, спросил он.

— Сильно жжет! — Лицо Иллеса исказилось от боли, когда он стягивал сапог. Вся голень была исполосована и залита ядом.

— Сделай же что-нибудь! — запричитала Тайс; по ее щекам бежали слезы. — Помоги ему!

Конан посмотрел на Тайс — что еще он может сделать? Он опустился на колени рядом с юношей, чтобы получше рассмотреть рану, и вдруг вскочил, услышав дикие вопли солдат.

— Орин! О боги — Орин!

Конан ринулся на крик, убивая каждую тварь, которая попадалась на пути. В какой-то момент он столкнулся с окровавленным солдатом, который слепо брел куда-то; северянин убил его одним ударом — и это убийство можно было считать добрым делом, ведь крысы изгрызли беднягу до костей. Конан споткнулся и чуть не упал на молодого воина — тот был еще жив, но все его тело покрывал толстый слой шершней — и ему варвар обеспечил быстрый и легкий конец.

Прошло всего несколько мгновений — а казалось, целая вечность — и Конан уже пробирался вперед в жидкой грязи, туда, где несколько солдат бешено молотили мечами по воде. Киммериец рванулся вперед. Все, что он сейчас слышала, это хриплые крики:

— Орин! О боги, о боги! Орин!

— Где он? — услышал Конан собственный крик. — Где барон?

Он вдруг увидел ладонь, сжавшуюся в кулак и уходящую под воду.

Конан нырнул в темную воду, шаря в том месте, где только что скрылась рука. Всплыв на поверхность, он закричал:

— Орин!

Затем снова нырнул, и еще раз, и еще. Он ничего не видел; все лицо его было в грязи. Но он все равно нырнул еще раз, по-прежнему безрезультатно.

— Орин!

По воде прошла рябь; из воды высунулся кончик щупальца и отвратительно запульсировал. Бормоча проклятия, Конан бросился на него и принялся рубить мечом, поднимая тучи брызг. Затем из воды показался серый слизистый обрубок — он извивался, разбрызгивая розовую кровь, а потом исчез.

С неистовой яростью Конан колотил мечом по грязной воде. Чуть впереди из воды вдруг показался покрытый пеной глаз на стебельке; он замер и холодно посмотрел на киммерийца; вслед за ним на поверхность вылезла трубчатая конеч-

ность с отверстием на конце, полным острейших зубов. Северянин с яростным воплем рванулся вперед, чтобы уничтожить тварь...

— Конан! — проревел кто-то у него за спиной.

Варвар остановился. Его сердце стучало так гулко и быстро, что он почти ничего не слышал.

— Конан! Назад! Во имя Митры — сейчас же! Варган!..

— Там Орин! — Северянин обернулся к нему. — Мы должны спасти его!

— Он погиб. Все кончено.

Мощная длань Варгана потянула его назад.

— Мы ничем не сможем ему помочь. Он погиб, Конан. Его больше нет...

Киммериец тряхнул головой, медленно выбираясь на сушу.

— Он был моим другом, — словно про себя пробормотал он, с трудом преодолевая отчаяние. — А я ничего не сделал, чтобы спасти его!

Бородач стиснул его руку.

— Ты сделал все, что мог, клянусь Митрой! И он был моим другом тоже. Мы отомстим за него!

Северянин слышал звуки капающей воды — капли болотной воды срывались с волос, с лица, с кончика меча, и падали в трясину.

— Да, — произнес он жестким, изменившимся голосом. — Месть — это единственное, что достойно мужчины! Мы отыщем того, кто сделал это с Орином... со всеми нами... И, клянусь Кромом, мы отомстим!

Глава 7. Жизнь

Конан долго сидел на склоне холма, предаваясь невеселым мыслям и воспоминаниям; мускулы его болели от напряжения, окровавленный меч лежал рядом. Сгущались сумерки, и в лесу и на болоте становилось темно.

За его спиной возле костров сидел горстка людей, уцелевших в последней битве — Варган, Болард, Иллес, Тайс и около тридцати солдат.

Долгий бой был окончен. Болотные монстры уползли в свои тайные логовища сразу после смерти Орина; собственно, его смерть и была целью их нападения. Теперь по всему болоту висили кучи изуродованных тел — они покрывали все топи, безголовые, безногие и безрукие, пропитанные кровью, они усеивали склоны всех холмов, многие застряли в ветвях и кустарнике — тела воинов Сафада и ненадолго оживших наемников лежали вперемежку с кусками болотных тварей. А раненые — их жуткие хриплые

крики наполняли воздух — вызывали у других такую же дрожь, как предсмертный крик и шум битвы.

Варган подошел к Конану, остановился возле него и постоял немного.

— Пойдем, нам нужно поговорить — произнес он тихо.

Северянин тяжело вздохнул, взглянул на Варгана и поднялся на ноги. Они уселись у костра. Есть и пить было нечего — все пропало в бою.

— Наши люди вскипятили воду, — проговорил Варган, — и зарезали нескольких лошадей на мясо. Скоро будет еда.

Вскоре в лагере стало тихо. Повсюду распространился запах лошадиного мяса и изможденные солдаты жадно принялись за еду. Разговаривали мало. Пламя в небольших кострах дрожало — пламя словно задыхалось во влажном ночном воздухе. Раненые затихли — одни погрузились в судорожный сон, другие заснули сном вечным. Время от времени с болота доносился неожиданный всплеск или хлюпанье и все тут же поворачивали головы и хватались за рукояти мечей.

Конан повернулся к Варгану и негромко произнес:

— Нам нужно решить, что делать. Мы не можем оставаться здесь, а то скоро умрем с голоду и сойдем с ума. Ты представляешь хоть примерное, сколько человек осталось в живых?

Бородач с сомнением покачал головой.

— Ну, около тридцати.

— Не больше?

Варган снова покачал головой.

— Тридцать, — изумленно пробормотал Конан, — пару дней назад у нас было пять тысяч.

— Я уверен, что Усхор не оставит нас в покое. Его тень все время висит над нами, вызывая у нас бессмысленную ненависть и раздражение по отношению друг к другу.

— Мы должны решить, кто поведет нас, — сказал Конан. — Может быть, ты, Варган?

— Я бы предпочел, чтобы ты, — возразил тот. — И, уверен, Орин согласился бы со мной. Я говорил с остальными — они тоже так считают.

— Постой! — внезапно вскинулся Конан. — А где Болард? Его убили?

Он вскочил и стал осматривать сидящих вокруг костров, выискивая блеск черного шлема.

Словно услышав свое имя, у дальнего костра поднялся Дестан Болард и посмотрел на киммерийца. Дрожь негодования пробежал по его телу. Столько смелых людей погибли, а этот негодяй — жив.

Болард бесшумно двинулся к Конану; воины молча провожали его взглядами.

Конан напряженно ждал. Варган поднялся на ноги; Иллес, не вставая, завертел головой. Тайс вдруг затихла и тоже уставилась на коринфийца. И даже раненые подняли лица — изможденные, серые, исполосованные шрамами — чтобы увидеть, что происходит.

Болард подошел к Конану и встал перед ним в вызывающей позе — ноги широко расставлены, руки на ремне. Он был весь покрыт запекшейся

кровью, слизью и высохшей грязью; доспехи иссечены, погнуты; плащ превратился в лохмотья.

— Орин мертв,— произнес Болард низким металлическим голосом.

Конан молча смотрел на него.

— Мне нужно Кольцо, киммериец.

Окружающие насторожились. Кольцо? Солдаты начали перешептываться. Иллес, несмотря на протесты Тайс, попытался подняться. Он сел неуклюже, опираясь на руки, и стал наблюдать.

— Кольцо.

— Нет,— коротко ответил Конан.

Болард поднес руку к мечу.

— Войска больше нет,— произнес он медленно.— Орин мертв. Кольцо не помогло вам. Ни один из вас не дойдет до крепости Усхора.

— А ты, Болард? — насмешливо спросил Конан.

— Я выживу, северянин. Кольцо.

Их разговор прервал Варган.

— Что за Кольцо? О чем речь?

Солдаты стали подниматься со своих мест и собираться вокруг Конана и Боларда. Один из них спросил:

— О каком это кольце вы говорите, парни?

Конан не преминул воспользоваться ситуацией. Он отступил на шаг, оглядел толпу и поднял руку, призывая всех к тишине и порядку.

— Воины, вам решать, что делать,— сказал Конан.— Слушайте меня. Я расскажу вам, почему Усхор напал на ваш город и почему Болард явился к барону Орину и начал этот поход. Слу-

шайте! — потребовал он, стараясь перекрыть все возрастающий шум голосов.— Волшебник ищет магическое Кольцо. Он разрушил Сафад, потому что узнал, что Кольцо спрятано именно там. Орин понятия не имел об этом — а Дестан Болард знал, поскольку он помогал Усхору — до того, как волшебник проклял его и наложил на него чары, обезобразившие его лицо!

Из толпы послышались гневные голоса, и люди повернулись к Боларду, удивленные и рассерженные. Но тот был явно в себе уверен. Низким, полным ненависти голосом, он произнес:

— Отдай мне Кольцо, северянин.

— Послушайте! — Конан снова обратился к солдатам.— В Сафаде я случайно нашел Кольцо и сказал об этом Орину. Мы скрыли это от Боларда, потому что он хотел заполучить талисман только ради собственной выгоды, ради личной мести. Мы думали, что талисман защитит нас в бою против Усхора, но... Кольцо не защитило нас — чтобы его использовать, нужно иметь волшебную силу. У Дестана Боларда нет этой силы — и тем не менее он угрожал и мне, и Орину, требуя отдать талисман... он говорит, что доберется с ним до колдуна и уничтожит его — сведет с ним счеты. А я говорю, что мы сами должны дойти до крепости Усхора и отплатить ему за смерть Орина!.. Но вы, солдаты, лично заинтересованы в исходе этого дела; поэтому вам и решать. Мы должны решить все вместе, что делать — идти к Усхору и сразиться с ним, как хотел Орин, или отдать Кольцо Боларду?

Он замолчал — весь взмокший от напряжения, — взглянул на Дестана Боларда и мрачно усмехнулся.

Солдаты прервали свои споры. Некоторые устало опустив голову, направились к своим кострам; остальные сбились вокруг одного из воинов, который вскоре выступил вперед, чтобы сообщить Конану об их решении.

В лагере воцарилась тишина. Слышно было лишь жужжание насекомых, да треск сучьев в кострах. Вдалеке по воде прошлепало какое-то существо; задувал легкий ветерок, но он не мог развеять тяжелый запах крови и смерти.

Воин угрюмо произнес:

— Отдай Кольцо Дестану Боларду.

Конан был ошеломлен.

— Нет! — закричал Иллес. — Нет! Вы глупцы!..

Тайс умоляла его замолчать. Солдат отвел глаза и направился к своему костру.

Дестан сделал шаг вперед.

— Отдай Кольцо, киммериец, — бесстрастно произнес он.

Конан что-то проворчал и схватился за меч, чувствуя, что если он покорится сейчас Боларду, то предаст Орина — и себя самого. Но тут он уловил взгляд Варгана — тот кратко кивнул ему.

Северянин застыл, обескураженный. Варган, один из людей, составивших костяк отряда, Варган, который бился за барона против крылатых людей, подземных чудовищ и болотных тварей...

Конан упрямо покачал головой:

— Орин бы так не поступил!

— Орин погиб, киммериец. От этого Кольца у нас одни несчастья. Пусть его возьмет Болард.

— Кольцо, северянин, — жестко повторил Болард, считая дело решенным.

Конан развязал поясной мешочек, нащупал талисман и извлек его наружу. На фоне черных болот Кольцо сверкало загадочным блеском.

Дестан протянул руку и выхватил Кольцо из пальцев Конана. Затем развернулся и с высоко поднятой головой пошел прочь.

— Собака! — прорычал Конан ему вслед. Было малодушием покориться этому ублюдку... но ведь он сам сказал воинам, что подчинится их решению, каким бы оно ни было! У него просто не было иного выхода!..

— Глупцы! — закричал Иллес. — Вы глупцы! Предатели!

Конан вернулся к своему костру и устало сел у огня.

Болард вскочил в седло и, проехав через весь лагерь, остановился рядом с киммерийцем.

— Ваш поход завершен, — объявил он спокойно и твердо. — Я уничтожу Усхора. Если бы я получил Кольцо еще в Сафаде, вы все могли бы избежать гибели и несчастий; вы можете винить Конана и Орина в смерти своих товарищей — а возможно и в том, что погибнете сами. Моя же месть не за горами. Мы никогда больше не увидимся...

Он развернул лошадь и галопом понесся прочь. Тайс смотрела ему вслед, отказываясь верить в происходящее.

— Подлец! — выкрикнул Иллес в темноту — туда, где исчез Болард.

Конан повернулся к Варгану.

— И что нам теперь делать?

Тот пожал плечами.

— Ждать до утра. Нам всем нужен отдых. А утром решим, как быть и как нам выбираться из этих проклятых болот.

— Да,— ответил Конан.— Да...— А затем еле слышно проговорил: — Кром! Кром...

* * *

— Он лгал мне...— шептала Тайс.

— Тише, детка,— успокаивающе бормотал ей Иллес.

Люди в лагере улеглись. Нога Иллеса почти не болела, и опухоль спала, но он все еще не мог заснуть; он думал об Орине и о его смерти; его тревожила удушливая темнота болота и пугающие звуки, доносящиеся со всех сторон... Юноша смотрел на затухающее пламя костра.

— Он лгал мне,— повторила Тайс.

— Кто, любимая? Говори тише...

— Дестан Болард.

— Кто? — чуть не закричал Иллес и снова попытался сесть.

Но Тайс придержала руками его голову, не давая подняться. Вспоминая о том, что так мучило ее, она заговорила почти равнодушно:

— В ночь перед тем, как мы покинули Сафад — мы поссорились, помнишь? И я выбежала в коридор. А там стоял Дестан Болард; он увидел

меня и заговорил. Он был... в каком-то странном настроении. Казался добрым, почти ласковым. Я не могла этого понять. Он начал говорить о том, что судьбой нам всем назначено быть вместе, и в то же время у каждого есть свои тайные страхи и желания. Он говорил, что одним можно доверять, другим — нет, и о многом другом. Он был... он был добрым, Иллес. И я не понимала, как это может быть.

Молодой человек поднял глаза и увидел разочарование и волнение на лице Тайс.

— Он дал мне свой кинжал. Сказал, что я должна научиться владеть им — чтобы я могла защищать себя и заботиться о себе сама... что я должна измениться, потому что нам судьбой велено отправиться в этот поход. И он говорил... с такой болью, Иллес.— В ее голосе прозвучало удивление.— Но не из-за того, что этот колдун сделал с ним. Он просто был так одинок. И я... я почувствовала жалость к нему.

Юноша негодуя хмыкнул. Тайс пожала плечами.

— Но он обманул меня. Я думала, он заботится обо мне, боится, чтобы со мной что-нибудь не случилось, но... это не так. Ему все равно, умрем мы или нет — он думает только о своей мести.

Иллес устало произнес:

— Давай спать, Тайс. Вот здесь — ложись рядом. Ложись спать. Мы не умрем.

Девушка сглотнула, осторожно переложил голову Иллеса со своих колен и вытянулась рядом, обняв его.

Вскоре усталость сделала свое дело, и Тайс крепко заснула; Иллес по-прежнему не мог успокоиться. Он прислушивался к звукам, доносившимся со стороны леса, смотрел на потухающие костры, прислушивался к мерному дыханию Тайс и думал об Орине.

* * *

— Конан! О боги... проснись, Конан!

Он открывает глаза и чувствует ужас в голове.

— Конан, пожалуйста, проснись!

Это была Тайс. Конан вопросительно посмотрел ей в глаза. И в тот же миг схватился за меч.

— Что... что такое, Тайс?

— Конан! Смотри!

Девушка кивнула в сторону болот. Конан сел и тут же увидел. В глубине леса, с той стороны, откуда они пришли, к ним приближались какие-то существа. Огни, десяток желтых огней.

— Там факелы! — взволнованно воскликнул Тайс. — Кто-то идет к нам!

Киммериец поднялся на ноги и подошел к Варгану, который храпел у потухшего костра.

— Эй! — Он ударил его по ногам. — Просыпайся, Нергал тебя дерит!

Тот, проснувшись, выругался, уселся и посмотрел на Конана заспанными глазами.

— Разрази тебя гром... Конан?! — В следующий миг он был на ногах и надевал доспехи. — Что такое?

— Посмотри туда.

Он кивнул в сторону леса, и Варган увидел колыхающиеся желтые огни.

— Факелы?

— Нет, Варган. Это вендийцы. Нам с Орином как-то пришлось с ними сразиться. Они шли за нами, и огни их костров были видны по ночам во время нашего похода. Это маги — жрецы.

Бородач яростно выругался.

— Буди людей! — крикнул он.

Они вдвоем быстро обошли весь лагерь, пинками и криками вырывая людей из сна.

Со стороны болот донеслись новые звуки — шлепанье сапог по воде, хлюпанье по грязи. И огни — их глаза — горящие, прыгающие, рассеивающие желтый свет...

Конан и Варган стояли с обнаженными мечами, и за ними — около тридцати человек... все напряженно ждали. Иллес и другие раненые, дожившие до утра, лежали у своих костров, и с тревогой наблюдали за желтыми огнями.

Наконец из леса появились фигуры, они шли колонной, по трое в ряд — всего около тридцати человек. Они безмолвно выстроились перед воинами. Вперед вышел главный жрец — невысокий человек, который из-за своей черной накидки был еле виден в темноте. Его лысая смуглая макушка отражала огни костра, а желтые глаза сами излучали сияние. Он приблизился к Конану и произнес с заметным вендийским акцентом:

— Мы хотим получить Кольцо Энкату.

Конан ничего не ответил. Солдаты за его спиной начали взволнованно переговариваться. Варган покачался на пятках, взвешивая в руках оба своих меча.

— Киммериец, мы знаем, что Кольцо у тебя — так сказано в пророчестве. Душа Сундара, томлящаяся в преисподней, поведал нам о том, что ты снял Кольцо с его руки. Отдай его нам, или мы сами возьмем его — и тогда все вы умрете.

Конан ответил твердым голосом:

— У меня нет Кольца.

— Где же оно?

— У нас его нет.

Вендийцы, стоявшие за спиной своего предводителя, выступили вперед; они хором что-то злобно забормотали; те несколько слов, которые донеслись до уха Конана, были ему неизвестны. Затем жрецы разделились; они разом убрали руки — словно сжимали спрятанное под одеждой оружие.

Первый вендиец повторил:

— Отдай нам Кольцо Энкату.

Но прежде чем Конан успел произнести хоть слово, за его спиной раздался громкий крик, и, вскинув клинок, вперед выступил молодой воин.

— У нас нет его, слышите вы, псы! Оставьте нас в покое! Мало вам того, что вы убили почти всех наших людей?!

И он бросился к вендийцам, размахивая мечом. Главный служитель с шипеньем отступил, извлекая из-под плаща какой-то предмет, светящийся в его ладони. Солдат с диким воплем на-

нес удар; это было невозможно представить — но жрец поймал клинок голой рукой, и в тот же миг парень закричал от боли. Красноватое сияние пробежало по лезвию меча, скользнуло в ладонь и мгновенно растаяло; парень замертво упал на спину, от его тела поднимался дымок.

Вендиец повернул оружие рукоятью к себе, взял его и с видом знатока взвесил в руке.

— Кольцо! — прошипел он.

Конан бросился вперед и со скоростью молнии взмахнул мечом. Жрец опоздал на какую-то долю мгновения; варвар ударил его по правой руке. Тот пронзительно закричал — рука, держащая сияющий источник силы, взлетела в воздух, разбрызгивая красные капли. Следующий удар пришелся по черепу, и стоящих рядом вендийцев запятнало кровью и ошметками мозгов.

— Убейте их! — крикнул Конан, взмахивая мечом.

И тут же Варган и все остальные закричали и бросились в атаку. Враги сблизились — солдаты с мечами и жрецы с магическими кольцами — и тут же лес наполнился лязгом и криками.

Конан вертелся смерчем, не останавливаясь ни на миг, представляя собой неуловимую цель для магии. Вокруг него ожесточенно дрались не успевшие отдохнуть, залепанные кровью солдаты — они махали мечами, секли и рубили, ругаясь и проклиная все на свете. Киммериец видел, как один из жрецов сунул руку под плащ и достал сияющий камень; быстрый, точно мысль, он разрубил его пополам. Обернувшись, он еле ус-

пел увернуться от очередного жреца — тот пытался напасть на него сзади — и варвар вспорол ему живот; вендиец упал, согнувшись пополам и забрызгивая все кровью, когда его внутренности полезли наружу.

Тут северянин заметил воина, который, задыхаясь, упал, опутанный чарами вендийца. Конан с боевым кличем бросился на жреца; тот махнул в его сторону рукой, выкрикивая заклинания, и вокруг его пальцев начал вырисовываться сияющий ореол. Киммериец делал отчаянные выпады; и наконец жрец, сраженный в грудь, пронзительно завопил. Конан выдернул меч из раны и продолжил бой.

Варган, балансируя на кромке черной лужи у подножия холма, бился сразу с тремя загадочными служителями. Один вышел чуть вперед, и Варган пронзил его с такой силой, что рукоять меча с треском ударилась о грудную кость. Не вынимая клинок, Варган отбросил его в сторону, и еще живой жрец закричал, падая в трясины, но тут бородач поскользнулся на влажном корне и полетел вниз лицом. Два других вендийца тут же прыгнули на него, сверкая кольцами. Одного Варган схватил за лодыжку и с силой дернул, так что тот тоже полетел в воду, но другой направил красное сияние прямо в спину Варгану. Воин взревел, и, преодолевая боль, поднялся, а затем схватил вендийца за запястье, когда тот принялся нанести ему второй удар. Затрещали кости, жрец завопил. Издав мощный звериный рык, Варган поднял его над землей, точно тряпичную

куклу, выдирая из сустава руку; человек дико завизжал — плечевой сустав затрещал, и рука его отделилась, а затем шлепнулась на землю в лужу крови.

Варган швырнул оторванную руку вендийцу и оставил его умирать от кровопотери. Пошатываясь, он прошел по берегу и упал на колени возле дерева, хватаясь руками за ствол.

Солдаты, яростно сражаясь со вендийцами, осознали наконец, что имеют дело с более грозным врагом, чем предполагали вначале. Конан, столкнувшись с двумя из них, обнаружил, что придется проявить все свое умение, иначе ему не справиться с гипнотизирующими взглядами желтых глаз и быстрыми, как у кобры, движениями их рук. Одного он ударил мечом в грудь и еле увернулся от узкого луча магической силы, посланного вторым; обернувшись, Конан всадил клинок вендийцу в бок, затем вытащил его и отпрыгнул — и едва не попал под луч, испускаемый кольцом третьего нападавшего.

Один из жрецов пронесся мимо толпы сражавшихся и набросился на совершенно беспомощного раненого, который лежал на своем одеяле. Человек вскрикнул — колдовская сила поразила его в упор и убила мгновенно.

Иллес, закричав от злости, попытался выдернуть свой меч из ножен. Увидев, что вендиец повернулся к ним, Тайс вся сжалась от страха.

— Сражайся с теми, кто вооружен! — крикнул юноша подбегающему жрецу. Он ухитрился обнажить оружие, но еще не мог стоять и с тру-

дом уворачивался от нападения. Вендиец кружил вокруг, точно хищный зверь, выискивая удобную возможность для атаки.

Тайс, глядя на вендийца широко раскрытыми от страха глазами, принялась судорожно выдерживать из ножен кинжал Боларда.

Служитель вдруг кинулся на Иллеса, выставив свое жуткое кодьцо и сверкая глазами. Юноша взмахнул мечом, но тот разрезал воздух, а вендиец с легкостью уклонился и приготовился к следующему броску.

Тайс, сжимая кинжал, бросилась на вендийца. Тот как раз повернулся спиной к ней...

— Иллес!

Истошно крича, она прыгнула и из всех своих сил ударила кинжалом. Длинное лезвие глубоко вонзилось в спину жреца; он завопил, вскинул вверх руки и упал ничком. Тайс заскулила, ее рука вцепилась в рукоять, она не могла оторвать глаз от человека, который дергался у ее ног, от крови, стекающей у него по спине.

— Еще, Тайс! — выкрикнул Иллес, пытаясь подняться. — Ударь еще раз!

Девушка взвизгнула, как от боли, резко выдернула кинжал и снова вонзила его в вендийца, затем еще и еще. Она чувствовала, как рвется плоть, ощутила, как что-то теплое и влажное стекает у нее по руке между пальцев.

— Хватит, Тайс! — крикнул Иллес, который наконец встал на колени и подполз к ней. — Хватит! — Он схватил девушку за руку, выхватил оружие и притянул к себе.

Тайс прижалась к нему и зарыдала, увидев, что его пальцы в крови.

Бой постепенно стихал. На ногах держались еще двадцать человек; остальные погибли или умирали от ран, у некоторых были перерезаны глотки, от многих исходило страшное желтое свечение. Из вендийцев в живых осталось около дюжины.

Одного из воинов одновременно закололи ножами два вендийца. И вдруг один из жрецов — очевидно, главный — закричал:

— Отставьте оружие, служители Энкату, пока наш бог не начал пожинать плоды своего жертвенного урожая! Мы дадим этим глупцам последний шанс.

Люди в черных накидках отступили и собрались вместе, сверкая желтыми глазами. Солдаты угрюмо смотрели на них, ожидая, что же за этим последует.

Неожиданно Конан заметил Варгана, который, держась руками за дерево, стоял на коленях в луже крови. Увидел его и Иллес; он попытался встать, но боль в ноге была еще слишком сильной.

— Тайс, — выдохнул он. — Со мной все в порядке. Пойди, помоги Варгану — кажется, он тяжело ранен.

Девушка утерла слезы, кивнула и подбежала к Варгану. Она сдернула плащ с одного из убитых и попыталась остановить кровь, которая хлестал из раны на спине бородача, но все было бесполезно. Огромный воин упал — у него сту-

чали зубы, а руки и ноги судорожно сотрясались — с трудом примостился на боку и, тяжело дыша, стал наблюдать за происходящим.

— Кольцо! — прошипел вендиец в темном плаще, сверкая глазами. — Отдай нам Кольцо...

Конан взглянул на него и гневно воскликнул:

— Собаки! — Он сплюнул и угрожающе наставил меч на жреца. — Безмозглые псы! Орин был прав — Кольцо сеет безумие и смерть, и всех, кто его ищет, оно приносит в жертву. Да, и вам — его слугам — известно об этом лучше, чем другим. У нас нет Кольца!

— Нет? — усмехнулся жрец. — У кого же оно тогда?

— У Боларда. Ночью он взял Кольцо и отправился к крепости Усхора.

Услышав это, вендиец надолго замолчал. Он повернулся к жрецам, и они начали перешептываться между собой. Конан наблюдал за ними, держа меч наготове.

Вендийцы кончили шептаться, и их предводитель снова выступил вперед.

— Дестан Болард не знает, как использовать Кольцо, — произнес он мрачно. — Тем не менее мы собираемся выступить против Усхора, и нам необходима магическая защита. Раз у вас нет Кольца, мы должны просить вас об услуге.

Конан ничего не ответил.

— Мы должны принести человеческую жертву, — сказал жрец. — Это...

— Проклятье! — вырвалось у Конана, и он крепче сжал рукоятку меча.

Но жрец невозмутимо продолжал:

— Это даст нам защиту на время путешествия к цитадели Усхора. Вы позволите нам принести в жертву одного из солдат?

Конан снова сплюнул. Сзади раздались гневные голоса. Жрец, не обращая на это внимания, принялся осматривать лагерь. Взгляд его горящих глаз упал на Варгана.

— Отдайте нам вон того человека, — произнес он торжественно. — Это доблестный воин, и несмотря на свои раны, он не желает умирать.

Из последних сил Варган выпрямился и подался вперед:

— Нет! — закричал он. — Нет! Не дай им украсть мою душу!

Конан посмотрел на Варгана; великан, прежде проявлявший отчаянную отвагу, теперь же, казалось, испытывал невыносимый ужас. Жрец злобно ухмыльнулся, сверкнув желтыми глазами.

— Не позволяй им! Вендийские собаки — вам не удастся проклясть мою душу — Варган умрет как воин. Выходите вперед и сразитесь со мной!

Тайс пыталась удержать Варгана, но он кричал и рвался; кровь хлестала у него из спины и стекала по ногам.

— Выходите, ублюдки, и я...

— Варган! — крикнул Конан. — Не вставай! Они не...

Тот вдруг начал падать под весом своего могучего тела. Тайс завизжала. Бородач тяжело рухнул на землю; какое-то время он слабо шевелил рукой, потом затих.

— Он мертв! — хрипло проговорил Иллес.

Конан повернулся к жрецам.

— Негодяи! Вы украли его душу?

Главный покачал головой.

— Нет, северянин. Нам нужен другой человек для жертвоприношения. — И он снова принялся осматривать лагерь.

Конан сердито отрезал:

— Ты никого не получишь — и ничего, кроме доброго клинка в свое черное сердце, если...

И вдруг главный вендиец поднял руку и повернулся к своим:

— Слушайте!

Жрецы остановились. Конан ничего не слышал. А может, это очередная уловка вендийцев? И тут главный жрец заговорил.

— Усхор мертв, — сказал он.

* * *

Воцарилось молчание.

— Мертв? — переспросил Конан после долгой паузы.

— Мы чувствуем это, — ответил желтоглазый жрец. Остальные дружно закивали.

— Значит, Болард убил его? — спросил Конан.

— Может быть. Но даже после смерти Усхор опаснее любого живого колдуна. Необходимо убить не только его плоть; нужно уничтожить его до последней искорки души, чтобы он никогда не смог больше воскреснуть. Болард, даже имея Кольцо, не знает, как загнать Усхора в могилу навсегда.

— А что же стало с Болардом? — спросил Конан жестко.

— Возможно, он тоже мертв — ведь его жизнь была связана с Усхором чарами, которые тот наложил на него. А теперь позволь нам пройти — мы отправляемся в крепость. Жертвоприношение больше не требуется.

Конан и остальные воины зорко наблюдали за вендийцами. За ними простирались болота, начинающие светлеть — наступал рассвет. Серый пар поднимался от влажной земли; отовсюду неслись звуки, издаваемые обитателями леса.

— Дай нам пройти, — повторил вендиец.

Некоторое время Конан раздумывал, наблюдая за вендийцами. Наконец он опустил меч.

— Дайте им пройти, — велел он.

Медленно, осторожно солдаты отступили и столпились по обе стороны от лагеря. Вендийцы выстроились в ряд и медленно, друг за другом, прошествовали мимо.

— Кром! — вырвалось у Конана — он с облегчением вздохнул, глядя, как вендийцы растворяются в темноте. Он взглянул на своих людей — теперь уже все негласно признали его своим вожаком — затем перевел взгляд на раненого Иллеса. Рядом с юношей сидела Тайс, изможденная, напуганная. Сквозь нависающую листву просачивался вялый рассвет; земля сочилась серым паром.

Конан подошел к лошади, отвязал ее и сел в седло.

— Что ты делаешь? — спросил Иллес.

— Я отправляюсь за жрецами,— ответил ким-мериец, вкладывая меч в ножны.— Мы выступили в этот поход, чтобы убить Усхора. Орин не повернул бы назад; я тоже не собираюсь. Теперь каждый должен решить, что ему делать. Мне кажется — нет смысла возвращаться тем путем, каким мы сюда пришли. Болота простираются недалеко — мы видели вчера крепость Усхора, она расположена на вершине утеса. Самое большее — полдня пути в западном направлении — и топи кончаются. Как только мы окажемся за пределами болот, можете идти куда угодно — но я собираюсь пройти этот путь до конца. Я хочу увидеть Усхора мертвым.

Иллес захлопал в ладоши. Остальные тут же решили, что отправиться на запад — это действительно самый быстрый путь выбраться из этих топей. Некоторые из солдат, обрадованные заявлением вендийцев о смерти Усхора, начали уговаривать других отправиться к башне колдуна, чтобы поживиться спрятанными там сокровищами.

— Ты сможешь сесть на лошадь, Иллес? — спросил Конан.

— Да.

Тайс помогла ему взобраться в седло и сама устроилась у него за спиной. Остальные тоже сели на лошадей, и маленький отряд под предводительством Конана отправился на запад. Стало совсем светло; и еще задолго до того, как лес стал поредел, копыта лошадей уже не проваливались в раскисшую землю.

Ближе к полудню они нагнали служителей Энкату и замедлили шаг, следуя за ними. Некоторые из вендийцев обернулись, чтобы бросить взгляд на солдат, но ничего не возразили против того, чтобы Конан и его люди следовали за ними.

Так два маленьких отряда пробирались к окраине болотных топей.

* * *

Прогремел гром. В небе низко нависли тяжелые грозовые тучи. Далеко на востоке, за чередой фиолетовых туч мелькнула молния. Тучи начали закрывать собой небо, и вскоре снова прогремел гром, на этот раз более мощный. На окончности скалы виднелась крепость — темная, с толстыми стенами. Над ней то и дело вспыхивали зарницы.

Вечером они вступили на тропу, ведущую вверх по склону горы. Дождь не ослабевал; небо было похоже на перевернутую чашу — из-за низких вспененных облаков, окрашенных в серые, черные и фиолетовые тона. Молнии плясали где-то наверху, то и дело ударяя в деревья на вершине горы.

Путь вверх оказался не таким простым и безопасным; крепость из-за выступающих каменных склонов и пелены дождя вскоре потерялась из виду. Конан бормотал проклятия, раздумывая, не имеет ли смысла поискать другую дорогу; однако с болот вел только этот путь. Вендийцы невозмутимо гуськом взбирались по крутой, петляющей тропе. Иногда из-под лошадиных копыт

вырывались камни — они падали и скакали вдоль склона. Один человек попал в грязевой оползень и был сброшен вниз по склону. Те, кто ехал за ним, осторожно обошли это место — кроме последнего, который вел за собой десяток запасных лошадей. Когда он начал обходить то место, где обвалился край дороги — почти вплотную прижимаясь к склону — земля вдруг задрожала и просела. Человек закричал, лошади заржали — и все вместе они заскользили вниз по склону в хаосе обрушившейся породы, дождя и грома.

Вендийцы спокойно шествовали, ни на что не обращая внимания, в том числе и на грозу, которая бушевала вокруг.

Конан видел, что дорога становится все более крутой и ненадежной. Он остановился.

— Дальше придется пешком, — сказал он остальным. — Лошади не пройдут здесь!

Вендийцы продолжали идти.

Конан слез с лошади и помог Тайс спустить Иллеса. Остальные тоже спешили, оставили коней и осторожно стали пробираться по дороге.

Вскоре они достигли скалистого пологого участка. Вендийцы легко перебрались через грядку ненадежных, шатких валунов, затем принялись карабкаться вверх по склону, круто взлетавшему вверх.

Конан начал опасный подъем. Один раз он вовремя успел протянуть Иллесу руку, который едва не соскользнул вниз с влажного камня. Затем продолжил путь.

Наконец они достигли наиболее крутого участка; здесь дорога была вся в грязи, а камни и корни, за которые можно было ухватиться, казались предательски ненадежными. И здесь Конан помогал Иллесу и Тайс. Со скалы сорвался еще один человек — корень, за который он уцепился, сломался, и солдат полетел вниз; Конан, который взобрался выше остальных, видел, как он летел, размахивая руками и ногами. Он быстро исчез за пеленой дождя, и киммериец не видел, как он ударился о землю.

Конан продолжил восхождение; склон был таким крутым, что ему пришлось использовать меч в качестве упора. И вдруг, совершенно неожиданно — он оказался на вершине. Варвар успел заметить, как жрецы один за другим исчезали за воротами крепости.

Замок оказался огромным, почти таким же высоким, как стены Сафада; он был выстроен из мраморных и обсидиановых блоков. С зубчатых стен вбок выдавались три башни, а открытая дверь в стене казалась пастью гигантского змея. Дождь постепенно затихал, но облака нависали так низко, что закрывали верхушки башен.

Последний из жрецов скрылся за воротами. Конан направился туда же, а в это время солдаты один за другим перелезали через край скалы.

...Двадцать крутых ступенек — и киммериец оказался в просторном коридоре. Внутри было хотя и холодно, но сухо. Снаружи раздавались раскаты грома и стук капель по камням. Тайс жала к Иллесу, держа кинжал наготове.

Коридор привел в просторный зал, здесь стояли вендийцы — неподвижно и молча они взирали на Конана и следовавших за ним воинов. Во мраке их желтые глаза сверкали, точно угли.

Жрецы прошли через огромный темный зал. Каменные плиты, которыми был выложен пол, украшали странные резные узоры — плавные и угловатые — и Конан заметил, что вендийцы обходят их очень осторожно, не наступая на причудливые знаки и символы. Он тоже стал обходить узоры, а вслед за ним и солдаты.

За дверью в дальнем конце зала обнаружился длинный темный коридор. Факелы здесь не горели, лишь в конце коридора светилось что-то красное.

Жрецы двинулись по коридору как и раньше, гуськом. Они передвигались совершенно бесшумно; служитель, который шел первым, то и дело останавливался в ожидании — словно чувствовал впереди какую-то опасность; затем он шел дальше, сделав сначала шаг вправо или влево. Остальные молча двигались за ним.

И вдруг пронзительно закричал первый вендиец. Раздался резкий грохочущий звук камня, трещащего о камень. Жрецы остановились.

Конан слышал, как крик становился все тише и тише, словно жрец быстро удалялся на огромное расстояние. Двигаясь почти вплотную к последнему вендийцу, он заметил, что по коридору ползет зеленоватый дым.

— Не вдыхайте его, — прошептал ему жрец. — Он быстро рассеется, но сейчас он очень опасен.

Конан прикрыл рот рукой; остальные последовали его примеру. Продвигаясь по коридору, он увидел, что в том месте, где на полу были вырезаны узоры, чернело предательское отверстие ловушки. Туда-то и провалился тот жрец, который шел первым, и именно оттуда поднимался зеленый смертоносный дым.

Проходя мимо светильника, каждый из жрецов поднимал руку и шептал какие-то слова. Дым плыл тонкими струйками, распространяя странный запах. Перед тем, как миновать светильник, последний из вендийцев показал Конану жестом, чтобы он прошел вперед.

— Держись подальше от дыма, — предупредил он. — Иди до конца коридора, и жди там.

Конан двинулся вперед. За ним шли Иллес с Тайс, затем остальные солдаты. Когда вся колонна миновала светильник, вендиец велел им идти дальше — и в этот момент ароматный дым заколыхался, его ленивые спирали начали быстро вращаться. Словно усик растения, тонкая струйка проползла в воздухе и бесшумно опутала руку солдата, шедшего последним.

— Оно схватило меня! — закричал солдат. — Помогите! — Он махал мечом, но все было бесполезно; дым становился все гуще и наконец окутал парня со всех сторон. Тот упал на колени и исчез в красноватом тумане; дым окружил его кипящим облаком. Крики солдата становились все тише...

Жрец произнес какое-то слово и прошел мимо. Красный дым постепенно рассеялся; его тон-

кие струи уползли обратно в железный светильник. На полу неясным пятном темнел труп — лицо и руки были обожжены до костей и странно блестя.

Дойдя до конца коридора, первый жрец подал рукой какой-то знак. Конану казалось, что коридор кончается тупиком, но в то мгновение, когда вендиец сделал жест, стена начала вдруг отходить в сторону — медленно, с тяжелым скрежетом. Через некоторое время все стихло. Жрец вошел в образовавшийся проем; остальные последовали за ним.

И вновь последний вендиец приостановился.

— Держитесь ближе,— предупредил он.— Мы сейчас войдем в зал, который покажется вам безобидным, но знайте, если вы замешкаетесь, то просто сойдете с ума. Идите за мной быстро, след в след. И ни на что не отвлекайтесь, иначе пропадете.

Он повернулся и вошел в темный проем.

Конан перевел дух, затем повернулся к Иллесу.

— Ты сможешь пройти здесь?

— Да, Конан, смогу. Тайс, иди вперед.

Глядя на возлюбленного, девушка помедлила; затем встала за спиной Конана.

— Быстро вперед! — скомандовал Иллес тем, кто шел за ним, и они двинулись внутрь.

Глава 8. Метрвый... и живой

Новое помещение выглядело странно. Это был очень большой зал, однако стены его не были ни прямоугольными, ни округлыми, ни овальными — Конан так и не сумел дать им название. И у него были очень странные углы. По мере того, как Конан шел вперед — зал как будто наклонялся и искажался. Эффект был такой же, как в той комнате во дворце Сафада, куда привел его Сундар. Все вокруг — стены, и пол, и потолок — украшали рубленые узоры; несмотря на темноту, Конан видел, что они тускло светятся. Чем дальше они продвигались, тем внимательнее и точнее Конан ставил свою ногу туда, где только что ступал вендиец.

— Иллес, Тайс,— позвал Конан,— вы здесь?

— Да, Конан,— ответил девушка.

Их голоса тоже звучали странно. Конан едва слышал их; даже собственный голос будто бы издадека донесся до него; когда он говорил, ему

казалось, что слова под влиянием странной атмосферы зала как-то удлиняются, вытягиваются, и речь звучит протяжно и медленно. И еще у Конана возникло ощущение, что они идут медленнее, чем мог бы ползти человек, и оттого что они двигаются этим извилистым путем, у него кружится голова, как, впрочем, и от самой комнаты.

Конан увидел дверной проем — тускло освещенное отверстие прямо впереди. Вендийцы, однако, не пошли к нему, а взяли правее, а затем вообще повернули в другую сторону. Северянин не понимал почему...

Когда идущий впереди жрец резко свернул в сторону, варвар смотрел на проход. Он находился прямо перед ним; два шага — и он покинул бы этот жуткий зал и оказался снаружи. И все же он не стал рисковать, убежденный, что лучше без оговорок следовать примеру вендийцев.

Он свернул вбок и последовал за жрецами. Тайс, Иллес и остальные солдаты в точности повторили его путь.

— Там дверь, — раздался голос одного из солдат. — Мы можем здесь выйти!

— Иди след в след, — сказал ему второй. — Мы же не знаем, что...

И тут первый закричал. Конан замер, затем оглянулся. Тускло освещенный проем, а на его фоне — в воздухе — человек, точнее его фигура, которая быстро уменьшалась! Крик постепенно затихал, становясь все ниже по тону и все более неясным.

Конан взмок от напряжения. Идущий впереди вендиец повернулся к нему и предупредил:

— Иди, как я иду — здесь много таких дверных проемов!

Но что за ними? Куда они ведут? Конан крепче сжал рукоять меча.

Они миновали еще один проход, затем еще один. Комната как будто наклонялась под странным углом.

— Смотрите перед собой, — предупредил вендиец. — Только не в стороны — иначе вы потеряете равновесие и окажетесь в других сферах.

Наконец Конан увидел первого жреца — далеко впереди — он выходил из комнаты в последний тускло освещенный дверной проем. Один за другим вендийцы покидали темную, странно угловатую комнату. Затем вышел наружу и Конан, за ним Иллес, Тайс и остальные воины.

Северянин глубоко задышал, чувствуя, как спадает напряжение. Вендийцы сбились вместе в небольшой комнатке, освещенной лишь одной лампой, которая была подвешена на цепи под высоким потолком.

В конце комнаты виднелся лестница, ведущая к большой каменной двери.

— Это обитель Усхора, — сообщил один из жрецов. — И все же мы должны набраться терпения — нас еще ждут испытания.

Конан был озадачен, но промолчал. И никто изшедших следом не осмелился ничего сказать.

Жрец присоединился к остальным вендийцам, которые стояли лицом к каменной двери. Ким-

мериец с интересом наблюдал за происходящим. Колдуны уставились не то на дверь, не то на что-то прямо перед ней, что-то невидимое для Конана. Почудилось ли ему, или наверху и вправду слегка заколыхался воздух?..

В комнатке раздался низкий гул. Он становился все громче, и теперь Конан отчетливо видел какое-то мерцание перед дверью. Затем оно приобрело сероватый оттенок и какие-то пока еще неясные контуры.

И тут же очертания мерцающего пятна стали более отчетливыми, а цвет и детали — более яркими. Оно окрасилось багрянцем; внутри него переливались и другие цветочные пятна. Конан уже мог различить контуры светящихся глаз, затем изгиб челюсти — огромный рот, окаймленный рядом огромных острых зубов, узловатые, мощные ноги, крупные лапы и утыканный колючками хвост. Затем пятно перестало колыхаться, все отдельные детали непонятным образом срослись, и перед дверью возникло создание пурпурного цвета с зелеными глазами, красной пастью и белыми рогами.

Незримое чудовище — оно стояло на охране двери, ведущей в покои Усхора, и стало видимым только благодаря магическим силам вендийцев.

Один из жрецов вдруг резко задышал и упал ничком. Остальные не обратили на это никакого внимания. Странный гул — концентрированная энергия, а может быть, колебания колдовской силы, исходящие от создания у двери — становил-

ся все громче. Тайс не могла его больше слушать и прижала руки к ушам.

Существо молча глядело на них, угрожающе разевая пасть, с кончика языка исходили волны света. Его острые когти то втягивались, то вытягивались, как будто тварь ждала удобного момента для нападения.

Гул стал почти невыносимым. Теперь уже Конану и всем остальным пришлось заткнуть уши.

И вдруг существо поблекло, и произошло это очень быстро. Тварь засветилась и начала переливаться такими яркими цветами, что киммериец едва не ослеп. Вскоре гул стих, и Конан, открыв глаза, обнаружил, что перед дверью виднеется лишь слабое мерцающее свечение — как в самом начале.

Затем исчезло и свечение, и на том месте, где стоял монстр, на полу осталось лишь широкое черное пятно — как будто там жгли костер.

Некоторое время вендийцы стояли не шевелясь и тяжело дышали, восстанавливая дыхание. Двое жрецов помогли подняться упавшему. Постепенно он пришел в себя и поблагодарил своих товарищей.

Наконец один из вендийцев двинулся вперед, поднялся по короткому пролету к каменной двери, положил руку на замок — и тут же отдернул ее. Из засова выскочили длинные стальные иглы, смазанные какой-то зеленой слизью, ядовитой на вид. Вендийца спасла лишь его осторожность и быстрота реакции. Он сунул руку под накидку, извлек оттуда светящееся кольцо, сунул его в

полоску света, струящегося через щель между дверью и косяком, и начал вертеть его. Металл скребся о металл. Вендиец крутил кольцо и смотрел, что получается. Время шло.

Запор издал металлическое лязганье. Вендиец толкнул дверь, и она со скрежетом начала открываться. Служитель вошел внутрь, за ним последовали остальные жрецы, Конан и воины.

Комната была темной и просторной, но имела низкий потолок. Стены украшали мрачного вида гобелены; вокруг были расставлены каменные столы и скамьи; на высоких железных треножниках были установлены светильники.

На полу лежало распростертое тело — по черным доспехам и изодранному плащу Конан узнал Дестана Боларда. Тот был мертв.

В центре комнаты на ступенчатом возвышении стоял трон, очевидно, очень древний, и на троне возвышалось мертвое тело худого человека, облаченного в колдовские одежды. Это был Усхор — из груди его торчал меч Боларда.

Он мало напоминал создание, способное вызывать дикий страх, или владеть столь редкой и необычной магической силой. Тело было высохшим, серая кожа изборождена морщинами, пальцы тонкие, как когти. Даже после смерти его голова не упала на грудь, а была высоко поднята, губы плотно сжаты, ноздри раздуты. Глаза были открыты и словно светились слабым серебряным блеском.

— Дестан Болард проник сюда, имея при себе Кольцо, — сказал один из жрецов. — Оно защища-

ло и направляло его. Он ударил Усхора мечом и пронзил колдуна насквозь.

Остальные вендийцы дружно закивали.

— Но почему умер Болард? — спросил Конан.

— Смотри. — Вендиец наклонился к телу коринфийца и повернул его левую руку ладонью вверх. В середине ладони виднелся маленький прокол, а сверху — зеленая слизь.

— Отравленная игла! — воскликнул Конан.

— Верно. Кольцо защитило его от стражей сверхъестественной природы и колдовских миражей, и все же оно не смогло справиться с обычными, материальными опасностями. Тем не менее, он успел войти сюда и убить Усхора.

Вендиец склонился над Болардом и взял другую его руку. Конан увидел Кольцо Энкату — сияющее, искрящееся...

И вдруг левая рука трупа обхватил горло вендийца. Мгновение тот недепо метался, схваченный с нечеловеческой силой — как крыса в зубах у волка; правой рукой мертвый Болард ударил вендийца в лицо. Раздался треск костей, брызнула кровь, а затем Дестан отпустил жреца, и тот, корчась, упал на каменные плиты.

Остальные испустили вдох изумления — тело Боларда медленно поднялось на ноги. Станный свет лился из глазных щелей его шлема — светлый, серебристый — точно так же светились глаза мертвого Усхора.

— Им завладел Усхор! — заверещал вендиец. — Когда он умирал, на него все еще действовали чары колдуна!

Жрец воздел руки и начал по-вендийски читать какие-то молитвы; остальные сделали то же самое. В комнате все зазвенело от их голосов, жрецы произносили слова с одинаковыми интонациями. Тем временем Болард, ни на что не обращая внимания, неуклюже направился к служителям — его манера передвигаться напоминала походку мертвых наемников на болоте.

— Кольцо! — прошептал Конан. — Оно же защищает его...

Вендийцы перестали молиться и начали пятиться — труп Боларда неуклюже, но верно шел прямо к ним. Испуганные воины начали протискиваться за дверь, Конан же, ухватив меч обеими руками, уверенно двинулся вперед.

— Сейчас мы прикончим его! — выкрикнул он, сверкая глазами.

Болард повернулся к Конану — сжав кулаки, но никак не пытаясь защитить себя. Северянин налетел на него, издав боевой клич — и со всей силы вонзил меч прямо в широкую грудь коринфийца. От столь мощного удара бляшки кольчуги начали ломаться и отрываться, а отличная немедийская сталь пронзила тело насквозь. Но в то же самое мгновение Болард нанес удар правой рукой. Конан почувствовал этот удар — как будто по его боку прошлись кувалдой; пролетев через всю комнату, он со всего маху упал на пол.

Киммериец приподнялся на локте, пытаясь восстановить дыхание. Мертвец направлялся к остальным, все они — что вендийцы, что солдаты — пытались спастись бегством через дверь.

Только Иллес, не обращая внимания на раненую ногу, смело встречал ожившего мертвеца с поднятым мечом.

— Иллес, не надо! — выдохнул Конан, изо всех сил пытаясь подняться. — Это не человек!

Но отважный юноша сделал то же, что и Конан — вонзил меч прямо в грудь мертвеца. Тот левой рукой сжал локоть Иллеса, так что юноша закричал от боли. Болард отвел правую руку, готовясь нанести сокрушительный удар...

— Иллес!

Конан обернулся на голос — в нем слышалась боль и ярость — и увидел Тайс, держащую в руке кинжал Боларда. Не думая об опасности, девушка бросилась между Иллесом и мертвецом и ударила прямо по доспехам коринфийца. Кинжал отскочил от кольчуги, даже не поцарапав ее, но Болард как бы в удивлении отпустил Иллеса — в это время вторая рука его по-прежнему готовилась нанести удар. Юноша тут же отскочил назад; он был слишком удивлен, чтобы по-настоящему осознать, кто спас его.

— Болард — ты солгал мне!..

Тайс ударила снова, и на этот раз, благодаря то ли везению, то ли ее решимости, кинжал прошел сквозь кольчугу и погрузился в плоть по самую рукоятку. Мертвец взревел — так, как будто на мгновение стал живым человеком — а затем тяжело повалился на пол.

— Тайс! — Иллес подбежал к девушке и крепко стиснул в объятиях. — Тайс — с тобой все в порядке?

— Иллес,— прошептала она.— Я думала... О, Митра! Что я наделала?

Пришедший в себя Конан, поднявшись на ноги, подошел к Иллесу и Тайс.

— Ты убила Боларда! — воскликнул он.— Почему это удалось тебе — а не нашим мечам и не магии вендийцев?

— Я... я не знаю. О, Митра!

Конан обернулся. Холод пробежал по его спине. Из-под черного шлема раздался голос — низкий и глухой!

— Тайс,— шепотом произнес Болард; все, кто были в комнате, прислушивались к нему, замерев от страха.— Тайс... спасибо тебе. Ты спасла мою душу. Мой подарок вернулся ко мне...

Затем голова в черном шлеме упал на пол и затихла. Сквозь щели больше не струился жуткий свет. Правая ладонь мертвеца разжалась, и что-то сверкнуло на ней.

Кольцо...

Один из вендийцев подошел к мертвому и встал возле него.

— Этот человек теперь и впрямь мертв,— произнес он наконец. Затем жрец наклонился и взял Кольцо Энкату. Казалось, что в темной комнате оно светилось и переливалось ярче обычного.

— Братья,— произнес вендиец, поворачиваясь к остальным.— Время пришло.

* * *

Он подошел к возвышению. Остальные вендийцы встали вокруг трона, окружив его со всех

сторон. Конан, не отрывая глаз от тела Усхора, одновременно следил за движениями жрецов. Каким-то образом он чувствовал, что последний бой с колдовством только начинается.

Медленно, осторожно вендийцы окружали трон все более плотным кольцом, не переставая в унисон повторять какую-то молитву, все громче проговаривая слова. Конан, глядя на тело Усхора, вдруг затаил дыхание. Его сердце забилося чаще.

И тотчас глаза колдуна сверкнули — яркие, точно звезды. Его голова резко, судорожно дернулась; его руки, тощие, точно лапы ящерицы, начали подергиваться и рассыпаться — кусочки кожи отслаивались и превращались в пыль. Гобелены, развешанные вдоль стен, зашевелились, заколыхались — хотя в комнате не чувствовалось ни дуновения.

Вендийцы сходились, окружая трон его все плотнее и плотнее. Их странные голоса эхом разносились по комнате. Воздух наполнил запах курений; Тайс закашлялась и уткнула лицо в грудь Иллеса.

Усхор пытался пошевелиться, но руки его были словно припилены к подлокотникам трона. Из глотки колдуна вырвался свист; рот открылся, обнажая острые коричневые зубы. Его голова по мере приближения вендийцев окостенело поворачивалась то в одну, то в другую сторону; молитвенные причитания жрецов перешли в заывания, и вокруг вендийцев образовался странный ореол.

Жрецы обступили трон так плотно, что почти касались его. Кольцо Энкату окружало их слепящим сиянием; этот ореол дрожал и переливался, точно цветные блики на водяных волнах — золотые и красные, желтые, голубые и зеленые — они мелькали, дрожали на смуглой коже и темных накидках вендийцев.

Усхор вдруг начал с шипеньем извиваться. Видно было, как под накидкой дергаются ноги, пытаюсь найти силу, чтобы поднять тело; колдун тщетно хватал руками воздух. Глаза его зажглись демоническим огнем. Конан почувствовал, что больше не может смотреть в них.

Ореол вокруг вендийцев стал ярче. Усхор неистово бился, извивался — он пытался бороться с силой Кольца и магической энергией жрецов, кипел от ненависти и желания ценой своей жизни отомстить врагам.

Неожиданно один из вендийцев вскрикнул. Невидимой силой жреца отшвырнуло назад, а затем подняло в воздух, где он беспомощно извивался, издавая пронзительные крики. Затем криков не стало слышно — хотя его рот все еще беззвучно открывался...

И вдруг человек упал. Его голова ударила о каменный пол с такой силой, что из трещины в черепе брызнула кровь. Конан пробормотал проклятие; Тайс заскулила, и Иллес ладонями прикрыл ей лицо.

Вендийцы сомкнулись, прикрывая брешь. Усхор шипел, сотрясая воздух — точно клубок загнанных в угол гадюк. Он переводил взгляд от

одного вендийца к другому. Хор их голосов напоминал шум океанских волн. Один из светильников вдруг опрокинулся и со звоном покатился по каменному полу, разбрасывая горящие угли. Конан стоял, взмокший от напряжения, ему очень хотелось яростно закричать, подбежать к Усхору и пронзить клинком его черное сердце. И все же он не осмелился это сделать — ведь здесь сражались силы, против которых меч был бессильен.

Второй вендиец с криками отлетел назад и упал прямо на горячие угли; он завизжал от боли и закатался по полу — его накидка вспыхнула. Конан и двое воинов подбежали к жрецу и помогли погасить пламя. Остальные служители продолжали смыкаться вокруг трона. Переливающееся сияние Кольца Энкату стало теперь таким ярким, что Конан почти не видел Усхора.

Вендиец, державший талисман, поднялся на первую ступеньку возвышения. Его сподвижники двинулись вслед за ним. Усхор шипел и извивался, хватал руками воздух и дергал ногами. Жрецы поднялись на вторую ступень. Теперь Конан вообще не видел Усхора — его заслоняли накидки вендийцев и мерцающее сияние Кольца.

И вдруг из центра ореола поднялся столб дыма. Шипенье, издаваемое Усхором, перешло в завывание, затем в протяжный крик. Это был даже не крик животного ужаса, который Конан так часто слышал во время битвы, нет, это был безумный, пронзительный вопль души, осужденной на съедение демонами преисподней. Серая пыль

облаком взвилась вверх, просочилась между телами вендийцев, осела на ступенях возвышения.

Усхор продолжал вопить, так что у людей готовы были лопнуть барабанные перепонки.

Конан заткнул уши. Сбоку на возвышение осело очередное облако пыли. Последний крик Усхора начал смолкать, а затем и вовсе затих. Конан опустил руки; вендийцы замерли. Мерцающее сияние Кольца Энкату стало угасать, и комната, освещаемая теперь лишь редкими факелами, постепенно погружалась в полумрак.

Измощенные вендийцы отошли от трона; они стояли, пошатываясь, и терли глаза руками. На троне лежали останки Усхора — обугленная мумия, бурая, высохшая. От накидки остались лишь обожженные лохмотья, из глазниц сыпался пепел. По бокам трона тянулись следы золы — прах Усхора, который каскадами обсыпал возвышение трона, — они тянулись до самого пола.

Вендийцы повалились на пол, жадно хватая воздух. Один из солдат обошел комнату и открыл все окна. Внутрь ворвался воздух, — чистый, свежий, влажный после грозы. Затем он услышал легкий стук — это от дуновения ветра обвалился скелет Усхора; череп упал на тазовые кости и развалился на мелкие кусочки. Кости рук с клацаньем отделились от плеч; одна нога отлетела в сторону, увлекая за собой другую, и обе, ударившись о каменные плиты пола, превратились в костяную крошку.

Конан, не в силах больше сдерживать напряжение, подбежал к возвышению. Он подлетел к

трону, поднял меч и с силой опустил его на скелет. Сталь с лязганьем ударилась о камень, и то, что осталось от черепа, тут же превратилось в прах. Снова и снова Конан яростно взмахивал мечом, и остановился только тогда, когда трон и возвышение покрыли кучки буровой пыли.

Когда он покончил с останками колдуна, к трону подошел один из вендийцев. Он сунул руку под накидку и извлек маленький пузырек, открыл его и окропил прах Усхора темной жидкостью. Прах загорелся; пламя вспыхнуло оранжевым и зеленым, и вскоре потухло. Комната наполнилась острым ароматом.

— Последний путь закрыт, — произнес наконец вендиец. — Теперь Усхор никогда не вернется. От его тела не осталось ни следа, и душа принесена в жертву Энкату.

— А Кольцо? — спросил Конан.

— Оно будет храниться у нас, мы надежно его спрячем. Мы наложили на него чары такой силы, что никогда ни один маг не узнает о его существовании и не подумает завладеть им.

— О нет! — воскликнул Конан. — Этот проклятый талисман нужно уничтожить! Сколько людей из-за него сгинуло и было ввергнуто в безумие? Если его оставить, сколько еще народу будет мучиться и сойдет с ума только для того, чтобы утолить голод Энкату?

Вендиец вздохнул — был ли это вздох сожаления? — и ответил:

— Этого никогда не случится, северянин. Старейшие создали нас смертными, чтобы их голод

можно было утолять, но средства, которыми они направляют к себе наши страдания, вечны. Кольцо нельзя уничтожить, по крайней мере всеми известными донныне физическими и колдовскими способами, и любая попытка сделать это приведет Энкату в такую ярость, что на гибель будут обречены целые народы. Только надежно спрятав Кольцо и принеся ритуальную жертву, мы спасем человечество от гнева Энкату.

Конан устало сошел с возвышения, взглянул на Иллеса, Тайс и остальных своих спутников. Хотя бы несколькими удалось выжить... И все же он подумал, что этих людей всю жизнь будут преследовать страшные воспоминания.

— Ты и твои люди — вы можете уйти когда захотите, — сказал вендиец Конану. — Коридор, ведущий через крепость, теперь безопасен. Обманных путей больше не существует; все демоны, охранявшие это место, исчезли.

Конан вдруг заметил, что глаза этого человека больше не горят желтым светом; и глаза остальных вендийцев, которые восстанавливали силы и по одному поднимались на ноги, тоже выглядели обычно. И все-таки он ощущал в отношении этих людей неприязнь — ведь они жили колдовством только затем, чтобы расположить к себе богов, питающихся человеческими душами.

— Ты осмеливаешься презирать нас, — произнес вендиец, словно прочитав его мысли, — а между тем вы все радуетесь жизни, и можете делать это только благодаря орденам, подобным нашему, члены которых призваны ублажать Ста-

рейших. Будь благодарен, что наше бремя лежит не на твоих плечах!

— Возможно, когда-нибудь, — ответил на это Конан, сверкнув глазами, — мы сумеем уничтожить этих ужасных существ — уничтожить, а не «ублажить» их. И тогда мой меч сослужит славную службу!

Вендиец отвесил легкий поклон, развернулся и вышел из комнаты. Остальные гуськом последовали за ним, и вскоре все жрецы исчезли. Конан повернулся к друзьям.

— Они возвращаются на родину, унося с собой Кольцо, — сказал он. — Нам тоже следует подумать о том, куда идти дальше. Поход Орина завершен.

Иллес кивнул.

— И все же спешить не следует. Думаю, вендийцы полностью очистили эту крепость от колдовства. Мы можем оставаться здесь до тех пор, пока не отыщем золото Усхора — если оно вообще здесь есть — а затем поделим его между собой, хотя... уж боги-то знают, что оно никогда не восполнит того, что мы потеряли. А теперь, когда кончился дождь, нужно спасти наших бедных лошадей, оставленных на тропе...

— А потом, — спросил его Конан, — вы хотите вернуться в Сафад?

Юноша покачал головой.

Тайс сказала:

— У меня в Мессантии дядя. Мы отправимся туда.

Конан посмотрел на остальных.

— Мы пойдем своей дорогой,— произнес один из солдат,— разбредемся по разным городам и странам. Все, что нам остается — опять наняться к кому-нибудь на службу...

Конан глубоко вздохнул и вложил меч в ножны. Эти люди больше не подчинялись ему, и он снова стал точно таким же наемником, как и прежде. Он собирался отправиться в путь в одиночку; куда — он и сам пока не знал...

Воины вышли из комнаты и разбрелись на поиски золота Усхора. Иллес направился было за ними, но остановился у тела Боларда, недвижно лежащего на полу.

— Тайс,— шепнул он,— никак не могу понять, как это тебе удалось убить Боларда, если Конан и я...

Тайс опустилась на колени возле трупa.

— Мне... мне кажется, я знаю, Иллес. Теперь я понимаю, что Болард не лгал мне...

— Что ты имеешь в виду?

— Он... он действительно был добр ко мне, в ту ночь, когда подарил этот кинжал. Он сказал, что никакие чары не лежат на этом оружии, но я думаю, что он, сам того не ведая, передал кинжалу собственное заклятие. И в конце концов эта доброта спасла его душу от Усхора. Не смейся, Иллес — ты же помнишь, что сказал мне Болард перед смертью.

Иллес озадаченно нахмурился.

— Может, и так, а может быть, просто удар Конана, а затем и мой ослабили его достаточно, чтобы...

— Думаю, Тайс права,— перебил его Конан.— Как бы то ни было, Тайс, я никогда не видел более смелого поступка, чем твой — когда ты бросилась на Боларда, защищая жизнь Иллеса!

— Да, да! — горячо согласился юноша.— И все-таки одна вещь не дает мне покоя. Кольцо защищает от воздействия колдовских сил, и один раз с его помощью мы спасли Боларда, и все же Кольцо не сняло с него проклятья, обезобразившего его лицо, и позволило Усхору захватить его мертвое тело...

На этот раз нахмурился Конан.

— Боюсь, я понял, в чем тут дело,— сказал он.— Заклятие Усхора связало их жизни ужасной тайной, настоящей тайной, которую этот человек всегда старался скрыть от самого себя.

— Но откуда ты можешь это знать? — спросил Иллес.

— Я видел его лицо! — произнес Конан и в его голосе послышались нотки отвращения.— Однажды ночью он открылся мне, и я понял, что за чары лежат на нем. Кольцо могло защитить Боларда от колдовских уловок — когда касалось его плоти, но...

— Так его лицо тоже было своего рода уловкой, миражом?

— Нет! — Конан нахмурился.— Нет, его лицо было реальным. Усхор придумал для Боларда самое тяжкое для человеческого существа наказание — голое, ничем не прикрытое понимание того, кто ты и что ты. Никто не сможет жить с таким пониманием; вот почему мы создаем ми-

фы и придумываем истории о собственной природе.— Конан тяжело вздохнул и провел рукой по глазам, словно отмахиваясь от жуткого видения.

— Я никогда не видел его лица,— проговорил юноша.— И не понимаю, о чем ты говоришь...

— И все-таки Болард не был негодяем,— улыбаясь, сказала Тайс.— Теперь я знаю это точно. Он не лгал мне, а его доброта очистила его самого. Смотрите! — Она нагнулась и обеими руками ухватила за черный шлем.

— Не надо, Тайс! — одновременно вскричали Конан и Иллес.

Но девушка, обнаружив, что шлем крепится при помощи ремешков, срезала их кинжалом, подаренным Болардом.

Кожаные застежки отпали, Тайс отложила нож и стянула с головы Боларда черный шлем. киммериец инстинктивно отвернулся. Затем услышал тяжелое дыхание Иллеса.

Чувствуя, как внутри у него все холодеет, Конан медленно повернулся, чтобы посмотреть на лицо, прежде вызывавшее только ужас.

Он увидел смеющуюся Тайс, по щекам которой текли слезы. Рядом лежало тело Боларда, без маски — и лицо его казалось красивым, безмятежным и мужественным — каким оно было до встречи коринфийского воина с Усхором...

Глава первая

икаких сомнений, барон Скавро Немедийский был мертв. То есть, насколько мертв может быть человек, у которого из левой глазницы торчит стилет... И, как это ни досадно, он пал не от ее руки.

Палома в задумчивости тронула указательным пальцем золотую шишечку, венчавшую рукоять: клинок сидел крепко, и извлекать из раны она его не стала. Ни к чему. Она и без того знала, с чем имеет дело.

В Аквилонии подобные кинжалы именовались терциями и украшали коллекцию любого уважающего себя наемного убийцы. Лезвие, гибкое, как ивовый прут, и такое же тонкое, с легкостью пронзало плоть, входило в горло, в ухо или в глаз жертвы. Между ребер тоже проникало запросто — если только не угодишь в кость, но таких ошибок профессионалы не допускают. К тому же, у терции отсутствовала крестовина, а короткая рукоять была почти такой же узкой и

гибкой, как сам клинок, — идеальное оружие, чтобы прятать его в отвороте рукава, в дамской прическе, за голенищем, да, собственно, и еще в десятке мест.

Палому не интересовало, где хранил свое «жало» неведомый убийца; достаточно и того, что она видела, где терция нашла свой последний приют. И это не доставляло радости наемнице.

— Ты не дождался меня, Скавро...

Быстрым, цепким взором девушка окинула комнату. Голые стены, которые белили в последний раз лет десять назад. словно в насмешку, в одном из углов проступили остатки какой-то росписи — видно, ее пытались замазать, но рисунок оказался прочнее побелки. Хотя, возможно, это просто разводы сырости... В мутном освещении чадающей масляной лампы много не разглядишь.

У левой стены — кровать, завешенная синим балдахином. Ткань вытерлась на сгибах, и от нее пахло пылью.

Еще в комнате имелся приземистый стол — он же сундук для пожитков — пустой (Палома, разумеется, первым делом откинула крышку), и обшарпанное кресло, в котором, собственно, и расположился покойник. Ничего более.

Странно, совсем иного она ожидала от барона. Правда, лично они никогда не встречались, но по рассказам, ей казалось, она сумела составить о характере этого человека достаточно ясное представление. И чтобы такой любитель роскошной жизни, утонченный вельможа, украсе-

ние немедийского двора, остановился здесь, в этой дыре...

Однако же адрес был верным — ей подсказал его надежный человек в Бельверусе, и все оказалось в точности как он описал: постоялый двор на улице Горшечников, южнее Старого Рынка, отдельный вход с заднего двора. Укромное место, даже слишком...

От кого здесь скрывался Скавро? И зачем, вообще, он приехал в Коршен?

В Бельверусе, при дворе, все были уверены, что барон оправляется после болезни в своем загородном имении. А он тем временем сидел в Коринфии, в этом жутком клоповнике... Чего ради? Что за дела проворачивал он здесь? Палома не знала. Вообще, пока в этом деле вопросов было куда больше, чем ответов, но в одном она была уверена непоколебимо: дела эти грязные. Очень и очень грязные.

Она еще раз взглянула на труп. В неверном свете лампы лицо казалось грубо слепленным комком глины, из которого рукоять терции торчала диковинным ростком с золотым бутонem...

Развернувшись, девушка двинулась к выходу. Она не собиралась обыскивать остальные комнаты — если они тут, вообще, были. Не намеревалась искать следы убийцы. Зачем? Скавро мертв — пусть и не от ее руки, но теперь это уже не имело значения. Не станет же она убивать барона во второй раз!

Так что — да упокоят боги черную душу немедийца и да будут милостивы к нему. Палому

он больше не интересовал. Завтра на рассвете она уедет из Коринфии.

...Короткий темный коридор вывел ее из комнаты на лестницу. Тьма крошечная! Даже кошачье зрение не спасло — нога не удержалась на узкой осклизлой ступеньке, и Палома с размаху налетела на сломанные перила. Вцепилась обеими руками в угрожающе хрустящую деревяшку, перевела дух, затем осторожно двинулась дальше.

Еще три шага — и свобода. Ей не терпелось полной грудью вдохнуть свежий воздух после этой затхлой вони. Дверь с натугой отворилась, выпуская гостью, словно новорожденного из черной утробы.

Но отнюдь не ласковые материнские объятия ожидали ее снаружи. Цепкие пальцы ухватили за локоть девушку, слепой совой щурившуюся на заходившее солнце: даже его багровый свет был слишком ярким после темени баронского обиталища...

— Маган! Держи ее крепче, не упusti!

Палома дернулась, извернулась, каблук сапога устремился в сторону темной фигуры.

— Ах ты!..— Человек подавился ругательством, хватка на миг ослабла. Но девушка не успела воспользоваться замешательством противника: грубые руки выломали ей запястье, заставив бросить на землю кинжал, и тут же что-то обожгло шею.

— Дернешься — прирежу,— пробасил голос. И добавил задумчиво: — Зараза...

Теперь Палома ясно видела обоих — проморгалась наконец после темноты, жаль только, слишком поздно. Здоровые, похожие, как два брата-близнеца, в начищенных медных нагрудниках и круглых шлемах, какие носила коринфийская городская стража. Один, со встопорщенными боевито усами, прижимал к горлу девушки короткий меч-гладий... его-то ожог она и ощутила только что.

Второй, чьего лица ей пока было не разглядеть, деловито копошился за спиной, и чем он был занят, Палома поняла мгновенно, когда стражник вывернул ей назад руки и сноровисто спутал колючей веревкой.

Она не сопротивлялась.

Отчасти, ошеломленная неожиданным нападением, отчасти — потому что в считанные мгновения, прошедшие с начала стычки, успела проанализировать происходящее, сделать выводы и принять решения. Это только мужчины будут биться до последнего, идти напролом против любой силы, даже десятикратно превосходящей их собственную. И, возможно даже, сумеют одержать победу. Но женщине, если она желает выжить в этом суровом мире, следует избрать иную тактику. Голой силой тут не возьмешь: женщина все равно изначально слабее. Разум, точный расчет и хитрость — это оружие зачастую превосходит клинок.

Сейчас Палома знала, что сопротивляться бессмысленно. Даже если каким-то чудом ей удастся одолеть этих двоих — тут же вся городская

стража пустится на розыски беглянки. Перекроют ворота, начнут прочесывать улицу за улицей... Одна, ночью, в совершенно незнакомом городе — много ли у нее шансов?

Правда — если ее обвинят в убийстве немедийца, шансов будет еще меньше...

Стражники поволокли девушку вниз по улице, причем тот, что слева, ощутимо прихрамывал и всякий раз ругался сквозь зубы, ступая на поврежденную ногу: похоже, по голени она ему заехала основательно. Палома довольно усмехнулась — пусть и слабое, но утешение.

— Что, Марган, достала тебя бесовка? — Усач тоже заметил мучения товарища. — А ты все: «Шлюха, шлюха...» Много видел шлюх в мужской одежде и с мечом на поясе?! Я так сразу понял — нечисто дело.

Так, значит, они следили за ней! С того самого момента, как она зашла к Скавро? Или еще раньше?

— Вы же знали, что немедиец мертв. Зачем тогда схватили меня?

— Закрой рот! — Колченогий грубо ткнул ее под ребра, так что Палома болезненно охнула, но его напарник отозвался более дружелюбно:

— Так твои же дружки его и прикончили. Разве не так?

— Не так. — Наемница чувствовала, что начинает злиться. Загадки в этой истории громоздились одна на другую, и, казалось, готовы погresti ее, как снежная лавина. — Я только утром прибыла в Коршен, у Южных ворот вам это под-

твердят. У меня нет никаких дружков в городе. И я хотела просто увидаться с бароном — привезла ему послание из Немедии. А обнаружила труп.

— Это ты судье расскажешь, — хмыкнул уса-тый. — Наше дело маленькое. Велели сторожить в засаде и хватать первого, кто появиться — мы и сторожили. Стало быть, боги сегодня плюнули в твою сторону...

Но сдаваться она не собиралась:

— И куда вы меня тащите? На суд? — Чем вызвала приступ хохота у обоих стражников.

— Размечталась, — выдавил наконец, отсмеявшись, Марган. — Какой тебе суд, на ночь глядя? Посидишь денек-другой во Дворце, там видно будет.

— Какой еще дворец?!

— Да потерпи, почти пришли уже. Налюбуешься...

Насколько могла судить Палома, улицы, по которым вели ее стражники, меньше всего напоминали подходы ко дворцу. Из квартала ремесленников они вывернули на рыночную площадь, пустынную и мрачную в подступающей темноте, с угловатыми остовами закрытых на ночь лавок и палаток и горами отбросов, оставшихся после оживленного торгового дня. Хлюпающие шаги трех человек, бряцание оружия стражников и болезненное сопение колченогого звучали неестественно громко в гнетущей тишине, будили тысячи шепотков и отголосков, и Палома с трудом подавила суеверное желание скрестить пальцы,

отгоняя зло. Впрочем, связанные руки так затекли, что ей это едва ли удалось бы.

Девушка повела головой, пытаясь понять, откуда взяться дворцу в этом унылом районе. Насколько ей было известно, резиденция графов Коршенских находилась совсем в другом месте. Да и с чего бы стражникам вести ее туда?

Перейдя площадь, они вышли на извилистую улочку, поднимающуюся круто вверх, и Палома вспомнила, что Коршен стоит на холмах, так что дороги, ныряющие вниз, словно в пропасть, и карабкающиеся в гору, здесь не редкость. Потому-то — она обнаружила это еще утром, по прибытии, — в городе почти нет конных экипажей. Горожане больше частью передвигались пешком, а самые богатые — в носилках и паланкинах.

С боковой улицы послышался шум шагов и голоса, и стражники остановились.

— А, северный патруль, — заметил Марган, взглядевшись в темноту.

Пять человек в такой же форме, что и пленители Паломы, в руках у двоих были факелы.

— Унгара, ты что ли? — окликнул их усач.

— А, Геббо! — отозвался один из пятерых приветственно. — Куда вас несет на ночь глядя? И кто там с вами?

— Да, поймали тут одну...

— Шлюха что ли?

Радостно гогочущие стражники приблизились, с любопытством разглядывая Палому.

— Ну и странные шлюхи пошли нынче, ты глянь...

Один из них потрепал девушку за подбородок. Она яростно дернула головой, от души жалея, что руки связаны, и она не может оказать достойный отпор. Попыталась ударить ногой — но ублюдок успел отскочить, не переставая смеяться.

Неожиданно усач — Геббо — вступился за пленницу:

— Не тронь ее, парень. Это тебе не гулящая девка. Она — птичка посерьезнее.

— Так и что с того? Все они одинаковы, как до постели дело дойдет. Нешто не позабавимся?

— Убери руки, похотливый козел! — прорычала Палома. Решительно, этот город стал ей уже поперек горла.

Стражник изумленно округлил глаза и, хвала Небу, отступил.

— Не тронь ее, — повторил Геббо. — Времени нет. Нам надо до полуночи во Дворец попасть, а то стража сменится — куда ее потом девать? До утра не примут.

— Х-ха! Впервые вижу, чтобы ты с девкой не нашел, чем до утра заняться.

— Только не с этой, — подал голос Марган. — Убийца она. И меня чуть не покалечила... — Он тоскливо скосил глаза на подбитую ногу. — Ладно, парни, вам налево, нам направо. В «Кувшине» завтра увидимся. Пошли, Геб!

Сопровождаемые смехом и сальными шуточками ночной стражи, Палома и двое ее пленителей продолжили свой путь. Она больше не гладила по сторонам, погрузившись в невеселые раз-

думья — а потому едва сдержала удивленный возглас, когда рука Геббо придержала ее за плечо.

— Стой, бешеная, ишь, разбежалась! Пришли уже.

И Паломы увидела Дворец.

Исполинская каменная громада вырастала из скопления домишек, почти без всякого перехода, отделенная от торговой улицы лишь узкой площадью шагов в двадцать шириной. Широченная лестница плавно поднималась к парадной площадке, обрамленной бледными полукружьями колоннады. Между центральными, самыми высокими колоннами, постамент которых был едва ли не в рост человека, высились черные двери, верхняя часть которых терялась во тьме. Чем ближе они подходили, поднимаясь по мраморным ступеням, каждая шагов в пять шириной, тем сильнее Паломы охватывало непривычное чувство собственной незначительности. Даже сознание того, что все это было сделано намеренно, что именно такова и была цель архитектора, мало чем могло помочь. Ощущение было отвратительно гнетущим.

Но на спутников Паломы это великолепие, похоже, не оказывало никакого действия. Привыкли, должно быть. Уязвленная, девушка опустила взор — и лишь теперь заметила то, что сперва ускользнуло от нее в неярком свете факелов, укрепленных в скобах на колоннаде. Дворец разрушался. пышность и великолепие для него остались далеко в прошлом.

Мрамор ступеней был истертым и раскрошенным, а местами не хватало целых плит, и там зияли серые пятна кладки. На постаментах колонн змеились трещины. Но больше всего ее поразило другое.

Подсознательно она ожидала, что при их приближении гигантские двери распахнутся, грозно и торжественно... Однако стражники взяли чуть левее — и девушка лишь сейчас заметила прорубленную прямо в огромной створке дверцу. Работа была грубой, нарочито небрежной, словно люди, выполнявшие ее, ничуть не заботились о том, чтобы сохранить красоту древнего здания, а даже намеренно стремились изуродовать его как можно сильнее. Вкривь и вкось вбитые клепки скрепляли края, сама же дверь была сколочена из разномастных сучковатых досок и украшена кривым ржавым окошечком.

Приблизившись, усач забарабанил рукоятью меча.

— Эй, Марий, Трогет, открывайте!

Дверь распахнулась со скрежетом.

— Еще позже заявиться не могли? — выглянула недовольная физиономия стражника.

— А ты не спи на посту, — беззлобно огрызнулся Геббо и подтолкнул Палому внутрь. — Добро пожаловать во Дворец, принцесса.

Но девушка упрямо застыла на пороге, оглядывая скупой обстановкой караулку, единственный украшением которой был заменявший стол бочонок, на котором красовался глиняный кувшин и две кружки.

— Я хочу знать, что это за место. Куда вы меня привели?

Стражники расхохотались.

— Да, похоже, ты и впрямь недавно в Коршене... В тюрьму тебя привели. Куда же еще?

— Вот это — тюрьма?! — Палома обвела подбородком окрестности. За последние годы она изъездила едва ли не всю Хайборию, но ничего подобного ей видеть до сих пор не доводилось. — Как же у вас любят преступников, если их размещают в таких апартаментах!

— Ах-ха! — Стражник, открывший им дверь, захлебнулся от смеха. — Ну и веселая птаха! Это надо же — сказанула!

— Заткнись, Трогет. — Напарник ткнул его кулаком в плечо, недвусмысленно косясь на кувшин. Как видно, ему не терпелось поскорее спроводить ночных гостей и вернуться к выпивке. — Жаль тебя огорчать, крошка, — повернулся он к Паломе, — но апартаменты тебе не светят. Если только ты не настолько неприхотлива, чтобы обрадоваться подвалу. Тюрьма там... — Он указал рукой на черный провал лестницы, ведущей куда-то вниз.

Насколько могла судить Палома, проход этот был сравнительно недавнего происхождения — кладка куда более свежая, чем на стенах, и пробит с той же показной грубостью, что и дверь внутри двери. Словно кто-то пожелал получить самый короткий проход в подземную часть дворца, напрочь пренебрегая соображениями красоты ради целесообразности.

Трогет тем временем достал с полки и разложил на бочке, сдвинув в сторону кружки, широкий лист пергамента, исписанный почти наполовину. С тяжким вздохом обмакнув в бронзовую чернильницу перо с обломанной верхушкой, он пристально взглянул на девушку.

— Имя. Откуда родом.

Отвечать? Солгать? Но какой смысл...

— Палома, по прозванию Оса. — Она пожала плечами — насколько позволяли связанные руки. — Родом из баронства Тора, в Немедии.

Старательно скрипя пером и даже высунув кончик языка от натуги, стражник записал сказанное, затем поднял глаза на Геббо.

— В чем обвиняется?

— В убийстве.

— Ого...

Последовал обмен еще несколькими незначительными репликами, и наконец Марий, поведив пальцем по своему пергаменту, вынес вердикт:

— В пятый подвал ее отведите. Там сегодня посвободнее.

— В пятый? — Его напарник хмыкнул с сомнением. — К этим отбросам? Они же ее живьем сожрут!

Марий повел плечами.

— А кому сейчас легко? Женских покоев у нас пока не занималось... так что уж чем богаты.

Он махнул рукой в сторону лестницы.

— Проводи их, Трогет.

Тот поднялся, кряхтя, на ходу снимая с пояса увесистое кольцо, на котором болталось не мень-

ше двух десятков длинных железных ключей.
Выдернул из скобы чадающий факел.

— Пошли, парни.

И Палома ступила во тьму.

Глава вторая

Насколько позволял судить богатый опыт Паломы, большинство темниц в Хайбории были двух видов: разделенные на одиночные камеры (в редких случаях там могли помещать двоих или троих узников) и состоящие из огромных подвалов, куда пленников набивали, сколько позволяло место.

Встречались и более экзотические варианты — так, в Шеме любили держать заключенных в длинном коридоре, прикованных к колоннам... но это было редкостью.

В иных странах, например, в Бритунии, тюрем как таковых и вовсе не имелось. Там преступника сразу волокли к судье, тот назначал наказание, которое палач немедленно приводил в исполнение. Клеймо, усекновение руки, ноги или — что чаще — головы... выбор небогатый. Так что с коринфийским узилищем ей еще, можно сказать, повезло.

Подвалы располагались по обе стороны бесконечного прохода, у каждого дежурили стражники. Еще двое встретили их в самом начале — там у Паломы отобрали все оружие, еще раз записали имя и прочие сведения и выдали тощий и — на удивление — относительно чистый тюфяк. Несмотря на незавидное положение, в котором девушка очутилась, это вселило в нее слабый оптимизм. Похоже, здесь с узниками обращаются относительно гуманно. Можно даже надеяться, что судья не поспешит огульно вынести приговор, а сделает хотя бы попытку разобраться в ее деле. Что, однако же, отнюдь не уменьшило ее желания постараться сбежать при первой же возможности. Вот только шансов на успех пока было маловато...

«Пятый» оказался довольно просторным подвалом с рядом крохотных окошек под самым потолком. Сквозь запах грязи, пота и немытых тел слабо пробивался еще один, совершенно чуждый, и тонкое обоняние подсказало девушке, что в прежние времена здесь, похоже, находился винный погреб. Что ж, все сходится...

Тихо, стараясь не шуметь, едва за ней захлопнулась тяжелая дверь, она прокралась к стене, бросила там тюфяк и улеглась. Появление еще одного товарища по несчастью не прошло, разумеется, незамеченным, однако слабую попытку заговорить с новичком тут же пресек повелительный окрик из противоположного угла:

— Заткнитесь там все! Утром будем языки чесать — а пока спать!

Благодарная, Палома свернулась калачиком на своем убогом ложе. Как хорошо, что никто не тронет ее до рассвета! О том, что она станет делать утром, очнувшись среди десятка озверелых преступников, наверняка, ни в медный сикль не ставящих человеческую жизнь, а тем более честь женщины, она предпочла пока не думать. Случалось ей, в конце концов, бывать в переделках и похуже.

Пока, самое главное, стоило сосредоточиться на бурных событиях прошедшего дня, попытаться разобраться, найти доводы, способные убедить судей в ее невинности... но ничего этого Паломе сделать не удалось.

Не прошло и нескольких мгновений, как она крепко заснула.

* * *

— Оса, ты ли это? Глазам не верю!

Кто-то тряс ее за плечо.

Мгновенно открыв глаза, Палома привычно потянулась за мечом — но рука встретила лишь пустоту. Рывком поднявшись и мигом вспомнив, где она и как здесь оказалась, девушка приготовилась защищаться. Так или иначе, но живой она этим ублюдкам не дастся!

И лишь спустя какое-то время смысл сказанного дошел до нее.

Кто-то здесь знал ее? Она оглядела подвал.

Здоровенный, кудлатый детина стоял перед ней, заслоняя скудный свет. При таком освещении она не могла разглядеть его лица.

— Какая тварь меня разбудила?! — рывкнула она нарочито дерзко. — Неужели и здесь человеку не могут дать отоспаться?

— Ну вот, что я говорил! — Парень радостно хлопнул себя по ляжкам. — Точно, она. Кто еще, кроме Осы, может так жалить!

Голос казался ей смутно знакомым... Что-то из далекого прошлого...

— Асгалун... — с сомнением протянула она. — Эрверд Четыре Руки из Заморы?

— Узнала! Узнала! — завопил громила с восторгом, кидаясь к ней.

— Тьфу, да пусти же ты! — Ей стоило труда выбраться из медвежьих объятий. Отступив на шаг, с улыбкой оглядела старого знакомого. — Э, парень, я всегда говорила, ты плохо кончишь. Ты же собирался купить виноградник...

— Х-ха... — Четыре Руки досадливо поморщился. — С моим братцем разве заживешь спокойно? Выдумал — «последнее дело, последнее дело»... И меня втравил. Сам головы лишился — а мне после этого прямая дорога осталась, так далеко, где бы даже об Асгалуне и слыхом не слыхивали. Шестерых стражников мы положили, Оса...

— Мда. — Палома поджала губы. Эрверд с братом всегда были сорвиголовами, каких мало. Пока они работали на нее, ей удавалось удерживать близнецов от бесчинств. Но она уехала...

— Куда ты подевалась тогда? — словно прочел ее мысли замориец. — Слухи ходили, тебя кто-то нанял из Бельверуса — да, якобы, там ты и сгинула...

— Уцелела, как видишь. — Паломе совсем не хотелось распространяться о Вертрауэне. По счастью, их беседе помешали. Уверенным шагом приблизился другой заключенный, в обносках, но державшийся с надменностью короля, еще пятеро — свита — держались позади, в почтительном отдалении.

— Может, представишь нас даме, Четыре Руки?

— Гарбо, я...

Незаметно сместившись чуть в сторону, к свету, Палома смогла разглядеть говорившего. Лет тридцати, смуглый, как большинство коринфийцев, с порочным и хищным лицом. Он смотрел на девушку не отрываясь, и его хозяйский, оценивающий взгляд очень ей не понравился.

— Мое имя — Палома, — произнесла она холодно, не дожидаясь, пока Эрверд представит ее. — Еще меня называют Той, с Кем Лучше Жить в Мире...

— Вот как? — Он даже не улыбнулся. — А иначе?..

— А иначе ты труп, Гарбо.

В подземелье воцарилось молчание. Прочие узники, а их было не меньше двух десятков, исподволь наблюдавших за происходящим, застыли в ожидании. Кто-то радостно крикнул, предвкушая потеху. Еще бы! Женщина — бросает вызов главарю. Такое не каждый день увидишь.

— Палома, да что ты... — попытался вмешаться асгалунец, в голосе его звучали жалобно-упокаивающие нотки. — Ведь это... Гарбо у нас...

Наемница улыбнулась ему.

— Не надо, дружище. Я ценю твою заботу — но не сможешь же ты меня защищать вечно. Раз уж я тут оказалась...

— За что, кстати? — В голосе Гарбо не было особой враждебности. Впрочем, и теплоты тоже.

— За убийство.— Палома пожала плечами. Сейчас не время добавлять, что она не совершала того, в чем ее обвиняют.

— Вот как? — Похоже, это было любимым присловьем главаря.— Что, клиент просил слишком широко расставить ножки?

— Ах ты... — Вновь рука ее метнулась к ножам — и вновь пальцы сомкнулись в пустоте.— Я — свободная женщина,— отчеканила она, с ненавистью глядя Гарбо в глаза.— И я воин, а не дешевая подстилка! Хочешь убедиться?

— Во-оин? — Он захохотал.— Шлюха, убийца и воровка, в это я еще могу поверить...

Палома оскалилась. Немало их было на ее пути, таких наглых, самоуверенных ублюдков! Когда-то, когда она была очень юной и очень злой, ей доставляло удовольствие побеждать их в поединке — а затем безжалостно оскопять, лишая того единственного, что было гордостью и смыслом жизни этих недоносков. С тех пор кое-что изменилось... но немного.

Спокойно, сосредоточенно, как боец перед выходом на арену, девушка принялась разминать затекшие со сна мышцы, не обращая ни малейшего внимания на оценивающие, одобрительные и насмешливые возгласы преступников.

— Мы решим это здесь и сейчас, Гарбо,— наконец промолвила она.— И если я возьму верх — ты дашь слово, что никто в этом логове не тронет меня.

Он издевательски поклонился.

— А если верх возьму я, то...

С ледяной усмешкой она перебила:

— С моим трупом ты волен делать все, что пожелаешь. Живой я тебе не дамся!

— Я настолько отвратителен? — Тон был насмешливым, но главарь явно чувствовал себя задетым. Кажется, он не привык к столь яростному отпору.

— Нет, не настолько. А в десять раз сильнее.— Палома наконец решила, что достаточно разогрелась для поединка.— Эй вы, разоидитесь! — Она повелительно махнула рукой остальному сброду.— Или кто-то жаждет, чтобы ему наступили на голову?

— Такой-то ножкой — с удовольствием...

Но они расползлись. Послушное стадо... Расселись вдоль стен, готовые наблюдать за потехой. Из угла несчастный Эрверд отчаянно делал Паломе какие-то знаки, и она ободряюще улыбнулась ему. Неужто бедняга думает, она не заметила нож, припрятанный у коринфийца на щиколотке?

Гарбо стоял, расставив ноги, явно не веря в серьезность происходящего. Драться? С кем? С красоткой, годной лишь согреть мужчину в постели?.. Вот почему первый же бросок Паломы оказался для него полной неожиданностью.

Она рванулась вперед, проскользнула у локтя под локтем. Он хотел вцепиться ей в белокурые волосы — но промахнулся. А она дернула его за запястье.

Толчок был нечувствительным, едва ощутимым — но коринфийца вдруг куда-то повело, он потерял равновесие, на миг утратил ориентацию. Когда пришел в себя — то не сразу отыскал противника. Куда подевалась эта проклятая девочка?

Какое-то движение у самых ног... Он ткнул кулаком наугад, промазал — и вдруг вскрикнул от резкой боли. Схватился за левую руку — и с изумлением поглядел на окрасившуюся алым ладонь.

— У нее нож!

Паломы стояла в двух шагах перед ним, поигрывая кинжалом. Его кинжалом. Во взгляде ее был вызов и презрение.

— Возьми! — она швырнула нож ему.

Не соображая, что делает, Гарбо схватил мелькнувший в воздухе кинжал — прямо за лезвие. Пальцы полоснуло болью.

Да что она с ним делает, эта ведьма?! Ведь он всегда был неплохим бойцом!

Озверевший, коринфиец кинулся вперед, целя кинжалом в горло дерзкой девице. Но... ее уже не было перед ним. Прокатившись по полу, она ногой достала его в солнечное сплетение, заставив согнуться и захлебнуться воздухом, и, молниеносно вскочив, полоснула по плечу острыми, точно когти, ногтями.

Рыча от боли и ярости, Гарбо принялся бессмысленно размахивать ножом, надеясь зацепить неуловимую ведьму — разумеется, тщетно. Она мелькала то справа, то слева, нанося несильные, но чувствительные удары в самые уязвимые точки. Сквозь шум ревущей в ушах крови до коринфийца доносился смех и выкрики заключенных. Похоже, все они были на стороне женщины...

Но Гарбо, при всей его жестокости, не был глупцом, иначе ему никогда бы не стать тем, кем он стал в преступном мире Коршена. Он умел оценивать ситуацию, понимать, когда она складывается не в его пользу — и делать выводы. Невероятным усилием воли он подавил слепую ярость и швырнул нож на пол.

— Довольно,— прохрипел он.— Ты победила. Я признаю.

Паломы вновь оказалась прямо перед ним. Ее стальные глаза впились в лицо коринфийца.

— Чтобы потом зарезать меня среди ночи?..

О, она была не глупа!.. И — проклятье! — даже не запыхалась после боя, тогда как ему приходилось глотать воздух с жадностью утопающего. Стиснув зубы, Гарбо нагнулся и протянул ей кинжал.

— Возьми. Он твой.

Помедлив мгновение, Паломы взяла предложенное оружие. Затем, все так же глядя коринфийцу в глаза, медленно провела острием по ладони. Показала выступившую алую полоску. И протянула руку Гарбо.

— Это был славный бой...

Он понял. И сам жест, и то, что она предлагала ему, и все, что это могло повлечь за собой. Шанс спастись от позора. О, она была не глупа!..

Коринфиец вытянул руку, ту самую, которой поймал нож на лету. Пальцы до сих пор кровоточили. Их ладони соприкоснулись.

— Я была одна в Коршене. Человек не может быть один, когда никто не прикроет ему спину.

— Брат прикроет тебя.— Гарбо слабо улыбнулся.— Позволь мне стать твоим братом.

— Это честь для меня. Брат.

Палома отняла руку. Обернулась к замершим сокамерникам, не знавшим, как реагировать на столь неожиданный поворот событий. По счастью, смекалистый Эрверд пришел ей на помощь. Радостно заулюлюкав, он завопил какие-то восторженные слова — и тут же крик его подхватили остальные.

— Гарбо! Гарбо!!!

Коринфиец незаметно перевел дух. Хвала Небу, авторитет его остался незыблем — невероятно, после того, как его с легкостью одолела в бою какая-то девица. И за это он должен был благодарить ее, Палому...

Он повернулся к победительнице, сам не зная, что ей сказать. Гнев, признательность, недоумение — все смешалось в его душе. И она, как видно, поняла это.

— Если пожелаешь, мы будем очень дальними родичами,— прошептала Оса, едва двигая губами.— Таким дальними, что, может, случится, и не увидимся никогда...

Это был выход. Но почему-то он не устраивал Гарбо. Он взглянул на наемницу — и, впервые за все это время, в глазах его было уважение.

— Я обещал прикрывать тебе спину. За это ты научишь меня так драться.

Палома улыбнулась.

— Это самое меньшее, что я могу сделать... для брата.

* * *

Теперь, когда Палома получила узаконенный статус в тюремном подвале, сокамерники тотчас перестали обращать на нее внимание, словно изманище-красивой, возбуждающе дерзкой девицы она враз превратилась в бесплотную тень. Присные Гарбо, все пятеро, были услужливы — перетаскивали ее тюфячок поближе к своим, у сухой стены, и даже к котлу, когда сонный, недовольный стражник приволок обед, ее не пустили, а принесли и торжественно, едва ли не с поклонами, вручили миску и лепешку; однако больше они с ней не заговаривали,— шепотом ссорясь, стали бросать кости в своем углу... Палома так и не узнала, как их зовут.

Эрверд оставался поблизости, однако и он не затевал бесед с давней боевой подругой, лишь изредка выжидательно косясь на нее. Если бы она дала знак подойти... а так нет, не хотел навязываться.

— Как тебе удалось их всех так запугать? — обращаясь к главарю, Оса кивнула в сторону сокамерников.

Теперь, когда противостояние разрешилось к удовольствию обеих сторон, Палома не чувствовала к Гарбо ни страха, ни отвращения. В Асгалуне, Бельверусе, да и в иных краях ей немало пришлось иметь дело с такими, как этот коринфиец. Дерзкие, отважные, не признающие над собой ничьей власти, жестокие, порой до подлости... или великодушные до изумления... Они напоминали волков — но Палома, будучи сама волчицей, если не по крови, то по воспитанию, прекрасно умела с ними обращаться. Волку надо лишь показать, что ты сильнее, что ты — вожак. Тогда его можно не опасаться.

Вместо ответа, Гарбо лишь небрежно повел плечами, аккуратно подбирая последние крошки обеда. И заговорил, лишь когда отставил в сторону пустую миску... которую тут же подхватил и спрятал младший из его подручных, тощий парнишка лет шестнадцати, с длинными светлыми волосами, заплетенными во множество косичек.

— Разве такой тихий человек как я способен напугать кого бы то ни было?

Речь его, когда он не старался работать на публику, была правильной, он выпевал гласные, а не проглатывал половину, как обычный коринфийский сброд. Палома поморщила лоб.

— Благородная кровь... Младший сын? Земли слишком мало, чтобы делить на двоих? Или...

Гарбо хмыкнул.

— На четверых. Можешь не продолжать, смекалистая...

— Это было несложно.

— Ну — а ты... сестричка? Что расскажешь о себе?

Но Палома не собиралась облегчать ему задачу.

— Угадай сам. Или готов и тут мне уступить? Негоже — я о тебе была лучшего мнения...

К чести Гарбо, он сумел сдержать злость — настолько, что заставил себя думать о деле, а не о том, как врезать дерзкой девице за очередное оскорбление. Наконец выдал:

— Наемница. Родители умерли, оставив тебя без средств к существованию. Отец, видно, был солдатом в свое время, и тебя кое-чему научил, так что ты решила, что с оружием в руках идти по жизни лучше, чем плодить нищету в убогой хижине с мужем, который бы согласился взять бесприданницу, или продавать себя в гарем к какому-нибудь жирному ублюдку...

— Почти правильно... И довольно об этом. Ты оправдал мои ожидания.

— Это было несложно.— Гарбо вернул Паломе ее же слова.— Но я и не подозревал, что прохожу испытание.

— Мы все время проходим испытания, ты разве не знал. И в случае успеха — жизнь переводит нас на новую ступень.

— Ну, а какое вознаграждение ты предлагаешь мне?

Палома засмеялась.

— Торопись... Твои успехи еще не столь велики. Однако ты подаешь надежды!

— Звучит многообещающе. Полагаю, за это стоит выпить...

Откуда-то из-под тюфяка Гарбо извлек кожаную, приятно булькающую флягу. Тут же, как по волшебству, перед ним с Паломой оказались две кружки. Не спрашивая согласия, разбойник разлил вино на двоих.

Девушка пить не торопилась, лишь чуть пригубила, поверх обода кружки внимательно осматривая подземелье.

Эрверд наконец удалился, оставив надежду поболтать со старой знакомой. С каким-то толстяком они сидели под крохотными окошками, оживленно болтая и время от времени взрываясь смехом. Еще человек десять спали — самый простой способ скоротать время до ужина. Остальные занимались кто чем. Играли в кости, перебирали одежду в поисках вшей; один даже пытался бриться, остервенело скребя щеки тупым ножом. Но Палому с Гарбо точно окружала незримая стена. Никто по-прежнему не обращал на них внимания, никто не пытался подслушать разговор...

Это было странно. Теперь Палома окончательно уверилась, что все куда сложнее, чем показалось ей с первого взгляда. Что ж, попробуем...

— Кстати... А когда ты намереваешься выйти отсюда? Полагаю, через денек-другой? — невозмутимо осведомилась она. Гарбо нахмурился.

— Ты что-то путаешь сестренка. Мы во Дворце. Сюда приходят не по своей воле, а уж уходят тем паче...

— Но к тебе это не относится, не правда ли? Ты пришел именно что по своей воле. И точно знал — зачем и как надолго! — Палома ухмыльнулась, довольная тем, какой эффект произвели ее слова на собеседника. Смазливая физиономия коринфийца вытянулась так, что на него было жалко смотреть.

— Как... Откуда ты... Боги, женщина! Я найду ту тварь, что проболталась, и...

— Потихе.— На них уже начали оборачиваться.— У женщин, помимо пышной груди и длинных ног бывает еще и голова. Не слыхал о таком?

Черные глаза Гарбо сузились.

— Объясни!

— Чего проще. Шаг первый — ты нобиль по происхождению. На коринфийском «донышке» ты должен был стать одним из первых — иначе тебя давно прирезали бы... из зависти, из ревности, просто потому что быдло ненавидит благородных. Полагаю, не ошибусь, если скажу, что ты должен входить в первую тройку местных «черных баронов», так? — Кивок. Гарбо ловил каждое ее слово с напряженностью волка в засаде; даже зубы чуть заметно клацали.— Вот и славно. Теперь ступень вторая. Ты здесь — в обносках, как самый захудалый воришка. Если бы стражники знали, кого загребли, готова биться об заклад, тебя держали бы отдельно и стерегли, как самый дорогой алмаз в графской сокровищнице. Но ты оказался в этом подвале, среди самых что ни на есть отбросов... В общем, переска-

кивая через остальные ступени, идем к главному: ты здесь по собственной воле. Полагаю, устроил небольшое безобразие. Драка в таверне, или что-то в этом роде. Скромненько, без лишнего ущерба, никакого сопротивления при аресте. Тебя замели вместе с приятелями...— Палома мотнула головой в сторону пятерых пособников Гарбо, продолжавших неумолимо кидать кости.— Судья не будет слишком суров за столь незначительный проступок. Отделаетесь штрафом...

— И зачем, по-твоему, мне все это понадобилось? — Голос Гарбо шуршал, как пересушенный пергамент, на котором алыми чернилами был записан ее смертный приговор. Но на наемницу это не произвело ни малейшего впечатления.

— Успокойся... брат. Палома не предает своих. Что бы ни провернули твои поделники, пока ты отсиживаешься в этой дыре, от меня ничего не узнает. Я даже не стану любопытствовать, что ты задумал. Полагаю, нечто действительно крупное... Это не мое дело.

Вероятнее всего, коринфиец умышлял недоброе против кого-то из самой верхушки преступного мира. Одного из Старших. И очень, очень желал убедить остальных в своей непричастности. Отсидеться на время беспорядков в графской темнице — неплохая задумка. Вполне может сработать.

— Я просто желаю тебе удачи...

— Но не прочь использовать меня в своих целях. Если понадобится, прибегнув и к небольшому шантажу...— Гарбо вполне пришел в себя,

взвесил опасность, оценил — и сделал ответный ход.

Палома сладко улыбнулась ему.

— О, Небо, но разве такой умный и сильный мужчина и без принуждения отказался бы прийти на помощь девушке в беде?

— Конечно же нет, дорогая сестрица! — Коринфиец разлил по кружкам остатки вина.— Итак, чем я могу тебе помочь? Кстати, в ответ на твой вопрос... Судья должен заняться нашим делом через два дня. Полагаю, наутро я уже буду свободен. Так я весь внимание...

— Убили одного немедийца,— без всяких предисловий начала она.— Его звали Скавро, он был бароном. Но сюда, похоже, приехал под видом простолюдина. Поселился в клоповнике на улице Горшечников...

— И все же кто-то добрался до него. Из-за денег?

— Трудно сказать.— Палому порадовала способность собеседника с полуслова подхватить нужный тон. Перепалка закончилась — пора было говорить о делах.— У себя в Бельверусе он жил на широкую ногу. Но здесь... Я не видела ни следа чего-нибудь хоть сколько-то ценного.

— То есть либо ничего не было, либо убийца унес все подчистую.

Девушка покачала головой.

— На ограбление непохоже. Воры редко берут на дело терцию. Или у вас есть любители?

— В сердце? — сразу, по-деловому уточнил Гарбо.

— Нет. В глаз.

Коринфиец присвистнул.

— Нет, тогда точно не грабители. По крайней мере, никто из местных. Но об этом твоём парне я ничего не знаю. Хочешь попытаться выяснить? — Палома кивнула. — Это из-за него тебя загребли?

— Да. Взяли в дверях под белы ручки. Поджидали нарочно — вот только не знаю, именно меня или кого другого. По идее, никто не знал, что я в городе. У меня в Коршене, вообще, никого нет.

— Теперь есть.

— Верно. — Палома улыбнулась. — Теперь другое дело... Поверишь ли, мне совсем не хотелось бы лишиться головы за то, чего не совершала.

— Погоди-ка...

Гарбо жестом подманил одного из подручных, того самого мальчика с косичками, что-то прошептал ему на ухо, указывая на обитателей подвала. Коротко кивнув, парнишка начал свой обход. Начал с игравших в кости приятелей, по очереди задавая каждому какой-то вопрос, затем не спеша обошел остальных, не поленившись разбудить и спящих. Выслушав ответ, каждый раз качал головой, подавая знак главарю.

Нет, похоже, здесь о Скавро никто ничего не слышал.

— Не беда, — утешил ее коринфиец. — Стоит мне выйти — я весь город перетряхну, можешь не сомневаться. Наш Дворец — не самое подходящее место для такой красотишки как ты. А уж

виселица — тем паче не для тебя. Так что вытащим, не трус.

— Не сомневаюсь. — Палома засмеялась. По правде сказать, впервые за последние сутки она ощутила что-то похожее на надежду. Ей стоило больших усилий все это время не выдавать сбежавшей душу тревоги, но, конечно, положение было опасным. И помощь Гарбо ей ох как пригодится!.. Воистину, приручить этого волка было мудрым шагом.

— Кстати, — легким тоном заметила она, намеренно меняя тему разговора, — Вы все называете эту тюрьму дворцом. Что за странная шутка?

— Никаких шуток, — словно бы даже обиделся коринфиец. — Это самый что ни на есть настоящий дворец. Здесь внизу раньше были погреба... ну и графская темница, само собой, только куда меньше нынешней.

— А наверху что? Тоже камеры?

— Зачем, для этого подвалов хватает. Верхние залы — там кого только нет. Если не считать Месьора... Там судейские, канцелярия, стражники живут, да еще Митра ведаёт что. Но дворец громадный, сама видела. Большей частью пустой стоит. Рушится помаленьку. А жаль — такая красота пропадает...

Никогда еще Палома не слыхала ничего подобного. Чтобы огромный замок использовали под тюрьму, да еще так нелепо... Ей вспомнились изуродованные двери, прорубленная лестница в подвал. Точно чья-то злая воля намеренно отда-

ла дворец на поругание! И, интересно, что это за Месьор, о ком упомянул Гарбо?.. Но она не успела ни о чем больше расспросить коринфийца.

Дверь темницы распахнулась, и старший из двух появившихся стражников зычно выкрикнул с порога:

— Где тут девица, называющая себя Паломой по прозванию Оса? Графский судья желает тебя видеть!

Девушка поднялась с места, вопросительно покосившись на Гарбо. Что-то слишком быстро до нее дошла очередь. Может, он объяснит? Но в глазах коринфийца было искреннее недоумение.

— Да пребудет с тобой Небо, сестра,— прошептал он одними губами.

Эрверд с другого конца подвала дернулся было встать, но его удержали. Как видно, остальные заключенные тоже понимали, что дело нечисто. Никто не хотел рисковать и привлекать к себе внимание.

Пожав плечами, Палома двинулась к дверям, на ходу оправляя тунику. Стражники пропустили ее вперед. Она вышла, не обернувшись, спиной чувствуя устремленные на нее взгляды.

— Что ж,— обратилась она к провожатым тоном королевы, шествующей на аудиенцию к иноземным посланцам.— Не будем заставлять судей ждать...

Глава третья

Верхние коридоры и лестницы, которыми ей довелось пройти, лишь подтверждали прежнее впечатление: роскошный некогда особняк разрушался, стремительно приходя в запустение, и никто даже не пытался поправить дело. На стенах местами проступала сырость, разрушалась кладка, нищенскими лохмотьями свисала штукатурка... И лишь ближе к судейской зале наблюдался относительный порядок.

Страж у дверей, украшенных медными леопардами, вполголоса перемолвился о чем-то с провожатыми Паломы, посмотрел пергамент, который вручил ему старший, затем демонстративно пожал плечами.

— Да, я вижу, что это она. И вижу, что срочно. Но на вашем месте я бы все же переждал...

При этом он многозначительно ткнул подбородком в сторону закрытого зала; судя по пони-

мающим ухмылкам стражников, те прекрасно поняли, о чем речь.

— Ладно, пожалуй, и впрямь лучше погодить немного.

Заинтригованная, Палома наострила уши.

Похоже, там, за дверью происходило что-то любопытное, раз ее провожатые не торопились входить туда с пленницей. Тяжелая дубовая, окованная медью дверь приглушала звуки, однако натренированный слух в который раз сослужил ей добрую службу.

— ...совершенно никакого смысла, Месьор...— Голос брюзгливый, явно принадлежал человеку немолодому. Девушка почему-то не сомневалась, что это говорил судья.— Уверю, мы способны разобраться в этом деле и без вашего...

Тут страж у дверей неловко шевельнулся, шум заглушил слова.

— Тс-с,— шикнул на него один из конвоиров, плечистый черноволосый гигант с небесно-синими глазами.— Дай послушать. А то сам не хочешь рассказать вечером в «Кувшине», как старый Мул лягался с Месьором?!

Пристыженный, тот застыл в полной неподвижности.

Теперь звучал другой голос: ленивый, со странными перепадами интонаций.

— Я в своем праве, дражайший Агиери, и вам это прекрасно известно. Я волен находиться в любом месте дворца — и сейчас это место здесь. Оспорите ли вы волю графа Лаварро?

— Однако правосудие...

— Помилуй Митра! Чем же я, самый богобоязненный и законопослушный человек в этом городе, могу помешать вашему правосудию?! Разве вы не намерены вершить его честно, скоро и праведно — то есть, как всегда?

Ответа Палома не услышала. Впрочем, вероятно, его не дождался и безымянный Месьор, с таким язвительным жаром отстаивавший свое право присутствовать на суде. Над ней, Паломой!

Связано ли это каким-то образом с ее персональной — или она здесь просто случайная жертва чьей-то игры? Если не считать Гарбо, она никогда и ни от кого не слышала об этом человеке, откуда же тогда он мог знать о ней?

— Ладно.— Черноволосый стражник наконец подал знак напарнику.— Лучше объявимся, а то, не ровен час, пройдет кто, увидит нас здесь, тогда неприятностей не оберешься...

И точно, из-за поворота коридора донеслись какие-то голоса.

— Жаль, не удалось дослушать,— ухмыльнулся молодой. Но второй только цыкнул на него и кивнул стоящему у дверей.

— Давай, что ли...

Вздохнув, тот скользнул в приоткрытую створку.

Странные все же порядки царят в Коринфии, размышляла Палома, дожидаясь возвращения стражника, который пошел доложить о ней судье. Даже где-нибудь в Туране, где процветает подкуп и местничество, подобное разгильдяйство было бы немыслимо. Там люди были порочны до

мозга костей — и все же, при любых обстоятельствах соблюдали декорум. Чтили правила игры... Но здесь все было иначе. Во всем чувствовалась усталость и пресыщенность. Всем было на все наплевать. Стражники даже не пытались делать вид, что соблюдают дисциплину. Судейские глумились над правосудием...

Мрачные размышления прервал толчок между лопаток, грубо вернувший ее к реальности.

— Давай, пошевеливайся, судья ждет.

* * *

Зал, где вершилось коршенское правосудие, произвел на девушку странное впечатление. Высоченные потолки, с которых свисали штандарты с неведомыми ей гербами, обшитые темным деревом стены и наконец само место судьи — почти трон, на возвышении, под алым шелковым балдахинном — все это было призвано создать атмосферу торжественности, внушить трепет нарушителям Закона... Однако маленький лысый человечек, утопавший в судейской мантии, так, что из мехового воротника едва виднелось сморщенное личико, перекошенное, точно от зубной боли, казался настолько не на своем месте среди всей этой пышности, что невольно приходили на ум мысли о балаганных лицедеях, суровый настрой улетучивался, оставляя лишь чувство смутной неловкости и недоумения.

— Девица, именующая себя Паломой по прозвищу Оса, вольная наемница, — возвестил старший из стражников.

Девушка кивнула. Именно так она и представилась накануне тюремным чиновникам.

Крысиная мордочка судьи недовольно сморщилась. Он раздраженно перелистнул несколько страниц книги, лежавшей перед ним на резной деревянной подставке.

— А, вот, вижу. — Он наконец отыскал нужные записи. — Только вчера задержали? И сразу на суд?! — Голос его звучал негодующе, словно этот факт добавлял Паломе виновности. — Та-ак, и что мы тут имеем?.. Убийство... Сопротивление властям... — Судья водил по строчкам длинным пальцем, не поднимая глаз на узницу.

Та воспользовалась передышкой, чтобы оглядеться по сторонам. Где же он?..

Ага!

Помимо ее самой, судьи, двоих стражников и писца, приютившегося за столиком у подножия помоста, в зале находился лишь еще один человек.

Тот самый, догадалась она, кого здесь все именовали не иначе как *Месьором*. Он сидел в узкой нише между двумя стрельчатыми окнами, полускрытый в тени, так что лица было почти не разглядеть; Паломе лишь показалось, что человек он немолодой и какой-то... усталый. Он не смотрел ни на узницу, ни на судью и казался поглощенным созерцанием перстней на своей левой руке, протянутой к свету.

Перстни и правда, насколько могла судить девушка с такого расстояния, были недурны, однако... Однако...

— Итак, женщина,— наконец подал голос графский судья,— что ты можешь сказать в свое оправдание?

Палома распахнула глаза.

— А в чем меня обвиняют?

— Не играй со мной в эти игры! Здесь суд. Не балаган. И не бордель! Ты убила человека. Некого Скавро с улицы Горшечников. Об этом свидетельствуют двое стражников, заставших тебя на месте преступления...

— Неправда.— Усилием воли девушка заставила себя сохранять спокойствие.— Они схватили меня на улице. И я никого не убивала.

— Здесь записано иное.— Судья постучал ногой по строчке в своей книге.— Слова стражников на службе сиятельного графа коршенского заслуживают высшего доверия. А ты... кто ты такая? Бродяга, преступница. Женщина, нацепившая меч, обряженная в мужское платье. Пфффу...— Судья разве что не сплюнул с досады.— Кто может подтвердить, что ты не убивала этого Скавро? Никто? Ну — так о чем тут говорить?! Ты и есть убийца. И тебя ждет плаха.

Проклятье! Балаган и бордель, правильно сказал этот крысеныш. Бордель и балаган — вот что такое этот их суд! Ни свидетелей, ни настоящего разбирательства. Похоже, и приговор ей уже записан в этой проклятой книге, а все происходящее — лишь пустая формальность, прежде чем появится палач.

Палому вдруг пробрала ледяная дрожь. И как она раньше не подумала об этом... Коршенские

власти явно не имели понятия о том, кем на самом деле был покойный «Скавро с улицы Горшечников». Но об этом очень хорошо знал убийца. И обладал достаточной властью и возможностями, чтобы замести следы! Прежде всего, каким-то образом сумел устроить засаду у дверей дома — на первого встречного, все равно, кем бы тот ни оказался. Готова поручиться, они схватили бы и молочника или какую-нибудь нищенку, случись тем пройти мимо. Паломе просто не повезло. Она оказалась первой... А теперь этот же самый убийца подкупил нужных людей в тюрьме, чтобы дело рассмотрели и закрыли как можно быстрее. Кто бы он ни был, это явно не последний человек в городе — и он все отлично рассчитал!

Расчет ясен. Ее, Палому, скоренько осудят и казнят, власти умоют руки... А потом, даже если барона Скавро когда-нибудь хватятся и отыщут следы в Коршене — так вот вам, добрые месьюры, пожалуйста. Убийца давным-давно осужден и наказан, и прах развеян по ветру. Говорить больше не о чем. И с мертвецов не спросишь.

Немудрено, что ее вызвали на суд так быстро. Торопятся — пока не вскрылась правда об убитом. Ведь труп немедийского вельможи заслуживает куда более внимательного отношения, чем никому не известного Скавро. И дознание тут пришлось бы вести по всем правилам...

Но что делать ей? Сказать правду о немедийце? Палома уже открыла рот, чтобы заговорить — но тут же осеклась. А что ей-то, собственно,

это даст. Судья убедится, что она была лично знакома с убитым, и узрит в этом лишнее подтверждение ее вины.

Что делать? Что? Что?!

Мысли судорожно метались, девушка стиснула зубы, чтобы успокоиться. Единственная надежда — заставить их отложить вынесение приговора... Но как? Как, помилуй Митра?!

Неожиданно кто-то чуть заметно толкнул ее под локоть.

Пользуясь тем, что судья отвлекся, заговорив о чем-то с писцом, Палома незаметно повернула голову к молодому черноволосому стражнику, стоявшему справа от нее. Там, перед входом в зал, когда все они с таким азартом подслушивали спор судьи с этим странным типом в нише, он ей показался неплохим парнем. Что ему нужно — сейчас?..

Да. Синеглазый прищурился и, едва разжимая губы что-то прошипел. Девушке понадобилось изо всех сил напрячь слух, чтобы уловить его слова... И изо всех сил напрячь мозг, чтобы осознать их смысл.

— Закон Эмбория Первого...

Что за бред?! Эмборий, если ей не изменяла память, был королем Коринфии — еще когда страна не разделилась на кучу мелких удельных княжеств, одним из которых был и Коршен. О каком законе толкует этот парень, и чем это может помочь ей, Паломе?

Ловушка? Или стражник и в самом деле намерен ей подсказать какой-то выход из положе-

ния? Узнать возможности не представлялось. Впрочем, а есть ли у нее выбор? И, собрав волю в кулак, наемница звонким голосом объявила:

— Ваша праведность! Вы считаете меня виновной — но по закону Эмбория Первого, я имею право...

Она осеклась. На что, собственно, она имеет право? Хотя бы судья знал это сам!

— Что-о? — Глаза чиновника вылезли из орбит.— Да как ты смеешь...

— Закон Эмбория Первого,— повторила Палома с уверенностью, которой отнюдь не ощущала.— Я требую...

— Ты не смеешь ничего требовать — ты, убийца! — Судья брызгал слюной, давясь словами от возмущения.

Кажется, она попала впросак. Черноволосый ее подвел... Палома готова была обернуться к стражнику в отчаянных поисках поддержки — но помощь пришла с неожиданной стороны.

— А почему, собственно, вы лишаете ее этого права, любезнейший Агиери? — лениво подал голос человек в нише.— Уложений короля Эмбория, насколько мне известно, никто не отменял, и в Коршене они действуют точно также, как и повсюду в Коринфии. Или у вас иное мнение на этот счет?

Лицо судьи попеременно приняло все оттенки радуги, остановившись наконец на пурпурном.

— Я... она не... Об этом не может быть даже речи!

— Почему же? — В голосе незнакомца явно слышалась насмешка.— Как раз в данном случае это уложение применимо в полной мере. Пусть ваш писец поможет нам уточнить...— Он кивнул головой службе. Тот, с готовностью отложив перо и пергамент, засеменял к книжному шкафу у стены и с поклоном поднес своему начальнику какой-то древний фолиант, уложив на подставке поверх того, что судья читал ранее.

— Вот здесь указано, что надлежит делать в таком случае, Ваша Праведность. Уложение шестнадцатое Его Величества короля Эмбория Первого Коринфийского.— И, пятясь, вернулся в свой угол.

— Так-так-так...— Царапая ногтем по пергаменту, судья принялся читать указанное место.— Если обвиняемый заявляет о своей невиновности... Обязуется отыскать истинного преступника в течение одной луны... приговаривается к четвертованию, если окажется не в состоянии... Только в случае...

— Ага! — торжествующе воскликнул он наконец.— Боюсь, что ничего не выйдет!.. Закон гласит, что отложить казнь обвиняемого возможно лишь в том случае, если за него поручится лицо, чья репутация в глазах суда не подлежит сомнению. И лицо это будет отвечать головой, если обвиняемый скроется от правосудия, вместо того чтобы искать преступника! Так что, увы...

М-да. Палома хмыкнула, осознавая, сколь призрачна оказалась надежда на спасение. Черноволосый, без сомнения, хотел как лучше, одна-

ко даже король Эмборий тут оказался бессилён. В Коршене ей такого поручителя не найти!

Видимо, подумав о том же самом, судья издевательски развел руками.

— Итак, приговор остается в силе. Писец...

— Я поручусь за нее.

— Что-о?! — Агиери вскочил со своего трона.— Вы, Месьор?!

Палома, расширенными от изумления глазами уставилась на незнакомца в нише. Тот казался невозмутим и как будто даже от души забавлялся происходящим.

— Да, а что здесь такого? Или мое поручительство не кажется вам достаточно весомым? Или в глазах суда моя репутация подлежит сомнению? — Он издевательски выделил последние слова.

— Нет, конечно нет, Месьор! — заблеял судья.— Я никогда бы не...

— Вот именно.— Незнакомец, похоже, получал особое удовольствие, всякий раз перебивая Агиери и не давая тому закончить фразу. Повелительные нотки в его голосе звучали все отчетливее, и Палома теперь не сомневалась, что перед нею человек, облеченный немалой властью. Что делало всю эту ситуацию лишь еще более загадочной. Боги, кто бы ей объяснил, что здесь творится?! — Я готов взять на себя это дело и поручиться за даму. Если она заявляет о своей невиновности и готова в течение одной луны отыскать настоящего убийцу — я поддерживаю ее в этом намерении. И готов ответить головой.

Судья наморщил лоб.

— Покорно прошу простить меня, Месьор, но... вам-то что в том за корысть? Видит Митра, я не хотел бы оскорбить вас, но...

— И не надо, милейший. И не надо. Поверьте, никакого злого умысла здесь нет. Я просто отчаянно скукаю последние дни. И мне подумалось, зрелище людских пороков и отчаяния хоть немного скрасит уныние будней. А провести целую луну с очаровательной преступницей — что может быть... пикантнее?!

— Вот как? — Тонкие губы растянулись в плотоядной усмешке, судья окинул Палому таким взглядом, словно видел ее в первый раз, и девушке захотелось его убить. — Вот как, Месьор?..

— Ну да. Ведь вы доставите мне такое удовольствие, ваша праведность. Я умею быть благодарным, вы же знаете...

— Конечно, Месьор. Не сомневаюсь в этом.

— Отлично. В таком случае пусть ваш писец оформит все необходимые бумаги. К вечеру кто-нибудь из моих людей зайдет за ними, я все подпишу.

— Месьор... — Судья Агиери, похоже, готов был сделать последнюю попытку отговорить загадочного незнакомца. — Неужто вы и в самом деле готовы поручиться собственной жизнью ради этой... Ведь вы понимаете, если она сбежит, даже в вашем случае граф не согласится сделать исключение, закон есть закон...

— О, прекратите, милейший! Мы толчем воду в ступе... — В тоне вельможи смешалась скука и

раздражение. — Так мы до вечера будем твердить одно и то же. Я ведь сказал, что готов взять на себя ответственность, что вам еще надо? К тому же, если она сбежит — вы уверены, что это не обрадует многих из тех, кого мы знаем?!

— Именно поэтому я...

— Довольно! — Теперь голос незнакомца звучал по-королевски жестко, не допуская никаких пререканий. — Это мое дело, и хватит об этом. — Он усмехнулся, устало взмахнув рукой, словно недавняя вспышка гнева отняла у него последние силы. — Закончим на этом, пожалуй. Отправление правосудия — весьма утомительная вещь, как оказалось. Вы были правы, когда отговаривали меня... Сейчас время обеда, и я голоден. Так что давайте простимся на этом.

Крысиная мордочка судьи сморщилась.

— Воля ваша, Месьор. — Он явно готов был признать поражение. — Как вы желаете, чтобы мы поступили с этой женщиной? Отправить ее обратно в камеру?

— Ни в коем случае. Она более не ваша забота, Агиери. Забудьте о ней.

— Только на одну луну, — ядовито подчеркнул судья.

Незнакомец в нише пожал плечами.

— Пусть так.

— Тогда — оставляю ее вам. — Агиери сморщился так, словно у него болели зубы. — И... приятного аппетита, Месьор!

С этими словами, кивнув писцу, чтобы следовал за ним, судья ретировался через боковую

дверцу. Двое стражников, Палома и незнакомец остались одни в огромном зале.

— Осмелюсь заметить, Месьор,— со смехом объявил черноволосый,— Это было здорово... Старина Агиери едва не подавился собственной мантией!

Человек в нише чуть заметно усмехнулся.

— Рад был доставить тебе удовольствие, мой друг. А теперь ступай во внутренний двор, отыщи моих ребят. Они уже должны были вернуться, пусть идут сюда. А ты, Таген,— он обратился ко второму стражнику,— беги в левое крыло, в мои покои, скажи, пусть накроют стол на двоих. Я и правду проголодался.

Первый из воинов уже скрылся в коридоре, второй же, ринувшийся было со всех ног исполнять приказ, задержался в дверях, переводя недоуменный взгляд с мужчины на женщину.

— Но, месьор, оставить вас вдвоем... ведь вы же... Я не могу...

— Ничего, ступай, парень. Мне скорее грозит смерть от голода, чем от руки этой прелестницы, уверяю тебя. Так что поспеши, если не хочешь стать причиной моей гибели!

Покачав головой в знак того, что не одобряет такой риск, стражник с усилием затворил за собой тяжелую дверь. Палома проводила его взглядом. А затем повернулась к человеку в нише и в упор уставилась ему в лицо, решив сразу перейти в наступление:.

— У тебя есть имя, Месьор? Или только кличка?

Она ожидала, что он встанет, подойдет к ней. Возможно, даже попытается ударить за дерзость. Тогда она убьет его, попытается бежать. Может быть. Или еще что-нибудь. В любом случае, нужно какое-то движение, нужно, чтобы хоть что-то произошло... она задыхалась от бездействия!

Он не сдвинулся с места.

— Так ты не знаешь, кто я такой?

— Понятия не имею! — Она высокомерно вскинула голову.— А должна бы?

— Возможно. Как-никак, я твой спаситель...

Палома передернула плечами.

— Ты меня еще не спас.

— Верно. И, возможно, не стану этого делать.

Она помолчала, оценивая намек. Что ж, скорее всего, он прав, и ей стоит быть полюбезнее. Но ей так не нравились тайны. И эти игры, что затевались вокруг нее, без ее ведома.

Он по-прежнему сидел в своем кресле. Только сейчас, приглядевшись, она заметила одну странность: от сиденья с двух сторон торчали вперед какие-то странные рукояти, каждая в пару локтей длиной. Догадка забрезжила в мозгу наемницы. Она подошла ближе, очень медленно, не сводя глаз с ног сидящего.

— О, да.— Он верно оценил ее взгляд.— Я не смогу убежать, если ты надумаешь убить меня сейчас.

Теперь она видела его лицо. Усталое, одутловатое лицо человека лет тридцати пяти, с глубокими складками у губ и запавшими глазами. Лицо человека, привыкшего к неподвижности.

Калека!

Увечность всегда внушала ей отвращение. Что может быть ужаснее, чем потерять власть над собственным телом. Это все равно, что и не жить вовсе... Палома, нахмурившись, взирала на незнакомца.

Тому, похоже, было не привыкать к подобным взглядам. Лицо его осталось совершенно бесстрастным, ни на миг не утратив скучающего выражения.

— Боги, как я голоден,— пробормотал он, не сводя глаз с дверей.— Куда же они запропастились?

Словно в ответ на призыв, створка приоткрылась, впустив самую странную пару, какую только могла себе представить девушка.

Сперва она решила, что это дети. Только какие-то неправильные, с ненормально широкими плечами, длиннорукие и головастые... И лишь когда они приблизились, она поняла: перед нею карлики. Ростом они были ей едва до груди — и чуть ниже сидящего человека. Неудивительно, что калека выбрал себе таких слуг. На них он может смотреть, не задирая головы.

Не обращая на Палому ни малейшего внимания, карлики приблизились к креслу, один подхватил передние рукояти, другой — точно такие же сзади, они одновременно подняли свою ношу и двинулись к выходу.

Девушке ничего не оставалось как направиться за ними.

Глава четвертая

тол, как и было велено, оказался накрыт на двоих.

Гостеприимный хозяин жестом указал гостю на ее место и сам, едва только слуги поставили кресло, не говоря ни слова, с аппетитом принялся за еду. Палома, покосившись на него, так же молча последовала его примеру.

Она воздала должное ароматному бульону из дичи, нежному мясу со специями и — в меньшей мере — терпкому коринфийскому вину. Не то чтобы ей не хотелось выпить... однако здравый смысл подсказывал, что лучше сохранить трезвый рассудок.

Наконец было покончено и с десертом — нежными плодами в сладком сливочном соусе, — и наемница, довольная, откинулась на стуле. Что ж, жизнь, в конце концов, не так плоха. А если это и есть последний обед осужденного... по крайней мере, это был отличный обед.

Так она и сообщила своему гостеприимному хозяину, впервые за все время вызвав у того улыбку.

— Рад, что вам понравилось, моя дорогая. В моем... хм-м... состоянии, доставить женщине удовольствие не так-то просто.

Он странно говорил о своем увечье. С одной стороны, ничуть не стесняясь этой темы, едва ли не бравируя, но с другой... потаенная горечь все же ощущалась в каждом слове. Похоже, калекой он стал не с рождения. Те ведут себя совсем иначе.

— О, со мной у вас не будет проблем. Я весьма неприхотлива в своих желаниях, и мне нетрудно угодить. — Палома не сводила с него взгляда серых глаз. И если решит, что она излишне дерзка — пусть себе! Ей терять нечего.

— Рад слышать. — Вельможа — а этот человек, кем бы он ни был, несомненно, принадлежал к сильным мира сего — не реагировал на дерзости и оскорбления. Словно задался целью раззадорить гостью, проверить, как далеко она отважится зайти. — Могу ли я сделать для вас еще что-нибудь?

Этот странный человек, похоже, мог ей помочь. По крайней мере, он спас ее от немедленной казни. Однако явно ожидал чего-то взамен. Но почему тогда он не скажет в открытую, что ему нужно? Все это было очень и очень странно.

— Вы можете сделать для меня одну вещь, это мне будет столь же полезно, сколь и приятно. — Палома, вспомнив юные годы, прошедшие

при дворе в Бельверусе, старательно скопировала манеру речи знатной дамы, надменную, чуть снисходительную, и по вытянувшемуся лицу собеседника поняла, что ей это удалось вполне. Похоже, он начал понимать, что в гости к нему залетела не такая простая пташка. — Назовите все-таки себя, мой любезный хозяин. Иначе у вас слишком большое преимущество передо мной...

— О, оно не станет от этого меньше, уверяю. Но вы правы, моя дорогая, простая вежливость требует представиться. Мое имя — Грациан. Хотя все зовут меня просто Месьор. Это, конечно же, не официальный титул, однако... они просто не знают, как иначе меня называть. Ибо, видите ли... Граф Лаварро Коршенский — мой отчим.

О, боги. Боги, боги, боги, боги.

До сего дня Палома ни в малейшей степени не интересовалась внутренними делами Коршена, этого небольшого коринфийского графства на границе с Немедией и Заморой. Даже перед поездкой сюда ей и в голову не пришло наводить справки. И то сказать — она рассчитывала отыскать Скавро, прикончить негодяя и в тот же день убраться отсюда навсегда. Так к чему забивать голову лишними сведениями? Но теперь она жестоко пожалела, что не сочла нужным выяснить хотя бы самое необходимое.

Впрочем... за эти два дня она видела и слышала не так уж мало. В свое время ее учили делать выводы и на основании куда более скудных данных. Не далее как нынче утром она блестяще продемонстрировала свои способности Гарбо,

разгадав его планы. Так что мешает ей сделать то же самое сейчас?

Сосредоточившись, Палома постаралась представить себе все элементы головоломки. Блестящие осколки кружились перед внутренним взором, она вертела их и так, и эдак, пока наконец они не начали складываться во вполне логичный рисунок...

— Поправьте меня если я ошибаюсь, Месьор, но... нынешний владыка, граф Лаварро Коршенский — он ведь происходит не из той семьи, что правила здесь прежде? Не прямой наследник рода... — начала она сперва неуверенно, но затем все более твердо, словно вытягивая это знание из собеседника через незримую нить, протянувшуюся из ее глаз — в его. И он не в силах был отвести взгляд! — Да, наследницей была ваша мать. Он женился на ней потом, верно? И появились еще сыновья. И проблемы с наследством. И тогда с вами произошел... несчастный случай. Все правильно. Не могли же вы занять трон!.. — Она хмыкнула. — По-хорошему, вы еще должны сказать спасибо... В других краях вас уже давно бы не было в живых... Месьор.

Молчание. И затем — он несколько раз соединил кончики пальцев... пародия на аплодисменты.

— Браво, моя дорогая. Браво. Однако вы меня не убедили. Это известно всем и каждому.

— Так я права?

— Ну, разумеется. Забыли лишь сказать, что граф так до сих пор и не назначил наследника,

никак не может выбрать одного из троих сыновей... но это не суть важно. Равно как и то, что я — незаконорожденный сын, посему убивать меня было необязательно... Но, повторяю, это известно всем и каждому.

Палома пожала плечами.

— Возможно — в Коршене. Но вы сильно увеличиваете свою значимость для остального мира. Уверю, за пределами Коринфии ваши внутренние дразги отнюдь не являются излюбленной темой застольных бесед.

— О.— Во взгляде калеки зажегся интерес.— Тогда откуда...

Объяснять было бы слишком долго, да и почти невозможно. Станный титул — Месьор, в котором одновременно и почтение, и неуверенность в статусе носителя. И этот странный Дворец, величественное здание, носящее столь явные следы запустения и намеренного — озлобленного — разрушения. Так мог бы обращаться какой-нибудь иноземный завоеватель с родовым гнездом прежней династии; Палома готова была поручиться, что нынешний граф поселился в замке, построенном недавно, специально для него; и то, что Грациан — единственный обитатель этих руин, тоже сказала ей о многом. Ну, и еще множество деталей...

— Все очевидно — для того, кто умеет видеть, — произнесла она коротко.

Калека улыбнулся.

— Воистину так. Ну что же... Даже если бы вы намеренно задались целью доказать, что вы —

именно та, кто мне нужна, вам это едва ли удалось бы лучше.

— А я нужна вам?

— Ну, разумеется! — Теперь он смеялся. — Очаровательная женщина... вы станете украшением моего двора.

— Если меня не казнят через одну луну. Что у вас делают с осужденными на смерть? Вешают? Сжигают живьем? Отрубают голову?

— Четвертуют, — в тон ей отозвался Грациан, невозмутимо, точно речь шла о погоде. — Но вам это пока не грозит.

— Пока?

— Конечно. У вас все же целая луна в запасе.

— В запасе? Но для чего?

— Чтобы снять с себя обвинение в убийстве, разве не помните? Закон Эмбория Первого, на который вы так удачно сослались... Или вы желаете кончить дни на плахе? Это была бы ужасная потеря, моя дорогая...

Наемница начинала чувствовать, что хваленая смекалка и самообладание начинают ей изменять. Этот странный человек словно продумал все наперед, просчитал на дюжину ходов. Как будто знал заранее все, что должно произойти. Но как — если она и понятия не имела ни о каких законах Эмбория, пока черноволосый стражник не подсказал ей...

— Меня удивляет лишь одно, — процедила она сквозь зубы. — То, что вам пришлось особо извещать слуг, чтобы стол накрыли на две персоны. Могли бы сказать им об этом сразу с утра...

Несколько мгновений он смотрел на нее с искренним изумлением — а потом разразился хохотом. И, отсмеявшись, произнес:

— Сдаюсь, вы уличили меня и сразили окончательно. Я забыл. Можете себе представить, еще подумал за завтраком, что нужно бы предупредить повара — и забыл. О, горе!..

Теперь засмеялась и Палома. А что ей еще оставалось делать?

— Но что мне мешает сбежать из вашего проклятого городка при первой возможности?..

Калека покачал головой.

— Здесь нет глупцов, моя дорогая. Описание твоей внешности — весьма приметной, осмелюсь сказать, — нынче же будет у каждого стражника. Особенно у тех, что охраняют городские ворота...

— Ха! — Она отметила, что его тон стал более фамильярным, он перешел с ней на «ты», и сама стала говорить резче. — Как будто это меня оставит!..

— Возможно. Ибо есть и кое-что еще.

— Что же? — Она не собиралась сдаваться. О, нет. Не для того судьба подарила ей эту отсрочку! — Что удержит меня здесь?

— Точнее — кто. Я. Не забывай, тебя отдали под мою опеку, а это значит, я отвечаю за тебя головой. Признаюсь, несмотря ни на что, жизнь мне все же дорога... так что я просто обязан помешать тебе скрыться. И, можешь поверить, у меня это получится.

Крепкое словцо готово было сорваться у нее с языка — но Палома сдержалась. Нельзя пока-

зывать свою слабость. Он из тех, кто воспользуется этим без зазрения совести.

С ледяным спокойствием наемница осведомилась:

— И каким образом, позволь узнать?

— Во-первых, моей личной страже отдан приказ убить тебя, если ты переступишь порог своих покоев без моего особого разрешения. Они сделают это. И, не питай иллюзий, это не те городские олухи... Мои парни знают свою работу. Их отцы и деды... — Он криво усмехнулся шутке, понятной лишь ему одному, — они служили еще моим предкам!

— Все равно. — Девушка тряхнула головой. — Заключенный всегда упрямее тюремщика. Я убегу.

— Не захочешь.

— Что-о?

Грациан улыбался. Улыбка у него была, как у сытого кота, поймавшего мышь.

— Не захочешь, я сказал. И сама себе станешь лучшим сторожем.

— Поясни.

Калека, не торопясь, отхлебнул вина из высокого бокала. Пленнице он выпить не предлагал. А сейчас наслаждался, тянул молчание.

Паломы понимала, что заговорить — это дать ему очередное преимущество, уступить в этом поединке воли. Но она была слишком измотана. И — да будь оно все проклято в конце концов!..

— Чего ты хочешь от меня? Зачем все это? Что ты задумал?

Он молчал еще несколько мгновений, оценивающе глядя на девушку, в волнении комкавшую камчатную салфетку. А когда заговорил, голос его был совсем иным — мягким, убаюкивающим.

Так приручают хищников, внезапно подумалось ей. Сперва доводят до иступления, а затем ломают волю лаской и лакомством...

— Должно быть, ты теряешься в догадках, что же случилось там, на суде. Какой-то незнакомец, который прежде ни разу в жизни тебя не видел и даже не знал твоего имени, спас тебя от плахи — и поставил на кон собственную жизнь. Зачем? Ты же не столь наивна, чтобы решить, будто я сделал это, очарованный твоими прелестями — хотя они и несомненны.

Наемница покачала головой.

— Но ведь и ты не так наивен, чтобы решить, будто это налагает на меня какие-то обязательства! Я ни о чем тебя не просила. Ты сделал это по собственной воле — тебе и нести ответственность за свое решение.

Рискованно было говорить ему об этом — но Паломы решила сыграть в открытую. Грациан слишком умен, чтобы не понимать всего этого. Значит, у него должен быть какой-то план. На что-то же он рассчитывает...

— Совершенно верно, моя дорогая. — Он кивнул, с таким довольным видом, будто она сказала именно то, чего он так ждал. — Благодарность, честь, совесть... все это прекрасные качества, и я не сомневаюсь, что ты наделена ими в полной

мере, однако я не стал бы ставить на них. Ибо ставкой, осмелюсь напомнить, является и моя собственная жизнь. Так что нужен крючок посерьезнее.

— И это...

— Интерес, моя красавица. Твоя заинтересованность во мне.

Палома недоуменно воззрилась на него.

— Деньги?

— О, нет. Слишком примитивно. Хотя и это тоже будет, обещаю. Но и много чего еще. У нас еще будет время обсудить подробности — если ты справишься с первым испытанием.

— Первое испытание? О чем ты?

— А ты не догадываешься? Отыскать убийцу твоего Скавро, конечно же! Это важно для нас обоих — вот и проверим, чего ты стоишь в деле! А потом, если я увижу, что не зря понадеялся на тебя... Видишь ли, Палома, мне нужен был человек... Особый человек. Который взялся бы за особую работу. О, у меня нет недостатка в слугах. Но — они способны лишь исполнять приказы. И чаще всего этого достаточно. Но только не сейчас. Сейчас мне понадобился кто-то отчаянный — и умный, способный сам принимать решения. В общем — такой же как я, только... с ногами. — Он скривился в горестной усмешке. — Тот, кто сделал это со мной, уверен, будто сокрушил меня. Уничтожил. Но...

— Ты хочешь отомстить.

— Да. Так сильно, как тебе и не снилось. И ты поможешь мне в этом.

Все это похоже на кошмарный сон, сказала себе Палома. Она-то знает о своих способностях — но этот человек... почему он так уверен, что она сумеет что-то сделать для него? Почему именно она?!

Или он знает, кто она на самом деле...

У нее было недоброе предчувствие, что интрига, закрутившаяся вокруг нее, куда сложнее, чем кажется на первый взгляд. Что от нее все что-то скрывают...

Но сейчас у нее больше не было сил думать. Боги, сколько вместил в себя этот день! Пробуждение в тюрьме, поединок с Гарбо, суд... и этот человек, изматывающий ее своими загадками, своей проницательностью. Каждое его слово — клинок, точно находящий цель. Еще немного, и она истечет кровью... Нет, довольно с нее на сегодня!

— Я хочу спать, — выдохнула она, не глядя на Грациана. — Где там твоя стража, пусть меня проводят куда-нибудь, где есть постель! А то еще немного — и я скончаюсь прямо здесь, и лишу палача удовольствия свидеться со мной через луну...

Смех коринфийца звучал у нее в ушах всю дорогу до ее покоев.

* * *

Наутро за ней пришли очень рано. Еще одна уловка Месьора, догадалась Палома. Они вроде бы союзники — но он делает все, не пренебрегая никакой мелочью, чтобы сломить ее волю, под-

чинить себе. Ей нельзя расслабляться и на долю мгновения!

По счастью, когда заспанная физиономия слуги просунулась в дверь, девушка уже давно была на ногах и даже успела закончить боевую разминку. Так что наглеца, осмелившегося сунуться в женские покои без стука, встретил крепкий удар в челюсть и пара крепких словечек, что в ходу лишь среди наемников.

Парень мигом преисполнился к пленнице глубочайшего уважения. Даже осведомился, не нуждается ли она в чем, до того как явиться пред светлые очи Месьора.

— Пусть мне принесут воды для умывания. И завтрак.

— Вода уже здесь.— Он кивнул за дверь.— А завтрак... Месьор пригласил вас преломить с ним утренний хлеб в саду.

Какая изысканность выражений, это надо же! Любопытно, парень просто повторяет слова хозяйина, или сам склонен к поэзии? Но вслух она лишь велела коротко:

— Тащи воду!

Когда дверь открылась шире, чтобы дать дорогу слуге с кувшином и большим медным тазом, в коридоре Палома заметила стражника, не снимавшего руки с меча. Похвальная предосторожность. Грациан не шутил вчера, когда обещал убить ее при попытке к бегству.

Но пока Палома не собиралась бежать. За эту долгую бессонную ночь она успела принять решение.

Что двигало ею — желание оправдаться перед судом? Разобраться в тайне смерти немедийца? Или ее удерживало любопытство, которое пробудил в ней этот странный калека, который, сложись все иначе, мог бы стать правителем Коршена? Палома не знала. Но у нее была еще целая луна, чтобы отыскать ответ на этот вопрос. На все вопросы.

Закончив утренний туалет, она вышла в коридор к ожидавшим стражникам. Забавно, вторым оказался тот самый черноволосый гигант, который вчера подсказал ей насчет закона Эмбория...

— Как тебя зовут,— обратилась к нему Палома.

— Конан,— ответил тот коротко.

Наемница с уважением отметила статью и боевую выправку стражника. Судя по внешности, он откуда-то с севера... Несмотря на молодость — ему было лет двадцать пять, немногим старше ее самой,— в бою такой, похоже, стоит десятерых!

— Тебя, что, отрядил сюда судья — присматривать, чтобы я не сбежала?

Северянин покачал головой.

— Нет, я служу Месьору. Вчера в суде я просто подменял одного парня. Он... на денек захворал.

Вот как? М-да, интрига и впрямь замешивалась все круче. Палома искоса взглянула на своего спасителя, гадая, о многом ли она может расспросить его. Однако неожиданно тот взял инициативу в свои руки. И после первых же произ-

несенных им слов, наемнице вообще расхотелось открывать рот...

— Тебе привет от Ринги,— сказал он ей.

Несколько мгновений ей понадобилось, чтобы переварить информацию.

Стало быть, по меньшей мере один человек в Коршене знал о ее связи с Вертрауэном... Друг или враг? Он спас ей жизнь — и все же... и кто еще знает об этом?

Если Месьор — то его интерес к ней получал вполне правдоподобное объяснение. Ведь, получается, ему было известно, что он спасает от палача не просто какую-то бродяжку, а агента тайной службы короля Нимеда... И что отсюда следует? Вот тут уже Палома терялась в догадках. Но расспрашивать стражника ей не хотелось. Подождем немного...

И, приняв самый беззаботный вид, наемница улыбнулась своим провожатым:

— Что ж, пойдемте. Надеюсь, на завтрак у вас дают еще хоть что-то, помимо хлеба...

Конан хмыкнул. Его напарник ничего не сказал.

* * *

...Сад оказался разбит во внутреннем дворе, совсем небольшой, но так искусно спланированный, что являл собой настоящий зеленый лабиринт, где несколько пар могли бы прогуливаться, ничуть не мешая друг другу. По пути, сквозь гущу листвы, девушка заметила какого-то человека, в задумчивости стоявшего перед незакон-

ченной мраморной статуей. Он даже не обернулся на их шаги.

Грациан, восседавший в своем неизменном кресле посреди идеально круглой лужайки, перед накрытым столом, являл собой образец радужного хозяина.

— Прошу простить, что не встаю перед вами, моя дорогая! — Он поклонился с преувеличенной любезностью. Палома уже поняла, что он обращается к ней на «ты», лишь когда говорит о деле. В остальное же время разыгрывает из себя вельможу, принимающего высокопоставленную гостью. Еще одна из его бесчисленных игр...

— Я тоже не могу отвечать должным образом, Месьор.— Глаза ее лукаво блеснули.— В этом мужском наряде мне не присесть в поклоне, как подобает даме. Но и приветствовать вас на манер наемников было бы несколько... странно. Так что, увы, наша встреча обречена начаться с несовершенства.

— Увы...— Грациан казался искренне огорченным.— Но о каком приветствии наемников вы ведете речь?

— Это особый жест — перед нанимателем. Разве ваша стража никогда...

— О, нет. Среди тех, кто мне служит, практически нет наемников как таковых. А мои люди... У нас такие зовутся кровниками. Ничего общего с наймом. Я же говорил, их предки служили нашему роду. Это совсем иное...

Палома помолчала, впитывая новую информацию.

— И все же,— продолжал настаивать Грациан,— что это за приветствие. Я невероятно любопытен, знаете ли...

Наемница развела руками.

— У меня нет оружия. Я не сумею показать.

— И вас это огорчает?

— Неимоверно.

— Больше, чем отсутствие женского платья?

— О, несомненно!

Теперь замолчал он. Два темнокожих слуги — странно, а во Дворце ведь совсем нет женщин! — сноровисто расставляли на столе блюда с яствами. Горячие лепешки, масло, сливки, тонкие ломтики мяса, овощи, золотистый сыр, сочащийся на срезах янтарными каплями. Но даже когда они исчезли, Грациан не торопился заговорить. Не слишком ли много она выдала ему о себе в этих нескольких неосторожных словах? Ну, да теперь поздно жалеть! И Палома молча принялась за еду.

— Это — одно из немногих развлечений, что мне еще осталось,— неожиданно подал голос вельможа.

— Что именно? Хорошо поесть? Или ставить гостей в тупик?

Он засмеялся. Его смех нравился Паломе. В нем была одновременно и сдержанность, и едва уловимый оттенок печали — и одновременно открытость, почти детская доверчивость. В других условиях, при других обстоятельствах этот человек мог бы... мог бы достичь величия. Неудивительно, если он сам ощущает в себе это — все

эти загубленные возможности,— неудивительно, что он так полон горечи!

— С чего мы начнем поиски убийцы?

Она спросила нарочито резко, злясь сама на себя за неуместные размышления. Утро — время решительных действий. Мечты и романтическую грусть следует приберечь для ночи! Грациан улыбнулся одними глазами, так что у Паломы вновь возникло неприятное ощущение, что он читает в ней, как в раскрытой книге, и отозвался в тон ей, по-деловому сухо:

— Я для того и решил поговорить именно здесь, в саду. Дворец относительно безопасен — и все же тут надежнее. Для начала я хочу знать все, что известно тебе.

Это было несложно. Скупое, но не упуская важных деталей, скрыв лишь все то, что имело отношение к Вертрауэну, Палома поведала свою короткую историю.

Один немедийский вельможа нанял ее убить своего врага, барона Скавро. Она готовилась сделать это в Бельверусе, но тот неожиданно исчез. Три седмицы ушло на то, чтобы напасть на след — и она отыскала его в Коршене. В мерзкой халупе на улице Горшечников. Что барон делал там и почему скрывался в Коринфии, ей неизвестно...

— Не буду скрывать, я пришла убить его. Но кто-то успел побывать там до меня. Немедиец был мертв, когда я появилась... ну, а остальное тебе известно.— Незаметно для себя, Палома вновь перешла с Грацианом на «ты».

Повинуясь жесту господина, слуги безмолвно принялись убирать со стола остатки трапезы, давая собеседникам время поразмыслить в молчании. Наконец, потягивая разбавленное вино, Месьюр промолвил задумчиво:

— Странная история... Стало быть, Скавро приехал сюда не меньше двух седмиц назад, жил тихо, как мышка, в какой-то нищей дыре, как будто прятался...

— Но это ему не помогло. Его убили не враги, а друзья!

— Вот как? — Грациан поднял брови. — И откуда же такие сведения?

Но Палома лишь с улыбкой покачала головой.

— Э, нет... мой дорогой. Теперь твоя очередь выступать в роли сказителя. Будем играть по-честному.

Грациан поморщился. В беспощадном свете дня вид калеки был непригляден — запавшие глаза, бескровные губы, болезненно-бледное, с глубокими залысинами, одутловатое лицо человека, обреченного на вечную неподвижность... Но сейчас Палома читала на нем и иные, давние отметины. Следы былых пороков, пресыщенность, изощренное коварство. Ей подумалось, что было бы неплохо узнать побольше о его предках — тех, что правили Коршеном прежде. Их нравы могли бы многое поведать о человеке, с которым столкнула ее судьба.

В любом случае, опасно было бы недооценивать Грациана.

Ум, хитрость, жестокость — всем этим он обладал сверх меры. И то, что она невольно прониклась к нему уважением и симпатией, делало вельможу еще более опасным.

Такой, как он, не задумываясь воткнет нож между ребер, при самом нежном объятии — если только решит, что это может принести ему хоть малейшую выгоду.

Будет ли он честен с ней? У Паломы на этот счет не было ни малейших иллюзий.

И все же он заговорил:

— Ты права. Будем играть в открытую. Я и не надеялся, что ты с первого раза выложишь мне все карты. — В голосе его звучало одобрение. Еще бы! Он и не мыслил, что люди могут поступать иначе! — Итак, вот что известно мне. Видишь ли, мне нравится, насколько возможно, быть в курсе того, что творится в моем городе. Когда-то это имело вполне объяснимый практический смысл, теперь стало лишь... привычкой. Как бы то ни было, мне докладывают обо всех приметных чужаках в городе, обо всех странностях и тайных делишках. Скавро давно привлек мое внимание. Он не в первый раз в Коршене. Впервые мои люди засекли его, когда немедиец стал уж слишком пристально интересоваться Черными Жрецами. Есть тут у нас такая секта чернокнижников... Безумцы, в основном, безобидные, как младенцы. Мы не трогаем их нарочно, они подобны свече, которая привлекает мошкарю. Куда опаснее, если вся эта некромантская мразь расплзется по углам, откуда их не достать.

— А так вы следите и за ними, и за всеми новичками, падкими на эти фокусы...

Грациан кивнул.

— Именно. Так мы и вышли на Скавро. Поначалу он меня не слишком заинтересовал. Даже когда я случайно выяснил, кто он такой на самом деле. В конце концов, ну хочется богатому бездельнику пощекотать себе нервы в компании магов-недоучек... У вас-то в Немедии с этим строго... Но потом, где-то с полгода назад, появились первые странности. Он стал искать выходы на моих сводных братьев.

— Не на тебя?

— Нет.— Собеседник Паломы покачал головой.— Тогда я уже... ни для кого не представлял интереса. А мои братья, доложу, это отдельная история. Особенно старший. Антиос — настоятель главного храма Митры в Коршене.

— Что общего у чернокнижника с митрианцем? — Палома была поражена.

— Этот вопрос задал и я себе. И не нашел ответа. Впрочем, Скавро встречался и со вторым, Пронтием.

— А он что из себя представляет?

— Ничтожество! — Грациан презрительно фыркнул.— Верная тень достославного графа Лаварро, мечтает лишь об одном — так поразить папеньку своей преданностью и рвением, чтобы тот наконец решил вопрос с наследованием в его пользу. Других целей и желаний в жизни у него нет. Подозреваю, если когда-нибудь мечта его все же исполнится, и он станет новым графом Кор-

шенским, то будет здорово разочарован, ибо понятия не имеет, что же ему делать с этой властью. Все силы давно ушли на то, чтобы покорить собственного отца, ни на что больше его уже не хватит!

Наемница рассмеялась. Исчерпывающий портрет. Многое говорит и о брате Месьора, и о его отчине-графе... и о нем самом.

— А третий ваш брат? — осведомилась она.

— Единственный, до кого Скавро не добрался. Мальца четыре года назад отослали в Аквилонию — с тех пор он ни разу не возвращался в родные пенаты.

— Я его понимаю...— едва слышно прошептала Палома. Судя по всему, замок графа Коршенского был не самым веселым местом... немудрено, что Грациан предпочитает жить здесь, в доме своих предков.

Вельможа ухмыльнулся.

— О, да! Если у мальчишки есть хоть капля мозгов, он не появится здесь еще лет десять. Но впрочем — мы отвлеклись... Итак, Скавро. Я стал подозревать, что немедиец не так прост, как желает казаться. Он шнырял по городу, что-то вынюхивал, встречался с огромным количеством самых разных людей — без всякой видимой цели. Я был в растерянности. Никак не мог уловить логики в том, что он делает. Никакого смысла.

— Неудивительно.— Палома была рада возможности подколоть надменного Месьора. Ведь это было так очевидно! — Хитрый лис, он почуял слежку и решил запутать следы. На каждое

реальное, нужное ему действие приходилось с десятком нелепых и бессмысленных — с единственной целью замутив воду и привести согладате-ев в отчаяние.

Грациан склонил голову, на сей раз не в насмешку, а с неподдельным уважением.

— Увы. Мне понадобилось полгода, чтобы понять то, что тебе стало ясно с первого взгляда. И все равно, до самого конца я так и не сумел выяснить, чего добивался этот ублюдок. А ведь явно было что-то важное! Такой человек как он, далеко не последний в Бельверусе, не стал бы тратить время впустую, шляясь по коршенским притонам.

— А, вот оно что! — Наемница хлопнула ладонью по столу, да так, что жалобно зазвенели хрустальные бокалы. — Значит, теперь ты вознамерился размотать ниточку с другого конца. Узнать, кто и за что его убил... и тогда станет ясно, что этот демонов выродок все-таки затевал в вашем благословенном Коршене! Я права?

— Совершенно, моя госпожа. Твой разум так же остер, как твой меч — и ранит, как твоя красота.

— О... — Палома была поражена. — Кажется, я слышу комплимент. До чего же мы так вскорости дойдем?

Она тут же пожалела о своих шутливых словах, заметив, как исказилось при этом лицо калеки. Впрочем, Грациан тут же взял себя в руки.

— Ты все поняла верно. Именно этого я и хочу. Особенно теперь — когда ты заявила, что его

убил кто-то из дружков. Я боялся, это мог быть случайный грабитель...

— Нет. Во-первых, у него было нечего красть.

— Ну, этого ты не можешь знать наверняка...

— Точно. Но есть и еще кое-что. Он сидел, когда его убили. Терция вошла в мозг глубоко, пробила затылок. На спинке кресла были следы крови. Значит, он не встал перед убийцей. Незнакомца он бы встретил на ногах. И кроме того — они пили вместе.

— Правда? Стражники бокалов не обнаружили.

— Я тоже. Но перед ним был сундук. Крышка служила столом. И на ней было два свежих отпечатка. Разной величины — то есть от двух разных кружек. Полагаю, убийца забрал их с собой, чтобы выбросить, или просто спрятал где-то в доме.

— Свежие отпечатки, говоришь? — Острый ум вельможи тут же вычленил главное.

— Да. Впрочем, и лампа еще горела, когда я вошла. Так что убили его совсем незадолго до моего прихода. Подумать только — еще немного, и я бы столкнулась с убийцей!

Месьор засмеялся. Но тут же вновь посерьезнел и хмуро взглянул на наемницу.

— Блестяще. Но теперь я знаю, что поторопился тебя хвалить, женщина. Ты ведь скрываешь еще кое-что, не так ли?

Палома пожала плечами.

— Да. И еще кое-что. И нечто сверх этого. Как и ты, мой господин. Но давай поговорим о дру-

гом. Вчера ты говорил, что хочешь отомстить тому, кто изувечил тебя. Мне хотелось бы знать, о ком идет речь. Ты готов назвать его имя?

— Все не так просто. Я не знаю, кто этот человек. Иначе он давно уже не осквернял бы землю своим присутствием.— Хищная гримаса искажила его черты.— Но пока я не готов поведать о своих догадках. Да и на данной стадии это едва ли тебе поможет.

— Особенно если это сам граф Лаварро? — Палома кинула пробный шар, рассчитывая на реакцию собеседника. Но была разочарована. Грациан лишь покачал головой.

— Это было бы слишком просто. Графу ни к чему калечить меня. Достаточно просто избрать наследником кого-то другого.

— Но ведь он мог опасаться, что ты не пожелаешь ждать его решения. У тебя есть права на власть. Ты мог устроить небольшой заговор, и...

Собственно, кто говорит, что это не так. Насколько она успела изучить Месьора, Палома скорее удивилась бы, если бы ничего подобного в действительности не было.

Вместо ответа, Грациан доверху наполнил свой бокал и приподнял, показывая, что пьет за здоровье гостей — а затем осушил до дна. Мол, понимай, как хочешь. Однако вслух произнес лишь:

— Это не он. Не его стиль. Лаварро скорее вызвал бы меня на поединок, в лучших традициях благородных воителей прошлого. Но, повторяю, сейчас это не имеет значения. Тебе надлежит для

начала отыскать убийцу Скавро. Эти два дела никак не связаны между собой

Возможно. А возможно и нет — Паломе с трудом верилось, чтобы коринфиец заинтересовался убитым бароном просто так, ни с того, ни с сего. Однако она не стала возражать. Месьор Грациан являл собой загадку не меньшую, нежели покойный немедиец. И в общении с ним требовалась осторожность, как при ловле ядовитых змей.

— Я почти не знаю города,— молвила она в задумчивости.— Что я сумею тут обнаружить такого, чего не могут твои друзья и осведомители?

Калека в задумчивости барабанил по столу пальцами. Сегодня, заметила девушка, перстни были другими, чем накануне. Похоже, Месьор отнюдь не стеснен в средствах...

Когда он заговорил, она не сразу поняла, к чему он клонит:

— У каждого из нас — свои ограничения. У тебя свои. У меня... ты видишь... Но слабость, если ее осознать, можно обратить в силу. Это нас закаляет. Я буду рад посмотреть, как ты справишься с этой задачей!

И вновь у наемницы возникло неприятное ощущение, что она — лишь пешка в затейной кем-то игре, что ее испытывают на прочность, оценивают... Но для чего? Если этот человек видит в ней лишь инструмент для достижения своих тайных планов — что она может с этим поделать? И стоит ли этому противиться?

Да, стоит, в любом случае,— твердо сказала она себе. Если Грациан обманывает ее — он за-

платит за это. Ибо никому не позволено использовать ее против воли. Она может присягнуть на верность, может во имя дружбы и данного слова пожертвовать всем... но не вслепую! Не безвольным орудием в чьих-то руках! Таким она не будет никогда. И горе тому, кто посягнет на ее свободу!

Однако Палома постаралась ничем не выдать охватившей ее ярости. Терпение. Терпение. У нее впереди целая луна...

— Итак, с чего ты начнешь,— нетерпеливо подтолкнул ее хозяин Дворца.

Палома потеряла прядь белоснежных волос.

— Напишу несколько писем, если позволишь. И — нужно послать кого-нибудь выяснить, вышел ли на волю человек по имени Гарбо.

— Гарбо! — Вельможа был поражен. — Откуда ты его знаешь. И что, во имя Митры, этот паршивец делает в тюрьме?!

Палома торжествовала. Пусть и маленькая, но это была ее победа.

— Предоставляю тебе выяснить это самому. Что до меня, я бы хотела увидеться с ним. Тайно, разумеется.

— Слушаю и повинуюсь. Что-нибудь еще?

— Хм, пожалуй. Там, в подземелье, томится еще одна невинная душа. Его имя Эрверд Четыре Руки. Он будет полезнее нам здесь, на свободе.

Грациан нахмурился.

— Боюсь, ты переоцениваешь мои возможности.

— Отнюдь,— сладко улыбнулась ему Палома. — Как ты изволил выразиться, я буду рада посмотреть, как ты справишься с этой задачей...

Он молча проглотил пилюлю.

— Я велю, чтобы тебе дали чернила и пергамент. Сюда?

— Да, пожалуй. Мне нравится этот сад.

По знаку Грациана, из-за кустов вынырнули два давешних карлика. Интересно, что они слышали из их разговора? И можно ли им доверять? Однако наемница вновь предпочла держать свои сомнения при себе.

— Увидимся за ужином,— бросил вельможа на прощание.

Палома неопределенно махнула рукой. Общество месьора Грациан хорошо лишь в строго отмеренных дозах. Сейчас ей хотелось чего-то... попроще.

* * *

Палома не могла знать наверняка, какое влияние имел на судейских ее любезный хозяин; внешне, с тем же Агиери Грациан явно был на ножках... но наемница не сомневалась, что за право взять ее под свою опеку Месьор расплатился сполна, будь то золотом или чем еще,— и подношение было принято. Лишним подтверждением возможностей калеки стало появление Конана, который, точно сторожевая башня вырос над ней спустя часа два, после того как она рассталась с Грацианом.

— Месьор велел кое-что передать тебе...

Палома отложила в сторону перо, следя, чтобы капли чернил не попали на наполовину исписанный пергамент.

— Говори.

— Вот его слова: «Иди в сад и скажи женщине, что Четыре Руки — завтра в полдень. Второй — сегодня, восьмой колокол, Меттерианор проводит». Это все.

— Кто такой Метте...

Конан ухмыльнулся.

— Меттерианор. Советую запомнить. Это первый карлик Месьора.

— Божественно! — Палома не могла скрыть восхищения. — А у второго имя, видно, длинной отсюда — и до Северных Ворот?

— Еще длиннее! — Улыбка не сходила с лица северянина. Похоже, он был рад случаю поболтать с хорошенькой женщиной. — Не отвлекаю ли я тебя от дел?

— Ничего, дела подождут. Да ты садись, чего встал столбом. — Палома показала стражнику на низкий трехногий табурет, который слуги принесли сюда чуть раньше, вместе с принадлежностями для письма... похоже, некто был уверен, что гостье захочется поболтать. — Вина?

— Не могу, на службе. — Конан сокрушенно развел руками.

Да, поразила Палома. Удивительно строгие порядки царят во Дворце...

— Боишься, что промажешь, если я кинусь наутек? — Она оценивающе смерила его взглядом.

Северянин мотнул головой.

— Никаких шансов. Не промахнусь. И кроме того, там еще двое — на выходе из сада.

Раз говорит «двое», значит, не меньше четверых. Впрочем, она ведь не собирается бежать, правда?

Черноволосый страж, в свою очередь, тоже не спускал глаз с женщины. И, с тревогой отметила про себя Палома, смотрел на нее, скорее, как на соперника перед боем. В обычное время она была бы этому только рада: ничто не вызывало у нее большей ненависти, чем самцы, видящие в ней лишь поживу своей похоти... Но здесь, во Дворце, все было слишком запутано, слишком опасно. Ей не помешал бы хоть один человек, который, для разнообразия, видел бы в ней слабую женщину, нуждающуюся в помощи и защите, а не дикого зверя, за которым нужен глаз да глаз.

— Ладно, мир, — предложила она первой и подняла руки. Мгновение поколебавшись, Конан ответил на жест, коснувшись ее ладоней своими. — Да что ты так косишься на меня, я не кусаюсь! Светлое Небо, хотела бы я знать, что вам такого обо мне наговорили?!

— Что твой язык ядовитый, как у змеи, что ты красива, как тигрица в дарфарских джунглях, и в запасе у тебя больше трюков, чем у балаганщика на Летней ярмарке, — без тени улыбки ответил северянин. — И что тому, кто тебя упустит, сохранят жизнь. Но не пощадят никого из родичей, до пятого колена, включая младенцев и женщин. Ко мне это не относится, я здесь

единственный наемник, и у меня нет семьи, однако для остальных это... имеет значение.

Ну что ж, вполне в стиле Грациана. Палом поджала губы.

— Можешь успокоить своих приятелей. Я не собираюсь бежать.

— Он говорил, что ты так и скажешь...

— Бр-р! Зачем тогда мне, вообще, открывать рот? Если ваш драгоценный Месьор уже все за меня решил?!

Над этим вопросом северянин какое-то время поразмыслил, прежде чем ответить совершенно серьезно:

— У тебя красивый голос, мне нравится тебя слушать. Так что продолжай...

— Будьте вы все неладны!— Палома положила начинала задыхаться. О, сколько бы она сейчас отдала за простую компанию в какой-нибудь таверне, с незамысловатыми шуточками и пустой болтовней, где в каждом слове не таится нож.— Ну почему в вашем Дворце даже стражник не может быть простым, своим парнем, без всех этих хитростей и подначек?! Откуда столько умников на мою голову! И кстати — насчет Ринги...

Черноволосый ухмыльнулся.

— Она прислала письмо с гонцом, дней пять назад. Очень короткое. Только твое имя, приметы — и что тебе может понадобиться помощь. Я гадал, как тебя отыскать... но тут ты нашлась сама.

— Но откуда ты ее знаешь? Ты тоже...

— Нет, к вашей службе я отношения не имею. Просто... случайно познакомились года два назад.— Он явно не желал распространяться на эту тему.— Не знаю даже, как она выяснила, где меня искать. Впрочем, от этой проныры можно ожидать чего угодно...

— А Месьор в курсе?

Конан кивнул.

Кто бы сомневался... И это многое объясняет!

Ладно, оставим пока эту тему, решила Палом. Кто знает, как многое ему, действительно, известно о делах немедийской тайной службы. Кстати, интересно, было ли у Ринги что-нибудь с этим красавцем-варваром? В отличие от подружки, Палом не слишком интересовалась мужчинами, однако была и не настолько слепа, чтобы не заметить, насколько привлекателен синеглазый киммериец. Готова поставить жалование за полгода, Ринге он разбил сердечко!..

Словно прочитав ее мысли, северянин улыбнулся:

— Как она поживает? И Мораддин?..

— У Ринги все хорошо. А никакого Мораддина я не знаю.

— Ну как же?! — он был искренне удивлен.— Невысокий такой крепыш, мозгов хватит на десятерых, и язык острый, как жало...

Под это определение подходили слишком многие, однако человека с таким именем Палом не знала, что еще раз и повторила своему собеседнику. Впрочем, ее отношения с немедийской тайной службой были весьма специфичны: кроме

Ринги она не общалась ни с кем, и все задания получала от нее лично. Так что в этом не было ничего удивительного.

— А что ты делаешь для них? — поинтересовался Конан.

Паломна задумалась. Все, что она скажет сейчас, станет известно Грациану. Как многое она может рискнуть открыть ему? Хотя, если уж он знает, что в Коршене она готовилась исполнить роль наемного убийцы...

— Все, что придется, — наконец пожала плечами наемница. — За что лучше платят...

— Правильный подход. — Варвар одобрительно кивнул. — Хотя не думаю, что с тобой все так просто.

— Ни с кем не просто... — Она усмехнулась. У северянина, несмотря на грубоватую внешность и манеры, был острый взгляд, и в глазах светился ясный, живой ум. Молод, но далеко пойдет, сказала она себе. И в свою очередь поинтересовалась:

— Ты говорил, что кроме тебя на службе у Месьора нет других наемников. А кто же тогда остальные? И — кто ты такой?

— Вольный бродяга. Наемник, вроде тебя. Я родом из Киммерии, но давно уже мотаюсь по свету. Что же касается тех, кто служит Грациану... Их отцы и деды служили правителям Коршена. Все они с рождения получали то же воспитание, что и дети правителя. Логика, риторика, поэтика... Ну, и боевые искусства, конечно. Славные парни — увидишь, когда познакомишь-

ся с ними поближе! Преданность у них в крови — потому их и зовут кровниками.

— Хм... — Наемница попыталась представить себе эту систему — отважных бойцов, привязанных к своему господину с рождения. Умных, верных, не мыслящих для себя иной жизни, кроме службы графам Коршенским... — Занятно тут у них все устроено.

— Было устроено. Раньше.

— До... графа Лаварро?

Стражник кивнул.

— А в чем соль истории? Как он, вообще, пришел к власти?

— Обыкновенно. — По сдержанному тону Конана было видно, что эта тема не доставляет ему особого удовольствия. И все же говорить он не отказывался. Как видно, Грациан решил, что ей следует это узнать. — Был Маргелий, старый граф, бездетный. Паллий, сын его младшего брата был объявлен наследником. А Лаварро женился на Паллие, единоутробной сестре, которая стала матерью Месьора. Выскочка-аргосец, совершеннейший никто. Не будь она в тягости, никогда бы ему не получить ее руку. А так... В Коринфии внебрачный ребенок считается для женщины наихудшим позором. Даже при всех деньгах и положении графа, ему не удалось бы сбывать ее с рук. Тем паче, ходили слухи насчет того, кто мог быть...

— Отцом ребенка?

— Да. Но об этом я не стану говорить. К чему порочить мертвецов!

К тому же, какое значение могли иметь дела сорокалетней давности? Палома и без того уже могла предсказать, что было дальше.

— Трагический несчастный случай, да? Погибли все, кроме Лаварро, его супруги и младенца Месьора? Он стал при ней регентом, затем она отреклась от власти в его пользу. Так?

— Все верно.— Конан задумчиво уставился на проплывающие в вышине облака.— Только в ту пору Месьор еще не родился — так скоро все случилось. Иначе уже он был бы объявлен наследником, и отречение Паллии никому бы ничего не дало...

— Ты ведь не так давно у него на службе — но, похоже, многое успел узнать.— Про себя она отметила, с какой симпатией Конан говорит о Грациане, и это невольно повысило ее уважение к Месьору. Насколько она знала людей типа этого киммерийца, они не дарили свою преданность кому попало.

— Я любопытен.— Варвар засмеялся.— А здесь, в Коршене, творятся интересные дела. Узнаешь сама, когда поживешь тут чуть подольше...

Свежий ветерок трепал волосы мужчины и женщины. Аромат жасмина и шиповника приятно щекотал ноздри. Надо будет все же попросить, чтобы прислали портниху, нужны будут платья, не к месту вдруг подумала Палома. Взгляд ее упал на недописанное письмо.

— Что еще хотел Месьор, чтобы я узнала от тебя сегодня?

— Он сказал, ты можешь спросить о расстановке сил в городе.

Наемница качнула головой.

— Нет, об этом я предпочту узнать от других.

— Тогда... это все.— Конан изобразил огорчение.— Он сказал, что едва ли ты пожелаешь испробовать на мне свои женские чары. Я, признаться, все же надеялся на это...

От неожиданности Палома хихикнула, совсем по-девически, и сразу стала выглядеть подростком лет пятнадцати; она и не догадывалась, как хороша в это мгновение... И как любят ее чьи-то глаза из-за зеленой изгороди.

— Никаких шансов.— поддразнила она киммерийца.— Ведь с тобой даже если начать целоваться, ты и то будешь бегать к Месьору за указаниями!

— Ну, еще чего! В этом я и сам соображаю неплохо! — Северянин явно оскорбился.— Хочешь проверить?

— Ни за что,— отчеканила она.

...Как ни странно, расстались они почти приятелями.

* * *

— Клянусь Небом, Меттерианор, если бы твой язык был хоть на четверть таким длинным, как твое имя, ты был бы куда более приятным собеседником!

Но на эту реплику Паломы, равно как и на все предшествующие, в ответ раздалось лишь нечленораздельное бурчание.

— Тебе, должно быть, от зевоты скулы сводит, если вдруг посмотришь в зеркало,— не унималась наемница, которая словно задалась целью за время их прогулки довести своего провожатого до белого каления.— Потому что в нем ты видишь самого скучного человека на свете!

— Не смешно,— неожиданно отозвался карлик. Так он все-таки умеет говорить! От неожиданности Палома даже споткнулась и растянулась бы на мостовой, если бы Меттерианор не подставил ей вовремя руку.— Смотри, куда идешь, женщина!

— Меня зовут Палома, к твоему сведению,— оскорбилась она.— И я, кстати, называю тебя по имени.

— Верно. Только потому я и разговариваю с тобой. Все прочие самки норовят обозвать меня Метти или малышом...

Самки, ну надо же!.. У Паломы готов был сорваться с языка резкий ответ, и все же она сдержалась. Этот человечек мог быть очень опасным врагом — у нее были причины так полагать. И кроме того, кто она такая, чтобы судить несчастного уродца? Стоит лишь представить себе его жизнь: наверняка, у него имелась масса причин ненавидеть окружающих.

...Как и было обещано, Меттерианор явился за ней ближе к восьмому колоколу, когда уже совсем стемнело, чтобы проводить на встречу с Гарбо. Наемница не стала спрашивать, куда они идут. И без того ясно было, что в какой-нибудь воровской притон.

Неузнаваемая в своем мужском платье, с волосами, спрятанными под капюшон плаща, она чувствовала себя на улицах города совершенно спокойно. Конан даже выделил ей короткий меч и пару метательных кинжалов — поразительное доверие со стороны Месьора! Впрочем, она не сомневалась, что за ними следят его люди, которым дан приказ не спускать глаз с пленницы. До пятого колена, включая женщин и младенцев...— она хорошо помнила слова северянина. Так что мысль о побеге хоть и мелькала порой, но скорее так, по привычке, не всерьез.

Однако, благодаря своему спутнику, у нее не было никаких шансов остаться незамеченной, если кому-то еще вздумалось бы проследить за ними. Карлик с тем же успехом мог нести штандарт своего хозяина... Что это, небрежность с его стороны, или расчет? В первое Палома не верила. Грациан не допускал небрежностей. Но зачем ему нужно, чтобы в городе знали о том, что кто-то из его людей встречается с одним из коршенских «черных баронов»? Не удержавшись, она спросила об этом Меттерианора.

— Не имеет значения, там, куда мы идем,— загадочно отрезал тот.— Тебе — опаснее. Спрячь волосы!

Рука ее послушно дернулась заправить выбившуюся прядь. Что ж, могло быть только одно место, где женщина привлечет к себе больше внимания, чем карлик-уродец. Она хмыкнула. Будем надеяться, Гарбо не воспримет ее появления там как намек...

— Последний вопрос,— прошептала Палома, когда они с широкой торговой улицы, совершенно вымершей с наступлением ночи, свернули в оживленный квартал, где все двери были откровенно выкрашены красным... что лишний раз подтвердило ее догадки.— Скажи-ка; не случилось ли чего-нибудь важного на коршенском Дне за последнюю, скажем, седмицу?

Карлик подозрительно покосился на нее из-под густых черных бровей.

— Тебе-то что до того?

Ну, с нее было довольно дерзостей!

— Отвечай на вопрос! — прошипела наемница. И человечек ощутимо дернулся — почувствовал, как незащищенную шею кольнуло острие ножа.— Я была вежлива с тобой, Меттерианор.

— Ладно, ладно, убери...— Он не был испуган. Скорее даже, в голосе звучало уважение.— Был тут небольшой переполох три дня назад. Кто-то поджег дом Тусцеллы, это один из троих Старших в Нижнем Коршене. Но хитрый лис сумел выбраться. А так — немало его народу сгорело живо. Польхнуло сразу — болтают даже, без колдовства не обошлось.

— Хм.— Палома нахмурилась, одновременно отталкивая какую-то чересчур ретивую шлюху, пытавшуюся затянуть «молодых господ поразвлекаться».— Узнали, кто за этим стоял?

Карлик покачал головой.

— Нет. Иначе тут уже такая бойня бы началась... Нам сюда.— Он указал на неприметную дверь с облупившейся алой краской.

— Дешево как-то...— Палома подчеркнуто скриivilась. На самом деле, мозг ее сейчас работал с бешеной скоростью, оценивая то, что сообщил коротышка, и сопоставляя это с уже известными фактами. М-да, бедняга Гарбо...— Неужели у слуг Месьора не хватает денег на бордели побогаче?

Но у Меттерианора уже, как видно, прошел приступ болтливости, он вновь вернулся к обычному бурчанию. Последним его наставлением, прежде чем они переступили порог, было:

— Милалу попросишь.

— А деньги?

— Заплачено...

И постарайся получить удовольствие,— со злой усмешкой сказала сама себе Палома.

* * *

Милала, оказавшаяся толстой шемиткой с потертой физиономией и ничего не выражающим взглядом чуть раскосых глаз, безмолвно повела «клиента» вверх по отчаянно скрипучей лестнице. По крайней мере, ни одна собака не подберется незамеченной, оценила Палома.

Карлик остался в нижнем зале, где гостям предлагали вино и танцевали под бубенный разнорой три костлявые девчухи в странных нарядах, должны, видимо, изображать кхитайских наложниц. Танцовщиц было едва ли не больше, чем зрителей...

Убогое заведение. Ей до сих пор не доводилось бывать в борделях, но почему-то она представляла себе нечто утонченно-порочное, место, где раз-

врат возведен в ранг искусства... Какой ужасный обман!

Задумавшись, она едва не воткнулась носом в жирную спину Милалы.

Остановившись перед дверью, та низко поклонилась:

— Прошу сюда, молодой господин.

— Войди первой, — сухо велела наемница.

Ничему не удивляющаяся шемитка молча повиновалась. И лишь убедившись, что здесь нет никакой ловушки, Палома последовала за ней.

— Распорядиться насчет вина, господин? — спросила шлюха уже с порога: ей явно был дан приказ ни мгновения лишнего не задерживаться в этой комнате.

— Нет, ступай.

Та исчезла мгновенно. Палома выждала, пока проскрипят все пятнадцать — сосчитала! — ступенек лестницы, и окликнула:

— Выйдешь сам, или станем в жмурки играть? Только ведь я искать буду вот этим... — Она подкинула на ладони метательный нож.

Несколько мгновений висело молчание, и девушка уже подумала, что ошиблась...

— Велико было искушение проверить твою меткость — но не стану рисковать. — Гарбо выскользнул из-за полога кровати — единственного предмета мебелировки в крохотной комнатке. — Здравствуй, сестричка.

— Здравствуй и ты, брат.

Они смерили друг друга взглядами — почти как тогда, перед поединком.

— Мне нужна твоя помощь, — коротко произнесла она.

Коринфиец выглядел расстроенным.

— Вот так сразу, с ходу? Никаких тебе братских объятий, поцелуев, ни даже «Гарбо, дорогой, как твои дела»?..

— Целоваться будешь с Милалой. А дела твои мне и без того известны. Поздравить не с чем.

— Это верно. — Гарбо вмиг помрачнел, напускную веселость как рукой сняло. — Какая-то тварь нас продала. Хорошо еще, что эти ублюдки не знали точно, кто их нанял. Иначе...

Палома понимающе кивнула, присаживаясь на краешек широкого ложа. Коринфиец примостился с другой стороны.

— Что ж, значит походишь еще какое-то время третьим. Не все сразу...

Гарбо скривился.

— Умеешь ты утешить, нечего сказать!

— Не взыщи. — У Паломы хватало и своих проблем, сочувствовать вору она не собиралась. Сам виноват — если уж замышляешь расправиться с конкурентом, будь любезен подготовиться как следует. Поджечь дом — это же надо было удумать такое! Более ненадежный план и представить трудно...

— Ладно, зачем звала? — До Гарбо, похоже, дошло, что соболезнаваний от наемницы ему не дожидаться. — Может, выпить хочешь?

— Нет. И тебе не советую. Пить надо, когда победу празднуешь. А неудачу вином заливать — последнее дело!

— Суровая ты...— Однако глаза его неожиданно потеплели. Как ни странно, но жесткость Паломы, похоже, оказала на коринфийца целительное воздействие.— Так что я могу для тебя сделать, сестра?

— То самое, о чем мы с тобой тогда говорили. Помнишь, немедиец с улицы Горшечников по имени Скавро. Якшался, как выяснилось, с огромной толпой народа, странно, что у вас о нем никто не слышал. Мне нужно узнать о нем как можно больше. И самое главное — последние дни. Что он делал, кто к нему ходил. До последних мелочей.

Гарбо задумался.

— Непростое дело. Вот если бы украсть что...

— Это я и без тебя могу.— Палома хмыкнула, вспомнив былые деньки в Заморе.— Но тут дело потоньше. Аккуратно нужно ступать, чтобы воду не взбаламутить. Да, и вот еще что...— В мозгу ее внезапно вспыхнула мысль.— Пусть кто-нибудь обойдет все окрестные лавки. Я хочу знать, что он покупал.

— Зачем?!

Она пожала плечами. Так, интуиция, неоформившаяся догадка.

— Просто сделай, что я тебя прошу, ладно?

Коринфиец ответил не сразу. Бросил на девушку оценивающий взгляд. И наконец вымолвил задумчиво:

— А ведь я не в долгу перед тобой, Оса.

Она поняла намек.

— Знаю. Все будет оплачено. Назовешь сумму.

— Это само собой. Но я о другом.

Палома мгновенно ощерилась.

— О чем же? Ты ведь не так глуп, чтобы надеяться, что я расплачусь собой!

— Это худшее, что я слышал за свою жизнь! О, бессердечная!..— Черный барон заломил руки, вскинул брови с выражением самого непритворного горя — но тут же сменил тон.— Нет, если серьезно, ты восхитительная женщина, и меня больно ранит твое равнодушие к моим мужским достоинствам... Однако я хочу, чтобы ты расплатилась чем-то куда более ценным, чем твое роскошное тело...

— И что же это такое? — Палома была сбита с толку.

— Твои мозги.

— Ты...— Она не смогла сдержать смеха.— Ты хочешь их вылущить, как горошину из стручка? Съесть на завтрак, в надежде, что поумнееешь. Не поможет, дорогой, мне жаль тебя огорчать!

Гарбо засмеялся тоже.

— Ты безжалостна. И умна. Ты ведь уже поняла, что мне нужно, правда?

О, да.

— Мне бы не хотелось встречать в ваши дрязги...

— Но ты уже сделала это.

Верно, в тот самый миг, когда побраталась с этим волком. Когда решила обратиться к нему за помощью. Он наложил на нее долг чести — и Палома уже не могла отступить. Он поймал ее в ловушку.

— Ладно. Помоги мне с моим делом. Потом — я подумаю, что нам предпринять с твоим. Все равно нужно время, чтобы Тусцелла успокоился. Первое время после покушения они все будут слишком настороже.

Темные глаза коринфийца расширились, когда он понял, что ей известно даже имя его врага.

— Воистину, ты — дар богов, Палома,— пробормотал он в восхищении.

Наемница усмехнулась.

— Дары богов опасны для смертных, брат. Будь осторожен.

— Я всегда осторожен... — Он задумался, что-то прикидывая про себя. — Не ищи меня больше. Я найду способ тебя известить, как только узнаю что смогу про твоего немедийца.

— Тогда — до встречи. И да пребудет с тобой удача. — Она поднялась, поправляя волосы, и направилась к двери.

— Удачи и тебе, сестра...

* * *

Как и обещал Грациан, на следующий день Палому ждала еще одна встреча.

После всех этих проныр-коринфийцев, слишком умных для собственного блага, Эрверд Четыре Руки показался Паломе истинным благословением. Его радость при встрече была незатейлива и искренна, как глоток родниковой воды, а когда он поклялся наемнице, что в благодарность за подаренную свободу готов сделать для нее все, что угодно — то он имел в виду ровно то, что

сказал, не больше и не меньше, без уже опротивевших ей двойных смыслов, намеков и торговли. Помилуй Небо, а ведь когда-то туранцы казались ей самым хитрым и лукавым народом на свете. Да один коринфиец на медный сикль купит десяток туранцев, и еще сдача останется!

Больше всего ей хотелось бы провести с заморийцем день-другой, пошататься по городу, как в старые добрые времена — по Асгалуну, навесить пару кабаков, пометать ножи на спор, может быть, заглянуть в оружейную лавку, прицелиться к лошадям на ярмарке... в общем, насладиться всеми этими простыми радостями, которые так давно сделались ей недоступны. Увы. Увы. Во славу прошлых деньков они откупорили в саду кувшин розового коринфийского из запасов Месьора, но доброй пирушки не получилось, Эрверд начал было орать какую-то непристойную песню, но осекся на втором же куплете, пожал плечами. Середина дня, да еще дорога впереди — какое уж тут веселье?..

Провожая его на конюшню, Палома клятвенно пообещала приятелю, что по его возвращению они все же устроят кутеж, да такой, что в Коршене еще три года будут чесать языки... Звучало фальшиво. Она могла лишь надеяться, что Эрверд, простая душа, не расслышит.

Он тревожился за нее. Единственный из всех, пожалуй.

— Может, сказать этой твоей Ринге, во что ты тут влипла? Пусть поможет, отпишет сюда в Коршен, что ли?

Но Палома настрого запретила ему делать это. Во-первых, вмешательство бельверусских властей ничего не даст, для коринфийских судей их слово весит меньше пушинки. Во-вторых, Ринге хватит и без того забот, со всем тем, что она сообщает про Скавро.

— Ты, главное, постарайся обернуться поскорее. И поосторожнее там, в пути... Через десять дней буду ждать тебя обратно!

Сноровисто седлая жеребца из конюшни Месьора, которого хозяин утром любезно согласился выделить гонцу, Эрверд сосредоточенно кивнул.

Дороги на западе последние годы не отличались надежностью. Бандиты нападали стремительно, убивали, грабили, жгли... и исчезали, растворяясь в горах и лесах, точно дикие призраки, порожденные самой Ночью.

Спасения от них не было. Ни коринфийские, ни немедийские власти не желали оголять границы, посылая отряды для охраны дорог. Преступная глупость, по мнению Паломы — но кто спрашивал ее мнение?!

Вместе с Эрвердом, ведя на поводу жеребца, она прошла до ворот, запиравших огороженный внутренний двор-сад и многочисленные пристройки.

Эта задняя часть Дворца, включавшая также два боковых крыла, и служила, собственно, жилищем Месьору... все, что осталось ему от владений предков. Передняя — самая роскошная и парадная часть, где разместилась тюрьма, — при-

надлежала ныне городу... и Паломе уже довелось повидать, во что ее превратили.

Интересно, что должен чувствовать калека, ежедневно созерцающий это располовиненное здание, намеренно изуродованное, испохабленное, словно в насмешку над его предками и над ним самим?

Хорошо хоть, у Месьора хватало денег, чтобы оставшуюся часть поддерживать в относительном порядке... да и то следы запустения исподволь виднелись повсюду, точно зловредная плесень, от которой нет спасения в сырость.

...На глазах у подозрительно косящегося на странную парочку стража, Палома обняла своего гонца, в последний раз повторяя ему все наставления. Тот, зараженный, как видно, ее нервозностью, не нашел в себе даже сил для прощальной шутки, и только махнул рукой.

— Ты это, Оса... поосторожней тут. Я послушал, чего ребята болтали, там, в камере... Змеиное гнездо, одним словом. Поосторожней!..

Наемница сосредоточенно кивнула.

— Возвращайся поскорее!

Она не стала лишний раз напоминать заморийцу, как многое для нее будет зависеть от его благополучного возвращения и от тех вестей, что он привезет. Именно поэтому она не решилась довериться никому из слуг Месьора, хотя тот настойчиво предлагал своих гонцов. Нет уж. Она верит только своим!

Дождавшись, пока стук копыт по мостовой затихнет в отдалении, Палома развернулась и, не

глядя по сторонам, направилась обратно. На душе было скверно, дурные предчувствия грызли сердце, точно мыши — сухую корку... но, хвала Небу, в саду еще, кажется, оставалась початая бутылъ вина...

Глава пятая

Город воров! Немедленно оставь мой кувшин в покое! Где тебя учили приличиям, парень? Лукавые голубые глаза воззрились на девушку поверх глиняной кружки, по самый ободок наполненной отборным розовым вином... *тем самым розовым!*

— Твое здоровье, прекраснейшая! — Человек в потрепанной малиновой тунике, нахально развалившийся за ее столом, единым глотком осушил кружку. — Вот видишь, и бедным скульпторам не чужды хорошие манеры...

А, то-то лицо показалась ей знакомым. Месьор не счел нужным их представить друг другу, но она видела этого хорька в саду, сосредоточенно уродующего какую-то мраморную глыбу.

— Я сказала, оставь кувшин в покое, — хмуро велела ему наемница, заметив, что голубоглазый вновь потянулся за вином, и, подумав немного, вылила остатки во вторую кружку. Пить ей не

хотелось — но не оставлять же ему! — Что тебе от меня нужно?

Как она и надеялась, резкий тон оскорбил хорька. Тот обиженно вздернул брови.

— Твоим самомнением можно на ночь укрываться! Это ты ко мне пришла, а не я к тебе. Я-то просто наслаждался прекрасным днем, потягивал вино...

— Которое не тебе принесли.

— И что с того? У кувшина на пустом столе нет хозяина, разве не знаешь? Первая заповедь...

Типаж был ясен. Гуляка и пьяница, любитель покутить за чужой счет — но при этом далеко не глуп. Паломе немало таких встречалось на жизненном пути. Рано или поздно собственное разгильдяйство и ни на чем не основанная самоуверенность доводили их до беды, и сердобольным друзьям, проклиная все на свете, приходилось за уши вытаскивать «героев» из очередного дерьма. А те, едва отряхнувшись, как жизнерадостные щенки, бодро устремлялись вперед по жизни, свято уповая на то, что и в следующий раз беда их непременно минует...

Но у каждого кувшина рано или поздно находит хозяин.

Почувствовав напряжение, скульптор смущенно шмыгнул носом.

— Знаешь, я терпеть не могу, когда на меня кто-то сердится. Это отравляет мне настроение. Давай начнем сначала, не возражаешь? Может со второго захода у нас лучше получится?.. — Он встал, держась за столешницу (сказывалось выпи-

тое под жарким солнцем вино), церемонно поклонился. — Мое имя — Тальер Камнерез, любезная госпожа. Всегда к твоим услугам. Скульптуры, идолы для святилищ и домашних молелен, камеи, надгробия...

— Вот-вот, особенно последнее!

— Ничего забавного не вижу — для женщины, которой жить-то, возможно, осталось не больше одной луны. Самое время позаботиться о надгробии, не находишь? Или у тебя совсем нет денег?

Последнее предположение привело скульптора в отчаяние. Комично округлив глаза, он уставился на наемницу. Та несколько мгновений колебалась, не перерезать ли маленькому ублюдку горло, но...

Палома усиленно пыталась сохранить серьезность — и все же ей это не удалось. Она расхохоталась, с наслаждением ощущая, как отлетает прочь тяжесть этого дня и смурная завеса развевается в дым.

— Хорошо, — послышался голос у нее за спиной. — Месьор сказал, если тарантиец до сих пор жив и здоров, то госпожа Удача явно на его стороне. За это стоит выпить!

Приветственно хлопнув скульптора по плечу, над ними навис Конан. Палома чуть отодвинулась, чтобы взглянуть на него снизу вверх. На стол северянин осторожно опустил пузатый глиняный кувшин.

Затем стражник махнул рукой, все так же не дожидаясь приглашения, и темнокожий раб вы-

скользнул из-за зеленой изгороди, торжественно волоча третье кресло. За ним показался еще один — с подносом, где высилась гора спелых фруктов, какие-то легкие закуски и серебряные кубки.

Палома с подозрением оглядела все это величание.

— По какому поводу пир?

Тальер, не мучаясь излишними сомнениями, с жадностью накинулся на еду, повелительным жестом ткнув в свой бокал, который тут же был наполнен до краев.

— Разве для этого нужен повод? Радуйся жизни, пока можешь, таков мой девиз!

— Отлично сказано, — поддержал его Конан, выжидательно косясь на Палому. Та пожала плечами и крохотным серебряным ножиком аккуратно принялась нарезать на дольки яблоко.

— Сколько всего стражников на службе у Месьора?

Этот неожиданный вопрос явно застал северянина врасплох.

— Восемнадцать, — ответил он наконец.

— Тогда, во имя Неба, почему я все время вижу тебя одного?

Скульптор захохотал.

— Вот, медведь, уела она тебя! А ты-то считал себя неотразимым... Ну, скажи честно?

В глазах киммерийца мелькнула тень досады.

— Уж не чета тебе, комар! Вспомни, кто в «Серебряной луне» получил подносом по голове от танцовщицы?

Тальер замахал руками, обвиняя приятеля в подлых интригах и покушении на его славное имя, на что Конан тут же поспешил с новыми подробностями давней истории... Палома со все возрастающим недоумением следила за этой перепалкой. Что общего может быть у проныры-камнереза с воином-северянином? В их дружеской болтовне не чувствовалось притворства, хотя ее по-прежнему не оставляло подозрение, что вся эта сцена затеяна специально для нее. Но с какой целью? Или просто Коршен со своими постоянными заговорами потихоньку сводит ее с ума?

Наконец, словно лишь сейчас вспомнив о присутствии девушки, стражник обернулся к ней.

— Кстати, Месьор распорядился насчет швеи. Она будет ждать в твоих покоях до вечера.

Отлично. Скромный дорожный гардероб, который был у нее с собой, явно не подходил для Дворца, так что Палома оценила заботу своего гостеприимного хозяина. Знать бы еще, что стоит за этой щедростью...

— Как я смогу отблагодарить Месьора за заботу?

— О! — Маленький скульптор поспешил наполнить ее кубок. — Наш господин щедр с теми, кто исполняет его волю. Он дал мне приют и возможность творить, когда злодейкой-судьбой я был низвергнут на самое дно... доброта его, воистину, не знает границ. Хотя, видит Митра, порой он расточает ее на недостойных!

— Ты — жалкий завистник, Тальер, — засмеялся Конан, заговорнически улыбаясь Паломе. —

Ему, видите ли, хочется быть единственным... Но, Кром свидетель, Ниано не так уж плох, что бы ты ни говорил о нем!

— Ниано? Кто это?

— Пф-фу! — Подвижная мордочка скульптора изобразила высшую степень презрения. — Как я могу завидовать этому жалкому подмастерью? Его мозаики — это же сущее недоразумение. Если бы ты, неотесанный деревенщина, хоть раз побывал в тарантийском храме Тысячи Лучей, или хотя бы в Бельверусе, в святилище Меча Митры... Да ты бы лишний раз и не взглянул на его жалкие потуги!

— Не знаю, по-моему, он неплохой парень. — Конан пожал широченными плечами. — Ну, а Силенций-то тебе чем не угодил?

— Этот осипший петух?! — Маленький скульптор так и взвился на месте, едва не опрокинув кувшин. — Да он трех нот подряд не возьмет, чтобы четыре раза не сфальшивить!

— Имир и ледяные демоны! — Северянин закатил глаза. — И это люди искусства! Готовы глотки друг дружке перегрызть — и все ради чего? Чтобы доказать, кто из них лучше понимает прекрасное... У нас, у воинов, с этим, по крайней мере, проще. — Он подмигнул Паломе.

— Определенно, — согласилась она. — А что, те парни и впрямь так плохи?

— Шутишь! Этот комар просто ревнует. Насчет мозаиста не скажу, для меня их картинки — темный лес. Зато от женщин нет отбоя, так и вешаются на него.

— А музыкант?

— Слишком богат, — вынес Конан приговор. — Это, как ты сама понимаешь, еще больший грех. Она понимающе кивнула.

— Разумеется. Художник должен быть нищ и уродлив. Так они говорят. Но при этом имеют в виду всех остальных — кроме себя, конечно же!

Камнерез нахохлился, со злостью уродуя ножом яблоко. Неожиданно, приглядевшись, Палома заметила, что на очищенной стороне плода проступили знакомые черты. Ого! Конан — как живой, только в совершенно карикатурном, гротескном виде, но похож... до чего же похож!

— Помилосердствуйте, о мастер! — взмолилась она, заведя, что Тальер потянулся за новым яблоком. — Клянусь, я больше и слова не скажу против вашего искусства!

— То-то же! — Он удовлетворенно погрозил ей пальцем, вручая первый портрет северянину. Тот несколько мгновений смотрел на него, затем решительным движением затолкал в рот и захрумкал, довольный.

— Вот. Судьба всякого шедевра, — горестно констатировал скульптор.

Смеясь, Палома разлила вино по кубкам. Умышленно или нет, но этим двоим удалось отвлечь ее от грустных мыслей, и она была им благодарна. Однако, стоило ей заикнуться об этом, как наемнице пришлось горько пожалеть о своих словах.

— Слова ничего не весят на весах Митры. Только добрые деяния могут склонить чашу, — со

жреческой напыщенностью провозгласил камнерез. — Ты в долгу передо мной, женщина, и настал час расплаты.

Вот как? Чего же, интересно, собрался потребовать этот крысенок?

Однако даже в самых диких снах ей бы не предвиделось такого.

— Я буду ваять с тебя богиню Иштар!

Богиню сладострастия?! С нее? Палома едва удержалась, чтобы не запустить в маленького наглеца кувшином.

— Глупая женщина! — Скульптор был возмущен. — Да ты же будешь прославлена в веках! Это все, что останется от тебя, когда самое имя твое забудет ветер...

— Болтун! — Такие слова рассердили ее не на шутку. — Случится война — и от твоих изваяний останется только пыль. Кто тут смеет говорить о вечности?

— Истинная красота не подвластна стали!

— Болтовня! — Теперь уже рассердился киммериец. — На свете нет ничего, с чем не совладал бы добрый клинок! Впрочем... — синие глаза его внезапно заискрились весельем, — Для некоторых мелких неприятностей вполне хватит и доброго удара кулаком...

— Эй, эй! Я ничего такого не хотел сказать! — испуганно замахал руками скульптор. — Не хочет она быть Иштар — не надо. Я уже передумал! Возьму моделью ту малышку из Шамара, помнишь, Конан, она еще танцевала в «Солнечном Лотосе»...

Палома с деланой обидой поджала губы.

— Как? И не сохранишь мой образ для вечности? А мужчины еще толкуют о женском непостоянстве!.. Ты изменчив, как морской ветер, Тальер Камнерез! Впрочем, чего еще ждать от аквилонца!

— Не горюй, красавица, — поспешил утешить ее стражник. — Пока ты в Коршене, тебе не придется жаловаться на недостаток внимания. Держу пари, едва Силенций увидит тебя, он посвятит тебе не меньше трех баллад и с десятков альб. А Ниано увековечит твой лик в своей лучшей мозаике...

— Буду ждать с нетерпением. Они живут тоже здесь, во Дворце?

— Только мозаист. Но он нелюдим, мы его почти не видим. А рифмоплет — гость самого графа, поет у него на званых вечерах. Рано или поздно ты будешь иметь счастье его услышать.

— Счастье! Ну надо же! Да ей счастьем будет залить уши воском, как и всем нам, впрочем... — Скульптор буквально сочился ядом, а Конан продолжал подначивать приятеля.

Она улыбнулась, краем уха прислушиваясь к перепалке двух друзей, но мысли ее были далеко отсюда. Наемница пыталась понять, не почудилось ли ей, как пару мгновений назад за спиной у северянина кусты дрогнули как-то странно... словно там все это время стоял некто, с интересом прислушивавшийся к беседе. Некто маленького роста, совсем маленького, как, скажем, Меттерианор или его брат, имени которого

Палома до сих пор не могла запомнить. Что, любопытно узнать, вынес карлик из их разговора? И кому отправился пересказать то, что услышал?

Нетерпение внезапно овладело ею, тот самый странный охотничий инстинкт, что пробуждался внезапно, порой толкая наемницу на самые неожиданные поступки. Чутье редко обманывало ее... Она резко поднялась с места.

— Позвольте проститься с вами, месьоры. Меня, кажется, ждет швея. А потом... Конан, не будет ли возражений, если я отправлюсь на небольшую прогулку?

Разумеется, он пожелал знать куда. Палома не видела причин не сказать ему.

— Хочу еще раз наведаться в дом Скавро. Пока хозяин не сдал его комнаты кому-то другому...

Ее верный страж не возражал. Более того, заявил он, Месьор предвидел, что у гостей может возникнуть подобное желание.

У маленького аквилонца вспыхнули глаза.

— В дом убитого?! О, какой восторг, сколько новых впечатлений! Я... я тоже пойду с вами!

— Милосердное Небо! — Палома в изумлении воззрилась на скульптора. — Зачем?

— Я же говорил, он — воплощенное любопытство, — засмеялся Конан. — Но, впрочем, у него верный глаз. А ум почти также остер, как и язык. Возможно, нам стоит потерпеть его общество еще немного...

— Нам? Сказать правду, я и от тебя надеялась отдохнуть! Женщины никогда не говорили тебе,

что излишняя привязчивость — грех для мужчины?

— Говорили, увы, — отозвался тот сокрушенно. — Но натуру не изменишь. А потом, кто знает... возможно, рано или поздно, ты ко мне привыкнешь.

Он улыбался... но глаза его были серьезны, и Паломе это не пришлось по душе. Северянин нравился ей, жаль будет ранить его, а это неминуемо. Всякий раз, когда случалось подобное, она чувствовала неловкость, из-за того что не могла ответить на их чувства, всех этих прекрасных мужчин, которые искренне и со всей страстью увлекались ею. И то, что она не подавала им никаких надежд и ей не в чем было себя упрекнуть, ничего не меняло.

Наемница все равно ощущала смутную вину. И одновременно — досаду. Почти раздражение. Ну почему — о, почему они не могут оставить все как есть?!

Оставалось лишь надеяться, что сейчас ей просто почудился этот огонек в глазах киммерийца, и в любом случае, он будет помнить о том, что он прежде всего, — воин, а потом уже все остальное...

Как бы то ни было, в ее планах на вечер это ничего не меняло.

— Тогда ждите меня у ворот после шестого колокола, — велела она своим спутникам. — Опоздаете — пойду одна.

Ах, если бы... Но Палома не сомневалась, что оба будут на месте в назначенный час.

* * *

Жилище немедийца показалось Паломе еще более отвратительным, чем в первое посещение.

На поверку, здесь оказалось две комнаты: первая, где, собственно, и произошло убийство, и еще одна, скорее чулан — без окон и мебели, тесный и душный. Причем вход они обнаружили совершенно случайно, его закрывал высокий полог кровати, придвинутой вплотную к двери.

— Похоже, эту комнатенку никто не использовал, — задумчиво промолвил Конан. — Да оно и понятно: для чего можно приспособить такую конуру?

Стражнику неожиданно возразил тарантиец:

— Не скажи. Вот, смотри... — Он ткнул пальцем в следы на полу. — Кровать двигали и до нас. И не один раз. Видишь?.. Значит, дверь скрывали нарочно.

Паломе кивнула.

— Кто-то мог прятаться там. Подслушивать разговор в комнате. Или если немедиец не желал, чтобы двое его гостей встретились друг с дружкой.

И все же это мало что могло дать ей: о двойной — если не тройной — жизни барона Скавро ей и без того было отлично известно, а это лишнее подтверждение не таило в себе никаких откровений.

Для очистки совести она простучала пол и стены на предмет возможных тайников, внимательно осмотрела сундук, служивший также столом... пусто — как у нее в голове! В полном от-

чаянии она изучила кресло, где сидел убитый, и даже окно... Ничего!

Под внимательными взглядами двоих спутников ее охватывала неловкость: они словно ждали от нее каких-то чудес, а она оказалась совершенно беспомощна... как шарлатан на ярмарке, забывший свой коронный фокус.

Оставалась только кровать. Хлипкое сооружение из грубо оструганных досок, на которые был брошен соломенный тюфяк, с четырьмя столбиками по углам, со свисающим пологом.

Ну, полог — понятно. Единственное, пожалуй, что здесь имело смысл. Как они уже знали, эта тряпка закрывала вход в потайную комнату. Что же до остального...

— Одного я никак не пойму, — скорее сама себе пробормотала наемница. — Ну ладно, парень обитал тут под чужим именем, и все прочее... Но почему в такой нищете? Где сменная одежда? Посуда? И, в конце концов, как он мог спать здесь? Ни одеяла, ничего...

Она брезгливо потыкала пальцем тюфяк. Солома была сырой, от нее шел ощутимый гнилой душок. Бр-р... Палому передернуло от отвращения.

— Нет, — уверенно промолвила она наконец. — Не мог он тут спать. Не мог, уж поверьте.

Конан первым смекнул, что это могло означать.

— Еще одна нора?

— Вероятнее всего. — Наемница на несколько мгновений задумалась, затем решительно велела:

— Вот что. Оставайтесь пока здесь, а я схожу поговорю с хозяином.

Конечно, шансы на то, что второе убежище немедийца находилось здесь же, были невелики, логика подсказывала, что Скавро постарался бы подыскать себе берлогу как можно дальше отсюда, возможно, по контрасту, в одном из богатых районов города, но — демон его знает... Проверить не мешает!

Выбравшись на улицу и обойдя строение кругом, Палома отыскала вход на постоянный двор, к которому, собственно, и относилась пристройка, где жил немедийский барон.

Хозяин, сухопарый мужчина лет пятидесяти, жилистый и весь какой-то дерганый, с уродливым шрамом через левую щеку — от удара ножом, профессионально определила Палома, — встретил гостью неприветливо, отказался выпить с ней вина и даже за стол сел лишь после долгих уговоров... должно быть, надеялся, что если они останутся стоять, то неприятная посетительница скорее уйдет.

— Ничего я не знаю, тысячу раз повторял уже. — заученно заявил он с ходу, хмуро уставившись в пол. — Комнаты сдаю — а что они там делают, в это я не лезу. За это мне и платят — чтобы лишних вопросов не задавал. Кто к кому ходит, не слежу. Лишь бы платили вовремя!

Нет, никаких других комнат, кроме боковой пристройки тот парень не снимал. Нет, ни раньше, и никогда. Нет, гостей его он не видел — пристройка самая укромная, вход у нее отдель-

ный, с другой улицы даже, за это она немедийцу и понравилась. Собственно, хозяин и понятия не имел, что парень родом из Немедии. И имени не знал. Он и видел-то его всего пару раз — когда тот деньги отдавал. Всякий раз вперед, то за три луны, а то и за полгода.

— А в последний раз когда он заплатил?

Две луны назад. И как раз за две луны, меньше чем обычно. Так что как раз вот срок через два дня подойдет — и можно будет еще кому-нибудь сдать...

Все это внезапно навело Палому на мысль.

— А скажи, дружище, — ласково заметила она, пододвигая хозяину очередную монету из тех, что передал ей Конан специально для этих целей, — Если я надумаю что-нибудь снять у тебя, есть еще комнаты свободные? Только поприличнее. Самые лучшие, какие есть. Но, главное, чтобы вход тоже отдельный...

Тот задумался.

— Прямо сейчас нету, — с сожалением ответил он. — Только тут, наверху, над обеденным залом.

— А вообще — есть?

— Ну да. Купец один снимает. Там роскошно, дворец целый! Десять золотых за седмицу платит, и тоже на полгода вперед. Как раз вот должен завтра появиться...

— А как не появится?.. Сдашь тогда?

Видно было, что жадность борется в нем с осторожностью — и одерживает победу.

— Поглядим. Ты подожди через денек, поговорим...

— А где же он находится, этот твой «дворец»? — Палома старалась не выдать охватившего ее возбуждения. Конечно, весьма вероятно, что это лишь случайное совпадение, и все же... чутье подсказывало, что удача на сей раз ей улыбнулась.

— Да как на улицу Горшечников выйдешь — так по правую руку и увидишь. Крыша там еще красной черепицей покрыта. Полдома не мои, золотых дел мастер Газир там живет, а вторую половину я у него откупил пять лет назад за долги. Волею Митры, и другую откупаю со временем... — На лице хозяина появилось мечтательное выражение, даже изуродованное лицо слегка разгладилось. — Так что, добрая госпожа, приходи, буду ждать... — И обеспокоенно добавил, — Надеюсь, Месьор останется доволен моей помощью?

Откуда, интересно, этот проныра узнал, что она связана с Грацианом? Палома не стала спрашивать. Либо у хозяина свои источники информации, и тогда он их, разумеется, не выдаст, либо, что вероятнее, кто-то из Дворца заранее предупредил, что светловолосая чужестранка появится и станет задавать вопросы.

Она все же не удержалась:

— Ты с ним знаком?

— Как можно?! — Тот в испуге замахал руками. — Кто я, и кто — он! Но любой человек в городе будет рад исполнить волю Месьора!

Некоронованный король Коршена... Интересно, вызывает ли у горожан подобные чувства законный правитель?

Распрощавшись с хозяином постоялого двора, она вновь вышла на улицу Горшечников. Дом, крытый красной черепицей, она заметила сразу. Половина окон были темными, там явно не было ни души. Через крохотный садик, огороженный низким каменным забором, к дверям вела дорожка, посыпанная желтым песком. Палома оглянулась на пристройку, где ждали ее Конан со скульптором, но, поразмыслив, решила не тратить время. Если все обстоит так, как она надеется, то можно будет позвать их позже. Но сперва лучше все проверить самой... И наемница кошачьим осторожным шагом направилась ко входу в дом.

...Нехитрый замок поддался почти сразу: тонкий кинжал сыграл роль отмычки. Палома оказалась в узком полутемном коридоре. И сразу поняла — победа!

Восточные благовония. Этот запах вошел в моду в Бельверусе в прошлом году... Здесь аромат был едва уловимым — но ее тонкое обоняние мгновенно вычленило его из прочих запахов жилища. Похоже, именно тут немедиец позволял себе расслабиться и побыть самим собой...

Наскоро оглядевшись на первом этаже, она устремилась к лестнице, ведущей в верхние покои. Охотничий инстинкт гнал ее вперед, заставив позабыть об осторожности. Удача! Удача, наконец-то! Она летела, как на крыльях.

И... как подстреленная птица, рухнула на пол от чудовищной силы удара, обрушившегося ей на затылок, едва она вбежала в первую же ком-

нату справа от лестницы. Темнота поднялась стеной перед глазами, и в эту стену она впечаталась, как мошка в смолу.

И наступила тишина.

* * *

— Живая?

— Живая, хвала Крому! Что тут случилось, хотел бы я знать!

— Всеми богами клянусь, благородные месьюры, ничего не знал, не ведал, как же так, несчастье-то какое...

Голоса приближались — словно клинки, вспарывая плотную черную ткань, окутавшую сознание. Знакомые голоса. Встревоженные, испуганные. Чьи-то руки касались ее, трясли за плечи.

— Палома, эй, Палома, что с тобой?!

Она нашла в себе силы приподняться.

— Затылок... не трогай...

Конан помог ей сесть. Несколько мгновений, зажмурившись, она выжидала, пока комната перестанет вращаться, как бешеная — затем рискнула открыть глаза.

Сперва ей показалось, что вокруг собралась целая толпа. Но, придя окончательно в себя, осознала, что их всего четверо: Конан, Тальер, хозяин постоялого двора, и еще один незнакомец в воинском облачении — должно быть, напарник северянина.

Охнув, она осторожно поднесла руку к голове. Кто бы это ни огрел ее сзади — сил он явно

не пожалел... на пальцах была кровь, но, по счастью, немного. Однако шишка будет порядочная.

— Проклятье!

— Во имя Неба, женщина, зачем ты пошла сюда в одиночку? И что произошло?!

Неудивительно, что Конан так встревожен, ведь он лично отвечает перед Месьюром за безопасность пленницы.

— Как вы меня нашли?

Северянин пожал плечами.

— Тебя долго не было, я отыскал Парфала, — он указал на хозяина постоялого двора, виновато жмущегося к дверям, — и заставил повторить все то, что рассказал тебе. А Рангерд видел, как ты вошла сюда, в этот дом...

Палома с надеждой обернулась ко второму стражнику:

— Тогда ты должен был видеть, кто вышел отсюда. Человек, что напал на меня...

Однако тот смущенно покачал головой.

— На улице был народ, ездили какие-то повозки, я не следил за ними — только за тобой...

Судя по многозначительному взгляду, который бросил на напарника Конан, дома того ждала хорошенькая головомойка. Что ж, и поделом! Палома вновь застонала, при первой же попытке шевельнуться. Затем, закусив губу, все-таки заставила себя подняться на ноги и осмотреться по сторонам.

Прелестная картина, ничего не скажешь!..

— Вы что, дрались? — спросил ее Тальер, оценив царивший вокруг разгром.

Наемница усмехнулась. Сразу видно, человек ничего не смыслит в ратном деле! Что же это должна была быть за драка, чтобы учинить подобное!

Диван вспорот кинжалом, вся начинка безжалостно выпотрошена. Сундуки с одеждой перевернуты, содержимое вывалено на пол. Не пощадили шелковую обивку стен — содрали клочьями... должно быть, искали тайники в стенах.

Хозяин дома тихонько скулил, оценивая причиненный ущерб.

— До драки дело не дошло, — с сожалением ответила она скульптору. — Меня подловили, как деревенскую дурочку. Сзади. Огрели чем-то по затылку и... вот.

Ваятель задумчиво попинал носком сапога осколки синей вазы со следами крови.

— Тебе еще повезло, фарфор более хрупкий, чем твоя голова. Если бы взяли вот это... — Он указал на бронзовую статуэтку, валявшуюся неподалеку.

— И поделом бы, — без всякой жалости объявил Конан. — Надеюсь, нет нужды перечислять все ошибки, которые ты допустила, Оса? Уж если хочешь носить меч и сражаться как мужчина, то не жди снисхождения своей глупости!

Палома скрежетнула зубами, готовая взорваться. А то она сама не знает, как глупо было кидаться сюда сломя голову, не позаботившись о прикрытии и не думая об осторожности! Но чтобы какой-то варвар вздумал ее учить!.. Однако голова напомнила о себе вспышкой такой резкой

боли, что возражать северянину ей сразу расхотелось. Тем более — увы, но он был совершенно прав. Хотя, будь она проклята, если скажет ему об этом!

— Ладно, — процедила наконец девушка. — Полагаю, смысла в этом нет ни малейшего, однако нужно осмотреться здесь, раз уж пришли.

— Думаешь, грабитель отыскал то, зачем приходил?

— Понятия не имею. — Наемница пожала плечами. — Он-то хоть точно знал, что ищет... в отличие от нас. Но если во всем доме такой же разгром, как в этой комнате — шансы велики, что удача ему улыбнулась. Поработали тут на совесть, согласись.

Скрепя сердце, Конан был вынужден признать ее правоту. Наскоро осмотрев покои, он не нашел ни единого возможного тайника, что ускользнул бы от внимания их предшественника.

— Парень знал свое дело, ничего не скажешь...

Встревоженно топтавшегося у входа хозяина они без труда отправили восвояси, пообещав, что тот сможет продать все ценное, что осталось от постояльца, в возмещение нанесенного ущерба. Месьора Парфала это вполне удовлетворило. После чего оставалось лишь осмотреть дом.

— Судя по всему, тот первый клоповник Скавро снимал самолично. Хозяин описал его внешность, — рассказывал Паломе Конан, когда они перешли к осмотру второй залы, служившей немедийцу столовой. Разгром тут царил еще пущий, чем в гостиной. — А вот этот дом... Парфал

говорит, парень представился купцом, хотя ни слова не сказал о том, чем торгует. Кто бы это мог быть, интересно?

Палома поморщилась. Трапезная подверглась тщательному обыску, и повторно она осматривала ее лишь для очистки совести. Поскольку они не имели понятия, что искать, это не имела смысла.

Лишь в одном она убедилась: Скавро снял этот дом, чтобы в нем жить, здесь было — когда-то, до учиненного разгрома — комфортно и уютно, обстановка в более скромном виде напоминала бельверусский дворец. Обилие шелков, низкие диваны с множеством подушек — валявшихся теперь, как выпотрошенные птичьи тушки, — статуэтки повсюду, огромные вазы на мраморных постаментах по углам, курительницы с благовониями...

Что же касается комнатенки напротив, через дорогу, там этот интриган, должно быть, встречался со своими подручными — кем бы они ни были. И, кстати, из постоянного своего жилища имел превосходную возможность следить, кто интересуется его логовом в отсутствие хозяина... Хитро придумано, ничего не скажешь! Знать бы еще, к чему все это...

— Снимать этот дом и играть роль купца вполне мог кто-то из слуг немедийца, — размышляла она вслух. — Не в одиночку же он приехал в Коршен. Да и вообще, меня это смущало с первого дня. Ну, не мог, никак не мог вельможа его ранга и воспитания жить без челяди. Такие как

он ни одеться, ни ложку ко рту самостоятельно поднести не способны!

— Тогда где они все сейчас?

— Бежали со смертью хозяина, разумеется. Прихватили золотишко и что ценного было в доме — и наутек!

— А ты не думаешь, — подал голос скульптор, доселе не принимавший участие в беседе и лишь задумчиво разглядывавший статуи и уцелевшие вазы, — что это слуги устроили здесь погром?

Наемница покачала головой.

— К чему им? Где хранятся ценности, они знали и без того. И не было нужды ждать столько дней — меня они что ли караулили? Кроме того, нападавший, похоже, был один.

— И ты совсем ничего не запомнила?

Палома беспомощно вздохнула.

— Увы. Тем более, сейчас у меня так раскалывается голова, точно все мозги до крошки вытряхнули. Может, попозже что-то и всплывет...

За разговорами, они осмотрели весь этаж. Собственно, тут обнаружилась еще только спальня и крохотная комнатка для прислуги. Обе оказались разгромлены столь же основательно, как и прочие покои. Тщетно Палома пыталась углядеть здесь хоть что-то достойное интереса, хоть самую мизерную малость, за которую мог бы зацепиться тренированный взгляд... Все тщетно.

Конану, судя по его ожесточенно-разочарованному виду, повезло не больше.

На первом этаже их успехи оказались и того скромнее. Здесь были лишь подсобные помеще-

ния — кухня, купальня, еще одна комната для слуг. Все в них оказалось перевернуто вверх дном, причем, как казалось Паломе, человек действовал в озлоблении и отчаянии.

— Вот что меня лично смущает,— заявила она своим спутникам в кухне, от нечего делать откатывая ногой тяжеленный медный котел.— Вывернут наизнанку весь дом, не пропущено ни одного, самого незаметного уголка. О чем это вам говорит?

— О том, что воры так и не нашли того, за чем приходили. Иначе они остановились бы на той комнате, где их поиски увенчались успехом.— Это впервые за все время подал голос молодой напарник Конана. Заговорил — и тут же смущенно отступил на шаг, но Палома кинула на него ободряющий взгляд, и парень расцвел на глазах. Даже веснушки покраснели.

— Либо,— сурово возразил его начальник, следя, чтобы юнец не слишком возгордился,— Они нашли искомое, но хотели сделать вид, что это не так. Либо искали не одну вещь, а несколько. Либо...

— Либо им просто нравилось крушить все подряд.— Палома усмехнулась. Но Конана не так просто было сбить с толку.

— А почему бы и нет, собственно? Разве ты не видишь, с какой злостью орудовал этот парень. Там, где можно было аккуратно поддеть обивку ножом, он ее вспарывает, как брюхо злейшему врагу. Занавеси срывает. Бьет вазы и статуи...

— Ну, тут я его понимаю,— неожиданно хихикнул Тальер, так что Палома даже вздрогнула от неожиданности: до сих пор камнерез держался тихо, как мышка, жался к углам, что-то бубнил себе под нос... она почти и забыла о его существовании!

— Ты о чем?

— Пф-фа! — Тарантиец фыркнул со всем презрением, на какое был способен.— Чего тут непонятного? Я всегда подозревал немедийцев в полном отсутствии вкуса, но такое убожество... В столовой по углам парные вазы — а мотивы на них не совпадают. В купальне изваяние Птеора... я вообще не знаю, какой безрукий его лепил. Левая нога короче правой, локоть вывернут наружу, как у увечного... Маленькие статуэтки еще ничего — но все остальное... бр-р, дайте мне молот!

Зрелище столь истого гнева заставило остальных расхохотаться, что лишь сильнее раззадорило скульптора.

— Вы — такие же бездари и невежды, как и тот, кто обставлял эти, с позволения сказать, покои. Все туда же, тщатся выглядеть вельможами — а простейших вещей не понимают! Ну...— он тоскливо заозирался по сторонам, отчаявшись хоть что-то объяснить этим ограниченным людям,— Вон, возьмите хоть то уродство, у лестницы...

Палома, выглянув в коридор, покосилась на две женские статуи, по обе стороны ступеней. И что в них неладно, скажите на милость?

Тальер воздел руки к небесам.

— Да тут же нарушены простейшие каноны! Судя по атрибутам — браслетам на предплечьях, по прическе и ожерелью из раковин, — это речные элиды, спутницы богини вод Секвены. Они должны быть совершенно одинаковыми. Тогда, скажите на милость, зачем у левой за спиной колчан со стрелами? Куда, и главное, из чего она собирается стрелять?!

Конан, утирая слезы смеха, проронил:

— Когда ты в такой ражходишь, тебя хоть против пиктов вперед войска выставляй. Если дикари будут нести эту — как ее — элиду с колчаном, или какую-нибудь кривую вазу, ты их в пыль сотрешь голыми руками!

— Ладно, парни. — Отсмеявшись, Палома махнула рукой. — Ничего мы здесь не найдем. Пора и восвояси.

Стражник-северянин согласно вздохнул. Ему, правда, было решительно все равно, что ищет его подопечная и увенчаются ли успехом ее поиски. Важно было лишь не дать пленнице упорхнуть, и чтобы никто не причинил ей зла. А с этим они более или менее справились, — он вновь сердито покосился на юного Рангерда, не сводившего с беловолосой наемницы восхищенных глаз. Ладно, парню он еще скажет пару слов. О том, на что глядеть в оба, а на что лучше бы и не смотреть вовсе!..

...Когда они выходили на улицу, Палома в последний раз обернулась. А ведь есть еще вторая половина дома, где живет золотых дел мастер...

Газир, так, кажется назвал его хозяин постоялого двора. Что мог знать тот об немедийце? Что мог видеть из того, что происходило здесь за минувший год? О чем догадывался?

Девушке показалось, она спиной чувствует чей-то внимательный взгляд... Велико было искушение вернуться, поговорить с Газиром, вывести все, что тому известно — но, поразмыслив, она решила пока воздержаться, как бы сильно ни было искушение. Едва ли золотых дел мастер согласится отвечать на ее вопросы. Лучше, если сперва к нему придет кто-то другой. Может, Гарбо? Над этим стоило поразмыслить... И заодно, пусть порадует Тальера — узнает, сам ли Газир в свое время выбирал обстановку в дом, или это было делом рук немедийца?..

* * *

До Дворца искатели приключений добрались уже затемно, и Палома ввалилась в свои покои, мечтая лишь об ужине и мягкой постели — но там ее ждала еще одна головная боль... как будто той, что до сих пор гнездилась в затылке, было недостаточно.

Запечатанный воском футляр лежал на столе. Едва не сломав ноготь, она вскрыта его и извлекла тонкий выделанный пергамент. Демоны бы побрали этот затейливый коринфийский почерк, все их вензеля и завитушки! Поседеешь, пока прочтешь...

«Любезная госпожа Палома окажет честь графу Лаварро Коршенскому с семейством, почтив своим

присутствием бал, который будет дан в графском замке в пятый день пятой луны...» Да это ведь завтра вечером!

Как, во имя всех богов, Грациану удалось выправить для нее это приглашение? И зачем?

Стиснув зубы, она с трудом подавила желание немедленно отправиться на поиски калеки и вытрясти из проклятого хитреца все его планы.

Но взрывом темперамента она не наберет очков в этой странной игре, которую вел с ней хозяин Дворца. Его хитрости она могла противопоставить лишь собственную ловкость, его уму — свою смекалку, его расчетливости — свое хладнокровие. И еще — свою красоту!

Усмехнувшись, Палома выглянула за дверь и поманила пальцем стражника, как всегда неотступно дежурившего у ее покоев. Новенький. Его имени она не знала...

Кровник подошел с поклоном, напряженный, осторожный — явно опасается каких-нибудь трюков с ее стороны. «Успокойся,— хотела сказать ему наемница,— Сегодня я охочусь не на тебя», но промолчала. Только улыбнулась.

— У меня сегодня была швея, я забыла кое-что ей заказать. Сможешь сделать так, чтобы она появилась здесь на рассвете?

Страж кивнул, в глазах читалось явное облегчение. Хотелось бы ей знать, чего он так опасался?! Впрочем, может, это и ни к чему: иногда неведение спасительно. В головах у мужчин порой рождаются самые странные мысли...

Глава шестая

Ах, что за прелесть ваше платье, дорогая моя! Из Тарантии, не иначе? Сирина говорит, из Бельверуса, но мой глаз не обманешь, я вижу эти отвороты, и этот разрез сбоку, и как прихвачены юбки... только в Тарантии и могут пошить такое. О, умоляю, скажите, что я права!

Неопределенно кивая Эвлалии, младшей дочери графа Лаварро,— каковой ответ можно было толковать любым удобным той образом — Палома ощутила прилив законной гордости. Выдержат поутру бой с Пирондой, швеей Месьора, было, пожалуй, посложнее, чем сдержат натиск тангаев в Кривом Ущелье. Никак невозможно, твердила крохотная, сухонькая женщина — пять лангов чистого упрямства! — ну, просто совершенно немыслимо, и о чем только думал Месьор и молодая госпожа, при всем уважении, но только пусть кто другой попробует, а она, Пи-

ронда, слишком себя уважает, чтобы даже пробовать сшить платье к графскому балу за такой богами невообразимый срок! И думать нечего, и не возьмется никто, потому как если уж она, первая в городе мастерица, которая и дочерей графских обшивала, и саму графиню, бывалоча, пока та еще из своих покоев выходила, а не заперлась там, точно лесная отшельница, помилуй Митра ее за грехи,— шить не возьмется, так куда уж этим выскочкам криворуким, хоть Сафронё, а хоть и этой заморийке глазастой, Дайле, им-то и подавно не справиться, хоть озолоти их с ног до ушей...

Она щебетала, причитала, ворчала — и одновременно кружила, кружила вокруг Паломы, что-то примеряла, отмеряла, прикидывала, то тут пальцами прижмет, то этак ей руку выкрутит... в общем, пока у девушки не потемнело в глазах, и она не принялась всерьез опасаться за свой рассудок.

В общем, ничего толкового до вечера успеть невозможно, таков был вердикт. Палома подняла брови.

— А бестолкового?

Она ожидала очередной тирады, бесконечной, как мучения грешников в царстве Нергала... но, на удивление, удостоилась лишь лукавого взгляда из-под седых ресниц — и насмешливого цоканья языком.

— Ты ведь не местная, дочка?

Наемница покачала головой.

— И тебе нет дела, что о тебе будут говорить?

На такое Палома даже обиделась слегка.

— Как это, нет дела, очень даже есть. Чем хуже — тем лучше! Женщины, разумеется... Потому что мужчинам не будет до моего платья равным счетом никакого дела!

— Тогда считай, у меня есть то, что тебе нужно. И...— Еще одна хитрая улыбка.— Пари держу, Месьор об этом знал!

...Пиронда не обманула, хотя и не пожелала раскрыть смысл своих слов. Более странного одеяния Паломе не доводилось носить.

Платье напоминало о моде столетней давности, когда одежды делались нарочито прозрачными и невесомыми, дабы подчеркнуть, что носителю их вовсе ни к чему выходить из дворца и подвергать себя капризам погоды. Вместе с тем, слоев ткани было так много — одних накидок не меньше пяти и, о боги! восемь нижних юбок,— что платье не оставляло открытым ни сенма кожи, если не считать лица и кончиков пальцев. И все они развевались на ходу, шелестели, распахивались разрезами в самых неожиданных местах, скрепленные где тончайшей золотой цепочкой, где нитью сапфиров, где сердоликовой заколкой...

Цвет ткани переливался от иссиня-белого до снежно-жемчужного — и на фоне этой ледяной белизны высоко подобранные кудри девушки казались отлитыми из серебра.

...Она слегка волновалась, когда экипаж Месьора катил ее к замку. Разумеется, Конан был рядом, но она все же чувствовала себя такой оди-

нокой, незащищенной... Должно быть, еще и оттого что ей уже много лет не доводилось носить столь роскошных нарядов; платье невольно возвращало ее к временам далекой юности, такой наивной и уязвимой...

Но сейчас все не то, строго напомнила себе Палома. Я — убийца, наемница на службе немецкого престола. Мне нечего бояться этих людей. Никто из них не в силах причинить мне зла!

И все же она была рада, увидев, что экипаж Месьора подкатил к воротам замка одновременно с ее собственным.

— Прошу простить меня, дорогая, — как ни в чем не бывало приветствовал ее Грациан, — я не смог оказаться рядом с вами раньше. Но моя карета... она предназначена лишь для одного. Надеюсь, вы понимаете...

Палома заметила, что сам Месьор едва ли был одет лучше обычного, разве что перстней прибавилось; да и на обоих карликах были все те же черные костюмы. Не слишком ли роскошно нарядила ее Пиронда? И — почему спутник ничего не сказал о ее наряде? Это невежливо, в конце концов!

— О, вы совершенно восхитительны, дорогая моя! Если бы я не боялся дурной игры слов и смыслов, я бы даже сказал — *сногшибательны*...

Он опять читает ее мысли! Понизив голос до ядовитого шипения, чтобы не слышали стражники в парадных доспехах, выстроившиеся парами на всем пути следования гостей, Палома отозвалась:

— Для человека, которому все равно, Месьор, вы слишком часто поминаете свое увечье...

Возможно, это прозвучало зло: у него стал обиженный взгляд. Карлики, которые тоже слышали ее, всем своим видом изображали негодование. Но брать назад свои слова Палома не собиралась.

— Тебе следует решить раз и навсегда, Грациан, хочешь ли ты вызывать страх — или жалость. И то, и другое сразу не получится!

Он молчал так долго, что она была уверена, что задела его всерьез. Чтобы скрыть неловкость, Палома принялась с независимым взглядом крутить головой, но окруженная каменными стенами, пустая мощеная площадь мало располагала к созерцательству. Вход в замок был ярко освещен, там толпились какие-то люди — должно быть, гости, подошедшие чуть раньше. Сзади доносился гомон голосов — другие приглашенные нагоняли их. Теперь, даже если Грациан и собирался что-то сказать ей, он уже не сделает этого. У Паломы внезапно возникло горькое ощущение, что она упустила нечто важное...

В тот самый миг, когда новоприбывшие гости поравнялись с креслом калеки, он неожиданно взял Палому за запястье. И мягким, незаметным жестом поднес ее пальцы к губам.

Это длилось одно биение сердца. Он тут же отпустил ее руку, она могла бы решить, что ей почудилось. Месьор уже окликал нагнавшего их мужчину, дородного, с пышной, окладистой бородой. Они приветствовали друг друга, как ста-

рые друзья. Спутница бородача, повинувшись светскому этикету, а возможно, из природной любезности, немедленно взяла Палому под свое крыло.

Именно госпожа Ива ввела ее в дом графа и представила его дочерям. А затем покинула на растерзание...

— ...Ваш замок очарователен. Я бы даже сказала, сногшибателен, — с тайной усмешкой, смысла коей та не могла понять, заметила Палома Эвлалии. Навыки придворной беседы возвращались сами собой, всплывая из глубинных слоев памяти, и вот уже девушка ловила себя на том, что искренне наслаждается всем этим. — Он не похож ни на один дворец, что мне доводилось видеть прежде!

— О, он очень мил, это правда. — Маленькая, хрупкая, с огромными распахнутыми глазами, младшая дочь графа походила на ребенка, украдкой пробравшегося на взрослый праздник. Когда она походя сообщила новой знакомой, что у нее растет пятилетняя дочь, Палома была потрясена. — Вам стоит поговорить об этом с папой. Потом, я представляю вас... Ничто не доставляет ему такого наслаждения, как рассказать новому человеку о своем детище. Ведь, вы же знаете, замок совсем новый, его начали строить, когда папа пришел к власти. Раньше был этот ужасный дворец, где сейчас живет один бедняжка Грациан, ну, вы знаете... О, там так жутко, каждый раз, когда я там бываю, я ему говорю, Грациан, душа моя, пора тебе перебраться из этих

казематов, мы найдем тебе уютную башенку, чтобы ты мог...

— Башенку? — Палома удивленно сдвинула брови, с трудом вычлняя жемчужины смысла из непрерывного журчания Эвлалии.

— Ну, да. В этом весь смысл, почему замок такой необычный. Вам стоит посмотреть при дневном свете. Стены ограждают всю площадь целиком — а внутри башни, башни, башни... Есть высокие и низкие, но все они отдельные, хотя и соединены галереями. Между ними — площади, сады, или разные пристройки. И каждая башня — для своей цели.

— И сколько же их всего? — Наемница была потрясена. Никогда прежде ей не доводилось слышать ни о чем подобном. Это должен быть муравейник, а не замок...

— Двадцать семь, — произнес уверенный мужской голос у нее из-за плеча. — А должно быть тридцать. Надеюсь, я успею закончить их при жизни. Эвлалия, дитя, представь меня своей прелестной подруге.

— Ее зовут Палома, папа. Палома, познакомься, граф Лаварро, мой отец.

Она обернулась.

Чего она ожидала? Трудно сказать. По скупым рассказам Конана — ничего хорошего. Властолюбец, интриган, возможно, убийца.

С другой стороны, она видела Коршен. А город может многое рассказать о своем правителе. Так вот, город выглядел опрятным и сытым. Возможно, изнеженным — но не прогнившим.

Поэтому она не знала, чего ожидать от графа Лаварро Коршенского. И теперь поняла, что он нравится ей.

На вид правителю было лет пятьдесят пять, у него была выправка солдата и обветренное лицо человека, который не побоится спать под открытым небом. Густая, слегка редящая шевелюра была тронута сединой, но волосы еще сохранили золотисто-каштановый цвет. Глубоко посаженные глаза смотрели прямо и словно бросали вызов — осмелится ли собеседник быть столь же открыт. Палома, не колеблясь, вызов приняла и вернула взгляд.

— Я рада, что вы пришли друг другу по вкусу! — Эввалия переливчато засмеялась. — Папа, можешь рассказать ей про дворец, а я пойду, меня зовут. — Она махнула рукой стайке молодежи, где преобладали расфранченные молодые люди в коротких плащах всех цветов радуги — последняя мода в Коршене. — Увидимся, Палома!

Пряча улыбку, наемница проводила ее взглядом, затем обернулась к графу.

— Ваша дочь — достойное украшение праздника, месьор.

Он удивленно приподнял седые брови.

— Это скорее мужской комплимент, госпожа. Неужто вы лишены женской ревности?

Интересно, что граф знает о ней? И что наплел отчиму Грациан, чтобы получить для нее приглашение? Проклятье, и почему она не догадалась расспросить его?! Теперь бы не было этой отвратительной неловкости.

— Я — не придворная дама, месьор, — промолвила она осторожно, словно пробуя воду. — И у меня много иных интересов, они не оставляют места для... мелочей.

— О! — Он помолчал, переваривая сказанное. — Да, Грациан говорил, вы ведь та самая наемница, его гостя? Позволено ли мне будет осведомиться, что за дела привели вас в наши края? Может, вина?

— Что? — Она не сразу поняла. Потом облегченно вздохнула, увидев, что граф указывает на поднос с бокалами. — Да, благодарю. Розовое коринфийское, если есть.

— Разумеется. — Правитель с поклоном преподнес ей хрустальный бокал на высокой ножке, в котором плескалась ледяная жидкость. — Это наша гордость. С южных склонов горы Латаш. Урожай...

— Года Кометы, я уверена, ведь это был лучший год для Латашских вин, — перебила его Палома. И задержала дыхание, пробуя на языке восхитительный букет. — Божественно, месьор. А вы еще спрашиваете, зачем я здесь!

Он засмеялся.

— Я счастлив видеть перед собой человека, способного оценить это сокровище по достоинству. Воистину, госпожа, ваше присутствие сделало этот вечер настоящим событием. Итак, позвольте, я расскажу вам о замке.

...Двадцать семь башен, как он уже и сказал. По одной занимали члены семьи, несколько гостевых, башня-библиотека, башня для официаль-

ных приемов, оружейная, сокровищница, и так далее... не пощадив слушательницу, граф подробно живописал их все до единой. У каждой было свое имя. Львиная, Золотая, Кипарисовая... Каждая подобна алмазу в королевском венце.

Дворы между ними были предметом особой гордости. Фонтаны в одном, цветочные каскады в другом, сад-лабиринт в третьем... С горящими глазами Лаварро предложил:

— Оставайтесь до утра, госпожа! Мы можем поместить вас в Парусной Башне, там чудесно, вот увидите. А с утра я смогу показать вам здесь все, что пожелаете. И место, где будут стоять последние три. Возможно даже, вы сумеете дать мне совет...

Медленно прогуливаясь рука об руку, Палома с графом обошли почти весь зал; гости с почтительными поклонами расступались перед ними, девушка кожей чувствовала их ревнивые взгляды, слышала пересуды. Кто такая эта чужестранка? Кто что-нибудь знает о ней?..

В какой-то миг она встретила взглядом с Грацианом, тот улыбнулся ей одними глазами. Потом еще одно знакомое лицо... Агиери, судья, что приговорил ее к смерти через одну луну. Маленький человечек скользнул по ней равнодушным взором — и отвернулся. Может, и вправду не узнал?

— Как вы добились такого чуда? — Палома указала на каменный пол, иссеченный крохотными узорчатыми трещинками, через которые в бальный зал проникал дымок благовоний. Она

намеренно поспешила сменить тему, чтобы не отвечать на неожиданное предложение графа.

Тот, как видно, понял это и тактично принял перемену темы.

— Все очень просто — и одновременно, гениально продумано. В полу проложены каналы, в нужных местах расставлены курительницы. Воздух проходит и поднимается, разнося аромат повсюду. У архитекторов ушло полгода, чтобы отладить всю систему. Дым никак не желал идти равномерно...

Не обладая необходимыми познаниями, Палома с трудом могла оценить масштабность задачи, однако понимала, что дело это не из легких. Да и вообще, похоже, на устройство этой башни, главного здания дворца, где, как объяснил Лаварро, проходили самые торжественные коршениские приемы, ушло немеряно сил и средств. Чего стоила одна лишь резная галерея для музыкантов, почти парившая над залом... Или тончайшие лучи колонн, ажурными созвездиями арок расцветавшие под сводами башни... В этом зале не было тяжеловесности, так присущей аквилонским и особенно немедийским постройкам. Он скорее напоминал искуснейшей работы ларец, шкатулку для драгоценностей, и сейчас сверкающие толпы гостей и мириады свечей лишь усиливали это впечатление.

— Однако, когда нет праздников, здесь, должно быть, жутковато... — неожиданно для себя заметила девушка. Ее спутник лишь снисходительно улыбнулся.

— Нет. Здесь всегда красиво. Только чуть по-другому...

— И все же... странно...— Палом поджала губы, нахмурившись.

— Что кажется вам странным, моя госпожа?

— Все эти затраты... разве не лучше было бы потратить деньги на наемников? А архитекторов просить укрепить городские стены? Такая красота... кто защитит ее?

От неожиданности, граф замер, как вкопанный, не сводя с девушки изумленного взгляда. Придворные вокруг, исподволь следившие за каждым шагом и жестом правителя, возбужденно зашушукались, теряясь в догадках, что же такого могла сказать гостья.

— Митра... Прошу меня простить, я не привык слышать подобные речи от женщин!

— Должна ли я прочесть в ваших словах осуждение, граф?

— О, нет, лишь восхищение, дорогая моя! Ничего кроме восхищения! Теперь я понимаю Грациана... ведь его никогда не привлекала одна лишь внешность, без иных достоинств, а у вас есть и ум, и живость, и отвага.... Однако — какую угрозу этой красоте вы предвидите здесь, в этом мирном краю?

— Угрозу? — разговор этот странным образом начал напоминать Паломе ее спор с камнерезом Тальером. — Никакой угрозы, месьор, однако о таких вещах приходится думать любому правителю. Разве нет? Как защитить то, что принадлежит тебе...

— Я потрясен, моя госпожа! — Граф склонился к ее руке. — У нас в Коринфии я никогда не слышал, чтобы женщины утруждали себя раздумьями о подобных проблемах. Неужели в Бельверусе это в порядке вещей?

Наемница покачала головой.

— Не везде, месьор. И уж, конечно, не в столице. Однако баронство Тора, откуда я родом, — это нечто совсем другое... — Серые глаза ее затуманились от воспоминаний. — Это суровый гористый край. Военная дисциплина и доблесть почитаются там превыше всего прочего, как для женщин, так и для мужчин. Особенно в нашей семье...

— О... — Лаварро смотрел на нее с пониманием и лаской. — Мне почему-то кажется, что вы росли без матери, дитя мое. Я прав?

— Да. — Девушка кивнула с улыбкой. — И отец так никогда и не смог до конца осознать того факта, что она оставила ему дочь, а не сына...

— Но вы покинули его?

— Он умер. Старые раны не давали ему покоя... — Как всегда, когда она вспоминала отца, Паломе хотелось плакать и смеяться одновременно. — А потом — у меня не было другого выхода.

— Прошу простить, если любопытство мое навязчиво — но ваша история заинтересовала меня. — Палом кивком дала графу знак продолжать, и он задал очередной вопрос: — Почему вы выбрали себе столь необычную жизненную стезю. Я хочу сказать, для дочери знатного рода это несколько...

— Необычно? О, да. Но я же сказала, во всей Торе царит воинская дисциплина. Мы покорны воле родителей и еще более того — воле сюзерена. И когда отца не стало, наш правитель, барон Торский, решил взять мою судьбу в свои руки.

Лаварро понимающе кивнул.

— Выдать вас замуж, полагаю?

— Совершенно верно. За своего младшего сына, Амальрика.

— И что же — юноша был вам столь отвратителен, что вы предпочли участь наемницы? — Граф был поражен.

Палом не смогла сдержать улыбки. Никакое другое слово не могло быть менее точным, чтобы описать ее отношение к Амальрику. Ей вспомнилась его гибкая жилистая фигура, тонко очерченные скулы, серо-стальные, не знающие улыбки глаза. Как она могла бы объяснить этому человеку... Да, впрочем, и кому угодно другому!.. Может, только Грациан понял бы — они ведь чем-то похожи...

— Он сам не хотел на мне жениться. Я узнала, что Амальрик решил заплатить одному из своих дружков, чтобы тот скомпрометировал меня — тогда я была бы погублена для замужества в глазах его отца. — С уст Паломы не сходила мечтательная улыбка. Как все это было давно... — И тогда я пришла к нему и предложила сделку.

— Сделку?! — чем дальше слушал юную наемницу коршенский граф, тем сильнее округлялись его глаза. — Какую же?

— У меня совсем не осталось денег после смерти отца — одни долги! Я сказала Амальрику, чтобы он отдал мне то золото, что приготовил для своего дружка. За это я навсегда исчезну из его жизни, и ему не придется жениться. — Она не переставала смеяться, и Лаварро, несмотря на ужас, что внушала ему эта история, не выдержал и засмеялся тоже.

— И что было дальше. О, не томите, госпожа моя, я сгораю на огне любопытства!

Палом развела руками, затем, подозревая слугу, взяла себе еще бокал вина, который и осушила по-солдатски, одним махом, мысленно провозгласив здравицу в честь Торы и всех ее обитателей.

— Этих денег мне хватило на отличный меч, доспехи и на то, чтобы безбедно прожить какое-то время в столице. Потом я отправилась бродить по свету... Вот и вся история, месьор!

— Отец, прошу меня простить, но месьор Галбейя просил напомнить, что ему пора уезжать, и ты обещал... — Мужчина лет тридцати, красивый, хоть и чуть обрюзгший, склонился в поклоне перед графом. Во взгляде, мимолетно брошенном им на Палому, читалось тайное злорадство. Еще один, приревновавший гостью-чужестранку к хозяину дворца...

— Ах да, мой драгоценный казначей... — Лаварро явно был раздосадован помехой. С виноватой улыбкой он обернулся к наемнице. — Госпожа, мне крайне жаль прерывать нашу беседу на столь интересном месте, надеюсь, мы еще смо-

жем поговорить сегодня... и не забудьте, я ведь обещал показать вам дворец!

— Буду признательна вам, месьор...— Палома присела в изящном поклоне.— Это я должна просить прощения за то, что похитила вас у ваших гостей и отняла столь драгоценное время.

— Пронтий,— обернулся правитель к сыну.— Будь любезен, замени меня ненадолго. Я хотел бы, чтобы ты поведал пока нашей гостье о том, почему Коршен не страшится иноземных вторжений...

— Что-о? — Лицо мужчины вытянулось от изумления.

— О, да.— Лаварро улыбнулся.— Позволь представить тебе Палому, самую умную и очаровательную женщину, какую мне только доводилось встречать. Я уверен, разговор с ней немало обогатит тебя.

— Месьор мне льстит.— Палома смущенно потупилась, одновременно отмечая все нюансы обращения отца с сыном. Граф говорил мягко, однако видно было, что каждое слово его равнозначно приказу. Во всяком случае, Пронтий воспринял это именно так. Посмотрев вслед отцу, покинувшего их с сухим полувоенным поклоном, он обернулся к девушке, и выражение его лица с натяжкой можно было бы даже назвать любезным.

— Вам и правда интересны все эти утомительные подробности?

— О, да. Я не слишком злоупотребляю вашей добротой, месьор?

Губы Пронтия на миг сжались в тонкую бледную нить.

— Отец пожелал, чтобы я рассказал вам... Я исполняю его волю.

Какая трогательная покорность — в тридцать с лишним лет! Надеется таким образом заслужить отчую благосклонность и унаследовать трон? Палома припомнила, что говорил ей Грациан о своем сводном брате. Все совпадало. Но, насколько она могла оценить характер графа, его сын избрал не самую правильную политику, чтобы добиться своего.

— Вообще-то,— продолжил Пронтий задумчиво, ведя Палому по залу и на ходу раскланиваясь со знакомыми,— немудрено, что всех иноземцев удивляет, насколько равнодушно в Коршене относятся к угрозе войны. Мне доводилось говорить с ними. Немедийцы, к примеру... для них это любимая тема. Но не для нас.

Он сказал, немедийцы! Возможно, был лишь один немедиец?..

— И в чем же ваш секрет?

— О, он очень прост. Мы слишком неприступны. У нас отличное войско, это раз. Город хорошо защищен, два. И самое главное — естественные рубежи. Горы. Они непреодолимы, если не знать тайных путей. А перевалы укреплены так, что там не пройдет ни один враг. Отец лично занимался каждой крепостью, ведь он потомственный военный.— Глаза Пронтия светились гордостью.— И я был с ним повсюду, так что знаю, это не пустая бравада. Графство неприступно. К

чему врагам ломать себе зубы, тщась захватить нас? Что для них Коршен?!
Они помолчали. Палом — оценивая полученные сведения, Пронтий — переводя дух. Он казался весьма довольным собой.

— Насытил ли я ваше любопытство, госпожа? Может быть, теперь потанцуем?

— О, с удовольствием! — Это был хороший способ окончить беседу.

Они закружились в сложном фигурном танце, где одновременно, то и дело меняясь партнерами, сходились и расходились не меньше полусотни пар. Старательно копируя движения других дам, Палом без труда справилась с этим нелегким испытанием. И к концу тура увидела, что осталась одна. Точнее, с совершенно незнакомым партнером. Вихрем танца Пронтия унесло куда-то вдаль... да она и не слишком по нему скучала.

Она немного поболтала с юношей, оказавшимся сыном местного винодела — тот был приятно поражен тем, как хорошо чужеземка разбирается в вине, и взял с нее обещание непременно посетить их владения.

Теперь, когда она влилась в водоворот бала, она ни на миг не оставалась в одиночестве. Мужчины и женщины представлялись сами, знакомили с ней своих друзей и исчезали, обменявшись с гостьей десятком ничего не значащих фраз. Палом даже не пыталась запомнить их имена.

Она еще немного потанцевала, перепробовала не меньше десяти сортов вина, коими усердно

потчевали гостью новые знакомые... и даже, вопреки всем своим принципам, немного пофлиртывала с каким-то щеголем в синем плаще. Как ни странно, она почти не скучала...

— А, вот ты где! Смотри, Сирина, я же говорила, чудное платье! — Эвлалия, как обычно, щебетала без умолку. — Палом, позволь представить тебе мою старшую сестру. Это Сирина. Теперь ты знаешь нас всех, кроме разве что Антиоса, но этот брюзга не ходит на наши балы, как будто слуги Митры не имеют право отдохнуть и потанцевать! Хотя сам Благостный Мирронус сегодня здесь был, я видела, и даже пил вино... но разве Антиоса убедишь? О, какой ужас эти братья! У тебя есть родные, Палом?

Уф-ф... В этот поток красноречия нужно было нырять с головой — и выныривать, ухватив зубами скользкую рыбешку смысла...

— Мои родные умерли. — Это прозвучало почти спокойно. — Но я бы все отдала, чтобы вернуть их...

— О, прости! — Эвлалия казалась искренне опечаленной. На два или три мгновения. — Я не думала огорчить тебя. Но я, как всегда, была бестактна, и теперь я смущена, и мне лучше убежать, пока я не наговорила еще глупостей. Надеюсь, Сирина сумеет загладить мою оплошность! Она так умна и серьезна...

С этими словами дочь графа упорхнула. И вот уже ее залиvistый смех донесся из толпы молодых людей... тех же самых, что увлекли ее в первый раз — или других...

— Она не так глупа, как желает казаться. И умеет добиваться своего... — Голос Сирины звучал суховато и как-то отстраненно. Палома изучающе покосилась на нее.

Некрасива. Причем — что редкость для женщины — подчеркнуто некрасива. То есть не делает ровным счетом ничего для собственной внешности. Волосы гладко зачесаны и стянуты назад простым деревянным гребнем. Неулыбчивое лицо, вытянутое, с тяжеловатой нижней челюстью и тонкими губами. Она была очень похожа на отца — но в чертах дочери его суровая мужественность исказилась, превратившись в пародию на самое себя.

Платье Сирины также было подчеркнуто строгим, похожим скорее на футляр, полностью скрывавший ее женственность. Рядом с ней Палома ощущала себя разряженной куртизанкой.

— И чего ваша сестра добивалась на сей раз?

Сирина передернула острыми плечами.

— Вы чужеземка. И многого не знаете. Собственно, вы ничего не знаете о нас.

Палома прищурилась.

— И ваша сестра решила возложить на вас задачу просветить меня?

Она чувствовала в дочери графа затаенную, глубинную неприязнь. С чем это может быть связано? Конечно, одной лишь яркой внешности наемницы и успеха, которым та весь вечер пользовалась у мужчин, довольно, чтобы возбудить ревность любой особы женского пола... Но Палома всегда избегала простых объяснений.

— Вы не обязаны это делать, госпожа...

— Иными словами, а не пойти ли вам к Нергалу, любезнейшая? Вы ведь это хотели сказать?

Девушка вздохнула, собирая в кулак остатки терпения. Воистину, лучше год фехтовать на мечах, чем один день — словами.

— Сирина, что я сделала вам? Почему вы так враждебны?

Несколько бесконечно долгих мгновений женщина молча смотрела на нее, словно на что-то решаясь.

Они стояли в проеме арки, ведущей из балльного зала во двор, где журчали фонтаны. Там прогуливались парочки, слышался смех и голоса; из зала неслась музыка. Но две женщины казались отгороженными от окружающего мира... никто не приближался к ним, не окликал, не приветствовал. Словно на время они выскользнули из обыденной реальности. И Палома уже не была уверена, сумеет ли она вот так запросто, по одному лишь своему желанию, вернуться обратно.

— Вы пришли сюда сегодня как гостя Грациана. В этом платье, — вымолвила наконец Сирина. Каждое слово как будто давалось ей с трудом. — Может быть вы заметили, никто из тех, кто старше тридцати, не подошел к вам, если не считать отца и Пронтия... ну, его-то и вправду можно не считать.

— Я... я не понимаю...

— Еще бы! — Сирина издала сухой смешок. — Дело в том, что молодежь — не помнит. Они не

знают, как это было прежде. До отца. Пока он не пришел и не призвал их к порядку... Грациан был последним.— Имя сводного брата она произнесла с ненавистью, словно выплюнула отраву.— Последним из тех проклятых времен...

— Вы так говорите, словно он само воплощение зла.

— Еще бы! — Глаза женщины вспыхнули злобой.— Отродье, зачатое нашей матерью от демонов! В нем — вся гниль и непотребство их рода!

Паломы были потрясены.

— Как вы можете, Сирина? Ведь она и ваша мать тоже...

— О, да, и одним лишь этим мы все виновны в глазах Митры! И расплачиваемся за это всю жизнь. Хвала Небу, шлюха прячется в своих покоех вот уже пятнадцать лет. Может статься, она давно померла. Хоть бы это было так...

Грациан... Лаварро... Трагический несчастный случай, погибли все...— ей вспомнился их разговор с Конаном. Не удивительно, что северянин был столь скуп в своих рассказах. Боги, что за безумие!

— Сирина,— произнесла Паломы как могла мягко,— К чему вы рассказываете мне все это. Я не судья вам, я чужая здесь. Скоро я уеду навсегда... зачем?

Но дочь графа тряхнула головой, глаза ее блеснули фанатичным блеском.

— Не притворяйся. Уж если я способна раскусить игру моей сестрицы — единственная из всех! — то тебя я и подавно вижу насквозь... Ты

— его игрушка. Он нарядил тебя в это платье, выставил здесь, среди нас, чтобы проверить... посмотреть... Чего он хочет? Что ему нужно? Отвечай!

Шипя от ярости, она вплотную приблизилась к Паломе, и та отпрянула невольно. Жар Сирины мог испепелить дотла.

Но не ее! Она — сталь клинка. Огонь лишь закаляет металл!

Преодолев отвращение, наемница сделала шаг вперед:

— Ты мне не госпожа, Сирина. Мои речи — не в твоей власти. Я говорю лишь то, что хочу! Еще раз повторяю: я чужая здесь и не хочу зла никому из вас. Я не играю в ваши игры. Но если ты не веришь мне — берегись. Не стой у меня на пути!

Неожиданно дочь графа рассмеялась.

— О, теперь я понимаю... Х-ха. Я-то думала, несчастный калека изменил своим пристрастиям. Но нет. Просто он нашел наконец то, что искал. Женщина и мужчина — в одном. Тело женщины, дух воина... Как он, должно быть, горюет, что не способен *сполна* насладиться этим совершенством...

Мерзкая злоязыкая тварь! Будь Сирина мужчиной, Паломы сейчас наплевала бы на все законы гостеприимства и обнажила бы меч! Но не может же она вызвать женщину на поединок...

— Ты говоришь, Грациан — воплощение зла,— отчеканила она.— Но пока я вижу здесь лишь одну черную душу — и это ты, Сирина!

Она готова была добавить еще несколько слов — но вдруг кто-то тронул ее сзади за плечо. Она обернулась.

Конан.

— Госпожа, Месьор просил передать...

— Подожди! — бросила она резко и вновь повернулась к дочери графа, но та уже шла прочь. Паломыла вздохнула. — Да. Что ты хотел?

— Месьор уезжает. Он послал узнать, желаете ли вы остаться?

Наемница медленно покачала головой. Нет, довольно с нее веселья на сегодня.

— Передай Месьору, я сейчас приду. Полагаю, мне нужно проститься с графом?

— Он ушел с бала. Пронтий — вместе с ним. Мы вполне можем удалиться.

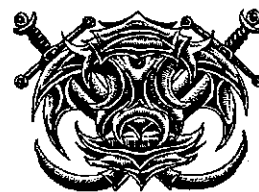
— Что ж... Тогда сделаем это. Я устала.

— О, да.— Конан понимающе кивнул. Интересно, как многое он видел? — Это был тяжелый день...

Тяжелый? У Паломылы было такое чувство, будто в душу ее полной мерой залили свинца. Однако... то, что она узнала сегодня, стоило всех этих мучений.

Глава седьмая

Новое утро встретило ее дождем — первый непогожий день в Коршене. От Гарбо до сих пор не было вестей, до возвращения Эрверда оставалось не меньше трех дней... Словом, Паломыла пребывала в самом ненавистном ей состоянии — ожидания.

Позавтракав в одиночестве — ибо в доме Грациана, как она уже успела выяснить, совместные трапезы были не в обычае — наемница покинула свои покои, решив поближе познакомиться с Дворцом. До сих пор она нигде не была, кроме сада, но теперь ей хотелось узнать побольше о месте своего заточения.

...К полудню она уже видела все, что желала увидеть.

Прежняя обитель коршенских правителей мало чем напоминала новый замок графа Лаварро. Дворец показался ей мрачным и навевал уныние. В относительном порядке содержались лишь го-

стевые покои, да пара парадных комнат для приемов. Большинство же залов казались заброшенными. Застарелая грязь на полу, пыль, копоть... похоже, здесь не убирались годами. Выцветшие шпалеры на стенах, обрывки занавесей, ветхая, неудобная мебель...

Если бы изредка на пути ей не попадались слуги, Палома могла бы подумать, что очутилась в давным-давно заброшенном замке, населенном одними лишь призраками. Следы былого величия смутно угадывали порой — в полустертой позолоте на дверях, в испорченной потеками росписи на стенах, в сохранившейся чудом мозаике и витражах... но словно стеснялись собственного существования.

Чем дальше она шла, тем сильнее нарастало недоумение гостьи. Грациан отнюдь не произвел на нее впечатление человека нуждающегося — однако такой дерзкой, выставленной напоказ бедности она не видела даже в самых захудалых владениях каких-нибудь разорившихся бритунских баронов. Насколько она могла понять, едва лишь граф Лаварро пришел к власти и начал строить для себя новый замок, владение прежних владык Коршена перешло в собственность их единственного наследника, за исключением парадного центрального крыла, отданного городским властям. Неужели семья Месьора настолько обнищала к концу своего правления?

Остановившись в одном из залов — огромном, с разверстым зевом камина посреди северной стены, наемница задумчиво водила пальцем по

мраморному обрамлению очага. Палец ее тут же стал черен от сажи и пыли.

Брезгливо поморщившись, Палома искала глазами, обо что бы вытереть руку. Бедные шпалеры, им и без того пришлось несладко — ну, оставалось надеяться, хозяин простит ее за неуважение к семейным реликвиям... Затем она вышла на открытую галерею, что опоясывала весь дворец по внутренней стороне.

Здесь было свежо, пахло влажной землей из сада; шаги девушки гулко отдавались на мокрых от дождя каменных плитах. Раз или два ей показалось, она слышит кого-то за спиной, но, обернувшись, не увидела ни души.

Внезапно впереди послышались голоса: двое мужчин ожесточенно спорили между собой. Один уже перешел на крик...

— Эгей! — Палома, приблизившись, заглянула с галереи в просторную залу с белеными стенами, украшенными росписью. — Я, кажется, подросла вовремя, чтобы предотвратить кровопролитие! Месьор Тальер, твоё возмущение слышат, должно быть, в самой Тарантии... Что происходит?

Спорщики оглянулись, смущенные. Скульптор согнулся в поклоне, и на испачканном белой пылью лице заиграла радостная улыбка.

— Ты как нельзя более вовремя! Мне понадобится твой меч — иначе никак не убедить этого упрямца в моей правоте!

— Вот как? — Ловким движением перемахнув через низкую балюстраду, Палома оказалась в

комнате.— Мне казалось, твой язык куда острее клинка...

Второй мужчина, ухмыляясь, поклонился наемнице. На нем красовался заляпанный краской серый балахон, руки были черны от угля. Нечесанные рыжие лохмы и всклокоченная борода дополняли картину. Впрочем, взгляд у него был лукавый и острый, от таких глаз мало что могло укрыться...

— Ниано, мозаист, к твоим услугам, госпожа. Во имя Митры, не доверяй свой меч этому болтуну — чего доброго, он еще поранится и лишит мир очередного каменного уродства, которые его резец порождает с такой бездумной щедростью...

— Уродства?! — Не выдержав, коротышка-скульптор с кулаками набросился на своего противника. Тот, выше его на голову и вдвое шире в плечах, с легкостью поймал Тальера за шиворот, несколько мгновений подержал в воздухе, не обращая внимания на проклятия, которыми тот осыпал его, и осторожно поставил на землю.

— Уймись наконец, с нами ведь дама... Какое представление она составит о людях искусства? Палома наморщила носик.

— Погодите, дайте угадать. Должно быть, спор идет о том, в какую сторону изогнут третий луч в венце Митры Вседержителя? Или какой длины надлежит изображать хвост у Нергала?

— Вовсе нет! — Камнерез смерил ее оскорбленным взглядом.— Мы говорили об атрибутах Секвены. Помнишь ту нелепую статую в доме твоего немедийца? Ниано утверждает, что это,

скорее всего, не элида, у той не может быть колчана со стрелами... Однако, подтверди, там было ожерелье из раковин, что явно указывает на морскую богиню!

Наемнице не слишком пришлось по душе, что Тальер вздумал обсуждать с кем ни попадя то, где они были; оставалось надеяться, что он не рассказал ничего больше, а ограничился описанием статуй. Однако теперь поздно делать ему внушение. Следовало бы позаботиться об этом с самого начала...

Тем временем, мозаист, взяв на себя роль любезного хозяина, позвонил в колокольчик и велел явившемуся на зов слуге принести им вина.

Наполнив бокалы, он поднял свой, с восхищением глядя на Палому:

— Позволь выпить за тебя, моя госпожа, ибо ты подобна Луне, а как всякий художник, я поклоняюсь ночному светилу. Здесь, в этом мрачном Дворце, ты озарила наше унылое существование, подарив немного тепла...

— А вчера в графском замке устроила настоящий пожар,— бесцеремонно перебил приятеля Тальер. Девушка удивленно уставилась на него.

— Что я такого сделала? И откуда ты знаешь...

— О,— мозаист засмеялся, не дав тарантийцу ответить.— Слухи в Коршене разносятся быстро. Давешний бал уже стал в городе притчей во языцах. Нет ни одной таверны, ни одного постоялого двора, где не судачили бы о том, как Месьор привел в Замок любовницу в платье своей мате-

ри времен графа Паллия, и как Лаварро раздевал тебя глазами, а Сирина едва не сожрала живьем...

— Что за бред?! — Палома была в ярости. — Все было совсем не так! Граф был просто любезен со мной, не более того, а с Сириной мы едва обменялись двумя словами...

— Зато что это были за слова!..

Наемница стиснула зубы.

— В общем, все ясно. Наш любезный хозяин меня выставил на посмешище... Ну, Грациан еще поплатится за это!

Мозаист дружески потрепал ее по руке.

— Не принимай все так близко к сердцу. Поболтают и забудут...

— Да плевать мне на сплетни! — Палома не собиралась успокаиваться. — Я ненавижу, когда меня используют, смеются исподтишка...

— Перестань, никто и не думал над тобой смеяться... — Тальер ловко наполнил ее бокал. — Выпей и кончай злиться, а то от тебя искры так и летят.

— Но зачем было все это затевать? — Девушка обвела собутыльников вопрошающим взором. — Вы лучше меня понимаете, что творится в этом змеином гнезде. Объясните же, наконец!

Скульптор с мозаистом переглянулись в нерешительности, начинать явно никому не хотелось, но Тальер все же взял верх в безмолвном поединке взоров, и Ниано со вздохом промолвил:

— Это долгая и грязная история, госпожа. Не знаю, как многое тебе известно. Граф Лаварро

ведь, по сути, узурпировал трон, когда женился на матери Грациана. Паллия подарила супругу еще пятерых детей, но всегда держалась в стороне от светской жизни, а последнее время и вовсе превратилась в затворницу. Дети все до единого ненавидят друг дружку. А то, что Лаварро все никак не выберет наследника, лишь ухудшает дело.

— Это все мне известно. Но я не понимаю, почему наследник не Грациан? Разве по закону...

— Законы в Коршене мало что решают, — вступил в разговор Тальер. — Прежняя династия, пока была у власти, не пользовалась особой любовью, и это еще мягко сказано. Коршенцы в те времена шутили, что наемных убийц в городе больше, чем лавочников, а шлюх — больше, чем и тех и других вместе взятых. Старшая сестра Паллии, к примеру, сменила шестерых мужей, покуда седьмой ее не отравил — за то что она наставила ему рога с родным братом. Да и о самой матери Месьора ходили слухи, будто собственный отец не чужд ее чарам. Только слухи, конечно, однако — при таком раскладе незаконнорожденный ребенок едва ли мог претендовать на власть!

Палома поперхнулась вином. Собственный отец, ну надо же... Ей вспомнилась ярость Сирины, когда та говорила о матери. Но как мог Лаварро жениться на ней... Или он так рвался к трону, что ему было все равно?!

— Новый правитель навел в городе порядок, — продолжил рассказ Ниано. — За одно то, что лю-

ди могут по вечерам спокойно выходить на улицу без дюжины телохранителей, ему уже памятник поставить надо! Однако прошло без малого сорок лет — и... нужно ли говорить, как коротка людская память? Одни недовольны, что слишком велики налоги. Другим кажется, что их недостаточно ценят при дворе... И все чаще с тоской поминают «прежние времена».

Разумеется.

А хитрец Грациан, стало быть, вознамерился проверить с ее помощью, насколько сильны эти ностальгические настроения среди знати. Занятный способ, ничего не скажешь... Наемница закусила губу.

Грациан, Лаварро и даже Сирина — все они виделись ей теперь совсем в ином свете, чем прежде. И если раньше Месьора она считала невинной жертвой, а его отчима — едва ли не хладнокровным убийцей, то теперь... она не знала, что и подумать.

Словно уловив ее смятение, мозаист дружески улыбнулся девушке.

— Что, воительница, жизнь сложнее, чем поединок на мечах, правда?

С этим трудно было не согласиться.

— Но кто же все-таки покушался на Грациана? Кто оставил его калекой?

Они не знали. И никто не знал, даже сам Месьор, уверенно заявил камнерез.

— Я начинаю жалеть, что покинула Бельверус, — недовольно пробурчала Палома. Ее собеседники расхохотались, наполняя бокалы.

— Я прогулялась по Дворцу, — заметила наемница, чтобы сменить тему разговора. — Почему здесь все в таком ужасном состоянии? Месьор ведь не бедствует. У него хватает денег содержать штат прислуги, стражу... — И некоторых прихлебателей, любителей прекрасных искусств, хотелось ей добавить.

Мозаист усмехнулся.

— Его семья была очень богата. Даже с тем, что большая часть состояния отошла графской казне... — то есть Лаварро, поняла девушка, — сыну Паллии не пришлось просить милостыню.

— Тогда почему...

— О-о! — Тальер закатил глаза. — Ты слишком поздно приехала в Коршен, дорогая. Тебе стоило побывать здесь лет десять назад. Что это были за времена! Балы Грациана гремели на всю Коринфию. То, что ты видела давеча в графском замке — лишь жалкое подобие. Ах, как мы кутили!.. Боги, я до сих пор не могу забыть...

— Весь город не может, — сухо заметил Ниано. — Если и остались в Коршене хоть одна таверна, хоть один дом свиданий, которые Месьор со своей свитой не почтил вниманием — я таких не знаю. Но это было... прежде.

Прежде чего? — хотелось спросить Паломе. Но она сдержалась: глупый вопрос.

— После покушения он сильно изменился, — продолжил скульптор. — Как будто возненавидел все вокруг. Весь мир, этот город, семью. Себя самого. Мне порой кажется — он хочет разрушить все, до чего способен дотянуться. Все вокруг...

Палома вспомнила запустение, царящее в пустых залах. Сорванные шпалеры, грязь, сломанную мебель. Лишь одно, внешнее свидетельство того, что творится в душе Грациана.

— Но та часть Дворца, где тюрьма и судейские палаты? Я помню, меня поразило, как грубо там все устроено. Дверь. Лестница, пробитая через стену. Это тоже он?

Ниано покачал головой.

— Лаварро. Его воля — уже давно, сразу, как он пришел к власти. Месть старому графу и всему семейству, если угодно. Тогда начали строить новый замок, а Дворец стоял заброшенным, если не считать центральной части. Только потом, когда Грациану исполнилось пятнадцать, отчим разрешил ему поселиться в доме предков. Ему не слишком пришлось по нраву такое требование пасынка — но что он мог поделать? Глупо было бы ожидать, что юнец не станет бунтовать, едва достигнет того возраста, чтобы соображать, что происходит вокруг. Но, понятно, графа куда больше устраивало, чтобы сын Паллии буйствовал в тавернах и борделях, чем строил настоящие заговоры...

— И все же кто-то решил, что Грациан слишком опасен. Несмотря ни на что. Были основания?

Тальер пожал плечами, разливая по бокалам остатки вина.

— Кто может сказать? Все возможно, хотя открыто Месьор никогда не выступал против трона и не заявлял о своих притязаниях на власть.

Но его именем могли воспользоваться другие. Недовольные...

— И что же случилось?

— Несчастный случай на охоте. Стрела угодила в позвоночник. По счастью, уже на излете, и доспехи защитили, но... ноги отнялись, и лекари ничего не смогли с этим поделать.

Палома молча кивнула, допивая вино. Ей внезапно стало холодно, пробрала дрожь.

Трудно было представить себе Грациана таким, как он рисовался из рассказа друзей — бунтарем, гулякой, полным сил и задора. Сейчас от всего этого, похоже, осталась лишь горечь и бессильный гнев.

Хотя... Насколько она могла заметить, Месьор не утратил интереса к происходящему вокруг. У него были осведомители в городе, он был в курсе всего, что творилось в Коршене. Более того, он использовал людей — ее саму, к примеру, — чтобы как-то влиять на события. Была ли у него скрытая цель? Не являлось ли это горестное бездействие и саморазрушение лишь маской, скрывающей... что? И какую роль во всем этом он отводил ей, Паломе? Не говоря уже о покойном Скавро... Почему Месьора так интересует гибель немедийца?

Однако это были вопросы, на которые не у кого получить ответ. Ее собеседники, словно испугавшись, что наговорили лишнего, не сговариваясь, принялись с деланным оживлением болтать о пустяках. словно и не было этого странного разговора...

Ниано заставил слугу принести еще вина. Тальер принялся брэнчать на извлеченной из какого-то угла виоле, ни на миг не переставая чесать языком, и мозаист не отставал от приятеля.

Девушке пришлось выслушать их мнение обо всем на свете, от последней альбы придворного поэта графа Лаварро, до видов на урожай винограда в предгорьях Карпаш... Она смеялась вместе с ними, чувствуя, как понемногу пьянеет, и радовалась этому в надежде, что хмель заставит отступить тревогу.

Но мертвое лицо барона Скавро все так же стояло у нее перед глазами.

Что ты делал здесь? — хотелось ей спросить. Зачем приехал сюда умирать? Но тот лишь молча усмехался посиневшими губами и не моргая смотрел сквозь нее...

* * *

...Когда киммериец Конан отыскал свою подопечную, она тихонько спала, свернувшись калачиком, в углу мастерской мозаиста. Ниано с Тальером укрыли ее своими плащами и продолжали пить — по своему обыкновению, не прекращая препираться и подкалывать друг друга... Северянин не отказался от предложенного бокала вина, гадая, следует ли ему растолкать девушку — или послание, которое он принес, вполне может подождать до ее пробуждения.

Он все-таки решился... и был вознагражден сперва недовольным ворчанием и парой крепких казарменных словечек — а затем, неожиданно,

крепким поцелуем... когда она наконец вскрыла печать на свитке.

При посторонних (хотя оба были уже изрядно пьяны) Конан не решился ни о чем расспрашивать ее, лишь изумленно поглядел вслед Паломе, которая, размахивая над головой пергаментом, точно расшалившееся дитя, вприпрыжку выбежала из комнаты.

* * *

Весь день, а за ним и еще один прошел, словно в угаре. Она встречалась с Гарбо — именно от него было то послание, что доставил ей северянин, — потом еще раз, когда тот разузнал все, что она хотела. Потом ей пришлось и самой немало побегать по городу. И еще дольше — просидеть над пергаментом, составляя бесконечные списки. Как ни ненавидела она чернильную работу, все пришлось делать самой, ибо это она никому не могла доверить.

После чего она выпросила у Ниано несколько покрытых меловой смесью досок для набросков — он боролся за каждую, как лев, но был сломлен яростным напором — и весь вечер просидела над ними с углем в руках, и наутро прислуга долго ворчала, что вывести все эти черные и белые пятна и Пречистой Иштар не под силу, а уж порядочной госпоже и вовсе не пристало бы так изваживаться...

В общем, это были чудесные дни!

И вершиной их стало возвращение Эрверда. Грязный, пропахший потом и дорожной пылью,

он без сил рухнул ей в объятия, свалившись с седла. Но бессердечная Палома спешно препоручила приятеля заботам Конана, попросив не жалеть вина из запасов Месьора, а сама торопливо принялась шарить в дорожных сумках — и не успокоилась, покуда с самого дна не извлекла кожаный футляр с такой знакомой печатью...

И до рассвета горели свечи в ее покоях, и настороженные уши могли слышать из-за дверей взволнованные шаги и сдвоенную ругань...

Уже под утро она выглянула наружу, встрепанная, с покрасневшими от бессонницы глазами — и совсем не удивилась при виде киммерийца, бессменно стоявшего на страже в коридоре.

— Конан, да хранят тебя боги! Пусть мне принесут чего-нибудь поесть... У меня со вчерашнего дня крошки во рту не было... И передай Месьору, что я хочу его видеть!

Глава восьмая

Ну, и что тебе удалось узнать? Грациан принял ее в своих покоях; он даже не успел сменить свои утренние одежды на более строгий наряд и не тратил времени на приветствия и прочие околичности. Палома была благодарна ему за это — ей смертельно хотелось спать, и светская болтовня сейчас была бы выше ее сил.

Она даже без особого любопытства оглядела личные покои Месьора, где оказалась впервые, отметив лишь странное сочетание изысканной роскоши с почти аскетической простотой убранства... Впрочем, этот необычный контраст как нельзя лучше характеризовал и самого Грациана.

Собравшись с мыслями, она заговорила тихим, медленным голосом, стараясь ничего не упустить....

...Барон Скавро был совсем не прост. И тому, кто прикончил его, по-хорошему, местные влас-

ти должны были бы вручить хорошую награду, ибо он сделал графству величайшее благодеяние.

Скавро готовил, ни много ни мало, нападение Немедии на Коршен.

Именно это и было основной целью его приездов сюда и тайных переговоров, что барон вел с самыми разными людьми.

Предателей, увы, оказалось не так уж мало. Даже если принять, что из всех его знакомых с половиной он встречался просто для виду, чтобы запутать тех, кто мог за ним следить, а из оставшихся еще две трети отказались помогать немедию — все равно, список получался внушительным. Здесь были и военные, и вельможи, и поставщики двора, и слуги, которые сами по себе мало что значили, но через своих хозяев могли владеть важной информацией... Целая сеть, которой Скавро, как паутиной, оплел весь город...

— А вы, слепцы, ни о чем и не подозревали!
— Палома была возмущена.

На лице Грациана не отразилось никаких чувств.

— Как ты выяснила все это? — только и спросил он.

— Большей частью, благодаря Гарбо. Он сумел отыскать кое-кого из пособников немедийца и вытряс из них все, что тем было известно. Не так уж много они знали — Скавро был осторожен — однако из вопросов, которые он задавал, мне стало ясно, что его интересовала прежде всего оборона Коршена и снабжение войск. То же самое,

кстати, косвенно подтвердил и Пронтий, когда мы с ним болтали на балу...

— Блестяще, — без всякого выражения констатировал Месьор. — А кроме того?..

— Кроме того, мне ответили из Бельверуса.

— Твои наниматели?

— Да. Ведь мне заплатили за то, чтобы убрать Скавро. И это было самой большой загадкой.

Конечно, Вертрауэн ничего не признал в открытую, и письмо Ринги было полным раздражающе туманных намеков и недомолвок, однако Палома прекрасно разбиралась в хитросплетениях домашней политики. И когда узнала, что покойный барон был близок, в числе прочих, с советником Марциалом, для нее словно свет вспыхнул в темной комнате.

— Видишь ли, — пояснила она своему собеседнику, — как и в любой другой стране, в Немедии масса тайных политических течений, и каждая группа преследует свои цели. Марциал принадлежит к Ордену Черного Кречета. Как и барон Торы кстати, но это так, к слову... Они помешаны на войне. На завоеваниях. Мирная торговля, дружеские отношения — для них это пустой звук. Они рождаются и умирают под лязг оружия. Коршен для них — лакомый кусочек, ведь отсюда открывается дорога на Замору и на Бритунию... Но, по счастью, в Немедии есть и более здравомыслящие люди. Те, кто понимают, что подобный поход был бы величайшей глупостью. Угроза слишком велика. Если Немедия попробует показать зубы — перепуганные соседи вмиг

забудут о своих разногласиях. Коринфия, Бритуния и Замора объединятся, чтобы дать отпор завоевателям. И Бельверус окажется втянутым в глобальную затяжную войну, без особых шансов на победу.

— И тайная служба его величества решила эту проблему по-тихому, пока дело не приняло слишком серьезный оборот? — Грациан понимающе усмехнулся.

— Почти. Они лишь собирались ее решить — с моей помощью. Но, как ты знаешь, я опоздала. С ним раздался кто-то из местных. Должно быть, кто-то, кого Скавро пытался переманить на свою сторону — но просчитался.

В комнате повисло долгое молчание. Собеседники думали каждый о своем. Наконец Грациан подал голос:

— Ты не все мне сказала. Приберегаешь самое сладкое на потом?

Он видел ее насквозь.

— Есть еще кое-что. Я просила Гарбо узнать, какие покупки совершал барон в последние пару дней... сама не знаю зачем. Интуиция.

— И она тебя не подвела, — спросил, а скорее констатировал Грациан. Палома кивнула.

— Помимо прочего, он покупал чернила и пергамент. Тебе это о чем-то говорит?

Месьор повел плечами.

— Донесение в Бельверус? Теперь это уже неважно...

— Не скажи. Ведь он собирался скоро уезжать — хозяин постоялого двора подтвердил, что срок

найма комнат истекал через пару дней. Что он мог писать такого, чего не мог бы рассказать при скорой личной встрече. И зачем?

Грациан задумался. Палома не мешала его размышлениям, выжидая, придет ли он к тому же выводу, что и она сама...

— Список, — наконец объявил Месьор, и она с облегчением кивнула. — Единственное, что он мог пожелать занести на пергамент, это список своих сообщников — единственное, что необходимо сохранить в точности.

— И он не отсылал гонца.

Последовавшее молчание длилось бесконечно. Пока наконец Грациан не поднял на нее глаза.

— Ты... уверена?

— Гарбо клянется, что это так, и я ему верю. Ни один человек из тех, кто выправлял подорожную в Немедию за последние седмицы, не мог работать на Скавро.

— Значит, список еще здесь.

— Да. И, похоже, именно его искал тот человек, что напал на меня в доме ювелира. И я готова поставить на кон все, что угодно — он его не нашел.

— Кто же этот человек, по-твоему?

Наемница передернула плечами.

— Сообщник. Единственное доверенное лицо, самый близкий Скавро человек, кого тот посвящал во все свои планы. Ведь, согласись, должен был быть кто-то среди высшей знати Коршена... Предатель. Без него все планы захвата города были бы обречены на провал.

— Ты думаешь?

— Уверена. Орден Кречета никогда не меняет своей тактики. Им необходимо было заручиться поддержкой влиятельных лиц в Коршене, чтобы начать действовать. К примеру, кого-то, кому они пообещали бы власть в графстве, после того как предатель откроет им ворота города.

— Но почему не посадить на трон кого-то из своих... немедийца?

— И настроить против себя всю Коринфию? Исключено.— Палома покачала головой.— К чему, когда в Коршене сама ситуация благоприятствует их планам — спасибо графу Лаварро и его нерешительности! Нет, отыскать реального претендента на трон, развязать в графстве братоубийственную войну — а потом явиться сюда «подобрсоседски», дабы помочь навести порядок... вот это куда больше в стиле моих соотечественников. Можешь мне поверить. Так что у Скавро был союзник. Был!

— И кто же он?

Наемница посмотрела на Грациана долгим, внимательным взглядом. Его чуть одутловатое лицо, со следами бывших пороков и излишеств, было бледным и усталым. Морщины сегодня утром обозначились четче, чем обычно. Взгляд серых глаз, обычно такой острый, пронизывающий, казался тусклым, сонным. Бесцветные губы кривились в недовольной гримасе.

— Так кто же этот человек? — повторил он, словно думал, что она не слышала вопроса.

Палома вздохнула.

— Я надеялась, что *ты* мне это скажешь, Грациан. Кому и знать, как не тебе? Ведь это именно *ты* убил барона Скавро!

— Я? Смеешься?!

— Отнюдь. О, не своими руками, разумеется. Убийцей был Меттерианор. Или его брат... никак не могу запомнить его имя. Но какая разница? Это сделал ты, Грациан!

...Если Палома надеялась, что выражение его лица изменится, отразит хоть какие-то чувства — ее ждало разочарование. Наемница поморщилась, раздосадованная до глубины души.

— Я так старалась, право... Ты мог бы хоть из вежливости оценить мои усилия...

— Я их ценю.— Голос Месьора был безжизненным, как засушенный лист.— Как ты догадалась. И — когда?

— О! — С показной небрежностью она махнула рукой.— Почти сразу, по правде говоря. Едва только увидела твоих карликов. Дело в том, что Скавро сидел в кресле, когда его убили, я говорила тебе об этом. Но не сказала самого главного — что удар был нанесен вровень. Не сверху, как если бы действовал убийца обычного роста. Нет, тот, кто держал оружие, был одного роста с сидящим! Если только он не встал на колени...

— Но как осторожный немедиец подпустил бы к себе убийцу? — Грациан говорил так отвлеченно, словно все эти обвинения не имели к нему ровным счетом никакого отношения.

— Он не видел причин опасаться тебя... калек,— безжалостно пояснила Палома.— А карли-

ки — их ведь вообще большинство людей не склонны замечать и принимать всерьез. Так... живые игрушки. Да еще носильщики, в твоём случае. Чего ему было бояться? Меттерианор мог сделать вид, к примеру, что подошел налить своему хозяину вина...

— И это единственное, что позволило тебе заподозрить меня? — Тон коринфийца выражал недоверие. — Жидковато...

Палома тряхнула головой.

— Я — наемница, ты забываешь. И у меня была неплохая школа. Возможно, никто в Коршене не замечает этих небольших утолщений на поручнях твоего кресла... Слепцам прощительно. Но на правом я заметила золоченую шишечку. На левом ее нет. Зато точь-в-точь такую же я видела на рукояти терции. Неплохой тайник, клянусь Митрой!

Впервые за все утро Месьор улыбнулся.

— Так-так. А еще?

— Ну, уже сущие мелочи. Они лишь довершили картину и укрепили мою уверенность... Когда я спускалась по лестнице в доме Скавро, перила с одной стороны были сломаны. И излом был свежим, там не было грязи. Узкая лестница — кресло с поручнями было неудобно разворачивать, так ведь? — Грациан пожал плечами. Она продолжила: — И наконец, Гарбо. Он сказал, что почти все, кто посещал немедийца, являлись пешком. Улица Горшечников в бедном квартале. Любой экипаж был бы слишком приметен. Они не желали привлекать внимание. И лишь един-

ственный раз, в самый последний день, некто явился в паланкине. И носилки остановились прямо у дверей. Золотых дел мастер, что живет напротив, очень любопытен. Но даже он не сумел разглядеть, кто вышел оттуда. Отметил только, что паланкин, хоть и без герба, был небедным... Лишь один человек мог рискнуть таким образом. Тот, кто не мог дойти до дверей на своих ногах...

— Это все?

Она пожала плечами.

— Все. Теперь твоя очередь.

— Что ж, ты это заслужила. Но, увы, я не открою тебе ничего такого, чего ты не знала бы и без меня.

...Грациану, действительно, было известно, кто такой Скавро, и чем он занимается в Коршене. Немедиец имел неосторожность попытаться привлечь на свою сторону одного из кровников — безнадежная затея! Так Месьор узнал о немедийском заговоре. К несчастью, как ни старался, имен других заговорщиков он вывести не смог: барон оказался слишком скрытен.

— Оставалась последняя возможность. Через Эрцина я передал этой лисе, что не прочь встретиться с ним лично. Но он оказался хитер. Стал угрожать, что наемник Лаварро, будто весь этот заговор — моих рук дело. Вполне правдоподобно. Граф не стал бы думать дважды, он не питает на мой счет особых иллюзий. Поняв, что адовой игры не получится, я решил разрубить узел одним ударом... Вот и все. О списке я не знал. И

искал его не я — я даже не знал, что у немедийца было еще одно логово. — Грациан перевел дух, а затем неожиданно спросил — так тихо, что она едва смогла расслышать: — Но скажи, если ты знала обо всем с самого начала — почему ты оставалась здесь, со мной? Зачем подыгрывала мне? Почему не сказала сразу о своих подозрениях... если не мне, так хоть судьбе? Ведь от того, отыщешь ли ты убийцу, зависела твоя жизнь!

Как она может ответить на этот вопрос? Палома дорого бы дала за то, чтобы кто-нибудь сейчас объяснил это ей самой...

— Я любопытна, — отозвалась она наконец. В этом была хотя бы часть истины. — Мне хотелось разобраться в подоплеке этой истории.

— И как, тебе это удалось?

Девушка в задумчивости покачала головой — и, глядя на нее, Грациан неожиданно засмеялся.

— Что такого забавного? — вскинулась она. С каждым мгновением настроение ее делалось все отвратительнее... Палома и сама не знала почему.

— Хочешь, скажу, что тебя так мучит?

Она подняла брови.

— Ну?

— Ты разрываешься между двумя равно привлекательными возможностями, когда думаешь обо всей этой истории, и не знаешь, какую предпочесть. Ведь моя скромная персона, в твоих глазах, одинаково подходит и на роль спасителя Коршена, и на роль главного предателя. У меня есть права на престол, но, в отличие от моих

сводных братьев, я не имею никаких шансов добиться власти. Также, у меня меньше всех причин любить Лаварро и держаться за нынешний порядок. Так что логика подсказывает, что Скавро обязан был поставить на меня. Я ведь больше всех прочих гоюсь в предатели, в марионетки Ордена Кречета... — Месьор презгливо поморщился. — Одновременно, ты только что доказала, что барона убили по моему приказу. И здесь логика вступает в противоречие с фактами. Так что приходится выбирать. Хотя... — он запнулся, затем продолжил с неожиданной горячностью, — разрази меня гром, не понимаю, почему тебя это так огорчает?! Разве тебе было бы приятно, окажись я подлецом?

Глаза его неожиданно вспыхнули, от сонно-усталого выражения не осталось и следа. Теперь перед ней был Грациан — каким она знала его прежде. Только почему-то очень, очень сердитый. Что могло так разгневать его?

— Я не знаю, чему верить. — Неожиданно Палома ощутила чудовищную усталость. Должно быть, сказались две бессонные ночи. — Неужели благополучие Коршена и вправду так дорого тебе, что ты ради этого решился на убийство? Зачем все эти хлопоты?

— Ты хочешь сказать, я слишком мстителен и озлоблен? И мне следовало бы радоваться, если бы доблестная немедийская армия огнем и мечом прошла бы по моей земле — все ради удовлетворения личных амбиций? Нет, моя дорогая... — Грациан покачал головой. — Не стану

скрывать, я не питаю любви к Лаварро, этому выскочке и узурпатору. Я ненавижу того ублюдка, что превратил меня в калеку. Но свои проблемы я предпочитаю решать сам! И помощь Бельверуса мне для этого ни к чему. Скажи, ты веришь мне?

Палома задумалась.

— А это имеет значение?

— Станным образом — да.

— Тогда объясни, какова же моя роль во всем этом? Ведь это ты приготовил мне ловушку. Ты, не отпирайся! Конан знал от Ринги, что я приеду. Ты догадался — зачем, и подослал стражников, чтобы меня схватили у Скавро. Ты подстроил этот суд!..

— И твое освобождение, не забудь.

— Да. На одну луну. И чтобы на этот срок я оказалась полностью в твоей власти. Вот этого я понять не могу. Разве не проще было бы, чтобы меня казнили за убийство?

Грациан молчал очень долго, в задумчивости вертел перстень на указательном пальце. И наконец промолвил:

— Проще — возможно. И сперва, еще не зная тебя, я так и хотел поступить. Но кто бы тогда докопался, как широко раскинул свою сеть немедиец? Кто открыл бы мне, замешан ли в этом сам король Нимед — или это лишь происки какой-то группки заговорщиков? Кто мог бы гарантировать, что Орден Кречета не пришлет на место Скавро второго, третьего согладаясь... которого я уже не сумел бы вычислить?!

Значит, она нужна была ему лишь как связующее звено между ним и немедийской Короной. Так просто... Палома закусил губу.

— А я-то думала, ты просто был тронут моей красотой и решил спасти невинную жертву... — Она с горечью засмеялась. Грациан иронично скривил тонкие губы.

— Ну, а ты решила бы помочь мне просто так, из жалости к несчастному калеке, который мечтает окончить свое жалкое существование в мире и покое...

— Замолчи! Не смей говорить о себе... так! — Она и сама не могла бы сказать, что ее столь сильно возмутило. — Ты... ты бравируешь своим увечьем, как будто... ты выставляешь его на показ, словно это твоя единственная гордость! Какого демона?!

— О... — Месьор, казалось, был поражен. — Прости, я не думал, что тебе это так неприятно.

Но лицо у него было злое, ничуть не виноватое.

— Прекрати! — Палома вскочила с места. Ей хотелось сказать еще что-то... Но слов не было. Она не знала таких слов. — Прекрати, — повторила она беспомощно и вдруг махнула рукой. — А, к Нергалу все это! Давай, упивайся своей слабостью, ты... жалкий калека! Давай, у тебя это так славно получается! — Теперь ей хотелось ранить его посильнее. — Будь ты проклят...

Развернувшись, она вышла из комнаты. Очень спокойно. И даже аккуратно притворила за собой дверь.

И лишь когда очутилась в безлюдном коридоре — она побежала. Сама не зная куда, не различая дороги из-за слез, туманивших глаза.

Глава девятая

М Таверна гудела, вино лилось рекой... Паломе не помнила, каким по счету было это заведение. Она не помнила даже, сколько дней продолжается это бессмысленный, угарный загул. Как только им надоедало в одном месте, они с Эрвердом и толпой незнакомцев, то разраставшейся, то съеживавшейся до пары человек, перекочевывали в новую забегаловку. В иных застревали надолго, в других оставались выпить лишь по кружке. Это не зависело от качества вина. Это вообще ни от чего не зависело. Паломе не хотелось думать.

Под утро, если рассвет не заставал их под столом, они снимали какие-то комнаты, чтобы рухнуть спать вповалку, а под вечер проснуться — и начать все заново.

Хмель уже перестал действовать на нее. Она пребывала в состоянии непреходящего отупения — и это ее вполне устраивало.

Было что-то еще... здесь ее воспоминания становились расплывчаты. Кажется, в одном из питейных домов они встретили Гарбо с приятелями и соревновались в метании ножей. Палома не помнила, кто победил.

Гарбо о чем-то просил ее, она что-то обещала... это не имело никакого значения.

На каком-то постоялом дворе, кажется, случайный собутыльник пытался домогаться ее любви... она помнила лишь потные руки с перстнями и черные глаза навывкате... По руке она полоснула кинжалом. Затем в дело вступил Эрверд со странной фразой, что, мол, перед ним не женщина, а боевой товарищ. Больше никто ее не трогал. Но фраза ей не понравилась, и они с заморийцем чуть не поссорились. Примирение отметили очередным кувшином красного пуантенского...

Затем, в какой-то момент она сделалась на редкость разговорчива и долго пыталась объяснить кому-то — кажется, Гарбо, — что Амальрик вовсе не такой уж негодяй, и рано или поздно она все же поедет в Тору, вернет ему его деньги — и заставит жениться на ней! Эта мысль внезапно показалась ей особенно привлекательной...

— Почему бы и нет, — твердила она упрямо. — мы друг друга стоим. Вполне годимся, чтобы испортить друг другу жизнь...

— Странный повод для женитьбы!

— Что ты в этом понимаешь! — возмутилась она. Глаза собеседника были совсем рядом, смотрели на нее в упор. Синие, синие глаза...

— К-конан? — Палома ухватила за столешницу, мир внезапно утратил устойчивость. — А ты что тут делаешь?!

— Пью, — невозмутимо отозвался киммериец, наливая себе еще вина. Как давно он здесь? Наемница тщетно пыталась собрать расплывающиеся воспоминания.

Нет, вряд ли очень давно. Такого медведя трудно не заметить...

— Как... как ты нас нашел?

Северянин расхохотался.

— Что искать — вот спрятаться от вас было бы труднее! Весь Коршен поставили на уши... Часто у тебя — такое?

— Хочешь сказать, я непристойно себя веду?

— Палома неожиданно пришла в воинственное настроение. — Ты это хочешь сказать, да? Позорю честное имя... Веду себя неподобающе для женщины...

Киммериец пожал широченными плечами.

— Да делай, что хочешь — мне-то что?

Почему-то это разъярило ее еще сильнее.

— Значит, тебе дела нет?! Никому нет дела... всем все равно, да?

Несколько мгновений он пристально смотрел на нее. Затем вдруг поднялся с места, нависая над ней, точно скала.

— А ну-ка пойдем...

— Эй! Эй, куда ты ее ведешь? — кто-то из собутыльников попытался воспротивиться. Другие же, включая Эрверда, были слишком пьяны, чтобы что-то замечать.

— Пойдем,— жестко повторил Конан. И, неожиданно для самой себя, Палома подчинилась.

Нетвердой походкой, цепляясь за своего спутника, она вышла во двор таверны. Ночь, влажная и прохладная, окутала ее, словно плащом. Наемнице сразу стало холодно. Она хотела было что-то сказать, потребовать, чтобы он вернул ее на место... Но не успела.

Железная рука ухватила ее за плечо, потащила куда-то — и Палома внезапно почувствовала, как ноги ее отрываются от земли.

А затем...

Тьфу, проклятье! Вода!..

Ах ты....

Ругаясь и отплевываясь, она выбралась из огромной бочки с дождевой водой, куда окунул наемницу ее мучитель.

Первым порывом было выхватить нож и наброситься на него... она даже сделала первый шаг на подкашивающихся ногах... И вдруг расхохоталась.

Представила себе, до чего нелепо, должно быть, выглядит сейчас со стороны. Мокрая до нитки, с обвисшими волосами. Под сапогами расплывалась огромная лужа...

Девушка с подозрением уставилась на своего спутника, невозмутимо ожидавшего ее дальнейших действий. Несколько мгновений сосредоточенно размышляла и неожиданно спросила:

— Скажи, мне мерещится, или я и вправду болтала о том, чтобы вернуться в Тору к Амальрику?..

Конан молча кивнул.

— Тогда... спасибо, что привел меня в чувство. Давно пора. Хочешь выпить по такому случаю?

— Нет. И тебе не советую. Хватит уже.

— Тоже мне, нянька нашлась! — Она попыталась сделать вид, что обиделась, но это получилось плохо, и, обреченно пожав плечами, ибо ясно стало, что празднику все же наступил конец, поинтересовалась: — Сколько времени я... мы...

— Шестой день.

— И что?

Он понял смысл вопроса.

— Искали тебя. От графа Лаварро приходили — приглашает погостить в замке. Еще из суда был посланец. Обвинение снято, ты свободна... Ах, да. Эввалия тоже хотела тебя видеть...

Он замолчал.

— Всё?

Одно короткое слово — но оно далось ей тяжелее всего.

Вместо ответа Конан приобнял ее за плечи.

— Пойдем, ты вся мокрая, замерзнешь. Там паланкин на заднем дворе...

Она безвольно позволила ему увести себя, посадить в носилки. Киммериец заботливо укутал ее в меховую накидку. Когда он уселся напротив, в паланкине сразу стало очень тесно. Палома посмотрела на него.

— Ты славный парень, северянин. Что ты делаешь здесь?

— Здесь? Или вообще в Коршене? Или...

— Или.

Киммериец немного подумал, прежде чем ответить. Он, похоже, вообще, привык обдумывать каждое свое слово.

— Он мне нравится,— пробурчал он наконец, и Палома сразу поняла, о ком идет речь.— Не знаю, что уж там рассказывают про его семейство, но... Гнили в нем нет, я такие вещи нутром чую. Хитрый лис, конечно. Слишком умен, себе на горе — точно как ты.— Конан заговорщически ухмыльнулся. В полутьме блеснули белые зубы. И неожиданно, совсем не в тему, закончил: — Мы все это время знали, где ты и что с тобой. Он велел присматривать. Издалека, на глаза не попадаться...

— А ты, значит, приказ нарушил.

— Ну...— Гигант повел плечами и насмешливо хмыкнул.— Я, вообще, не слишком люблю подчиняться.

Она не сводила с него взгляда. И голос ее прозвучал едва слышно:

— Спасибо тебе...

Это неожиданно смутило северянина.

— Вряд ли станешь благодарить, когда узнаешь, в чем дело.

— Что такое? — Почувствовав, как изменился, стал напряженно-серьезным его тон, Палома вмиг подобралась. Похоже, отдых закончился, и время смеха прошло. Теперь подступали, теснились у порога проблемы.

Конан помолчал, словно, как это ни странно, сомневался, не зная, с чего начать. И вдруг выпалил:

— Неладное он задумал. Что-то мы должны придумать. Я уже голову себе сломал — ничего не выходит, так что на тебя вся надежда. Ты кашу заварила, тебе и расхлебывать...

— Да говори, не тяни!

— Список.— Он почти выплюнул это слово.— Сказал, что нужно выкорчевать эту заразу с корнем — то есть, всех тех, кого этот твой немедиец на свою сторону перетянул. По твоим записям, что ты оставила...

Палома не сразу поняла, что это означает, а когда осознала — ее пробрала ледяная дрожь.

— Но... как же... ведь это все те, кого нашел Гарбо! Там человек сто, не меньше!

— Семьдесят шесть,— сухо поправил Конан.

— Семьдесят шесть... И среди них две трети — невиновных. Их что же, всех в суд потащат?!

Даже в темноте она ощутила, как напряглось его мощное тело. Ему, казалось, очень не хотелось произносить это вслух...

— Какой там суд, о чем ты!

— Но...

— Кровники,— произнес он наконец.— Завтра — он уже дал приказ. Доказательств никаких. Правды не узнать. Кто из них изменник, кто нет — как разберешься? Но если предали один раз, могут предать и еще. Так он сказал...

От чудовищности этих простых слов у Паломы перехватило дыхание.

Семьдесят шесть человек...

— А кровники — они пойдут на это?

Конан сумрачно кивнул.

— На то они и кровники. Я — нет. Я — обычный наемник, и не обязан... Так ему и сказал. Он понял. Но — надо что-то придумать...

— Но что? Что?!

Допросить каждого? Следить за ними? Да нет, все не то. Месьор прав, увы, таким путем истину не установить. Да и слишком долго. Кровники готовы начать уже завтра...

Боги! Что же делать?!

— Мы не можем этого допустить, — немеющими губами прошептала девушка. — Он не должен брать на себя... такое.

— Верно. — Голос Конана был мрачен и холоден, как эта ночь. — Ты не можешь этого допустить. Придумай что-нибудь...

— Но почему я?

— Из-за тебя все началось.

— Из-за меня?! — Палома была возмущена. — Я виновата, что раскрыла заговор Скавро?

— Нет, не в этом. — Киммерийца, похоже, раздражала ее недогадливость. — Из-за тебя он так озлился. Уж не знаю, что ты ему в последний день наговорила... Только с этого все и началось.

Наемница покачала головой.

Ее упреки. Отвратительные злые слова. Конан прав... Действительно, это ее вина. Но что теперь делать?

— Настоящий список. Найди его! — Он явно досадовал на ее тупость. — Список Скавро, где настоящие предатели. Если его найти — тогда невинные не пострадают. Понимаешь?

Ну, конечно! Это единственная возможность!

Однако... легко сказать — найди список. Как? Где?

— Твое дело. — Северянин был безжалостен. — Мозги есть — вот и поработай ими.

...Паланкин замер на месте, затем носильщики осторожно опустили его на землю. Сквозь щелку в занавесах Паломе были видны огни Дворца... Не дожидаясь, пока спутник поможет ей, она легко выскользнула наружу и зашагала к воротам. Конан молча последовал за ней.

У самого входа она обернулась.

— А ты? Ты поможешь мне?

Гигант кивнул.

— Можешь на меня рассчитывать.

— Тогда — ты сможешь упротить Месьора, чтобы он отложил свой приказ хоть на пару дней?..

Он задержался с ответом.

— На один день, — услышала она наконец. — Он согласен только на один.

Ей понадобилось время, чтобы понять. О, вино, враг здравого рассудка!

— На один... Что-о?! Так значит — ты уже говорил с ним? Ты... Вы опять все это подстроили? Чтобы меня вытащить, да? Опять заговоры? Интриги?! Да как вы смели...

Палома набросилась на него с кулаками. Киммериец легко, как пушинку, подхватил ее за талию и поднял в воздух, ожидая, пока она закончит барахтаться. Наконец, осознав всю тщетность сопротивления, она устало ведела:

— Ладно, пусть. Больше не буду. Но — ох, и припомню же я вам обоим...

...Ей нравился смех северянина, особенно, когда он хохотал вот так, громко, от души. Было в этом смехе что-то по-детски заразительное, искреннее... на него невозможно было долго сердиться.

— Видят боги,— прошептала она чуть слышно,— Конан, я бы в тебя влюбилась...

В ответ он хлопнул ее по плечу.

— Но, похоже, я опоздал. Не так ли?

Она бросила на него угрюмый взгляд. Мужчине вовсе не к лицу такая пронизательность. Тем более... Ах, до чего же это все глупо, странно, опасно, нелепо, неясно... она могла бы перечислять часами!

— Я устала,— объявила она наконец.— Пойду спать. А на рассвете — начнем.

Вместо ответа, Конан вскинул сжатый кулак. Приветствие наемников! Палома вернула ему этот жест.

Еще всего лишь луну назад она даже названия такого — Коршен — не слышала. Теперь у нее здесь было два брата. Больше, чем дома, в Бельверусе. Гораздо, гораздо больше...

* * *

Рассвет застал наемницу на ногах. В голове шумело, и в желудке ощутимо царапалась какая-то тварь,— но полная боевая разминка без малейших поблажек, даже не до седьмого, а до семьдесят седьмого пота,— помогла изгнать все воспоминания об излишествах минувших дней.

Тяжело дыша, она скинула с себя насквозь промокшую тунику, вложила меч в ножны, в который раз порадовавшись, что комната, которую ей отвели во Дворце, достаточно просторна для упражнений... впрочем, теперь это уже не имело значения.

Затем она умылась ледяной водой, наскоро перекусила сыром и свежей лепешкой и завершила завтрак кружкой свежего молока: за эти дни слуги Месьора успели изучить все пристрастия гостя.

Все. Откладывать неизбежное было некуда. Пришла пора действовать. Она должна отыскать этот проклятый список!

...Однако для стороннего наблюдателя «действия» Паломы могли бы показаться странными; более того, отнюдь не соответствующими срочности положения и краткости отведенного срока — до полуночи. Вместо того чтобы устремиться в город, встречаться с разными людьми, задавать вопросы, за кем-то следить... словом, вести поиски, как полагается... наемница занялась совсем другим.

Пробежавшись взглядом по своим записям, сделанным накануне решающего разговора с Грацианом, она какое-то время сидела неподвижно, задумчиво глядя в одну точку, а затем с горестным вздохом, как будто ей предстояло нечто крайне неприятное, улеглась на пол. Вытянувшись на спине, запрокинула голову, закрыла глаза. И — замерла. Надолго.

Очень надолго.

Когда она наконец открыла глаза, солнце уже неумолимо валилось с зенита к горизонту. Время шестого колокола, определила она на глаз.

Палома выглянула в коридор — и ничуть не удивилась, увидев на страже верного киммерийца.

— Я уж решил, ты через окошко упорхнула! — весело приветствовал ее Конан. — Нельзя же так долго спать!

С рассеянным видом, точно не вполне слыша, что ей говорят, девушка повела плечами.

— Давай-ка прогуляемся немного...

У него сделался какой-то странный взгляд.

— Что... прямо так и пойдешь?

— А что такое?.. О, боги! — Палома лишь в этот миг осознала, что совершенно обнажена. Забыла одеться после упражнений! — М-да, — хмыкнула она иронично. — Вот так и начинается распад личности!

— И куда же мы пойдем?

Она засмеялась, поняв уловку северянина: тот нарочно отвлекал девушку разговором, чтобы еще немного поглазеть на нее. Впрочем, собственная нагота мало ее смущала. С вызовом глядя киммерийцу в глаза, она приняла соблазнительную позу.

— В дом Скавро, куда же еще. Ты отыщи пока Тальера... да и Ниано заодно — спроси, не желают ли они к нам присоединиться. Эрверда тоже — если он проспался после вчерашнего. И хорошо бы предупредить Гарбо. Пусть встретит нас прямо на месте.

— Зачем такая толпа? — Конан не скрывал удивления. — Мы и вдвоем там все можем обшарить, тем более, что смысла особого нет... по второму-то разу!

— Не спорь, ради Митры! — Посерьезнев, она нахмурила брови. — Хотя из снисхождения ко мне сделай вид, будто веришь, что в моих действиях есть какой-то смысл. Поскольку я сама его не вижу... Буду подпитываться от твоей уверенности.

Судя по озадаченному лицу северянина, он не видел смысла даже в ее речах — не то что в действиях. Но, хвала Небу, все же кивнул и больше не стал ни о чем расспрашивать.

— Жди нас у ворот, — бросил он на прощание. — И... не забудь все-таки одеться!

* * *

Хвала киммерийской предусмотрительности, которой суровый Кром наградил своих сыновей! — Конан не только отыскал и привел всех тех, кого она просила (судя по встрепанному виду Эрверда, это было не так-то просто!), но и прихватил с собой пару фляг вина и головку сыра, так что расположиться в разгромленной гостиной барона Скавро они смогли с полным комфортом. Тальер даже отыскал на кухне кружки для всей компании — включая подоспевшего в последний момент Гарбо.

— Что за сходка такая? — с набитым ртом обратился тот к Паломе. — В честь чего?

Наемница отмахнулась.

— Пей — и слушай. Говорить будешь потом.

Сама она, единственная из всех, не притронулась ни к еде, ни к выпивке. Утренний ритуал сосредоточения запрещал принимать в себя грубую земную энергию, которую несла с собой пища, до тех пор, пока не будет исполнена поставленная задача.

— Значит так, — начала она подчеркнуто сухим, деловым тоном. — Мне нужна ваша помощь, друзья. Для тех, кто считает, что чаша весов в наших расчетах и без того кренится в мою сторону, говорю сразу — все долги будут погашены...

— Да что ты болтаешь, Оса! — не выдержал Эрверд. — Кто это и когда отказывался тебе помочь?

Она пожала плечами.

— Слова должны быть сказаны. Кто хотел — услышал. Больше не перебивайте меня. Я объясню, в чем дело. С начала и до конца, поскольку не все из вас знают эту историю полностью.

Теперь они напряглись и готовы были внимать. Она чувствовала нити их сосредоточения, протянувшиеся к ней.

— Мы с вами сидим в доме убитого немедийского барона. Его звали Скавро. Он бывал в Коршене наездами, на протяжении года, выполняя поручение Ордена Черного Кречета, которому служил. Этот Орден — влиятельная группировка в Немедии, объединившая воинственную знать, мечтающую о завоевательных походах и военной добыче. Их выбор пал на ваше граф-

ство... План Кречета был прост. Заручившись поддержкой ключевых фигур в Коршене, они рассчитывали напасть на город, сломить оборону и захватить его, свергнув графа Лаварро. На трон должен был взойти кто-то из нынешних наследников... кто-то, кому надоело ждать, пока граф наконец примет решение, и кто опасался, что решение это будет не в его пользу. Я не знаю, кто этот предатель. Возможно, вы поможете мне... Но об этом позже.

— Но зачем им Коршен? Город неплохо защищен и не так уж богат; в Коринфии есть куда более лакомые кусочки для хищников! — Удивленный, мозаист Ниано забыл о просьбе наемницы подождать с вопросами. Он, единственный из присутствующих, почти ничего не знал обо всей этой истории и сейчас сидел в полном недоумении, переводя взгляд с Паломы на остальных ее спутников и качая головой при виде царящего в покоях Скавро разгрома.

— Коршен сам по себе им неинтересен. Скорее, это повод... заявить о себе. В Немедии, прежде всего. Успешно проведя захват графства, они показали бы королю Нимеду, на что они способны, их влияние возросло бы стократно. Под знамена Кречета встали бы сотни юношей из благородных семей — вторые сыновья, лишённые наследства, или просто обедневшая знать, для кого завоевательная война — лучший способ поправить дела. А кроме того, исполнив задуманное, они поставили бы Бельверус перед свершившимся фактом. Из Коршена открывается прямая до-

рога на Замору. Нимеду ничего не оставалось бы, как продолжить поход на восток — распаленная знать никогда не позволила бы ему завершить войну! Да и другие коринфийские княжества — наверняка они выступили бы на помощь Коршену, опасаясь что иначе та же участь постигнет и их самих. Это тоже сыграло бы на руку Ордену Кречета!

— А что, неплохо придумано, — неожиданно подал голос Конан. Прирожденный воин, он не мог не отметить всех достоинств этого плана. — Головастые парни в твоём Бельверусе, это я давно заметил!

Усмехнувшись, Палома продолжила:

— По счастью, не все «головастые парни» у нас помешаны на войне. Есть и те, кто трезво оценивает ситуацию и понимает, что такая кампания меньше всего сейчас на пользу самой Немедии. Эти люди и наняли меня, чтобы остановить Скавро.

— Так ты все же прикончила его?! — Эрверд расхохотался.

Палома, уже смирившаяся с тем, что спокойно довести рассказ до конца ей все равно не дадут, устало махнула рукой.

— Нет. Его убил... другой человек. Коршенец — которому тоже не по душе пришлось замыслы барона. Но важно не это. Главное, что остались люди, которых немедиец сумел склонить на свою сторону. Предатели, готовые ради денег, власти или чего уж он им там наобещал, открыть ворота города завоевателям...

— Подлые твари! — возмутился Тальер. — Ты знаешь, кто они?

— Я — нет. Но Скавро знал. Он составил список изменников, чтобы отослать в Бельверус. Но был убит, прежде чем успел это сделать. В этом списке — вся грязь Коршена. Все те ублюдки, которые вчера пошли на сговор с бароном... а завтра могут переметнуться к его наследникам. Угроза над вашим графством не исчезнет, пока мы не отыщем этих людей. Мы — все вместе — сейчас!..

В комнате воцарилось напряженное молчание. Только что они готовы были галдеть, перебивая ее при каждом удобном случае — но теперь притихли, задумались.

— Почему мы, — наконец подал голос Ниано. — То есть, остальные-то, может, конечно... Но я? От меня какой прок?

Как она могла ответить ему — если не знала сама?

Только предчувствие, смутное, как дымка над водой, что ей необходимо прийти сюда, в этот дом, и привести с собой всех, кто хоть краешком был замешан в этой истории. Зачем? Что им надлежало делать здесь? Оставалось надеяться лишь на удачу.

Но вместо этого она сказала:

— Шесть пар глаз — лучше, чем одна. Пошайтесь по дому, осмотритесь. Я уверена, что список спрятан где-то здесь. И это должно быть какое-то очень простое, совершенно очевидное место — настолько на виду, что никто до сих пор

не сумел его отыскать. Попробуйте... и да придут боги вам на помощь!

...И тем семидесяти шести несчастным, которые лишатся жизни, если у нее ничего не выйдет!.. Но об этом Палома не стала говорить своим спутникам. Лишь по мрачному взгляду Конана поняла, что киммериец думает сейчас о том же самом — и отнюдь не уверен в успешном исходе предприятия. Он один знал всю историю от начала и до конца — и о ней, и о Месьоре... все, что она скрыла от остальных... но врожденная тактичность не позволяла варвару даже полусловом, полунамеком обнажить свое знание. Вот и сейчас, чтобы не давать никому повода для лишних расспросов, он поднялся, резко хлопнув ладонями по коленям.

— Ладно, чего тянуть! За работу, парни!

Несмотря на молодость варвара, в нем ощущался талант прирожденного лидера: одно слово — и все послушно потянулись за ним. Даже Гарбо встал и отставил кружку. Паломе пришлось взглядом показать ему, чтобы задержался немного. Когда остальные вышли из комнаты, вор неслышными шагами приблизился и сел на корточки рядом с наемницей.

— Зачем ты это сказала? — Тон его не предвещал ничего хорошего.

— Что именно?

— Ты знаешь. Ведь сказано было для меня — не для них!

А, вот оно что... Его задела ее слова начет чаши весов и уплаты долга!

Хорошо. Она на это и рассчитывала.

— Не стоит... — Палома ласково потрепала его по щеке. — Я ведь прекрасно понимаю, что ты помогаешь мне не за красивые глаза. Здесь ничего стесняться, Гарбо.

Неожиданно он дернулся, отбросил ее руку. Ощерился по-волчьи... того и гляди укусит.

— Ты... Да как ты смеешь так говорить со мной! Я не какой-нибудь ублюдок подзаборный, кому что честь, что благородство — пустые слова! Мой отец был правой рукой графа Паллия! Моего деда сам король Эмборий из собственных рук наградил Орденом Льва за битву при Инунде! И ты мне обещаешь расплатиться... как с дешевой шляхой?! Я — твой брат, Палома, хочешь ты того или нет. Но — видят боги — в последний раз я напоминаю тебе об этом. И если для тебя это ничего не значит...

Он сам сказал это! Назвался ее братом не тогда, когда она принудила его к этому на глазах у тюремного сброда, но по собственной воле... Если бы он знал, как много это для нее значит! Сглотнув и стараясь, чтобы голос не выдал ее, наемница промолвила:

— Ты мой брат, Гарбо. И — видят боги — больше никогда тебе не придется об этом напоминать. Потому что я никогда не забуду...

Мгновение поколебавшись, она подняла руку в жесте братания — как тогда, в подземелье, — и Гарбо коснулся ее ладони своей.

— Ты справишься, я знаю, — прошептал он, обняв ее за плечи.

Палома отстранилась со смехом.

— Теперь мне ничего другого не остается...
Ладно, ступай, помоги остальным. Мне надо немного побыть одной...

Грациозно поднявшись, коршенский вор вышел из комнаты. Вскоре его веселый голос слышался с лестницы. Кому-то он советовал простучать ступени на предмет тайников, кого-то посылал слить воду в купальне... В общем, с появлением Гарбо в доме все забурило. Оставался лишь вопрос — что это даст ей, Паломе?

...Оставшись в одиночестве, она, после трех глубоких выдохов и коротенькой молитвы сосредоточения, перешла в состояние глубинной восприимчивости — как учил ее в свое время жрец Теренций...

Шум, доносившийся снаружи, ничуть не отвлекал ее — наоборот, его нити вплетались в общую канву, добавляя необходимые стежки.

Суэта, бессмысленное хождение взад и вперед, смех и болтовня ее друзей были сейчас необходимы девушке, как воздух. Именно за этим она попросила их всех прийти сюда. Не потому что рассчитывала, что кто-нибудь и впрямь отыщет тайник... нет, дело было в ином.

Трудно объяснить. Просто порой, когда очень сильно желаешь что-нибудь отыскать, в определенный момент следует прекратить поиски. Перестать действовать в мире, который враждебен ищущему, ибо скрывает в себе вожаемую цель. В этот самый миг нужно успокоиться. И дать миру возможность самому раскрыть тебе

свои секреты. Преподнести искомое на раскрытых ладонях...

Ее друзья были необходимой частью этого мира. Собрав их здесь сегодня, Палома пыталась поторопить события. Если все элементы головоломки на месте — то скоро, очень скоро все решится.

Она поймет...

А пока ей не нужно было даже думать ни о чем. Только слушать. Смотреть. Впитывать и вникать...

...Да не стой ты столбом, отодвинь эту штуковину...

...А тут смотрел кто-нибудь...

...К Нергалу эту вазу, зачем ты ее тащишь, Эрверд...

...Нуано, взгляни на это уродство! Видишь, какие завитушки на колонне? Пусть мне еще кто-нибудь скажет, что у немедийцев есть вкус!..

...Смотрите, что я нашел! Конан, ты только взгляни на этот меч!.. Для украшения? Вот досада, я-то думал...

...Пустая твоя голова...

...Вино наверху осталось...

...Гарбо! Эй, кто-нибудь видел Гарбо?..

...Да прекратите орать, в конце концов!..

Нет, нет, не прекращайте, хотелось ей крикнуть. Все не так! Что-то... не складывается...

Нахмутив брови так, что даже лоб занял, Палома попыталась понять, что же неладно.

Интуиция не обманывала, ей необходимо было сделать то, что она сделала — и все же... чего-

то явно не хватало. Картинка зияла пустотами. Может быть, если она сама пройдет по дому...

Поднявшись с места, девушка медленно обошла весь второй этаж по кругу. Здесь ничего не изменилось с прошлого раза, только, может, разгром стал еще ужаснее. Перевернутые кресла, выпотрошенные, как коровьи туши, диваны, разбросанные безделушки, сорванные со стен гобелены с отпечатками грязных сапог, осколки ваз и посуды, порванные ковры... Медленно, не обращая внимания на своих спутников, она спустилась по лестнице. Прошла на кухню, едва не споткнувшись о россыпь глиняных мисок, затем в купальню, и наконец остановилась у входных дверей.

Какая-то неумолимая сила властно тянула ее наружу.

Кто-то — кажется, Конан, — окликнул ее, но она даже не обернулась, чтобы ответить. Просто не могла.

* * *

...Маленький дворик был пуст. Среди зеленой травы вилась посыпанная песком дорожка, серая в наступивших сумерках. Чернели кусты, точно скалы у моря.

Справа, за каменным забором, слышались голоса — золотых дел мастер Газир собирал свое семейство. Может, это он владеет той недостающей нитью, отсутствие которой Палома ощущала все острее с каждым мгновением? Но нет. Когда она смотрела в ту сторону, чувство опус-

тошенности не проходило. Разгадка крылась не там.

С усталым вздохом опустившись на ступеньки, наемница попыталась понять, где же она допустила ошибку? Интуиция вела ее все это время, точно, безошибочно. Похоже, она просто не сумела учесть все необходимое. Не справилась... А день стремительно летел к завершению.

Но почему это так тревожит ее?

Тайная служба Немедии вполне довольна тем, как завершилась история со Скавро — Ринга ясно дала ей это понять в своем письме. Даже перед Коршеном совесть наемницы чиста: едва ли Клан Кречета в ближайшее время решится повторить свою попытку. Так почему бы не успокоиться? Не оставить все как есть? Из-за этих семидесяти шести человек, которых завтра кровники Месьора хладнокровно предадут смерти? Но ведь среди них есть и предатели! А невинные... ну что ж, редкая война обходится без жертв. Если бы замыслы Скавро исполнились, пострадало бы куда больше народу! И все же...

Она не могла оставить все как есть!

Чуть заметное движение в саду привлекло ее внимание, вмиг прервав печальный ход мыслей наемницы. Она пристально вгляделась в темноту — и вдруг...

От облегчения ей захотелось плясать. Кричать во все горло, как перепившийся бродяга. Топать ногами, пока мраморная кладка ступеней не разлетится в мелкое крошево. Но вместо этого она сказала очень тихим, спокойным голосом, так

что ее мог слышать лишь человек, скрывавшийся за кустами, в нескольких шагах от крыльца.

— Добрый вечер, Меттерианор. Рада видеть тебя сегодня.

Ветви раздвинулись; карлик, весь в черном, как обычно, вышел ей навстречу и невозмутимо уселся рядом, на одну ступеньку выше, и теперь они стали почти одного роста. Все так же безмолвно, порывшись в складках короткого плаща, он извлек тугую кожаную флягу и протянул ее Паломе.

— Выпьешь?

Теперь было можно. Хвала богам, теперь было можно!

Она приникла к горлышку, с наслаждением ощущая вкус вина на языке.

— Розовое коршенское, виноградники горы Латаш... м-м... — Похожим угощал ее на балу граф Лаварро, но это было даже лучше. С сожалением она вернула похудевшую флягу владельцу. Коротышка аккуратно завернул пробку.

— Есть что праздновать? — Как обычно, он говорил коротко и сухо, почти враждебно, но Палому это больше не смущало.

— Есть. — Он и был недостающей нитью, пропавшим кусочком головоломки. Стоило ему появиться — и все стало на свои места. — Ты отдашь Месьору то, зачем пришел.

— Где оно?

— Позже.

Он понял. Кивнул, хотя лицо недовольно скривилось. Но не мог не признать, что наемница в

своим праве: в обмен на список он должен был что-то дать ей. Информацию.

— Спрашивай.

Паломе покачала головой.

— Меттерианор... Хотя бы раз — в последний раз — мы можем поговорить по-человечески?

Карлик пожал плечами.

— Зачем тебе это нужно?

Это ее рассердило.

— А ты считаешь — я не имею на это права?! Посуди сам... с самого начала, как я приехала в Коршен, мною вертели, кто как хотел, мне подстраивали ловушки, судили, обвиняли, приговаривали к смерти... Потом... Меня вынудили, как шавку, гоняться за собственным хвостом. Искать по городу убийцу, который все это время был от меня в двух шагах. Ряженой отправили на бал — позлить местную знать. А теперь... Ты по-прежнему не хочешь говорить со мной?! — Голос ее сорвался на крик.

За спиной осторожно приоткрылась дверь — и так же бесшумно закрылась. В доме стало тихо.

Молчание длилось долго.

— Ты сама не знаешь, что хочешь выведать у меня, — произнес наконец Меттерианор. — Все, что было, тебе и без того известно. А помыслы моего господина, его... чувства, — он как будто поперхнулся этим словом, — об этом я судить не могу. Так о чем же нам говорить?

И правда, о чем?

— Ладно, — с фальшивой беззаботностью объявила она, поднимаясь. — Пусть это будет мой по-

дарок.— И двинулась в дом, не оборачиваясь взглянуть, последует ли карлик за ней.

С порога она окликнула Тальера:

— Эй, Камнерез! Где тут та элида, о которой вы спорили с Ниано? Решили наконец, что она такое?

— Безвкусица и убожество,— с готовностью отозвался тот.

— Тогда... Надеюсь, ты не станешь возражать...

На глазах у изумленных друзей, Палома, пошарив глазами в поисках чего-нибудь тяжелого, отыскала лежавшую на полу бронзовую статуэтку какого-то вендийского зверька, подняла ее, взвесила в руке... и, размахнувшись, изо всех сил ударила по злополучному колчану за спиной богини.

— Ты что делаешь? — воскликнул с верхнего этажа Конан.— Гарбо, смотри, что творит эта сумашедшая!.. — и осекся.

Потому что гипсовая нашлепка, ловко приделанная к статуе, раздетелась вдребезги от удара. И узкий кожаный футляр, запечатанный воском, покатился прямо к ногам Паломы.

Не торопясь, та подняла его, вскрыла, вытряхнула свернутый в трубочку лист пергамента. Развернула. И, пробежав глазами, с поклоном вручила Меттерианору.

— Вот. Надеюсь, Грациан останется доволен.

Кто-то, кажется, Эрверд, сдавленно вскрикнул. Гарбо выругался. Конан, поспешно бросившийся вниз по ступеням, застыл на середине лестницы. Мозаист и скульптор молча воззри-

лись друг на друга, затем — на изуродованную статую.

— Здесь четырнадцать имен,— пробормотал карлик, впившись глазами в список.— И нет самого главного...

Да, это было первым, что она заметила. Осторожный Скавро не доверил пергаменту единственное имя — того, кто должен был занять трон после вторжения. Но ее это уже не касалось. Пусть Месьор сам ломает голову!

Она приняла решение. Окончательное. Как говорил в свое время северянин, нет ничего, с чем не справился бы добрый клинок... Дорога станет ее клинком — и отсечет все нити!

Палома обернулась к киммерийцу:

— Конан, верно ли я понимаю, что ты больше не страж мне? Я исполнила все, что обещала, не так ли?..

— Ты... хочешь уехать? — В тоне Гарбо звучала обида. Но она не хотела об этом думать. Довольно с нее Коршена, в конце концов! Она им всем больше ничем не обязана!

Верно сказал Меттерианор — говорить больше не о чем. И не с кем. Она больше *никого* не желала видеть.

— Да, хочу! — наемница дерзко встряхнула белоснежными волосами.— Кто-то посмеет удирать меня?

Не только Гарбо казался оскорбленным ее поспешностью. Ниано и Тальер, Конан и Эрверд, все они взирали на нее с недоумением... и лишь некоторые — с сочувствием. Но сочувствие это

лишь еще больше раздражило ее. Она уже намеревалась бросить какую-то дерзость — но тихий голос Меттерианора пресек этот смехотворный порыв.

— Ты свободна, женщина. Месьор велел, чтобы лошади ждали тебя на конюшне. Ты вольна покинуть город, когда пожелаешь.

— Ему так не терпится от меня избавиться, что он заранее позаботился об этом?! — Она давала себе зарок не произносить этих слов... но, разумеется, они первыми сорвались с языка. — Наш вездесущий, всеведущий Грациан — лучше всех знает, что я делаю и чего хочу! Теперь, когда я сделала все, что ему нужно... я больше не нужна, да?

— Понимай как хочешь, — буркнул карлик презрительно. Пряча пергамент под плащ, он повернулся к двери — но тут киммериец, тремя гигантскими шагами настиг его и с яростью потрянул за плечо:

— Скажи ей, недомерок. Скажи ей!

Тот, похоже, собирался возразить — но, наткнувшись на гневный взгляд синих глаз северянина, поперхнулся словами.

— Скажи ей.

Меттерианор дернулся.

— Ладно. Пусти меня... медведь! — Он поморщился, потирая ноющую руку. И нехотя обернулся к Паломе. — Месьор велел передать... Если ты пожелаешь, Конан может сопровождать тебя в Немедию. Он проследит, чтобы ты добралась благополучно и... — слова давались ему все с

большим трудом, — ...вернулась, если на то будет твоя воля. Вот. — Он с вызовом обернулся к киммерийцу. — Сказал! Теперь ты доволен? Только помани мое слово — пожалеешь еще об этом! Все мы об этом пожалеем...

И, резко чеканя шаг, вышел, с силой захлопнув за собой дверь.

В наступившей тишине смех Гарбо прозвучал натянуто — но и это помогло разрядить обстановку.

— Так ты вернешься, сестричка?

Палома опустила голову. Больше всего на свете ей сейчас хотелось бы ответить нет — но она не привыкла лгать без нужды.

— Тусцелла был в списке Скавро, — бросила она коринфийцу. — Передай Месьору, чтобы не трогал его до моего приезда. Я ведь тебе обещала, помнишь?..

Тот помолчал, оценивая смысл сказанного.

— Но тогда — зачем уезжать? — вмешался Эрверд.

Простая душа — как он мог понять?!

— Предатель внутри Семьи... — Неожиданно Конан пришел наемнице на помощь. — Наверняка, Скавро сообщил его имя своим друзьям в Бельверусе. Мы вытрясем из этих ублюдков все, что им известно! И тогда...

— О, — хихикнул Тальер, — тогда здесь начнет веселье! Видишь, Ниано, — обернулся он к приятелю, — а ты говорил, у нас в городе скука смертная, хотел отправиться в Офир!.. Поди, останешься теперь?!

Киммериец взял Палому за плечо.

— Не передумала?

Та покачала головой.

— На рассвете тронемся в путь. Как только откроют ворота.

— Тогда,— торжественно провозгласил Гарбо,— нам нужно как следует попрощаться! Здесь неподалеку я знаю отличное местечко...

Они вывалились на улицу шумной, гомонящей толпой.

На главной башне Коршена колокол пробил полночь.

*На сем завершается первая повесть
цикла «Наемники Короны».*

СОДЕРЖАНИЕ

Питер Нейл
СЛЕД ИСПОЛИНА

7

Норман Хьюз, Натали О'Найт
СЕРДЦЕ ВРАГА

269

Литературно-художественное издание

Нейл Питер
О'Найт Натали
Хьюз Норман

Конан и след исполина

Руководитель проекта Д. Ивахнов
Составитель Н. Баулина
Художественный редактор И. Богданов
Верстка: И. Федорова
Технический редактор В. Успенский
Корректор С. Митина

Подписано в печать с готовых диапозитивов 18.09.2000.
Формат 84×108¹/₃₂. Гарнитура «Палатино». Печать офсетная.
Бумага типографская. Усл. печ. л. 25,20. Тираж 10 000 экз. Заказ 195.

Налоговая льгота — общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры.

Гигиеническое заключение
№ 77.99.14.953.П.12850.7.00 от 14.07.2000 г.

ООО «Издательство АСТ». Лицензия ИД № 02694 от 30.08.2000 г.
674460, Читинская область, Агинский район,
п. Агинское, ул. Базара Ринчино, д. 84.

Наши электронные адреса:
WWW.AST.RU. E-mail: astpub@aha.ru.

Издательство «Северо-Запад Пресс». Лицензия ИД № 00450 от 15.11.1999.
Санкт-Петербург, ул. Казначейская, д. 4/16, лит. А.

Для писем:
197022, Санкт-Петербург, а/я 125.
sz-press@peterlink.ru.

При участии ООО «Харвест». Лицензия ЛВ № 32 от 27.08.97.
220013, Минск, ул. Я. Коласа, 35—305.

Налоговая льгота — Общегосударственный классификатор
Республики Беларусь ОКРБ 007-98, ч. 1; 22.11.20.300.

Республиканское унитарное предприятие
«Издательство «Белорусский Дом печати».
220013, Минск, пр. Ф. Скорины, 79.

ФЭН-КЛАБ «КОНАН» В ИНТЕРНЕТЕ!

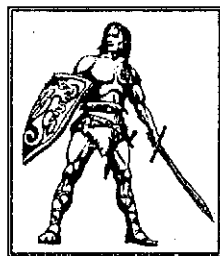
Новинки серии
Анонсы будущих книг
Библиография «Саги о Конане»
Неизвестное об авторах
Путеводитель по Хайбории
Коллекция линков
Гостевая книга

<http://barbarian.agava.ru>

КНИГИ
ИЗДАТЕЛЬСТВА

«СЕВЕРО-ЗАПАД ПРЕСС»

**ВЫ МОЖЕТЕ ПРИОБРЕСТИ В ФИРМЕ
«АСТ»**

По вопросам покупки книг
обращаться по адресу:

г. Москва, Звездный бульвар, 21, 7-й этаж.

Тел.(095) 215-4338; (095) 215-0101; (095) 215-5513

Или заказать по адресу:
107140, г. Москва, а/я 140

САГА О КОНАНЕ

КОНАН И КОЛЬЦО ВЛАСТИ 43	КОНАН И ЗОВ ДРЕВНИХ 44	КОНАН И ПРОРОК ТЬМЫ 45	КОНАН И ГНЕВ СЕТА 46	КОНАН И ХРАМ НОЧИ 47	КОНАН И КОРОЛЬ ВОРОВ 48	КОНАН И ПОДЗЕМНЫЙ ОГОНЬ 49
КОНАН И МЯТЕЖ ЧЕТЫРЕХ 50	КОНАН И КЛЕЙМО ЗМЕЯ 51	КОНАН И ХОВЯИН ОКЕАНА 52	КОНАН И КОРОНА МЯМ 53	КОНАН И ПОСЛАНИЕ СВЕТА 54	КОНАН И СПЯЩЕЕ ЗЛО 55	КОНАН И ЗВЕЗДА ШАДИЗАРА 56
КОНАН И СКАЛЕП ХАОСА 57	КОНАН И ЖРЕЦ ТАРИМА 58	КОНАН И СВЯТИЛИЩЕ ПИКТОВ 59	КОНАН И ГИМНАЛЬ МУНИИ 60	КОНАН И ТИГРЫ ХАЙБОРИИ 61	КОНАН И ВСАДНИКИ БУРИ 62	КОНАН И СЛЕД ИСТОЛИНА 63

ISBN 5-17-003324-9

9 785170 033249